

Александр Дюма

Графиня де Монсоро

Оглавление

Том II

ЧАСТЬ II

Глава 1.

УЛИЦА ФЕРОНРИ

Глава 2.

ПРИНЦ И ДРУГ

Глава 3.

ЭТИМОЛОГИЯ УЛИЦЫ ЖЮСЬЕН

Глава 4.

О ТОМ, КАК Д'ЭПЕРНОНУ РАЗОРВАЛИ КАМЗОЛ, И О ТОМ, КАК ШОМБЕРГА ПОКРАСИЛИ В СИНИЙ ЦВЕТ

Глава 5.

ШИКО ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕМ ФРАНЦИИ

Глава 6.

О ТОМ, КАК ШИКО НАНЕС ВИЗИТ БЮССИ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВОСПОСЛЕДОВАЛО

Глава 7.

ШАХМАТЫ ШИКО, БИЛЬБОКЕ КЕЛЮСА И САРБАКАН ШОМБЕРГА

Глава 8.

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ НАЗНАЧИЛ ГЛАВУ ЛИГИ И КАК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ЭТО НЕ БЫЛ НИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ГЕРЦОГ АНЖУЙСКИЙ, НИ МОНСЕНЬЕР ГЕРЦОГ ДЕ ГИЗ

Глава 9.

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ НАЗНАЧИЛ ГЛАВУ ЛИГИ, КОТОРЫЙ НЕ ОКАЗАЛСЯ НИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВОМ ГЕРЦОГОМ АНЖУЙСКИМ, НИ МОНСЕНЬЕРОМ ГЕРЦОГОМ ДЕ ГИЗОМ

Глава 10.

ЭТЕОКЛ И ПОЛИНИК

Глава 11.

О ТОМ, КАК НЕ ВСЕГДА ТЕРЯЕШЬ ДАРОМ ВРЕМЯ, КОПАЯСЬ В ПУСТЫХ ШКАФАХ

Глава 12.

СВЯТАЯ ПЯТНИЦА!

Глава 13.

ПОДРУГИ

Глава 14.

ВЛЮБЛЕННЫЕ

Глава 15.

О ТОМ, КАК БЮССИ ПРЕДЛАГАЛИ СТО ПИСТОЛЕЙ ЗА ЕГО КОНЯ, А ОН ОТДАЛ ЕГО ДАРОМ

Глава 16.

ДИПЛОМАТИЯ ГЕРЦОГА АНЖУЙСКОГО

Глава 17.

ДИПЛОМАТИЯ ГОСПОДИНА ДЕ СЕН-ЛЮКА

Глава 18.

ДИПЛОМАТИЯ ГОСПОДИНА ДЕ БЮССИ

Глава 19.

ВЫВОДОК АНЖУЙЦЕВ

Глава 20.

РОЛАНД

Глава 21.

ЧТО ДОЛЖЕН БЫЛ СООБЩИТЬ ПРИНЦУ ГРАФ ДЕ МОНСОР

Глава 22.

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ГЕНРИХ III УЗНАЛ О БЕГСТВЕ СВОЕГО ВОЗЛЮБЛЕННОГО БРАТА ГЕРЦОГА АНЖУЙСКОГО И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВОСПОСЛЕДОВАЛО

Глава 23.

О ТОМ, КАК, ОБНАРУЖИВ, ЧТО ШИКО ОДНОГО МНЕНИЯ С КОРОЛЕВОЙ-МАТЕРЬЮ, КОРОЛЬ ПРИСОЕДИНИЛСЯ К МНЕНИЮ КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ И ШИКО

Глава 24.

ГДЕ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО БЛАГОДАРНОСТЬ БЫЛА ОДНОЙ ИЗ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ ГОСПОДИНА ДЕ СЕН-ЛЮКА

Глава 25.

ПЛАН ГОСПОДИНА ДЕ СЕН-ЛЮКА

Глава 26.

О ТОМ, КАК ГОСПОДИН ДЕ СЕН-ЛЮК ПОКАЗАЛ ГОСПОДИНУ ДЕ МОНСОР УДАР, КОТОРОМУ ЕГО НАУЧИЛ КОРОЛЬ

Глава 27.

ГДЕ МЫ ПРИСУТСТВУЕМ ПРИ ДАЛЕКО НЕ ТОРЖЕСТВЕННОМ ВЪЕЗДЕ КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ В ДОБРЫЙ ГОРОД АНЖЕР

Глава 28.

МАЛЫЕ ПРИЧИНЫ И БОЛЬШИЕ СЛЕДСТВИЯ

Глава 29.

О ТОМ, КАК ГРАФ МОНСОР ОТКРЫЛ, ЗАКРЫЛ И СНОВА ОТКРЫЛ ГЛАЗА, И КАК ЭТО ЯВИЛОСЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ ТОГО, ЧТО ОН ЕЩЕ НЕ ОКОНЧАТЕЛЬНО МЕРТВ

Глава 30.

О ТОМ, КАК ГЕРЦОГ АНЖУЙСКИЙ ОТПРАВИЛСЯ В МЕРИДОРСКИЙ ЗАМОК, ДАБЫ ВЫРАЗИТЬ ГРАФИНЕ ДЕ МОНСОР СВОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ЕЕ СУПРУГА, И О ТОМ, КАК ЭТОТ ПОСЛЕДНИЙ ВЫШЕЛ ЕМУ НАВСТРЕЧУ

Глава 31.

О НЕУДОБСТВЕ ЧРЕЗМЕРНО ШИРОКИХ НОСИЛОК И ЧРЕЗМЕРНО УЗКИХ ДВЕРЕЙ

Глава 32.

О ТОМ, В КАКОМ РАСПОЛОЖЕНИИ ДУХА НАХОДИЛСЯ КОРОЛЬ ГЕНРИХ III, КОГДА ГОСПОДИН ДЕ СЕН-ЛЮК ПОЯВИЛСЯ ПРИ ДВОРЕ

Глава 33.

ГДЕ РЕЧЬ ИДЕТ О ДВУХ ВАЖНЫХ ГЕРОЯХ ЭТОЙ ИСТОРИИ, КОТОРЫХ ЧИТАТЕЛЬ С НЕКОТОРЫХ ПОР ПОТЕРЯЛ ИЗ ВИДУ

Глава 34.

О ТОМ, КАК ТРИ ГЛАВНЫХ ГЕРОЯ ЭТОЙ ИСТОРИИ СОВЕРШИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МЕРИДОРА В ПАРИЖ

Глава 35.

О ТОМ, КАК ПОСОЛ ГЕРЦОГА АНЖУЙСКОГО ПРИБЫЛ В ПАРИЖ, И О ПРИЕМЕ, КОТОРЫЙ ЕМУ ТАМ ОКАЗАЛИ

Глава 36.

КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ВСЕГО ЛИШЬ ПРОДОЛЖЕНИЕМ ПРЕДЫДУЩЕЙ, СОКРАЩЕННОЙ АВТОРОМ ПО СЛУЧАЮ НОВОГОДНИХ ПРАЗДНИКОВ

Глава 37.

О ТОМ, КАК СЕН-ЛЮК ВЫПОЛНИЛ ПОРУЧЕНИЕ, КОТОРОЕ ДАЛ ЕМУ БЮССИ

Глава 38.

О ТОМ, В КАКОЙ ОБЛАСТИ ГОСПОДИН ДЕ СЕН-ЛЮК БЫЛ ПРОСВЕЩЕННЕЕ ГОСПОДИНА ДЕ БЮССИ, КАКИЕ УРОКИ ОН ЕМУ ПРЕПОДАЛ И КАК ИСПОЛЬЗОВАЛ ЭТИ УРОКИ ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ ПРЕКРАСНОЙ ДИАНЫ

Глава 39.

ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ГОСПОДИНА ДЕ МОНСОРО

Глава 40.

ВИЗИТ В ДОМИК ВОЗЛЕ ТУРНЕЛЬСКОГО ЗАМКА

Глава 41.

СОГЛЯДАТАИ

Глава 42.

О ТОМ, КАК ГЕРЦОГ АНЖУЙСКИЙ ПОСТАВИЛ СВОЮ ПОДПИСЬ, И О ТОМ, ЧТО ОН СКАЗАЛ ПОСЛЕ ЭТОГО

Глава 43.

ПРОГУЛКА К БАСТИЛИИ

Глава 44.

В КОТОРОЙ ШИКО ЗАСЫПАЕТ

Глава 45.

В КОТОРОЙ ШИКО ПРОСЫПАЕТСЯ

Глава 46.

ПРАЗДНИК СВЯТЫХ ДАРОВ

Глава 47.

КОТОРАЯ ДОБАВИТ ЯСНОСТИ ГЛАВЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ

Глава 48.

ШЕСТВИЕ

Глава 49.

ШИКО ПЕРВЫЙ

Глава 50.

ПРОЦЕНТЫ И КАПИТАЛ

Глава 51.

О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО ВБЛИЗИ БАСТИЛИИ В ТО ВРЕМЯ, КАК ШИКО ПЛАТИЛ СВОИ ДОЛГИ В АББАТСТВЕ СВЯТОЙ ЖЕНЕВЬЕВЫ

Глава 52.

УБИЙСТВО

Глава 53.

О ТОМ, КАК ВРАТ ГОРАНФЛО ОКАЗАЛСЯ БОЛЕЕ ЧЕМ КОГДА-ЛИБО МЕЖДУ ВИСЕЛИЦЕЙ И АББАТСТВОМ

Глава 54.

В КОТОРОЙ ШИКО ДОГАДЫВАЕТСЯ, ПОЧЕМУ У Д'ЭПЕРПОПА НА САПОГАХ БЫЛА КРОВЬ, А В ЛИЦЕ НЕ БЫЛО НИ КРОВИНКИ

Глава 55.

УТРО БИТВЫ

Глава 56.

ДРУЗЬЯ БЮССИ

Глава 57.
ПОЕДИНОК
Глава 58.
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Том II

ЧАСТЬ II

Глава 1. УЛИЦА ФЕРОНРИ

У Шико были крепкие ноги, и он, конечно, не преминул бы воспользоваться этим преимуществом и догнать человека, ударившего Горанфло дубинкой, если бы поведение незнакомца и особенно его спутника не показалось шуту подозрительным и не навело его на мысль, что встреча с этими людьми таит опасность, ибо он может неожиданно узнать их, чего они, по всей видимости, отнюдь не желают. Оба беглеца явно старались поскорее затеряться в толпе, но на каждом углу оборачивались назад, дабы удостовериться в том, что их не преследуют.

Шико подумал, что он может остаться незамеченным, только если пойдет впереди. Незнакомцы по улицам Монэ и Тирешап вышли на улицу Сент-Оноре; на углу этой последней Шико прибавил ходу, обогнал их и притаился в конце улицы Бурдонэ.

Дальше незнакомцы двинулись по улице Сент-Оноре, держась домов, расположенных на той стороне, где хлебный рынок; шляпы их были надвинуты на лоб по самые брови, лица – прикрыты плащами до глаз; быстрым, по-военному четким шагом они направлялись к улице Феронри. Шико продолжал идти впереди.

На углу улицы Феронри двое мужчин снова остановились, чтобы еще раз оглядеться.

К этому времени Шико успел опередить их настолько, что был уже в средней части улицы.

Здесь, перед домом, который, казалось, вот-вот развалится от ветхости, стояла карета, запряженная двумя дюжими лошадьми. Шико приблизился и увидел возницу, дремавшего на козлах, и женщину, с беспокойством, как показалось гасконцу, выглядывавшую из-за занавесок. Его осенила догадка, что карета ожидает тех двух мужчин. Он обошел ее и, под прикрытием двойной тени – от карсты и от дома, нырнул под широкую каменную скамью, служившую прилавком для торговцев зеленью, которые в те времена дважды в неделю продавали свой товар на улице Феронри.

Не успел Шико забиться под скамью, как те двое были уже возле лошадей и снова остановились, настороженно оглядываясь.

Один из них принялся расталкивать возницу, и так как тот продолжал спать крепким сном праведника, отпустил в его адрес весьма выразительное гасконское проклятие. Между тем его спутник, еще более нетерпеливый, кольнул кучера в зад острием своего кинжала.

– Эге, – сказал Шико, – значит, я не ошибся: это мои земляки. Нет ничего удивительного, что они так славно отлупили Горанфло, ведь он ругал гасконцев.

Молодая женщина, признав в мужчинах тех, кого она ждала, поспешно высунулась из-за занавесок тяжелого экипажа. Тут Шико смог разглядеть ее получше. Лет ей можно было дать около двадцати или двадцати двух. Она была очень хороша собой и чрезвычайно бледна, и, будь то днем, по легкой испарине, увлажнявшей на висках ее золотистые волосы, по обведенным синевой глазам, по матовой бледности рук, по томности ее позы нетрудно было бы заметить, что она находится во власти недомогания, истинную природу которого очень скоро выдали бы ее частые обмороки и округлившийся стан.

Но Шико из всего этого увидел только, что она молода, бледна и светловолоса.

Мужчины подошли к карете и, естественно, оказались между нею и скамьей, под которой скорчился в три погибели Шико.

Тот, что был выше ростом, взял в свои ладони белоснежную ручку, протянутую ему дамой, поставил одну ногу на подножку, положил локти на край дверцы и спросил:

– Ну как, моя милочка, сердечко мое, прелесть моя, как мы себя чувствуем?

Дама в ответ с печальной улыбкой покачала головой и показала ему свой флакон с

солями.

– Опять обмороки, святая пятница! Как бы я сердился на вас, моя любимая, за то, что вы так расхворались, если бы сам не был виновником вашей приятной болезни.

– И какого дьявола притащили вы госпожу в Париж? – довольно грубо спросил второй мужчина. – Что за проклятие, клянусь честью! Вечно к вашему камзолу какая-нибудь юбка пристегнута.

– Э, дорогой Агриппа, – сказал тот, что заговорил первым и казался мужем или возлюбленным дамы, – ведь так тяжело разлучаться с теми, кого любишь.

И он обменялся с предметом своей любви взглядом, исполненным страстного томления.

– С ума можно сойти, слушая ваши речи, клянусь спасением души! – возмутился его спутник. – Значит, вы приехали в Париж заниматься любовью, мой милый юбочник? По мне, так и в Беарне вполне достаточно места для ваших любовных прогулок и не было нужды забираться в этот Вавилон, где сегодня вечером мы, по вашей милости, уже раз двадцать чуть-чуть не попали в беду. Возвращайтесь в Беарн, коли вам хочется амурничать возле каретных занавесочек, но здесь – клянусь смертью Христовой! – никаких интриг, кроме политических, мой господин.

При слове «господин» Шико возымел желание приподнять голову и поглядеть, но он не мог сделать этого без риска быть обнаруженным.

– Пусть себе ворчит, моя милочка, не обращайтесь внимания. Стоит ему прекратить свою воркотню, и он наверняка заболеет, у него начнутся, как у вас, испарины и обмороки.

– Но, святая пятница, как вы любите поговорить, – воскликнул ворчун, – уж если вам охота любезничать с госпожой, садитесь, по крайней мере, в карету, там безопаснее, на улице вас узнать могут.

– Ты прав, Агриппа, – сказал влюбленный гасконец. – Вы видите, милочка, советы у него совсем не такие скверные, как его физиономия. Дайте-ка мне местечко, прелесть моя, если вы не против, чтобы я сел возле вас, раз уж я не могу встать на колени перед вами.

– Я не только не против, государь, – ответила молодая дама, – я этого жажду всей душой.

– Государь! – прошептал Шико, невольно приподняв голову, которая крепко стукнулась о камень скамьи. – Государь! Что это она говорит?.

Между тем счастливый любовник воспользовался полученным разрешением, и пол кареты заскрипел под дополнительным грузом.

Вслед за скрипом раздался звук продолжительного и нежного поцелуя.

– Клянусь смертью Христовой! – воскликнул мужчина, оставшийся на улице. – Человек и в самом деле всего лишь глупое животное.

– Пусть меня повесят, если я хоть что-нибудь в этом понимаю, – пробормотал Шико. – Но подождем. Терпение и труд все перетрут.

– О! Как я счастлив! – продолжал тот, кого называли государем, ничуть не обеспокоенный брюзжанием своего друга, брюзжанием, к которому он, по всей видимости, давно уже привык. – Святая пятница! Сегодня прекрасный день: одни добрые парижане ненавидят меня всей душой и убили бы без малейшей жалости, другие добрые парижане делают все возможное, чтобы расчистить мне дорогу к трону, а я держу в своих объятиях милую женщину! Где мы сейчас находимся, д'Обинье? Я прикажу, когда стану королем, воздвигнуть на этом месте памятник во славу доброго гения Беарнца.

– Беа...

Шико не договорил – он набил себе вторую шишку по соседству с первой.

– Мы на улице Феронри, государь, и она тут не очень-то приятно пахнет, – ответил д'Обинье, который вечно был в дурном настроении и, когда уставал сердиться на людей, сердился на все, что придется.

– Мне кажется, – продолжал Генрих, ибо наши читатели уже, без сомнения, узнали короля Наваррского, – мне кажется, что я вижу, вижу ясно всю свою будущую жизнь: я

король, я сижу на троне, сильный и могущественный, хотя, возможно, и менее любимый, чем сейчас. Мой взгляд проникает в это будущее вплоть до моего смертного часа. О моя дорогая, повторяйте мне еще и еще, что вы меня любите, ведь при звуке вашего голоса сердце мое тает!

И в приступе грусти, которая его иной раз охватывала, Беарнец с глубоким вздохом опустил голову на плечо своей возлюбленной.

– Боже мой! – испуганно воскликнула молодая женщина. – Вам дурно, государь?

– Вот-вот! Только этого не доставало, – возмутился д'Обинье, – нечего сказать, хорош солдат, хорош полководец и король, который падает в обморок!

– Нет, нет, успокойтесь, моя милочка, – сказал Генрих, – упасть в обморок возле вас было бы счастьем для меня.

– Просто не понимаю, государь, – заметил д'Обинье, – почему это вы подписываетесь «Генрих Наваррский»? Вам следовало бы подписываться «Ронсар» или «Клеман Маро». Тело Христово! И как это вы ухитряетесь не ладить с госпожой Марго, ведь вы оба души не чаете в поэзии!

– Ах, д'Обинье, сделай милость, не говори мне о моей жене. Святая пятница! Ты же знаешь поговорку... Что, если мы вдруг встретимся здесь с Марго?

– Несмотря на то, что она сейчас в Наварре, верно?

– Святая пятница! А я, разве я сейчас не в Наварре? Во всяком случае, разве не считается, что я там? Послушай, Агриппа, ты меня прямо в дрожь вогнал. Садись, и поехали.

– Ну нет уж, – сказал д'Обинье, – езжайте, а я пойду за вами. Я вас буду стеснять, и, что того хуже, вы будете стеснять меня.

– Тогда закрой дверцу, ты, беарнский медведь, и поступай, как тебе заблагорассудится, – ответил Генрих.

– Лаварен, туда, куда ты знаешь! – обратился он затем к вознице.

Карета медленно тронулась в путь, а за ней зашагал д'Обинье, который порицал друга, но считал необходимым оберегать короля.

Отъезд Генриха Наваррского избавил Шико от ужасных опасений: не такой человек был д'Обинье, чтобы оставить в живых неосторожного, подслушавшего его откровенный разговор с Генрихом.

– Следует ли Валуа знать о том, что здесь произошло? – сказал Шико, вылезая на четвереньках из-под скамьи. – Вот в чем вопрос.

Шико потянулся, чтобы вернуть гибкость своим длинным ногам, сведенным судорогой.

– А зачем ему знать? – продолжал гасконец, рассуждая сам с собой. – Двое мужчин, которые прячутся, и беременная женщина! Нет, поистине это было бы подлостью! Я ничего не скажу. К тому же, как я полагаю, оно не так уж и важно, поскольку в конечном-то счете правлю королевством я.

И Шико, в полном одиночестве, весело подпрыгнул.

– Влюбленные – это очень мило, – продолжал он, – по д'Обинье прав: наш дорогой Генрих Наваррский влюбляется слишком часто для короля *in partibus*¹. Всего год тому назад он приезжал в Париж из-за госпожи де Сов. А нынче берет с собой очаровательную крошку, предрасположенную к обморокам. Кто бы это мог быть, черт возьми? По всей вероятности – Ла Фосsez. И потом, мне кажется, что если Генрих Наваррский серьезный претендент на престол, если он, бедняга, действительно стремится к трону, то ему не мешает малость призадуматься над тем, как уничтожить своего врага, Меченого, своего врага, кардинала де Гиза, и своего врага, милейшего герцога Майеннского. Мне-то он по душе, Беарнец, и я уверен, что, рано или поздно, он доставит неприятности этому богомерзкому живодеу из Лотарингии. Решено, я ни словечком не обмолвлюсь о том, что видел и слышал.

Тут в улицу ввалилась толпа пьяных логистов с криками:

¹ Стран, найденных язычниками (лат.).

– Да здравствует месса! Смерть Беарнцу! На костер гугенотов! В огонь еретиков!

К этому времени карета уже свернула за угол стены кладбища Невинноубиенных и скрылась в глубине улицы Сен-Дени.

– Итак, – сказал Шико, – припомним, что было: я видел кардинала де Гиза, видел герцога Майеннского, видел короля Генриха Валуа, видел короля Генриха Наваррского. В моей коллекции не хватает только принца; это – герцог Анжуйский. Так отправимся же на поиски и будем искать его, пока не обнаружим. А на самом деле, где мой Франциск Третий, клянусь святым чревом? Я жажду лицезреть его, этого достойного монарха.

И Шико направился в сторону церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа.

Не только Шико был занят поисками герцога Анжуйского и обеспокоен его отсутствием, Гизы также искали принца, и тоже безуспешно. Монсеньер герцог Анжуйский не был человеком, склонным к безрассудному риску, и позже мы увидим, какие опасения все еще удерживали его вдали от друзей.

На мгновение Шико показалось, что он нашел принца. Это случилось на улице Бетизи. У дверей винной лавки собралась большая толпа, и в пей Шико увидел господина Монсоро и Меченого.

– Добро! – сказал он. – Вот прилипали. Акула должна быть где-нибудь поблизости.

Шико ошибался. Господин де Монсоро и Меченый были заняты тем, что у дверей переполненного пьяницами кабака усердно потчевали вином некоего оратора, подогревая таким способом его косноязычное красноречие.

Оратором этим был мертвецки пьяный Горанфло. Монах повествовал о своем путешествии в Лион и о поединке в гостинице с одним из мерзопакостных приспешников Кальвина.

Господин де Гиз слушал этот рассказ с самым неослабным вниманием, улавливая в нем какую-то связь с молчанием Николя Давида.

Улица Бетизи была забита народом. К круглой коновязи, в ту эпоху весьма обычной для большинства улиц, были привязаны кони многих дворян-лигистов. Шико остановился возле толпы, окружившей коновязь, и наострил уши.

Горанфло, разгоряченный, разбушевавшийся, без конца сползавший с седла то в одну, то в другую сторону, уже раз грохнувшийся на землю со своей живой кафедры и снова, с грехом пополам, водворенный на спину Панурга, лепетал что-то несвязное, но, к несчастью, все же еще лепетал и поэтому оставался жертвой настойчивых домогательств герцога и коварных вопросов господина де Монсоро, которые вытягивали из него обрывки признаний и ключья фраз.

Эта исповедь встревожила Шико совсем на иной лад, чем присутствие в Париже короля Наваррского. Он чувствовал, что приближается момент, когда Горанфло произнесет его имя, которое может озарить мрачным светом всю тайну. Гасконец не стал терять времени. Он где отвязал, а где и перерезал поводья лошадей, ластившихся друг к другу у коновязи, и, отвесив парочку крепких ударов ремнем, погнал их в самую гущу толпы, которая при виде скачущих с отчаянным ржанием животных раздалась и бросилась врассыпную.

Горанфло испугался за Панурга, дворяне – за своих коней и поклажу, а многие испугались и сами за себя.

Народ рассеялся. Кто-то крикнул: «Пожар!», крик был подхвачен еще десятком голосов. Шико, как стрела, пронесся между людьми, подскочил к Горанфло и, глядя на него горящими глазами, при виде которых монах сразу протрезвел, схватил Панурга под уздцы и, вместо того чтобы последовать за бегущей толпой, бросился в противоположную сторону. Очень скоро между Горанфло и герцогом де Гизом образовалось весьма значительное пространство, которое в то же мгновение заполнил все прибывающий поток запоздалых зевак.

Тогда Шико увлек шатающегося на своем осле монаха в углубление, образованное абсидой церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа, и прислонил его и Панурга к стене, как поступил бы скульптор с барельефом, который он собирается вделать в стену.

– А, пропойца! – сказал Шико. – А, язычник! А, изменник! А, вероотступник! Так,

значит, ты по-прежнему готов продать друга за кувшин вина?

– Ах, господин Шико! – пролепетал монах.

– Как! Я тебя кормлю, негодяй, – продолжал Шико, – я тебя пою, я набиваю твои карманы и твоё брюхо, а ты предаёшь своего господина!

– Ах! Шико! – сказал растроганный монах.

– Ты выбалтываешь мои секреты, несчастный!

– Любезный друг!

– Замолчи! Ты доносчик и заслужил наказание. Коренастый, сильный, толстый монах, могучий, как бык, но укрощенный раскаянием и особенно вином, не пытался защищаться и, словно большой надутый воздухом шар, качался в руках Шико, который тряс его.

Один Панург восстал против насилия, учиняемого над его другом, и все пытался брыкнуть Шико, но удары его копыт не попадали в цель, а Шико отвечал на них ударами палки.

– Это я-то заслужил наказание? – бормотал монах. – Я, ваш друг, любезный господин Шико?

– Да, да, заслужил, – отвечал Шико, – и ты его получишь.

Тут палка гасконца перешла с ослиного крупа на широкие, мясистые плечи монаха.

– О! Будь я только не выпивши, – воскликнул Горанфло в порыве гнева.

– Ты бы меня отколотил, не так ли, неблагодарная скотина? Меня, своего друга?

– Вы мой друг, господин Шико! И вы меня бьете!

– Кого люблю, того и бью.

– Тогда убейте меня, и дело с концом! – воскликнул Горанфло.

– А стоило бы.

– О! Будь я только не выпивши, – повторил Горанфло с громким стоном.

– Ты это уже говорил.

И Шико удвоил доказательства своей любви к бедному монаху, который жалостно заблеял.

– Ну вот, – сказал гасконец, – то он волк, а то овечкой прикидывается. А ну, влезай-ка на Панурга и отправляйся бай-бай в «Рог изобилия».

– Я не вижу дороги, – сказал монах, из глаз его градом катились слезы.

– А! – сказал Шико. – Коли бы ты ещё вином плакал, которое выпил! По крайней мере, хоть протрезвел бы, может быть! Но нет, оказывается, мне ещё и поводирём твоим нужно сделаться.

И Шико повел осла под уздцы, в то время как монах, вцепившись обеими руками в луку седла, прилагал все усилия к тому, чтобы сохранить равновесие.

Так прошествовали они по мосту Менье, улице Сен-Бартелеми, мосту Пти-Пон и вступили на улицу Сен-Жак. Шико тянул осла, монах лил слезы.

Двое слуг и мэтр Бономе, по распоряжению Шико, стащили Горанфло со спины осла и отвели в уже известную нашим читателям комнату.

– Готово, – сказал, вернувшись, мэтр Бономе.

– Он лег? – спросил Шико.

– Храпит...

– Чудесно! Но так как через денек-другой он все же проснется, помните: я не хочу, чтобы он знал, как очутился здесь. Никаких объяснений! Будет даже неплохо, коли он решит, что и вовсе не выходил отсюда с той славной ночи, когда он учинил такой громкий скандал в своём монастыре, и примет за сон все, что случилось с ним в промежутке.

– Понял, сеньор Шико, – ответил трактирщик, – но что с ним стряслось, с этим бедным монахом?

– Большая беда. Кажется, он поссорился в Лионе с посланцем герцога Майеннского и убил его.

– О, бог мой!.. – воскликнул хозяин. – Так значит...

– Значит, герцог Майеннский, по всей вероятности, поклялся, что не будь он герцог, если не колесует его заживо, – ответил Шико.

– Не волнуйтесь, – сказал Бономе, – он не выйдет отсюда ни за что на свете.

– В добрый час! А теперь, – продолжал гасконец, успокоенный насчет Горанфло, – совершенно необходимо разыскать герцога Анжуйского. Что ж, поищем!

И он отправился во дворец его величества Франциска III.

Глава 2. ПРИНЦ И ДРУГ

Как мы уже знаем, во время вечера Лиги Шико тщетно искал герцога Анжуйского на улицах Парижа.

Вы помните, что герцог де Гиз пригласил принца прогуляться по городу; это приглашение обеспокоило принца, всегда отличавшегося подозрительностью. Франсуа предался размышлениям, а после размышлений он обычно делался осторожной всякой змеи.

Однако в его интересах было увидеть собственными глазами все, что произойдет на улицах вечером, и поэтому он счел необходимым принять приглашение, но в то же время решил не покидать свой дворец без подобающей случаю надежной охраны.

Всякий человек, когда он испытывает страх, хватается за свое излюбленное оружие, и герцог тоже отправился за своей шпагой, а этой шпагой был Бюсси д'Амбуаз.

Должно быть, герцог был основательно напуган, если уж он решился на такой шаг. Бюсси, обманутый в своих надеждах касательно графа де Монсоро, избегал герцога, и Франсуа в глубине души понимал, что на месте своего любимца, если бы, разумеется, заняв его место, он одновременно приобрел и его храбрость, он сам испытывал бы по отношению к принцу, который его так жестоко предал, нечто большее, чем простое презрение.

Что касается Бюсси, то молодой человек, подобно всем избранным натурам, гораздо живее воспринимал страдания, чем радости: как правило, мужчина, бесстрашный перед лицом опасности, сохраняющий хладнокровие и спокойствие при виде клинка и пистолета, поддается горестным переживаниям скорее, чем трус. Легче всего женщины заставляют плакать тех мужчин, перед которыми трепещут другие мужчины.

Бюсси был словно одурманен своим горем; он видел, что Диана принята при дворе как графиня де Монсоро, возведена королевой Луизой в ранг придворной дамы; он видел, что тысячи любопытных глаз пожирают эту красоту, не имеющую себе равных, красоту, которую он, можно сказать, открыл, извлек из могилы, где она была погребена. В течение всего вечера он не отрывал горящего взора от молодой женщины, но она ни разу не подняла на него своих опущенных глаз, и, среди праздничного блеска, Бюсси, несправедливый, как всякий по-настоящему влюбленный мужчина, Бюсси, который предал забвению прошлое и сам истребил в своей душе все призраки счастья, порожденные в ней прошлым, Бюсси не подумал, как должна страдать Диана от того, что ей нельзя поднять глаза и увидеть среди всех этих равнодушных или глупо любопытных лиц лицо, затуманенное милотой ее сердцу печалью.

«Да, – сказал себе Бюсси, видя, что ему не дожидаться от Дианы взгляда, – женщины ловки и бесстрашны только тогда, когда им надо обмануть опекуна, мужа или мать, но они становятся неумелыми и трусливыми, когда требуется заплатить простой долг признательности; они так боятся, чтобы их не сочли влюбленными, так высоко расценивают свою малейшую милость, что, желая привести в отчаяние того, кто их домогается, способны без всякой жалости разбить ему сердце, если им придет в голову такая фантазия. Диана могла мне откровенно сказать: „Благодарю за все, что вы для меня сделали, господин де Бюсси, но я вас не люблю!“ Я бы или умер на месте, или излечился. Но нет! Она предпочитает, чтобы я любил ее понапрасну. Однако этому не бывать, потому что я ее больше не люблю. Я презираю ее».

И с сердцем, преисполненным ярости, он отошел от придворных, окружавших короля.

В эту минуту лицо его не было тем лицом, на которое все женщины взирали с любовью, а все мужчины со страхом: лоб Бюсси был нахмурен, глаза блуждали, рот исказила кривая усмешка.

Идя к выходу, он увидел свое отражение в венецианском зеркале и сам себе показался отвратительным.

«Я безумец, – решил он. – Как! Из-за одной женщины, которая мною пренебрегает, я оттолкнул от себя сотню других, готовых сделать меня своим изораипиком. Но из-за чего она мною пренебрегает, вернее, из-за кого?

Не из-за этого ли долговязою скелета с бледным, как у покойника, лицом, который все время торчит в двух шагах от нее и не сводит с нее ревнивого взгляда.., и тоже делает вид, что меня не замечает? Подумать только, стоит мне захотеть, и через четверть часа он будет лежать под моим коленом, безмолвный и холодный, с клинком моей шпаги в сердце; подумать только, стоит мне захотеть, и я могу залить ее белоснежное платье кровью того, кто приколол к нему эти цветы; подумать только, стоит мне захотеть, и, не в силах заставить любить себя, я заставил бы, по крайней мере, бояться меня и ненавидеть.

О! Лучше ее ненависть, лучше ненависть, чем безразличие!

Да, но это было бы мелко и пошло: так поступил бы какой-нибудь Келюс или Можирон, если бы келюсы и можироны умели любить. Лучше быть похожим на того героя Плутарха, которым я всегда восхищался, на юного Антиоха – он умер от любви, не отважившись ни на одно признание, не произнеся ни слова жалобы. Да, я буду хранить молчание! Да, я, сражавшийся один на один со всеми самыми грозными людьми этого века, я, выбивший шпагу из рук самого Крийона, храбреца Крийона, – он стоял передо мною безоружный, и жизнь его была в моей власти, – я погашу свое страдание, удушю его в своем сердце, как Геракл удушил гиганта Антея, и ни разу не дам ему возможности коснуться ногой его матери – надежды. Нет ничего невозможного для меня, для Бюсси, которого, как Крийона, зовут храбрецом; все, что свершили античные герои, свершу и я».

При этих словах молодой человек расслабил свои конвульсивно скрюченные пальцы, которыми раздирал себе грудь, провел ладонью по мокрому от пота лбу и медленно направился к двери. Его кулак уже поднялся было, чтобы грубо отбросить портьеру, но Бюсси призвал на помощь все свое терпение и выдержку и вышел – с улыбкой на устах, ясным челом.., и вулканом в сердце.

Правда, встретив по дороге герцога Анжуйского, он отвернулся, ибо почувствовал, что всех душевных сил неостанет ему, чтобы улыбнуться или хотя бы поклониться этому человеку, который называл его своим другом и так подло предал.

Проходя мимо, принц окликнул его по имени, но Бюсси даже не повернул головы.

Он возвратился к себе. Положил на стол шпагу, вынул из ножен кинжал и отцепил ножны, сам расстегнул плащ и камзол и упал в большое кресло, откинув голову на щит с родовым гербом, украшавший спинку.

Слуги, заметив отсутствующий вид их господина, решили, что он хочет вздремнуть, и удалились. Бюсси не спал – он грезил.

Он просидел так несколько часов, не замечая, что в другом конце комнаты тоже сидит человек и пристально за ним наблюдает, не двигаясь, не произнося ни звука, по всей вероятности ожидая повода, чтобы словом или знаком обратить на себя его внимание.

Наконец ледяная дрожь пробежала по спине Бюсси, и веки его затрепетали; наблюдатель не шевельнулся.

Вскоре зубы графа начали выбивать дробь, пальцы скрючились, голова, внезапно налившаяся тяжестью, скользнула по спинке кресла и упала на плечо.

В это мгновение человек, который следил за ним, со вздохом поднялся со своего стула и подошел к Бюсси.

– Господин граф, – сказал он, – вас лихорадит. Граф поднял лицо, красное от жара.

– А, это ты, Реми, – пробормотал он.

– Да, граф, я вас ждал здесь.

– Почему?

– Потому, что там, где страдают, долго не задерживаются.

– Благодарю вас, мой друг, – сказал Бюсси, протягивая Одуэну руку.

Реми стиснул в своих ладонях эту грозную руку, ставшую теперь слабее детской ручонки, и с нежностью и уважением прижал к своей груди.

– Послушайте, граф, надо решить, что вам больше по душе: хотите, чтобы лихорадка взяла над вами верх и убила вас – оставайтесь на ногах; хотите перебороть ее – ложитесь в постель и прикажите читать вам какую-нибудь замечательную книгу, в которой можно почерпнуть хороший пример и новые силы.

Графу ничего другого не оставалось, как повиноваться; он повиновался.

Друзья, явившиеся навестить Бюсси, застали его уже в постели.

Весь следующий день Реми провел у изголовья графа. Он выступал в двух качествах – врачевателя тела и целителя души. Для тела у него были освежающие напитки, для души – ласковые слова.

Но через сутки, в тот самый день, когда господин де Гиз явился в Лувр, Бюсси огляделся и увидел, что Реми возле него нет.

«Он устал, – подумал Бюсси, – это вполне естественно! Бедный мальчик, ему так нужны воздух, солнце, весна, К тому же его, несомненно, ожидает Гертруда. Гертруда всего лишь служанка, но она его любит... Служанка, которая любит, стоит больше королевы, которая не любит», Так прошел весь день. Реми все не возвращался, и как раз потому, что его не было, Бюсси особенно хотелось его видеть. В нем поднималось раздражение против бедного лекаря.

– Эх, – уже не раз вздохнул он, – а я-то верил, что еще существуют признательность и дружба! Нет, больше я ни во что не хочу верить!

К вечеру, когда улицы стали наполняться шумной толпой народа, когда наступившие сумерки уже мешали ясно различать предметы в комнате, Бюсси услышал многочисленные и очень громкие голоса в прихожей.

Вбежал насмерть перепуганный слуга.

– Монсеньер, там герцог Анжуйский, – сказал он.

– Пусть войдет, – ответил Бюсси, нахмурившись при мысли, что его господин проявляет о нем заботу, тот господин, даже любезность которого была ему противна.

Герцог вошел. В комнате Бюсси не было света: больным сердцам милы потемки, ибо они населяют их призраками.

– Тут слишком темно, Бюсси, – сказал герцог. – Это должно наводить на тебя тоску. Бюсси молчал, отвращение сковывало ему уста.

– Ты так серьезно болен, – продолжал герцог, – что не можешь мне ответить?

– Я действительно очень болен, монсеньер, – пробормотал Бюсси.

– Значит, поэтому ты и не был у меня эти два дня? – сказал герцог.

– Да, монсеньер, – подтвердил Бюсси. Герцог, задетый лаконизмом ответов, сделал несколько кругов по комнате, разглядывая выступавшие из мрака скульптуры и шупая ткани.

– Ты неплохо устроился, Бюсси, по крайней мере, на мой взгляд, – заметил он. Бюсси не отвечал.

– Господа, – обратился герцог к своей свите, – обождите меня в соседней комнате. Решительно, мой бедный Бюсси серьезно болен. Почему же не позвали Мирона? Лекарь короля не может быть слишком хорош для Бюсси.

Один из слуг Бюсси покачал головой, герцог заметил это движение.

– Послушай, Бюсси, у тебя какое-нибудь горе? – спросил он почти заискивающим тоном.

– Не знаю, – ответил граф.

Герцог приблизился к нему, подобный тем отвергаемым влюбленным, которые, по мере того как их отталкивают, становятся все мягче и нежнее.

– Ну что же это такое? Поговори же со мной наконец, Бюсси! – воскликнул он.

– О чем я могу с вами говорить, монсеньер? – Ты сердишься на меня, а? – прибавил герцог, понизив голос.

– Сержусь? За что? К тому же на принцев не сердятся, какой в этом прок? Герцог замолчал.

– Однако, – вступил на этот раз Бюсси, – мы даром теряем время на всякие околичности. Перейдемте к делу, монсеньер.

Герцог посмотрел на Бюсси.

– Я вам нужен, не так ли? – спросил тот с жестокой прямоотой.

– Господин де Бюсси!

– Э! Конечно же, я вам нужен, повторяю. Думаете, я так и поверил, что вы пришли навестить меня из дружбы? Нет, клянусь богом, нет! Ведь вы никого не любите.

– О! Бюсси! Как можешь ты обращаться ко мне с подобными словами!

– Хорошо, покончим с этим. Говорите, монсеньер! Что вам нужно? Если ты принадлежишь принцу, если этот принц притворяется до такой степени, что называет тебя «мой друг», то, очевидно, надо быть ему благодарным за это притворство и пожертвовать ему всем, даже жизнью. Говорите!

Герцог покраснел, но было темно, и никто не увидел его смущения.

– Мне ничего от тебя не было нужно, Бюсси, – сказал он, – и напрасно ты думаешь, что я пришел с каким-то расчетом! Я всего лишь хотел взять тебя с собой прогуляться немного по городу. Ведь погода такая чудесная! И весь Париж взволнован тем, что нынче вечером будут записывать в члены Лиги.

Бюсси поглядел на герцога.

– Разве у вас нет Орильи? – спросил он.

– Какой-то лютнист!

– О! Монсеньер! Вы забываете про остальные его таланты. Мне казалось, что он у вас выполняет и другие обязанности. Да и помимо Орильи у вас есть еще десяток или дюжина дворян: я слышу, как их шпаги стучат о панели моей прихожей.

Портьера на дверях медленно отодвинулась.

– Кто там? – спросил высокомерно герцог. – Кто смеет без предупреждения входить в комнату, где нахожусь я?

– Это я, Реми, – ответил Одуэн и торжественно, не проявляя ни малейших признаков смущения, вступил в комнату.

– Что это еще за Реми? – спросил герцог.

– Реми, монсеньер, – ответил молодой человек, – это лекарь.

– Реми больше, чем мой лекарь, монсеньер, – добавил Бюсси, – он мой друг.

– А! – произнес задетый этими словами герцог.

– Ты слышал желание монсеньера? – спросил Бюсси, готовый встать с постели.

– Да, чтобы вы сопровождали монсеньера, но...

– Но что? – сказал герцог.

– Но вы, господин граф, не будете его сопровождать, – продолжал Одуэн.

– Это еще почему?! – воскликнул Франсуа.

– Потому, что на улице слишком холодно, монсеньер.

– Слишком холодно? – переспросил герцог, пораженный тем, что ему возражают.

– Да, слишком холодно. И поэтому я, отвечающий за здоровье господина де Бюсси перед его друзьями и особенно перед самим собой, запрещаю ему выходить.

Несмотря на эти слова, Бюсси все же поднялся на постели, но Реми взял его руку и многозначительно пожал ее.

– Прекрасно, – сказал герцог. – Если прогулка столь опасна для вашего здоровья, оставайтесь.

И Франсуа, в крайнем раздражении, сделал два шага к двери.

Бюсси не шевельнулся. Герцог снова возвратился к кровати.

– Так, значит, решено, ты не хочешь рисковать?

- Вы же видите, монсеньер, – ответил Бюсси, – мой лекарь запрещает мне.
- Тебе следовало бы позвать Мирона, Бюсси, это опытный врач.
- Монсеньер, я предпочитаю врача-друга врачу-ученому, – возразил Бюсси.
- В таком случае прощай.
- Прощайте, монсеньер.

И герцог с большим шумом удалился.

Как только он покинул дворец Бюсси, Реми, провожавший его взглядом до самого выхода, бросился к больному.

- А теперь, сударь, вставайте, пожалуйста, и как можно скорее.
- Зачем?
- Чтобы отправиться на прогулку со мной. В комнате слишком жарко.
- Но ты только что говорил герцогу, что на улице слишком холодно.
- С тек пор как он ушел, температура изменилась.
- Значит?.. – сказал, приподнимаясь, заинтересованный Бюсси.
- Значит, теперь, – ответил Одуэн, – я убежден, что свежий воздух пойдет вам на пользу.

- Ничего не понимаю, – сказал Бюсси.
- А разве вы понимаете что-нибудь в микстурах, которые я вам даю? Тем не менее вы их проглатываете. Ну, живей! Поднимайтесь! Прогулка с герцогом Анжуйским была опасна; с вашим лекарем она будет целительной. Это я вам говорю. Может быть, вы мне больше не доверяете? В таком случае откажитесь от моих услуг.

– Ну что ж, пойдем, раз ты этого хочешь, – сказал Бюсси.

– Так надо.

- Бледный и дрожащий Бюсси встал на ноги.
- Интересная бледность, красивый больной! – заметил Реми.
- Но куда мы пойдем?
- В один квартал, где я как раз сегодня сделал анализ воздуха.
- И этот воздух?
- Целителен для вашего заболевания, монсеньер. Бюсси оделся.
- Шляпу и шпагу! – приказал он. Он надел первую и опоясался второй. Затем вышел на улицу вместе с Реми.

Глава 3. ЭТИМОЛОГИЯ УЛИЦЫ ЖЮСЬЕН

Реми взял своего пациента под руку, свернул налево, в улицу Кокийер, и шел по ней до крепостного вала.

– Странно, – сказал Бюсси, – ты ведешь меня к болотам Гранж-Бательер, это там-то, по-твоему, целительный воздух?

– Ах, сударь, – ответил Реми, – чуточку терпения. Сейчас мы пройдем мимо улицы Пажевен, оставим справа от нас улицу Бренез и выйдем на Монмартр; вы увидите, что это за прелестная улица.

– Ты полагаешь, я ее не знаю?

– Ну что ж, если вы ее знаете, тем лучше! Мне не надо будет тратить время на то, чтобы знакомить вас с ее красотами, и я без промедления отведу вас на одну премилую маленькую улочку. Идемте, идемте, больше я не скажу ни слова.

И в самом деле, после того как Монмартрские ворота остались слева и они прошли около двухсот шагов по улице, Реми свернул направо.

– Но ты меня дурачишь, Реми, – воскликнул Бюсси, – мы возвращаемся туда, откуда пришли.

– Эта улица называется улицей Жипсьен или Эжипсьен, как вам будет угодно, народ уже начинает именовать ее улицей Жисьен, а вскорости и вовсе будет называть улицей

Жюсьен, потому что так звучит приятней и потому что в духе языков – чем дальше к югу, тем больше умножать гласные. Вы должны бы знать это, сударь, ведь вы побывали в Польше. Там, у этих забияк, и до сих пор по четыре согласных кряду ставятся, и поэтому разговаривают они, словно камни жуют, да при этом еще бранятся. Разве не так?

– Так-то оно так, – сказал Бюсси, – но ведь мы сюда пришли не затем, чтобы изучать филологию. Послушай, скажи мне: куда мы идем?

– Поглядите на эту церквушку, – сказал Реми, не отвечая на вопрос, – какова? Ах, монсеньер, как отлично она расположена: фасадом на улицу, а абсидой – в сад церковного прихода! Бьюсь об заклад, что до сих пор вы ее не замечали!

– В самом деле, – сказал Бюсси, – я ее не видел. Бюсси не был единственным знатным господином, который никогда не переступал порога церкви святой Марии Египетской, этого храма, посещаемого только народом и известного прихожанам также под именем часовни Кокерон.

– Ну что ж, – сказал Реми, – теперь, когда вы знаете, как эта церковь называется, монсеньер, и когда вы вдоволь налюбовались ею снаружи, войдемте, и вы поглядите на витражи нефа: они любопытны.

Бюсси посмотрел на Одуэна и увидел на лице молодого человека такую ласковую улыбку, что сразу понял: молодой лекарь привел его в церковь не затем, чтобы показать ему витражи, которые к тому же при вечерних сумерках и нельзя было толком разглядеть, а совсем с другой целью.

Однако кое-чем в церкви можно было полюбоваться, потому что она была освещена для предстоящей службы: стены ее украшали наивные росписи XVI века; такие фрески еще сохранились в немалом количестве в Италии благодаря ее прекрасному климату, а у нас сырость, с одной стороны, и вандализм, с другой, стерли со стен эти предания минувших времен, эти свидетельства веры, ныне утраченной. Художник изобразил для короля Франциска I и по его указаниям жизнь святой Марии Египетской, и среди наиболее интересных событий простодушный живописец, великий друг правды если не анатомический, то, по крайней мере, – исторической, в самом видном месте часовни поместил тот щекотливый эпизод, когда святая Мария, за отсутствием у нее денег для расчета с лодочником, предлагает ему себя вместо оплаты за перевоз.

Справедливости ради мы вынуждены сказать, что, несмотря на глубочайшее уважение прихожан к обращенной Марии Египетской, многие почтенные женщины округи считали, что художник мог бы поместить этот эпизод где-нибудь в другом месте или хотя бы передать его во так бесхитростно; при этом они ссылались на то или, вернее сказать, красноречиво умалчивали о том, что некоторые подробности фрески слишком часто привлекают взоры юных приказчиков, которых их хозяева, суконщики, приводят в церковь по воскресеньям и на праздники.

Бюсси поглядел на Одуэна, тот, на мгновение превратившись в юного приказчика, с превеликим вниманием разглядывал эту фреску.

– Ты что, собирался пробудить во мне анакреонистические мысли твоей часовней святой Марии Египетской? – спросил Бюсси. – Если это так, то ты ошибся. Надо было привести сюда монахов или школьников.

– Боже упаси, – сказал Одуэн. – *Omnis cogitatio libi-dinosa cerebrum inficit*².

– А зачем же тогда?..

– Проклятие! Не глаза же выкалывать себе, прежде чем войти сюда.

– Послушай, ведь ты привел меня не для того, чтобы показать мне колени святой Марии Египетской, а с какой-то другой целью, правда?

– Только для этого, черт возьми! – сказал Реми.

– Ну что ж, тогда пойдем, я на них уже посмотрелся.

² Всякая сладострастная мысль вредит уму (лат.).

– Терпение! Служба кончается. Если мы выйдем сейчас, мы обеспокоим молящихся. И Одуэн легонько придержал Бюсси за локоть.

– Ну вот, все и выходят, – сказал Реми. – Поступим и мы так же, коль вы не возражаете.

Бюсси с заметно безразличным и рассеянным видом направился к двери.

– Да вы этак и святой воды забудете взять. Где ваша голова, черт возьми? – сказал Одуэн.

Бюсси послушно, как ребенок, пошел к колонне, в которую была вделана чаша с освященной водой.

Одуэн воспользовался этим, чтобы сделать условный знак какой-то женщине, и она при виде жеста молодого лекаря, в свою очередь, направилась к той же самой колонне.

Поэтому в тот момент, когда граф поднес руку к чаше в виде раковины, поддерживаемой двумя египтянами из черного мрамора, другая рука, несколько толстоватая и красноватая, но тем не менее несомненно принадлежавшая женщине, протянулась к его пальцам и смочила их очистительной влагой.

Бюсси не смог удержаться от того, чтобы не перевести свой взгляд с толстой, красной руки на лицо женщины; в то же мгновение он внезапно отступил на шаг и побледнел – во владелице этой руки он признал Гертруду, полускрытую черным шерстяным покрывалом.

Он застыл с вытянутой рукой, забыв перекреститься, а Гертруда, поклонившись ему, прошла дальше, и ее высокий силуэт обрисовался в портике маленькой церкви.

В двух шагах позади Гертруды, чьи мощные локти раздвигали толпу, шла женщина, тщательно укутанная в шелковую накидку; изящные и юные очертания ее хрупкой фигуры, прелестные ножки тут же заставили Бюсси подумать, что во всем мире нет другой такой фигуры, других таких ножек, другого такого облика.

Реми не пришлось ничего ему говорить, молодой лекарь только посмотрел на графа. Теперь Бюсси понимал, почему Одуэн привел его на улицу святой Марии Египетской и заставил войти в эту церковь.

Бюсси последовал за женщиной, Одуэн последовал за Бюсси.

Эта процессия из четырех людей, идущих друг за другом ровным шагом, могла бы показаться забавной, если бы бледность и грустный вид двоих из них не выдавали жестоких страданий.

Гертруда, продолжавшая идти впереди, свернула за угол, на улицу Монмартр, прошла по ней несколько шагов и потом вдруг нырнула направо – в тупик, куда выходила какая-то калитка.

Бюсси заколебался.

– Вы что же, господин граф, – сказал Реми, – хотите, чтобы я наступил вам на пятки?

Бюсси двинулся вперед.

Гертруда, все еще возглавлявшая шествие, достала из кармана ключ, открыла калитку и пропустила вперед свою госпожу, которая так и не повернула головы.

Одуэн, шепнув пару слов горничной, посторонился и дал дорогу Бюсси, затем вошел сам вместе с Гертрудой. Калитка затворилась, и переулок опустел.

Было семь с половиной часов вечера. Уже начался май, и в потеплевшем воздухе чувствовалось первое дуновение весны. Из своих лопнувших темниц появлялись на свет молодые листья.

Бюсси огляделся: он стоял посреди небольшого, в пятьдесят квадратных футов, садика, обнесенного очень, высокой стеной. По ней вились плющ и дикий виноград. Они выбрасывали новые побеги, от чего со степы, время от времени, осыпалась маленькими кусочками штукатурка, и насыщали ветер тем терпким и сильным ароматом, который вечерняя прохлада извлекает из их листьев.

Длинные левкой, радостно вырываясь из расщелин старой церковной стены, раскрывали свои бутоны, красные, как чистая, без примеси, медь.

И наконец, первая сирень, распустившаяся поутру на солнце, туманила своими нежными испарениями все еще смятенный рассудок молодого графа, спрашивавшего себя, не обязан ли он, – всего лишь час тому назад такой слабый, одинокий, покинутый, – не обязан ли он всеми этими ароматами, теплом, жизнью, одному лишь присутствию столь нежно любимой женщины?

Под аркой из ветвей жасмина и ломоноса, на небольшой деревянной скамье у церковной стены сидела, склонив голову, Диана. Руки ее были бессильно опущены, и пальцы одной из них теребили левкой. Молодая женщина бессознательно обрывала с него цветы и разбрасывала по песку.

В эту самую минуту на соседнем каштане завел свою длинную и грустную песню соловей, то и дело украшая ее руладами, взрывающимися, словно ракеты.

Бюсси оказался наедине с госпожой де Монсоро, так как Гертруда и Реми держались в отдалении. Он подошел к ней; Диана подняла голову.

– Господин граф, – сказала она робким голосом, – всякие хитрости были бы недостойны нас: наша встреча в церкви святой Марии Египетской не случайность.

– Нет, сударыня, – ответил Бюсси, – это Одуэн привел меня туда, не сказав, с какой целью, и, клянусь вам, я не знал...

– Вы меня не поняли, сударь, – сказала Диана грустно. – Да, я знаю, что это господин Реми привел вас в церковь; и, возможно, даже силой?

– Вовсе не силой, сударыня, – возразил Бюсси. – Я не знал, кого там увижу.

– Вот безжалостный ответ, господин граф, – прошептала Диана, покачивая головой и поднимая на Бюсси влажные глаза. – Не хотите ли вы сказать этим, что если бы вам был известен секрет Реми, вы бы последовали за ним?

– О! Сударыня!

– Что ж, это естественно, это справедливо, сударь. Вы оказали мне неоценимую услугу, а я вас до сих пор не поблагодарила за ваш рыцарский поступок. Простите меня и примите мою глубочайшую признательность.

– Сударыня...

Бюсси остановился. Он был настолько ошеломлен, что не находил ни мыслей, ни слов.

– Но я хотела доказать вам, – продолжала, воодушевляясь, Диана, – что я не отношусь к числу неблагодарных женщин с забывчивым сердцем. Это я попросила господина Реми доставить мне честь свидания с вами, я указала место встречи. Простите, если я вызвала ваше неудовольствие.

Бюсси прижал руку к сердцу.

– О! Сударыня! Как вы можете так думать?! Мысли в голове этого несчастного с разбитым сердцем стали понемногу проясняться, ему казалось, что легкий вечерний ветерок, доносящий до него столь сладостные ароматы и столь нежные слова, в то же время рассеивает облако, застилавшее ему зрение.

– Я знаю, – продолжала Диана, которая находилась в более выгодном положении, ибо давно уже готовилась к этой встрече, – я понимаю, как тяжело было вам выполнять мое поручение. Мне хорошо известна ваша деликатность. Я знаю вас и ценю, поверьте мне. Так судите же сами, сколько я должна была выстрадать при мысли, что вы станете неверно думать о чувствах, таящихся в моем сердце.

– Сударыня, – сказал Бюсси, – вот уже три дня, как я болею.

– Да, я знаю, – ответила Диана, заливаясь краской, выдавшей, как близко к сердцу приняла она эту болезнь, – и я страдала не меньше вашего, потому что господин Реми, – конечно, он меня обманывал, – господин Реми уверял...

– Что причина моих страданий ваша забывчивость? О! Это правда.

– Значит, я должна была поступить так, как поступила, граф, – продолжала Диана. – Я вас вижу, я вас благодарю за ваши любезные заботы обо мне и клянусь вам в вечной признательности..., поверьте, что я говорю это от всей души.

Бюсси печально покачал головой и ничего не ответил.

– Вы сомневаетесь в моих словах? – спросила госпожа де Монсоро.

– Сударыня, – сказал Бюсси, – каждый, питающий расположение к кому-либо, выражает это расположение, как умеет: в день вашего представления ко двору вы знали, что я нахожусь во дворце, стою перед вами, вы не могли не чувствовать моего взгляда, который я не отводил от вас, и вы даже глаз на меня не подняли, не дали мне понять ни словом, ни жестом, ни знаком, что вы меня заметили... Впрочем, я, должно быть, не прав, сударыня, возможно, вы меня не узнали, ведь мы виделись всего дважды.

Диана ответила на это взглядом, исполненным грустного упрека, который поразил Бюсси в самое сердце.

– Простите, сударыня, простите меня, – воскликнул он, – вы так непохожи на всех остальных женщин и между тем поступаете как самые обычные из них. Этот брак?

– Разве вы не знаете, как меня к нему принудили?

– Знаю, но вы с легкостью могли его разорвать.

– Напротив, это было совершенно невозможно.

– Но разве ничто не подсказывало вам, что рядом с вами находится преданный вам человек? Диана опустила глаза.

– Именно это и пугало меня больше всего, – сказала она.

– Вот из каких соображений вы пожертвовали мною? О! Подумайте только, во что превратилась моя жизнь с тех пор, как вы принадлежите другому.

– Сударь, – с достоинством ответила графиня, – женщина не может, не запятнав при этом свою честь, сменить фамилию, пока живы двое мужчин, носящие: один – ту фамилию, которую она оставила, другой – ту, что она приняла.

– Как бы то ни было, вы предпочли мне Монсоро и поэтому сохранили его фамилию.

– Вот как вы думаете, – прошептала Диана. – Тем лучше.

И глаза ее наполнились слезами.

Бюсси, заметив, что она опустила голову, в волнении шагнул к ней.

– Ну что ж, – сказал он, – вот я и стал опять тем, кем был, сударыня: чужим для вас человеком.

– Увы! – вздохнула Диана.

– Ваше молчание говорит об этом лучше слов.

– Я могу говорить только моим молчанием.

– Ваше молчание, сударыня, это продолжение приема, оказанного мне вами в Лувре. В Лувре вы меня не замечали, здесь вы не желаете со мной разговаривать.

– В Лувре рядом со мною был господин де Монсоро. Он смотрел на меня. Он ревнует.

– Ревнует! Вот как! Чего же ему еще надо, бог мой?! Кому он еще может завидовать, когда все завидуют его счастью?

– А я говорю вам, сударь, что он ревнует. Он заметил, что уже несколько дней кто-то бродит возле нового дома, в который мы переселились.

– Значит, вы покинули домик на улице Сент-Антуан?

– Как, – непроизвольно воскликнула Диана, – это были не вы?!

– Сударыня, после того, как ваше бракосочетание было оглашено, после того, как вы были представлены ко двору, после того вечера в Лувре, наконец, когда вы не удостоили меня взглядом, я нахожусь в постели, меня пожирает лихорадка, я умираю. Теперь вы видите, что ваш супруг не имеет оснований ревновать, во всяком случае, ко мне, потому что меня он никак не мог видеть возле вашего дома.

– Что ж, господин граф, если у вас, по вашим словам, было некоторое желание повидать меня, благодарите этого неизвестного мужчину, потому что, зная господина Монсоро, как я его знаю, я испугалась за вас и решила встретиться с вами и предупредить: «Не подвергайте себя опасности, граф, не делайте меня еще более несчастной».

– Успокойтесь, сударыня, повторяю вам, то был не я.

– Позвольте мне высказать вам до конца все, что я хотела. Опасаясь этого человека, которого мы с вами не знаем, но которого, возможно, знает господин де Монсоро, опасаясь этого человека, он требует, чтобы я покинула Париж, и, таким образом, господин граф, – заключила Диана, протягивая Бюсси руку, – сегодняшняя наша встреча, вероятно, будет последней... Завтра я уезжаю в Меридор.

– Вы уезжаете, сударыня? – вскричал Бюсси.

– Это единственный способ успокоить господина де Монсоро, – сказала Диана, – и единственный способ вновь обрести свое спокойствие. Да и к тому же, что касается меня, я ненавижу Париж, ненавижу свет, двор, Лувр. Я счастлива уединиться с воспоминаниями моей юности. Мне кажется, что, если я вернусь на тропинку моих девичьих лет, на меня, как легкая роса, падет немного бывшего счастья. Отец едет вместе со мной. Там я встречу с госпожой и господином де Сен-Люк, они очень скучают без меня. Прощайте, господин де Бюсси. Бюсси закрыл лицо руками.

– Значит, – прошептал он, – все для меня кончено.

– Что это вы говорите?! – воскликнула Диана, приподнимаясь на скамье.

– Я говорю, сударыня, что человек, который отправляет вас в изгнание, человек, который лишает меня единственной оставшейся мне надежды – дышать одним с вами воздухом, видеть вашу тень за занавеской, касаться мимоходом вашего платья и, наконец, боготворить живое существо, а не тень, я говорю..., я говорю, что этот человек – мой смертельный враг и что я уничтожу его своими собственными руками, даже если мне суждено при этом погибнуть самому.

– О! Господин граф!

– Презренный! – вскричал Бюсси. – Как! Ему недостаточно того, что вы его жена, вы, самое прекрасное и целомудренное из всех божьих творений, он еще ревнует! Ревнует! Нелепое, ненасытное чудовище! Он готов поглотить весь мир.

– О! Успокойтесь, граф, успокойтесь, бог мой! Быть может, он не так уж и виноват.

– Не так уж и виноват! И это вы его защищаете, сударыня?

– О! Если бы вы знали! – сказала Диана, пряча лицо в ладонях, словно боясь, что Бюсси, несмотря на темноту, увидит на нем краску смущения.

– Если бы я знал? – переспросил Бюсси. – Ах, сударыня, я знаю одно: мужу, у которого такая жена, не должно быть дела ни до чего на свете.

– Но, – сказала Диана глухим, прерывающимся и страстным голосом, – но что, если вы ошибаетесь, господин граф, что, если он не муж мне?

И при этих словах молодая женщина коснулась своей холодной рукой пылающих рук Бюсси, вскочила и убежала прочь. Легко, как тень, промелькнула она по темным тропинкам сада, схватила под руку Гертруду и, увлекая ее за собой, исчезла, прежде чем Бюсси, опьяненный, обезумевший, сияющий, успел протянуть руки, чтобы удержать ее.

Он вскрикнул и зашатался.

Реми подоспел как раз вовремя, чтобы подхватить его и усадить на скамью, которую только что покинула Диана.

Глава 4.

О ТОМ, КАК Д'ЭПЕРНОНУ РАЗОРВАЛИ КАМЗОЛ, И О ТОМ, КАК ШОМБЕРГА ПОКРАСИЛИ В СИНИЙ ЦВЕТ

В то время, как мэтр Ла Юрьер собирал подпись за подписью, в то время, как Шико сдавал Горанфло на хранение в «Рог изобилия», в то время, как Бюсси возвращался к жизни в благословенном маленьком саду, полном ароматов, песен и любви, Генрих, омраченный всем, что он увидел в городе, раздраженный проповедями, которые он выслушал в церквах, приведенный в ярость загадочными приветствиями, которыми встречали его брата, герцога Анжуйского, попавшегося ему на глаза на улице Сент-Оноре в сопровождении герцога де Гиза, герцога Майеннского и целой свиты дворян, возглавленной, по всей видимости,

господином де Монсоро, Генрих, говорим мы, возвратился в Лувр в обществе Можирона и Келюса.

Король отправился в город, как обычно, со своими четырьмя друзьями, но едва они отошли от Лувра, Шомберг и д'Эпернон, соскучившись созерцанием озабоченного Генриха и рассудив, что уличная суматоха дает полный простор для поисков наслаждений и приключений, воспользовались первой же толчеей на углу улицы Астрюс, чтобы исчезнуть; пока король с другими двумя миньонами продолжал свою прогулку по набережной, они влились в толпу, заполнившую улицу Орлеан.

Не успели молодые люди сделать и сотни шагов, как уже каждый из них нашел себе занятие: д'Эпернон подставил под ноги бежавшего горожанина свой сарбакан и тот вверх тормашками полетел на землю, а Шомберг сорвал чепчик с женщины, которую он поначалу принял за безобразную старуху, но, к счастью, она оказалась молодой и прехорошенькой.

Однако двое друзей выбрали неудачный день для нападений на добрых парижан, обычно, весьма покладистых: улицы были охвачены той лихорадкой возмущения, которая время от времени так внезапно вспыхивает в стенах столиц. Сбитый с ног буржуа поднялся и закричал: «Бей нечестивцев!» Это был один из «ревнителей веры», его послушались и бросились на д'Эпернона. Женщина, с которой сорвали чепчик, крикнула: «Бей миньонов!», что было значительно хуже, а ее муж, красильщик, спустил на Шомберга своих подмастерьев.

Шомберг был храбр. Он остановился, положил руку на эфес шпаги и повысил голос.

д'Эпернон был осторожен – он убежал.

Генрих не беспокоился о двух отставших от него миньонах, он прекрасно знал, что оба они выпутаются из любой истории: один – с помощью своих ног, другой – с помощью своей крепкой руки; поэтому король продолжал свою прогулку и, завершив ее, возвратился, как мы видели, в Лувр.

Там он прошел в оружейную палату и уселся в большое кресло. Весь дрожа от возбуждения, Генрих искал только предлога, чтобы дать волю своему гневу.

Можирон играл с Нарциссом, огромной борзой короля.

Келюс сидел, скорчившись, на подушке, подпирая кулаками щеки, и смотрел на Генриха.

– Они действуют, они действуют, – говорил ему король. – Их заговор ширится. Они – то как тигры, то как змеи: то бросаются на тебя, то подползают к тебе.

– Э, государь, – сказал Келюс, – разве может быть королевство без заговоров? Чем же – кровь Христова! – будут, по-вашему, заниматься сыновья короля, братья короля, кузены короля, если они перестанут устраивать заговоры?

– Нет, Келюс, в самом деле, когда я слышу ваши бессмысленные изречения и вижу ваши толстые, надутые щеки, мне начинает казаться, что вы разбираетесь в политике не больше, чем Жиль с ярмарки Сен-Лоран.

Келюс повернулся вместе с подушкой и непочтительно обратил к королю свою спину.

– Скажи, Можирон, – продолжал Генрих, – прав я или нет, черт побери, и надо ли меня убаюкивать глупыми остротами и затасканными истинами, словно я такой король, как все короли, или торговец шерстью, который боится потерять своего любимого кота?

– Ах, ваше величество, – сказал Можирон, всегда и во всем придерживавшийся одного с Келюсом мнения, – коли вы не такой король, как остальные, докажите это делом, поступайте, как великий король. Какого дьявола! Вот перед вами Нарцисс, это хорошая собака, прекрасный зверь, но попробуйте дернуть его за уши – он зарычит, наступите ему на лапы – он укусит.

– Великолепно, – сказал Генрих, – а этот приравнивает меня к моей собаке.

– Ничего подобного, государь, – ответил Можирон, – и даже совсем напротив. Как вы могли заметить, я ставлю Нарцисса намного выше вас, потому что Нарцисс умеет защитить себя, а ваше величество нет.

И он, в свою очередь, повернулся к королю спиной.

– Ну вот я и остался один, – сказал король, – превосходно, продолжайте, мои дорогие друзья, ради которых, как меня упрекают, я пускаю по ветру свое королевство. Покидайте меня, оскорбляйте меня, убивайте меня все разом. Клянусь честью! Меня окружают одни палачи. Ах, Шико, мой бедный Шико, где ты?

– Прекрасно, – сказал Келюс, – только этого нам не хватало. Теперь он взывает к Шико.

– Вполне понятно, – ответил ему Можирон.

И наглец процедил сквозь зубы некую латинскую пословицу, которая переводится на французский следующей аксиомой: «Скажи мне, с кем ты водишься, и я скажу, кто ты».

Генрих нахмурил брови, в его больших глазах сверкнула молния страшного гнева, и на сей раз взгляд, брошенный им на зарвавшихся друзей, был поистине королевским взглядом.

Но приступ гнева, по-видимому, обессилил короля. Генрих снова откинулся в кресле и стал теревать за уши одного из щенков, которые сидели у него в корзинке.

Тут в передней раздались быстрые шаги, и появился д'Эпернон, без шляпы, без плаща, в разодранном в клочья камзоле.

Келюс и Можирон обернулись к вновь пришедшему, а Нарцисс с лаем кинулся на него, словно он узнавал любимцев короля только по их платью.

– Господи Иисусе! – воскликнул Генрих. – Что с тобой?

– Государь, – сказал д'Эпернон, – поглядите на меня; вот как обходятся с друзьями вашего величества.

– Да кто же с тобой так обошелся? – спросил король.

– Ваш народ, клянусь смертью Христовой! Вернее говоря, народ герцога Анжуйского. Этот народ кричал:

«Да здравствует Лига! Да здравствует месса! Да здравствует Гиз! Да здравствует Франсуа!» В общем – да здравствуют все, кроме короля.

– А что ты ему сделал, этому народу, почему он с тобой так обошелся?

– Я? Ровным счетом ничего. Что может сделать народу один человек? Народ признал во мне друга вашего величества, и этого ему было достаточно.

– Но Шомберг?

– Что Шомберг?

– Шомберг не пришел тебе на помощь? Шомберг не защитил тебя?

– Клянусь телом Христовым, у Шомберга и без меня забот хватало.

– Что это значит?

– А то, что я оставил его в руках красильщика, с жены которого он сорвал чепец и который собирался, вместе с пятеркой или семеркой своих подмастерьев, задать ему жару.

– Проклятие! – вскричал король. – Где же ты его оставил, моего бедного Шомберга? – добавил он, поднимаясь. – Я сам отправлюсь ему на помощь. Быть может, кто-нибудь и скажет, – он взглянул в сторону Можирона и Келюса, – что мои друзья покинули меня, но, по крайней мере, никто не скажет, что я покинул своих друзей.

– Благодарю, государь, – произнес голос позади Генриха, – я здесь, Gott verdamme mich³, я справился с ними сам, хотя и не без труда.

– О! Шомберг! Это голос Шомберга! – закричали трое миньонов. – Но где же ты, черт возьми?

– Клянусь богом! Я там, где вы меня видите, – возопил тот же голос.

И тут все заметили, что из темноты кабинета к ним приближается не человек, нет, – тень человека.

– Шомберг! – воскликнул король. – Откуда ты явился, откуда ты вышел и почему ты такого цвета?

И действительно, весь Шомберг, от головы до пят, не исключая ни одной части его

³ Будь я проклят (нем.).

тела и ни одного предмета его костюма, весь Шомберг был самого прекрасного ярко-синего цвета, какой только можно себе представить.

– Der Teufel!⁴

– закричал он. – Презренные! Теперь понятно, почему весь этот народ бежал за мной.

– Но в чем же дело? – спросил Генрих. – Если бы еще ты был желтый, это можно было бы объяснить испугом, но синий!

– Дело в том, что они окунули меня в чан, прохвосты. Я думал, что они меня окунули всего лишь в чай с водой, а это был чан с индиго!

– Клянусь кровью Христовой! – засмеялся Келюс. – Они сами себя наказали: индиго штука дорогая, а ты выпитал краски не меньше, чем на двадцать экю.

– Смейся, смейся, хотел бы я видеть тебя на моем месте.

– И ты никого не выпотрошил? – спросил Можирон.

– Знаю одно: мой кинжал остался где-то там – вошел по самую рукоятку в какой-то мешок, набитый мясом. Но все свершилось за одну секунду: меня схватили, подняли, понесли, окунули в чан и чуть не утопили.

– А как ты от них вырвался?

– У меня достало смелости решиться на трусливый поступок, государь.

– Что же ты сделал?

– Крикнул: «Да здравствует Лига!»

– Совсем как я, – сказал д'Эпернон, – только меня заставили добавить к этому: «Да здравствует герцог Анжуйский!»

– И я тоже, – сказал Шомберг, кусая себе пальцы от ярости, – я тоже так крикнул. Но это еще не все.

– Как! – воскликнул король. – Они заставили тебя кричать еще что-нибудь, мой бедный Шомберг?

– Нет, они не заставили меня кричать еще, с меня и так, слава богу, было достаточно, но в тот момент, когда я кричал: «Да здравствует герцог Анжуйский!..»

– Ну, ну...

– Угадайте, кто прошел мимо в тот момент?

– Ну разве я могу угадать?

– Бюсси, проклятый Бюсси, и он слышал, как я славил его господина.

– По всей вероятности, он не понял, что происходит, – сказал Келюс.

– Черт возьми, как трудно было сообразить, что происходит! Я сидел в чане, с кинжалом у горла.

– И он не пришел тебе на выручку? – удивился Можирон. – Однако это долг дворянина по отношению к другому дворянину.

– У него был такой вид, словно он думает совсем не о том; ему только крыльев не хватало, чтобы воспарить в небо, – несясь, едва касаясь земли.

– Впрочем, – сказал Можирон, – он мог тебя и не узнать.

– Прекрасное оправдание!

– Ты уже был синий?

– А! Ты прав, – сказал Шомберг.

– Тогда его поведение простительно, – заметил Генрих, – потому что, по правде говоря, мой бедный Шомберг, я и сам-то тебя не узнал.

– Все равно, – возразил Шомберг, который недаром происходил из немцев, – мы с ним еще встретимся где-нибудь в другом месте, а не на углу улицы Кокийер, и в такой день, когда я не буду сидеть в чане.

– О! Что касается меня, – сказал д'Эпернон, – то я обижен не на слугу, а на хозяина, и хотел бы встретиться не с Бюсси, а с монсеньером герцогом Анжуйским.

⁴ Дьявол! (нем.)

– Да, да, – воскликнул Шомберг. – Монсеньер герцог Анжуйский хочет убить нас смехом, в ожидании пока не сможет убить нас кинжалом.

– Это герцогу Анжуйскому пели хвалы на улицах. Вы сами их слышали, государь, – сказали в один голос Келюс и Можирон.

– Что и говорить, сегодня хозяин Парижа – герцог, а не король. Попробуйте выйти из Лувра, и вы увидите, отнесутся ли к вам с большим уважением, чем к нам, – сказал д'Эпернон Генриху.

– Ах, брат мой, брат мой! – пробормотал с угрозой Генрих.

– Э, государь, вы еще не раз скажете то, что сказали сейчас: «Ах, брат мой, брат мой!», но никаких мер против этого брата не примете, – заметил Шомберг. – И, однако, заявляю вам: для меня совершенно ясно, что ваш брат стоит во главе какого-то заговора.

– А, смерть Христова! – воскликнул Генрих. – То же самое я говорил этим господам только что, когда ты вошел, д'Эпернон, но они в ответ пожали плечами и обернулись ко мне спиной.

– Государь, – сказал Можирон, – мы пожали плечами и обернулись к вам спиной не потому, что вы заявили о существовании заговора, а потому, что мы не заметили у вас желания расправиться с ним.

– А теперь, – подхватил Келюс, – мы поворачиваемся к вам лицом, чтобы снова сказать вам: «Государь, спасите нас или, вернее, спасите себя, ибо стоит погибнуть нам, и для вас тоже наступит конец. Завтра в Лувр явится господин де Гиз, завтра он потребует, чтобы вы назначили главу Лиги, завтра вы назовете имя герцога Анжуйского, как вы обещали сделать, и лишь только герцог Анжуйский станет во главе Лиги, то есть во главе ста тысяч парижан, распаленных бесчинствами сегодняшней ночи, вы полностью окажетесь у него в руках.

– Так, так, – сказал король, – а в случае если я приму решение, вы готовы меня поддержать?

– Да, государь, – в один голос ответили молодые люди.

– Но сначала, государь, – заметил д'Эпернон, – позвольте мне надеть другую шляпу, другой камзол и другой плащ.

– Иди в мою гардеробную, д'Эпернон, и мой камердинер даст тебе все необходимое: мы ведь с тобою одного роста.

– А мне, государь, позвольте сначала помыться.

– Иди в мою ванную, Шомберг, и мой банщик позаботится о тебе.

– Ваше величество, – спросил Шомберг, – итак, мы можем надеяться, что оскорбление не останется неотомщенным?

Генрих поднял руку, призывая к молчанию, и, опустив голову на грудь, по-видимому, глубоко задумался.

Потом, через несколько мгновений, он сказал:

– Келюс, узнайте, возвратился ли герцог Анжуйский в Лувр.

Келюс вышел. Д'Эпернон и Шомберг остались вместе со всеми ждать его возвращения, настолько их рвение было подогрето надвигающейся опасностью. Самая большая выдержка нужна матросам не во время бури, а во время затишья перед бурей.

– Государь, – спросил Можирон, – значит, ваше величество решились?..

– Увидите, – ответил король. Появился Келюс.

– Господин герцог еще не возвращался, – сообщил он.

– Хорошо, – ответил король. – Д'Эпернон, ступайте смените ваше платье. Шомберг, ступайте смените ваш цвет. А вы, Келюс, и вы, Можирон, отправляйтесь во двор и сторожите там как следует, пока не вернется мой брат.

– А когда он вернется? – спросил Келюс.

– Когда он вернется, вы прикажете закрыть все ворота. Ступайте!

– Bravo, государь! – воскликнул Келюс.

– Ваше величество, – обещал д'Эпернон, – через десять минут я буду здесь.

– А я, государь, я не знаю, когда я буду здесь, это зависит от качества краски.

– Возвращайтесь поскорее, вот все, что я могу вам сказать.
– Но ваше величество остаетесь одни? – спросил Можирон.
– Нет, Можирон, я остаюсь с богом, у которого буду просить покровительства нашему делу.

– Просите хорошенько, государь, – сказал Келюс, – я уже начинаю подумывать, не стакнулся ли господь с дьяволом, чтобы погубить всех нас в этом и в том мире.

– Amen!⁵

– сказал Можирон.

Те миньоны, которые должны были сторожить во дворе, вышли в одну дверь. Те, которые должны были привести себя в порядок, – в другую.

Оставшийся в одиночестве король преклонил колени на своей молитвенной скамеечке.

Глава 5.

ШИКО ВСЕ БОЛЬШЕ И БОЛЬШЕ СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕМ ФРАНЦИИ

Пробило полночь. В полночь ворота Лувра обычно закрывались. Но Генрих мудро рассудил, что герцог Анжуйский не преминет провести эту ночь в Лувре, чтобы оставить меньше пищи для подозрений, которые могли возникнуть у короля после событий, происходивших в Париже этим вечером.

И Генрих приказал не запираť ворота до часу ночи. В четверть первого к королю поднялся Келюс.

– Государь, – сказал он, – герцог возвратился.

– Что делает Можирон?

– Он остался на страже, последить, не выйдет ли герцог снова.

– Это нам не угрожает.

– Значит... – сказал Келюс, жестом показывая королю, что остается только действовать.

– Значит..., дадим ему спокойно улечься спать, – сказал Генрих. – Кто с ним?

– Господин де Монсоро и его всегдашние дворяне.

– А господин де Бюсси?

– Господина де Бюсси с ним нет.

– Отлично, – сказал король, для которого было большим облегчением узнать, что его брат лишен своей лучшей шпаги.

– Какова будет воля короля? – спросил Келюс.

– Скажите д'Эпернону и Шомбергу, чтобы они поторопились, и предупредите господина де Монсоро, что я желаю с ним говорить.

Келюс поклонился и выполнил поручение со всей быстротой, которую сообщают действиям человека чувство ненависти и жажда отмщения, объединенные в одном сердце.

Через пять минут вошли д'Эпернон и Шомберг, один – заново одетый, другой – добела отмытый, только в складках кожи на его лице сохранился еще голубоватый оттенок; по мнению банщика, исчезнуть совсем он мог лишь после нескольких паровых ванн.

Вслед за двумя миньонами появился господин де Монсоро.

– Господин капитан гвардии вашего величества уведомил меня, что ваше величество оказали мне честь призвать меня к себе, – сказал главный ловчий, кланяясь.

– Да, сударь, – ответил Генрих, – да. Прогуливаясь нынче вечером, я увидел сверкающие звезды и великолепную луну и невольно подумал, что при столь замечательной погоде мы могли бы завтра отменно поохотиться. Сейчас всего лишь полночь, господин граф, отправляйтесь тотчас же в Венсен и распорядитесь выставить для меня лань, а завтра мы ее

⁵ Аминь! (лат.)

затравим.

– Но, государь, – сказал Монсоро, – я полагал, что завтра ваше величество удостоите аудиенции монсеньера Анжуйского и господина де Гиза, чтобы назначить главу Лиги.

– Ну и что из того, сударь? – сказал король тем высокомерным тоном, который делал ответ затруднительным.

– Вам..., вам может нехватить времени.

– Тот, кто умеет правильно употребить время, никогда не ощущает в нем недостатка; именно поэтому я и говорю вам: у вас есть время выехать сегодня ночью, при условии, что вы выедете тотчас же. У вас есть время выставить этой ночью лань, и у вас будет время подготовить команды к завтраму, к десяти утра. Итак, отправляйтесь, и немедленно! Келюс, Шомберг, прикажите отворить господину де Монсоро ворота Лувра – от моего имени, от имени короля; и от имени короля же прикажите запереть их, когда он уедет.

В полном удивлении главный ловчий вышел из комнаты.

– Что это, прихоть короля? – спросил он в передней у миньонов.

– Да, – лаконически ответили они.

Господин де Монсоро понял, что здесь ему ничего не добиться, и умолк.

«Ну и ну! – сказал он себе, бросив взгляд в сторону покоев герцога Анжуйского. – Мне кажется, это не сулит ничего доброго его королевскому высочеству».

Но у главного ловчего не было никакой возможности предостеречь принца. Справа от него шел Келюс, слева – Шомберг. На мгновение у Монсоро мелькнула мысль, что миньоны получили тайный приказ арестовать его, и лишь очутившись за пределами Лувра и услышав, как за ним закрылись ворота, он понял неосновательность своих подозрений.

Через десять минут Шомберг и Келюс возвратились к королю.

– А теперь, – сказал Генрих, – ни звука, и отправляйтесь все четверо за мной.

– Куда мы идем, государь? – спросил, как всегда, осторожный д'Эпернон.

– Тот, кто дойдет, увидит, – ответил король.

– Пошли, – сказали в один голос четверо молодых людей.

Миньоны вооружились шпагами, пристегнули свои плащи и последовали за королем, а он, держа в руке фонарь, повел их известным нам потайным коридором, по которому ходили, как мы с вами не раз видели, королева-мать и король Карл IX, направляясь к их дочери и сестре, к милой Марго, чьи покои, мы об этом также уже говорили, занимал теперь герцог Анжуйский.

В коридоре дежурил один из камердинеров герцога, но, прежде чем он успел отступить к двери, чтобы предупредить своего господина, Генрих схватил его и, приказав молчать, передал своим спутникам, те затолкали нерасторопного слугу в одну из комнат и там заперли.

Таким образом, ручку на дверях опочивальни монсеньера герцога Анжуйского повернул сам король.

Герцог только что лег в постель, весь во власти честолюбивых мечтаний, пробужденных в нем событиями этого вечера. Он видел, как превозносили его имя, предав забвению имя короля. Он видел, как парижане расступались перед ним, шествовавшим в сопровождении герцога де Гиза, перед ним и его дворянами, а дворян короля встречали улюлюканьем, насмешками, оскорблениями. Ни разу еще с начала его длинного жизненного пути, густо отмеченного тайными происками, трусливыми заговорами и скрытыми подкопами, не выпадала ему на долю такая популярность и, как ее следствие, такие надежды.

Он положил на стол переданное ему господином де Монсоро письмо герцога де Гиза, где ему советовали обязательно присутствовать завтра при утреннем туалете короля.

Герцог Анжуйский не нуждался в подобных советах, уж он-то не собирался пропускать час своего великого торжества.

Но каково же было изумление Франсуа, когда он увидел, что дверь потайного коридора распахнулась, и в какой ужас он пришел, обнаружив, что ее открыла рука короля!

Генрих сделал своим спутникам знак остаться на пороге и, серьезный, нахмуренный,

подошел к кровати брата, не произнося ни слова.

– Государь, – залепетал герцог, – честь, которой вы удостоиваете меня, так неожиданна...

– Что она вас пугает, не правда ли? – сказал король. – Я это понимаю. Нет, нет, брат мой, не вставайте, останьтесь в постели.

– По, государь; все же..., позвольте мне, – сказал герцог Анжуйский, весь дрожа и придвигая к себе письмо герцога де Гиза, которое он только что кончил читать.

– Вы читали? – спросил король.

– Да, ваше величество.

– Очевидно, то, что вы читали, очень увлекательно, раз вы все еще не спите в столь поздний час.

– О, государь, – ответил герцог с вымученной улыбкой, – ничего, заслуживающего внимания: вечерняя корреспонденция.

– Разумеется, – сказал Генрих, – понятно: вечерняя корреспонденция – корреспонденция Венеры; впрочем, нет, я ошибся, письма, которые посылают с Ирис или с Меркурием, не запечатывают такой большой печатью.

Герцог спрятал письмо.

– А он скромник, наш милый Франсуа, – сказал король со смехом, который слишком напоминал зубовный скрежет, чтобы не испугать его брата.

Однако герцог сделал над собою усилие и попытался принять более уверенный вид.

– Ваше величество желает сказать мне что-нибудь наедине? – спросил герцог. Он заметил, как четверо дворян у дверей зашевелились, и понял, что они слушают и наслаждаются начинающейся сценой.

– Все, что я имею сказать вам наедине, – ответил король, делая ударение на последнем слове, ибо разговор с королем с глазу на глаз был привилегией, предоставленной братьям короля церемониалом французского двора, – все это вам, сударь, придется сегодня соблаговолить выслушать от меня при свидетелях. Господа, слушайте хорошенько, король вам это разрешает, Герцог поднял голову.

– Государь, – сказал он с тем ненавидящим и полным яда взглядом, который человек заимствовал у змеи, – прежде чем оскорблять человека моего положения, вы должны были бы отказать мне в гостеприимстве в Лувре; в моем дворце я, по крайней мере, мог бы вам ответить подобающим образом.

– Поистине, – сказал Генрих с мрачной иронией, – вы забываете, что всюду, где бы вы ни находились, вы остаетесь моим подданным и что мои подданные всегда находятся у меня, где бы они ни были, потому что, слава богу, я король!.. Король этой земли!..

– Государь, – воскликнул Франсуа, – в Лувре – у моей матери.

– А ваша мать – у меня, – ответил Генрих. – Однако ближе к делу, сударь: дайте мне это письмо.

– Какое? – То, что вы читали, черт возьми, то, что лежало раскрытым на вашем ночном столике, то, что вы спрятали, увидев меня.

– Государь, подумайте! – сказал герцог.

– О чем? – спросил король.

– О том, что ваше поведение недостойно дворянина, такое требование может предъявлять лишь полицейский. Король побледнел как мертвец.

– Письмо, сударь! – повторил он.

– Письмо женщины, государь, подумайте! – сказал Франсуа.

– Есть женские письма, которые обязательно следует читать и очень опасно оставлять не прочитанными, пример: письма нашей матушки.

– Брат! – сказал Франсуа.

– Письмо, сударь, – вскричал король, топнув ногой, – или я вызову четверку швейцарцев, и они вырвут его у вас.

Герцог соскочил с кровати, зажав скомканное письмо в руках, с явным намерением

добежать до камина и бросить бумагу в огонь.

– И вы поступите так с вашим братом? Генрих отгадал его намерение и преградил ему путь к камину.

– Не с моим братом, – сказал он, – а с моим смертельным врагом! Не с моим братом, а с герцогом Анжуйским, который весь вечер разъезжал по Парижу за хвостом коня господина де, Гиза! С братом, который пытается скрыть от меня письмо от одного из своих сообщников – господ лотарингских принцев.

– На этот раз, – сказал герцог, – ваша полиция поработала плохо.

– Говорю вам, что я видел на печати трех знаменитых дроздов Лотарингии, которые намереваются проглотить лилии Франции. Дайте письмо, дайте мне его, или, клянусь смертью Христовой...

Генрих сделал шаг к герцогу и опустил ему на плечо руку.

Как только Франсуа ощутил тяжесть королевской руки, как только, скосив глаза, увидел угрожающие позы четырех миньонов, уже готовых обнажить шпаги, он упал на колени и, привалившись к своей кровати, закричал:

– Ко мне! На помощь! Мой брат хочет убить меня! Эти слова, исполненные глубокого ужаса, который делал их убедительными, произвели впечатление на короля и умили его гнев как раз потому, что они преувеличивали глубину этого гнева. Король подумал, что Франсуа и впрямь мог испугаться убийства и что такое убийство было бы братоубийством. У него на мгновение закружилась голова при мысли о том, что в его семье, семье, над которой, как над всеми семьями угасающих родов, тяготеет проклятие, братья, по традиции, убивают братьев.

– Нет, – сказал он, – вы ошибаетесь, брат, король не угрожает вам тем, чего вы страшитесь. Вы попытались бороться, а теперь признайте себя побежденным. Вы знаете, что господин здесь – король, а если и не знали, то теперь поняли. Что ж, скажите об этом, и не шепотом, а во весь голос.

– О! Я говорю это, брат мой, я объявляю об этом, – вскричал герцог.

– Замечательно. Тогда дайте мне письмо..., потому что король приказывает вам дать ему письмо. Герцог Анжуйский уронил бумагу на пол. Король подобрал ее, сложил, не читая, и сунул в свой кошель для раздачи милостыни.

– Это все, государь? – спросил герцог, обратив к королю свой косящий взгляд.

– Нет, сударь, – сказал Генрих, – из-за сегодняшних беспорядков – к счастью, они не имели пагубных последствий – вам еще придется, если вы соблаговолите, еще придется посидеть в этой комнате, до тех пор пока мои подозрения на ваш счет не рассеются окончательно. Вы уже здесь, помещение это вам знакомо, оно удобно и не слишком похоже на тюрьму – оставайтесь тут. У вас будет приятное общество, во всяком случае, по ту сторону двери, потому что сегодня ночью вас будут сторожить эти четверо господ. Завтра утром их сменят швейцарцы.

– А мои друзья? Смогу я увидеть моих друзей?

– Кого называете вы вашими друзьями?

– Господина де Монсоро, например, господина де Рибейрака, господина д'Антрагэ, господина де Бюсси.

– Ну конечно, – сказал король, – еще и этого!

– Разве он имел несчастье чем-нибудь не угодить вашему величеству?

– Да, – сказал король.

– Когда же?

– Всегда и сегодня вечером в частности.

– Сегодня вечером? Что же он сделал сегодня вечером?

– Он нанес мне оскорбление на улицах Парижа.

– Вам, государь?

– Да, мне или преданным мне людям, что одно и то же.

– Бюсси нанес оскорбление кому-то на улицах Парижа этим вечером? Вас ввели в

зablуждение, государь.

– Я знаю, что говорю.

– Государь, – воскликнул герцог с торжествующим видом, – господин де Бюсси уже два дня как не выходит из своего дворца! Он лежит дома больной, его бьет лихорадка.

Король повернулся к Шомбергу.

– Если его и била лихорадка, – сказал молодой человек, – то, уж во всяком случае, не у него дома, а на улице Кокийер.

– Кто вам сказал, – спросил герцог Анжуйский, приподнимаясь, – что Бюсси был на улице Кокийер?

– Я сам его видел.

– Вы видели Бюсси на улице?

– Да, Бюсси, свежего, бодрого, веселого, похожего на самого счастливого человека в мире, и в сопровождении его всегдашнего пособника, этого Реми, уж не знаю – оруженосца его или лекаря.

– В таком случае я больше ничего не понимаю, – сказал пораженный герцог. – Я видел Бюсси сегодня, он лежал под одеялами. Должно быть, он меня обманул.

– Хорошо, – сказал король, – когда все выяснится, господин де Бюсси будет наказан, как и другие и вместе с другими.

Герцог не пытался больше вступаться за своего дворянина, он подумал, что, предоставив королю возможность излить свой гнев на Бюсси, тем самым отвлечет этот гнев от себя.

– Если господин де Бюсси поступил так, – сказал Франсуа, – если он, после того как отказался выйти из дому со мной, вышел один, значит, у него, несомненно, были какие-то намерения, в которых он не мог признаться мне, зная мою преданность вашему величеству.

– Вы слышите, господа, что утверждает мой брат? – спросил король. – Он утверждает, что Бюсси делал все без его ведома.

– Тем лучше, – сказал Шомберг.

– Почему тем лучше?

– Потому что тогда ваше величество позволите нам поступить по нашему усмотрению.

– Хорошо, хорошо, там будет видно, – сказал Генрих. – Господа, я препоручаю моего брата вашим заботам: оказывайте ему в течение этой ночи, во время которой вы будете удостоены чести охранять его, все почести, подобающие принцу крови, первому в королевстве человеку после меня.

– О государь, – сказал Келюс, и от его взгляда герцога бросило в дрожь, – будьте спокойны, мы знаем, скольким обязаны его высочеству.

– Прекрасно, прощайте, господа, – сказал Генрих.

– Государь, – воскликнул герцог, которому отсутствие короля показалось еще более пугающим, чем его присутствие, – неужели я и в самом деле арестован?! Неужели мои друзья не смогут навещать меня?! Неужели меня заточат в этой комнате?!

Тут он вспомнил о завтрашнем дне, о дне, когда ему так необходимо быть рядом с герцогом де Гизом.

– Государь, – продолжал Франсуа, заметив, что король готов смягчиться, – позвольте мне, по крайней мере, хоть завтра быть с вашим величеством. Мое место возле вашего величества. На глазах у вас я буду таким же пленником, и даже под лучшей охраной, чем в любом другом месте. Государь, окажите мне эту милость, разрешите быть при вас.

Король, не усмотрев ничего предосудительного в просьбе герцога Анжуйского, уже готов был согласиться с ней и сказать свое «да», когда внимание его отвлекла от брата очень длинная и весьма гибкая фигура, которая, стоя в дверях, руками, головой, шеей, одним словом – всем, чем только она могла двигать, делала самые отрицательные жесты, какие только можно изобрести и выполнить без того, чтобы не вывихнуть себе кости.

Это был Шико, изображавший «нет».

– Нет, – сказал Генрих брату, – вам здесь очень хорошо, и мне угодно, чтобы вы тут и оставались.

– Государь, – пролепетал герцог.

– Такова воля короля Франции. И, мне кажется, для нас этого должно быть достаточно, сударь, – добавил Генрих с высокомерным видом, окончательно изничтожившим герцога.

– Я же говорил, что настоящий король Франции – ото я! – прошептал Шико.

Глава 6. О ТОМ, КАК ШИКО НАНЕС ВИЗИТ БЮССИ И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВОСПОСЛЕДОВАЛО

Назавтра после этого дня или, скорее, этой ночи, около девяти часов утра, Бюсси спокойно завтракал в компании Реми, и тот в своем качестве лекаря предписывал ему разные подкрепляющие средства. Они беседовали о вчерашних событиях, и Реми пытался вспомнить легенды, изображенные на фресках церквушки святой Марии Египетской.

– Послушай, Реми, – внезапно спросил его Бюсси, – тебе не показался знакомым тот дворянин, которого окунули в чан на углу улицы Кокийер, когда мы там проходили?

– Разумеется, господин граф, и даже до такой степени, что я с той минуты все стараюсь вспомнить его имя.

– Значит, ты его тоже не узнал?

– Нет. Он был уже основательно синий.

– Мне следовало бы выручить его, – сказал Бюсси, – долг порядочных людей защищать друг друга от всякого сброда. Но, по правде, Реми, я был слишком занят своими делами.

– Если мы его и не узнали, – сказал Одуэн, – зато он наверняка нас узнал, ведь мы-то были нашего естественного цвета. Мне показалось даже, что он злобно на нас тарачился и грозил нам кулаком.

– Ты в этом уверен, Реми?

– За то, что тарачился, я головой отвечаю, а насчет кулака и угроз не совсем уверен, – сказал Одуэн, знавший вспыльчивость Бюсси.

– В таком случае, Реми, надо узнать, кто был этот дворянин. Я не могу оставить безнаказанным подобное оскорбление.

– Постойте, постойте, – вскрикнул вдруг Одуэн так, словно он только что выскочил из ледяной воды или прыгнул в кипяток. – Ах, боже мой! Вспомнил! Я знаю, кто это.

– Как ты мог узнать?

– Я слышал, что он ругался.

– Клянусь смертью Христовой, всякий бы ругался в подобном положении!

– Да, но он ругался по-немецки.

– А!

– Он сказал: Gott verdainme.

– Значит, это Шомберг.

– Он самый, господин граф, он самый.

– Тогда, дорогой Реми, готовь твои мази, – Почему?

– Потому что в скором времени придется тебе штопать его шкуру или мою.

– Вы не будете настолько безумны, чтобы позволить убить себя сейчас, когда вы наконец здоровы и так счастливы, – сказал Реми, подмигивая. – Какого черта! Ведь святая Мария Египетская уже один раз вас воскресила, ей может и прискучить сотворять чудо, за которое сам Христос брался всего лишь дважды.

– Совсем напротив, Реми, – ответил граф, – ты себе и не представляешь, какое это наслаждение – рисковать своей жизнью, когда ты счастлив. Уверяю тебя, что я дерусь без всякой охоты после крупного проигрыша в карты, или после того, как я застал мою

любовницу на месте преступления, или когда я недоволен собой. И, наоборот, каждый раз, когда кошелек мой туго набит, на сердце легко и совесть моя чиста, я выхожу на поединок смело и с шутками. Именно тогда я бываю уверен в своей руке и вижу противника насквозь. Я подавляю его своим везением. Я нахожусь в положении человека, который счастливо играет в «пас-дис» и чувствует, как ветер удачи метет к нему золото его соперника. Нет, именно в такие минуты я блистателен, уверен в себе, именно тогда я делаю выпад правой ногой. Сегодня я дрался бы великолепно, Реми, – сказал молодой человек и протянул лекарю руку, – потому что, благодаря тебе, я счастлив!

– Минутку, минутку, – сказал Одуэн, – тем не менее вам придется, если вы не возражаете, отказаться от этого удовольствия. Одна прекрасная дама из числа моих друзей поручила вас моим заботам и вынудила меня поклясться, что я сохраню вас здоровым и невредимым; вынудила под предлогом, что вы обязаны ей жизнью и поэтому не можете распорядиться этой жизнью без ее согласия.

– Мой добрый Реми, – сказал граф, погружаясь в те туманные мечтания, при которых влюбленный воспринимает все, что совершается и говорится вокруг него, так, как в театре мы видим декорации и актеров на сцене сквозь прозрачный занавес: неясно, без отчетливых линий и ярких красок. Это чудесное состояние полусна, когда, отдаваясь всей душой нежным мыслям о предмете вашей любви, вы одновременно чувствами воспринимаете слова или жесты друга.

– Вы называете меня «добрым Реми», – сказал Одуэн, – потому что я дал вам возможность снова увидеть госпожу де Монсоро, но станете ли вы называть меня «добрым Реми», когда окажетесь разлученным с нею, а, к несчастью, этот день близок, если уже не настал.

– Что ты сказал? – вскричал, встрепенувшись, Бюсси. – Не будем с этим шутить, мэтр ле Одуэн!

– Э! Сударь, я не шучу. Разве вы не знаете, что она уезжает в Анжу и что я сам тоже обречен на страдания из-за разлуки с мадемуазель Гертрудой? Ах!..

Бюсси не мог сдержать улыбки при виде притворного отчаяния Реми.

– Ты ее очень любишь? – спросил он.

– Еще бы.., и она меня тоже... Если бы вы знали, как она меня колотит.

– И ты ей это позволяешь?

– Из-за любви к науке; благодаря Гертруде я был вынужден изобрести превосходную мазь от синяков.

– В таком случае тебе следовало бы послать несколько баночек Шомбергу.

– Не будем больше говорить о Шомберге, пусть он сам о себе позаботится.

– Да, и вернемся к госпоже де Монсоро или, вернее, к Диане де Меридор, потому что, знаешь...

– Бог мой, конечно, знаю.

– Реми, когда мы едем?

– А! Я так и думал. Как можно позже, господин граф.

– Почему?

– Во-первых, потому, что в Париже находится наш дорогой принц, глава анжуйцев, который прошлым вечером ввязался, как мне кажется, в такие дела, что мы ему, очевидно, понадобится.

– Дальше?

– Дальше, потому что господин де Монсоро, словно по какой-то особой милости к нам небес, ни о чем не подозревает, – во всяком случае, ни в чем не подозревает вас, но может заподозрить кое-что, если вы исчезнете из Парижа в одно время с его женой, которая ему не жена.

– Ну и что? Какое мне дело до его подозрений?

– О! Разумеется. Но мне-то до этого есть дело, и очень большое, любезный мой господин. Я берусь штопать дыры от ударов шпаги, полученные на поединках, потому что вы

превосходно фехтуете и у вас никогда не бывает серьезных ран, но я отказываюсь иметь дело с кинжальными ранами, нанесенными из засады, и в особенности когда их наносят ревнивые мужья. Эти скоты в подобных случаях бьют изо всех сил. Вспомните беднягу господина де Сен-Мегрена, так злодейски убитого нашим другом, господином де Гизом.

– Чего же ты хочешь, мой милый, коли мне на роду написано погибнуть от руки Монсоро!

– Значит?

– Значит, он меня и убьет.

– А через неделю, через месяц или через год госпожа де Монсоро станет женой своего супруга, что приведет в бешенство вашу бедную душу, которая увидит это сверху или снизу и не сможет ничему помешать, поскольку у нее не будет тела.

– Ты прав, Реми, я хочу жить.

– В добрый час! Но жить – это еще не все, поверьте мне, надо еще следовать моим советам и быть любезным с Монсоро. Он сейчас ужасно ревнует к герцогу Анжуйскому. Тот, пока вы тряслись от лихорадки у себя в постели, прогуливался под окнами дамы, словно преуспевающий испанец, и был опознан по своему лютнисту Орильи. Оказывайте всяческие любезности милейшему супругу, который не является супругом, и даже не заикайтесь ему о его жене. Да вам это и ни к чему, вы и сами все о ней знаете. Тогда он будет рассказывать повсюду, что вы единственный дворянин, обладающий добродетелями Сципиона: стойкостью и целомудрие:

– Мне кажется, ты прав, – сказал Бюсси. – Сейчас, когда я больше не ревную к этому медведю, я его приручу. Ну и посмеемся же мы! Ах, Реми, теперь проси от меня всего, что хочешь, мне все легко – я счастлив.

В эту минуту кто-то постучался в дверь; собеседники замолчали.

– Кто там? – спросил Бюсси.

– Монсеньер, – ответил один из его пажей, – там внизу какой-то дворянин хочет говорить с вами.

– Говорить со мной в такую рань, кто же это?

– Высокий господин, одетый в зеленый бархат и розовые чулки, немного смешной, но вид у него человека порядочного.

– Гм, – вслух подумал Бюсси, – не Шомберг ли это?

– Он сказал: «Высокий господин».

– Верно. Тогда, может быть, – Монсоро?

– У этого вид человека порядочною – Ты прав, Реми, это не может быть ни тот, ни другой. Впустите его.

Через короткое время человек, о котором говорил паж, появился на пороге.

– Ах! Бог мой! – вскричал Бюсси при виде посетителя и поспешно встал, а Реми, как и подобает скромному другу, вышел в соседнюю комнату. – Господин Шико! – воскликнул Бюсси.

– Он самый, господин граф, – ответил ему гасконец. Бюсси уставился на него с тем изумлением, которое говорит яснее всяких слов: «Сударь, зачем вы сюда пожаловали?»

Поэтому Шико, несмотря на то что ему не было задано этого вопроса, ответил очень серьезным тоном:

– Сударь, я пришел, чтобы предложить вам небольшую сделку.

– Я вас слушаю, сударь, – сказал Бюсси с недоумением.

– Что вы мне обещаете, если я окажу вам важную услугу?

– Это зависит от услуги, сударь, – ответил несколько свысока Бюсси.

Гасконец прикинулся, что не замечает его пренебрежительного тона.

– Сударь, – сказал он, усевшись и скрестив свои длинные ноги, – я вижу, что вы не удостоиваете меня приглашением сесть.

Краска бросилась в лицо Бюсси.

– Это увеличивает размеры вознаграждения, которое мне будет полагаться после

того, как я окажу вам упомянутую услугу.

Бюсси ничего не ответил.

– Сударь, – не смущаясь, продолжал Шико, – вы знакомы с Лигой?

– Я о ней много слышал, – ответил Бюсси, начиная проявлять к словам гасконца некоторый интерес.

– В таком случае, сударь, – сказал Шико, – вы должны знать, что это объединение честных христиан, собравшихся для того, чтобы благоговейно уничтожить своих ближних – гугенотов. Вы состоите в Лиге, сударь?.. Я – да.

– Но, сударь?..

– Скажите только, «да» или «нет».

– Позвольте мне удивиться, – сказал Бюсси.

– Я имел честь спросить вас, состоите ли вы в Лиге; вы поняли меня?

– Господин Шико, – сказал Бюсси, – я не люблю вопросов, смысла которых я не понимаю, поэтому, будьте так любезны, перемените тему разговора, и ради приличия я подожду еще несколько минут, прежде чем сказать вам, что, не любя подобных вопросов, я, естественно, не люблю и людей, их задающих.

– Великолепно; приличие есть приличие, как говорит наш дорогой господин де Монсоро, когда он в хорошем настроении.

При имени Монсоро, которое гасконец обронил словно бы невзначай, Бюсси снова стал внимательным.

– Гм, – прошептал он, – не заподозрил ли Монсоро чего-нибудь и не прислал ли ко мне этого Шико на разведку?..

И сказал громко:

– Ближе к делу, господин Шико, в нашем распоряжении всего несколько минут.

– Optime⁶, – ответил Шико, – несколько минут – это много; за несколько минут можно наговорить с три короба. Я, пожалуй, мог бы и не спрашивать вас, ведь если вы и не принадлежите к святой Лиге, то, вне всякого сомнения, вступите в нее, и очень скоро, учитывая, что монсеньер герцог Анжуйский в ней состоит.

– Герцог Анжуйский! Кто это вам сказал?

– Он сам в личной беседе со мной, как говорят или, вернее, пишут законники; как писал, например, милейший и добрейший господин Николя Давид, светоч парижского форума. Этот светоч теперь угас, и до сих пор неизвестно, кто же его задул. Так вот, вы прекрасно понимаете, что если герцог Анжуйский принадлежит к Лиге, вам этого тоже не избежать, ведь вы его правая рука, черт побери! Лига понимает толк в деле и не согласится иметь своим главой однорукого.

– И что же дальше, господин Шико? – сказал Бюсси, на этот раз значительно более вежливым тоном.

– Дальше? – переспросил Шико. – Дальше, если вы принадлежите к Лиге или подумают, что вы к ней принадлежите, а так обязательно подумают, с вами случится то же, что случилось с его королевским высочеством.

– Что же случилось с его королевским высочеством? – воскликнул Бюсси.

– Сударь, – сказал Шико, поднимаясь и принимая ту позу, которую незадолго до этого принимал Бюсси, – сударь, я не люблю вопросов и – если вы разрешите мне продолжить – не люблю людей, задающих вопросы, поэтому у меня большое желание предоставить сделать с вами то, что сделали ночью с вашим господином.

– Господин Шико, – сказал Бюсси с улыбкой, которая заключала в себе все извинения, какие может принести дворянин, – говорите же, умоляю вас, где герцог?

– В тюрьме.

– В какой?

⁶ Превосходно (лат.).

– В своей опочивальне. И четверо моих добрых друзей не спускают с него глаз: господин де Шомберг, которого вчера вечером выкрасили в синий цвет, как это вам известно, потому что вы были свидетелем этой операции; господин д'Эпернон, желтый с перепугу, господин де Келюс, красный от гнева, и господин де Можирон, белый от скуки. Прелестное зрелище, особенно если учесть, что герцог начинает зеленеть от страха. Вскоре мы сможем наслаждаться полной радугой, мы – избранное общество Лувра.

– Значит, сударь, – сказал Бюсси, – вы думаете, что моей свободе угрожает опасность?

– Опасность..., дайте подумать, сударь. Я полагаю, что в эту минуту вас готовы..., вас должны..., вас должны были бы арестовать.

Бюсси содрогнулся.

– Как вы смотрите на Бастилию, господин де Бюсси? Это прекрасное место для размышлений, и господин Лоран Тестю, ее комендант, весьма недурно кормит своих птишек.

– Меня отправят в Бастилию?! – воскликнул Бюсси.

– По чести, так! У меня тут где-то в кармане даже вроде бы приказ есть препроводить вас туда, господин де Бюсси; хотите поглядеть?

И Шико действительно извлек из своей штанины, в которую могли бы поместиться три таких ляжки, как у него, составленный по всей форме королевский приказ, предписывающий взять под стражу господина Луи де Клермона, сеньора де Бюсси д'Амбуаз, в любом месте, где он будет обнаружен.

– Редакция господина де Келюса, – сказал Шико, – прекрасно написано.

– Так, значит, сударь, – воскликнул Бюсси, тронутый поступком Шико, – вы мне в самом деле оказываете услугу?

– Мне кажется, да, – сказал гасконец, – и вы того же мнения, сударь?

– Сударь, – сказал Бюсси, – заклинаю вас, ответьте мне, как человек благородный: вы спасаете меня сегодня, чтобы погубить когда-нибудь в другой раз? Ведь вы любите короля, а король меня не любит.

– Господин граф, – сказал Шико, приподнимаясь на своем стуле и кланяясь, – я спасаю вас, чтобы вас спасти. А теперь можете думать о моем поступке все, что вам будет угодно.

– Но, бога ради, чему обязан я подобной милостью?

– Разве вы забыли, что я просил вас о вознаграждении?

– Это верно.

– Так что же?

– Ах, сударь, с радостью!

– Значит, вы, в свою очередь, сделаете то, о чем однажды я попрошу вас?

– Слово Бюсси! Если только это будет в моих силах.

– Прекрасно, этого с меня достаточно, – сказал Шико, вставая. – Теперь садитесь на коня и исчезайте, а я передам приказ о вашем аресте тому, кто имеет право исполнить его.

– Так вы не должны были сами арестовать меня?

– Да что вы! За кого вы меня принимаете? Я – дворянин, сударь.

– Но я покидаю моего господина.

– Не упрекайте себя, он первый вас покинул.

– Вы славный дворянин, господин Шико, – сказал Бюсси гасконцу.

– Черт возьми, я и сам так думаю, – ответил тог. Бюсси позвал Одуэна.

Одуэн, который, надо отдать ему справедливость, подслушивал у дверей, тотчас же возник на пороге.

– Реми! – воскликнул де Бюсси. – Реми, наших коней!

– Они оседланы, монсеньер, – спокойно ответил Реми.

– Сударь, – сказал Шико, – вот на редкость сообразительный молодой человек.

– Черт возьми, я и сам так думаю, – заметил Реми.

И они отвесили друг другу низкие поклоны, как это сделали бы лет пятьдесят спустя

Гийом Горен и Готьо-Гаргий.

Бюсси набрал несколько пригоршней экио и рассыпал их по своим карманам и по карманам Одуэна.

Затем, поклонившись Шико и еще раз поблагодарив его, шагнул к двери.

– Простите, сударь, – сказал Шико, – разрешите мне присутствовать при вашем отъезде.

И гасконец последовал за Бюсси и Одуэном в маленький конюшенный двор, где паж и в самом деле держал под уздцы оседланных лошадей.

– Куда мы едем? – спросил Реми, небрежно беря поводья своего коня.

– Куда?.. – переспросил Бюсси в нерешительности или прикидываясь, что он в нерешительности.

– Что вы скажете о Нормандии, сударь? – сказал Шико, который наблюдал за сборами и с видом знатока разглядывал коней.

– Нет, – ответил Бюсси, – это слишком близко.

– А что вы думаете о Фландрии? – продолжал Шико.

– Это слишком далеко.

– Я полагаю, – сказал Реми, – что вы остановитесь на Анжу, оно находится на подходящем расстоянии, не правда ли, господин граф?

– Да, поехали в Анжу, – ответил Бюсси, покраснев.

– Сударь, – сказал Шико, – теперь, когда вы сделали ваш выбор и собираетесь выехать...

– Немедленно.

– Я имею честь приветствовать вас. Поминайте меня в своих молитвах.

И достойный дворянин все с тем же серьезным и величественным видом зашагал прочь, задевая за углы домов своей гигантской рапирой.

– Значит, это судьба, сударь, – сказал Реми.

– Поехали, скорей! – вскричал Бюсси. – Быть может, мы ее нагоним.

– Ах, сударь, – сказал Одуэн, – если вы будете помогать судьбе, вы отнимете у нее ее заслуги. И они тронулись в путь.

Глава 7.

ШАХМАТЫ ШИКО, БИЛЬБОКЕ КЕЛЮСА И САРБАКАН ШОМБЕРГА

Можно сказать, что Шико, несмотря на свой флегматичный вид, возвращался в Лувр в самом радостном настроении.

Он получил тройное удовлетворение: оказал услугу такому храбрецу, как Бюсси, принял участие в интриге и обеспечил королю возможность произвести тот государственный переворот, которого требовали обстоятельства.

Вне всякого сомнения, присутствие в городе и Бюсси с его ясной головой, а в особенности – храбрым сердцем, и нерушимого триумвирата Гизов предвещало доброму Парижу грозу в самые ближайшие дни.

Сбывались все опасения короля и все предвидения Шико.

После того, как герцог де Гиз принял у себя утром руководителей Лиги, явившихся, чтобы вручить ему книги, заполненные подписями, те самые книги, которые мы с вами уже видели на перекрестках улиц, возле дверей гостиниц и даже на алтарях церквей; после того, как герцог де Гиз посулил этим руководителям, что у Лиги будет глава, и взял с каждого из них клятву признать своим вождем того, кого назначит король; после того, наконец, как герцог де Гиз посоветовался с кардиналом и с герцогом Майеннским, он вышел из своего особняка и отправился к его высочеству герцогу Анжуйскому, которого потерял из виду накануне вечером, в десятом часу.

Шико ожидал этого визита, поэтому, расставшись с Бюсси, он тотчас же пошел к Алансонскому дворцу, расположенному на углу улиц Отфей и Сент-Андре, и стал бродить

поблизости.

Не прошло и четверти часа, когда Шико увидел, что человек, которого он ожидал, выходит из улицы Юшет.

Гасконец спрятался за углом улицы Симетьер, и герцог де Гиз вошел во дворец, не заметив его.

Главный камердинер принца, встретивший герцога, был несколько обеспокоен тем, что его господин до сих пор не вернулся домой, хотя он и догадывался, что, вероятнее всего, герцог Анжуйский остался на ночь в Лувре.

Гиз спросил, нельзя ли ему, за отсутствием принца, поговорить с Орильи. Камердинер ответил, что Орильи находится в кабинете своего господина и герцог волен расспросить его, о чем пожелает.

Герцог отправился в кабинет.

И действительно, Орильи, лютнист и наперсник принца, был, как вы помните, посвящен во все тайны герцога Анжуйского и должен был знать лучше, чем кто-либо другой, где обретается его высочество.

Однако Орильи и сам был встревожен не меньше, если не больше, камердинера, и время от времени, оставив лютню, струны которой он рассеянно перебирал, подходил к окну поглядеть, не идет ли принц.

Трижды посылали в Лувр, и каждый раз получали ответ, что принц возвратился очень поздно и еще поживает.

Герцог де Гиз осведомился у Орильи о герцоге Анжуйском.

Орильи был разлучен со своим господином накануне вечером, на углу улицы Арбр-Сек, большой группой людей, которая влилась в толпу, собравшуюся возле гостиницы «Путеводная звезда», и возвратился в Алансонский дворец, чтобы подождать его там, ничего не зная о решении заночевать в Лувре, принятом его королевским высочеством.

Лютнист рассказал лотарингскому принцу о трех гонцах, отправленных им в Лувр, и об одинаковом ответе, полученном каждым из них.

– Спит, в одиннадцать-то часов?! – сказал герцог. – Совершенно невероятно. Сам король обычно в это время уже на ногах. Вам надо пойти в Лувр, Орильи.

– Я об этом думал, монсеньер, – сказал Орильи, – но вот что меня смущает: может быть, это принц велел привратнику Лувра отвечать, что он спит, а сам занимается любовными похождениями где-нибудь в городе. Если дело обстоит именно так, то его высочество, по всей вероятности, будет недоволен нашими розысками.

– Орильи, – возразил герцог, – поверьте мне, его высочество слишком разумный человек, чтобы заниматься любовными похождениями в такой день, как сегодня. Отправляйтесь без всякой боязни в Лувр, и вы его там найдете.

– Я отправлюсь, монсеньер, раз вы так желаете, со что мне ему передать?

– Вы скажете, что церемония в Лувре назначена на два часа и, как ему хорошо известно, нам надо посоветоваться, прежде чем явиться к королю. Вы же понимаете, Орильи, – прибавил герцог с недовольным и малопочтительным видом, – не время спать, когда король собирается назначить главу Лиги.

– Прекрасно, монсеньер, я попрошу его высочество прийти сюда.

– Скажите ему, что я жду его с нетерпением. Многие из приглашенных на два часа уже в Лувре, и нельзя терять ни минуты. А я тем временем пошлю за господином де Бюсси.

– Уговорились, монсеньер. Но что мне делать, если я не найду его высочества в Лувре?

– Если вы не найдете его высочества в Лувре, Орильи, не трудитесь искать его в других местах; достаточно будет, если позже вы расскажете ему, с каким усердием пытался я его разыскать. Как бы то ни было, без четверти два я буду в Лувре.

Орильи поклонился герцогу и ушел.

Шико заметил, как лютнист покинул дворец, и догадался, куда он идет.

Если герцог де Гиз узнает об аресте герцога Анжуйского, все погибнет или, во

всяком случае, очень усложнится.

Увидев, что Орильи пошел по улице Юшет к мосту Сен-Мишель, Шико пустился во всю прыть своих длинных ног по улице Септ-Андре-дез-Ар и к тому времени, когда Орильи еще только подходил к Гран-Шатле, гасконец уже переправился через Сену на Нельском пароме.

Мы с вами последуем за Орильи, ибо он ведет нас туда, где должны разыгаться главные события этого дня.

Лютнист прошел по набережным, на которых толпились с видом победителей буржуа, и очутился возле Лувра. Посреди бурного парижского ликования дворец сохранял спокойный и беззаботный вид.

Орильи хорошо знал жизнь, а придворную – в особенности. Прежде всего он поболтал с дежурным офицером, лицом, весьма важным для всякого, кто хочет узнать новости и разнюхать, не случилось ли каких скандальных происшествий.

Дежурный офицер был сама любезность: король встал утром в наилучшем настроении.

От дежурного офицера Орильи проследовал к привратнику.

Привратник делал смотр стражникам, одетым в новую форму, и вручал им алебарды нового образца.

Он улыбнулся лютнисту и ответил на его замечания по поводу дождя и хорошей погоды, что создало у Орильи самое благоприятное впечатление о политической атмосфере.

Поэтому Орильи отправился дальше и стал подниматься по главной лестнице к покоям герцога, старательно раскланиваясь с придворными, уже заполнившими лестничные площадки и передние.

У двери, ведущей в покои его высочества, он увидел Шико, который сидел на складном стуле.

Шико играл сам с собой в шахматы и казался полностью погруженным в решение трудной задачи.

Орильи намеревался пройти мимо, но длинные ноги Шико занимали всю лестничную площадку.

Музыкант был вынужден хлопнуть гасконца по плечу.

– А, это вы, – сказал Шико, – прошу прощения, господин Орильи.

– Что вы тут делаете, господин Шико?

– Как видите, играю в шахматы.

– Сами с собой?

– Да..., я изучаю одну комбинацию. А вы, сударь, умеете играть в шахматы?

– Очень неважно.

– Ну конечно, вы музыкант, а музыка – искусство трудное, и те избранные, кто посвящает себя музыке, вынуждены отдавать ей все свое время и все свои способности.

– Комбинация, кажется, сложная? – спросил, засмеявшись, Орильи.

– Да. Меня беспокоит мой король. Вы знаете, господин Орильи, в шахматах король – фигура очень глупая, никчемная: у нее нет своей воли, она может делать только один шаг – направо, налево, вперед или назад. А враги у нее очень проворные: кони, они одним прыжком перемахивают через две клетки, и целая толпа пешек, они окружают короля, теснят и всячески беспокоят. Так что, если у него нет хороших советников, тогда, черт возьми, его дело гиблое, он недолго продержится. Правда, у него есть свой шут, который приходит и уходит, перелетает с одного конца доски на другой, имеет право становиться перед королем, позади него, рядом с ним; но правда и то, что чем более предан шут своему королю, тем большему риску подвергается он сам, господин Орильи, и я должен вам признаться, что как раз в эту минуту мой король и его шут находятся в наипоопаснейшем положении.

– Но, – спросил Орильи, – какие обстоятельства заставили вас, господин Шико, изучать все эти комбинации у дверей его королевского высочества?

– Дело в том, что я жду господина де Келюса, он там.

– Где там? – спросил Орильи.

– У его высочества, разумеется.

– Господин де Келюс у его высочества? – удивился Орильи.

Во время разговора Шико очистил путь лютнисту, но при этом переместил все свое имущество в коридор и, таким образом, гонец господина де Гиза оказался теперь между гасконцем и дверью в переднюю.

Однако Орильи не решался открыть эту дверь.

– Но что делает, – спросил он, – господин де Келюс у герцога Анжуйского? Я не знал, что они такие друзья.

– Тсс! – произнес Шико с таинственным видом. Затем, не выпуская из рук шахматной доски, он изогнул свое длинное тело в дугу, и в результате, хотя ноги его не сдвинулись с места, губы оказались возле уха Орильи.

– Он просит прощения у его королевского высочества за небольшую размолвку, которая у них случилась вчера.

– В самом деле? – сказал Орильи.

– Ему велел это сделать король; вы же знаете, в каких сейчас прекрасных отношениях братья. Король не пожелал снести одной дерзости Келюса и приказал ему просить прощения.

– Правда?

– Ах, господин Орильи, – сказал Шико, – мне кажется, что у нас наступает самый настоящий золотой век. Лувр превратился в Аркадию, а братья в Arcades ambo⁷. Ах, простите, господин Орильи, я все время забываю, что вы музыкант.

Орильи улыбнулся и вошел в переднюю герцога, открыв дверь достаточно широко для того, чтобы Шико смог обменяться многозначительным взглядом с Келюсом, который к тому же был, по всей вероятности, предупрежден обо всем заранее.

После чего Шико, возвратившись к своим паламедовским комбинациям, принялся распекал шахматного короля, быть может, не столь сурово, как того заслуживал настоящий король во плоти, но, конечно, суровее, чем того заслужил ни в чем не повинный кусок слоновой кости.

Как только Орильи вошел в переднюю, Келюс, забавлявшийся замечательным бильбоке из черного дерева, инкрустированного слоновой костью, весьма любезно приветствовал его.

– Bravo, господин де Келюс! – сказал Орильи, увидев, как мастерски молодой человек поймал шарик в чашечку. – Bravo!

– Ах, любезный господин Орильи, – ответил Келюс, – когда же наконец я буду играть в бильбоке так же хорошо, как вы играете на лютне?.

– Тогда, – ответил немного задетый Орильи, – когда вы потратите на изучение вашей игрушки столько дней, сколько лет я потратил на изучение моего инструмента. Но где же монсеньер? Разве вы не беседовали с ним сегодня утром, сударь?

– Он действительно назначил мне аудиенцию, любезный Орильи, но Шомберг перебежал мне дорогу.

– Вот как! И господин де Шомберг тоже здесь? – удивился лютнист.

– Ну разумеется, господи боже мой. Это король все так устроил. Шомберг там, в столовой. Проходите, господин Орильи, и будьте так любезны: напомните принцу, что мы ждем.

Орильи распахнул вторую дверь и увидел Шомберга, который скорее лежал, чем сидел, на огромном пуфе.

Развалившись таким образом, Шомберг занимался прицельной стрельбой из сарбакана по золотому кольцу, подвешенному на шелковой нитке к потолку: он выдувал из

⁷ Аркадиев оба (лат.).

трубки маленькие, душистые глиняные шарики, большой запас которых находился у него в ягдташе, и всякий раз, когда шарик, пролетев через кольцо, не разбивался о стену, любимая собачка Шомберга приносила его хозяину.

– Чем вы занимаетесь в покоях монсеньера! – воскликнул Орильи. – Ах, господин де Шомберг!

– А! а! Guten Morgen, господин Орильи, – отвечал Шомберг, оторвавшись от своих упражнений. – Видите ли, я убиваю время в ожидании аудиенции.

– Но где же все-таки монсеньер? – спросил Орильи.

– Тес! Монсеньер занят: он принимает извинения от д'Эпернона и Можирона. Но не угодно ли вам войти? Ведь вы у принца свой человек.

– А не будет ли это нескромно с моей стороны? – спросил музыкант.

– Никоим образом, напротив. Он в своей картинной галерее. Входите, господин д'Орильи, входите.

И Шомберг, взяв Орильи за плечи, втолкнул его в соседнюю комнату, где ошеломленный музыкант увидел прежде всего д'Эпернона перед зеркалом, смазывавшего клеем свои усы, чтобы придать им нужную форму, в то время как Можирон, у окна, был занят вырезыванием гравюр, по сравнению с коими барельефы храма Афродиты в Книде и фрески бань Тиберия на Капри могли бы сойти за образцы целомудрия.

Герцог, без шпаги, сидел в кресле между двумя молодыми людьми, которые смотрели на него лишь для того, чтобы Следить за его действиями, и заговаривали с ним, только когда хотели сказать ему какую-нибудь дерзость.

Завидев Орильи, герцог бросился было к нему.

– Осторожней, монсеньер, – осадил его Можирон, – вы задели мои картинки.

– Боже мой! – вскричал музыкант. – Что я вижу? Моего господина оскорбляют.

– Как поживает наш любезный господин Орильи? – продолжая закручивать свои усы, осведомился д'Эпернон. – Должно быть, прекрасно: у него такое румяное лицо.

– Окажите мне дружескую услугу, господин музыкант, отдайте мне ваш кинжальчик, пожалуйста, – сказал Можирон.

– Господа, господа, – возмутился Орильи, – неужели вы забыли, где находитесь?!

– Что вы, что вы, дорогой Орильи, – ответил д'Эпернон, – мы помним, именно потому мой друг и просит у вас кинжал. Вы же видите, что у герцога кинжала нет.

– Орильи, – сказал герцог голосом, исполненным страдания и ярости, – разве ты не догадываешься, что я – пленник?

– Чей пленник?

– Моего брата. Ты должен был понять это, увидев, кто мои тюремщики.

Орильи издал возглас удивления.

– О, если бы я подозревал! – сказал он, – Вы захватили бы вашу лютню, чтобы развлечь его высочество, любезный господин Орильи? – раздался насмешливый голос. – Но я об этом подумал; я послал за ней, вот она.

И Шико действительно протянул несчастному музыканту лютню. За спиной гасконца можно было видеть Келюса и Шомберга, зевавших с риском вывихнуть челюсти.

– Ну, как ваша шахматная партия, Шико? – спросил д'Эпернон.

– Ив самом деле – как? – подхватил Келюс.

– Господа, я полагаю, что мой шут спасет своего короля, по, черт возьми, нелегко ему будет это сделать! Ну что ж, господин Орильи, давайте мне ваш кинжал, а я дам вам лютню, сменяемся так на так.

Оцепеневший от ужаса музыкант повиновался и сел на подушку у ног своего господина.

– Вот уже один и в мышеловке, – сказал Келюс, – подождем других.

И с этими словами, объяснившими Орильи все предшествовавшее, Келюс вернулся на свой пост в породней, попросив предварительно Шомберга отдать ему сар-бакан в обмен на бильбоке.

– Правильно, – заметил Шико, – надо разнообразить удовольствия, лично я, чтобы внести разнообразие в мои, отправляюсь учреждать Лигу.

И он закрыл за собой дверь, оставив его королевское высочество в компании миньонов, увеличившейся за счет бедного лютниста.

Глава 8.

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ НАЗНАЧИЛ ГЛАВУ ЛИГИ И КАК ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО ЭТО НЕ БЫЛ НИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВО ГЕРЦОГ АНЖУЙСКИЙ, НИ МОНСЕНЬЕР ГЕРЦОГ ДЕ ГИЗ

Час большого приема наступил или, вернее говоря, приближался, потому что уже с полудня в Лувр начали прибывать руководители Лиги, ее участники и даже просто любопытные.

Париж, такой же взбудораженный, как накануне, но с той лишь разницей, что швейцарцы; которые в прошлый раз не принимали участия в празднике, были теперь главными действующими лицами; Париж, такой же взбудораженный, как накануне, повторяем мы, выслал к Лувру делегации лигистов, ремесленные цеха, эшевенов, ополченцев и неиссякаемые потоки зевак. В те дни, когда народ чем-то занят, эти зевачи собираются возле него, чтобы наблюдать за ним, столь же многочисленные, возбужденные и любопытные, как и он, словно в Париже два народа, словно в этом огромном городе – маленькой копии мира – каждый способен, при желании, раздвоиться: одно его «я» действует, другое наблюдает за ним.

Итак, вокруг Лувра собралась большая толпа народу. Но не тревожьтесь за Лувр.

Еще не пришло то время, когда ропот народов обратится в громовые раскаты, когда дыхание пушек сметет стены и обрушит замки на головы их владельцев. В этот день швейцарцы, предки швейцарцев 10 августа и 27 июля, улыбались парижской толпе, несмотря на то что в руках у нее было оружие, а парижане улыбались швейцарцам. Еще не наступил для народа тот час, когда он обагрит кровью вестибюль королевского дворца.

Не думайте, однако, что разыгрывавшийся спектакль, будучи не столь мрачным, был вовсе лишен интереса. Напротив, Лувр представлял собою в этот день самое любопытное зрелище из всех описанных нами до сих пор.

Король находился в большом тронном зале в окружении своих сановников, друзей, придворных и членов семьи, он ждал, пока все цехи не продефилируют перед ним и, оставив своих старшин во дворце, не отправятся на отведенные им места, во дворе Лувра и под его окнами.

Так он мог, разом, полностью, охватить взглядом и почти сосчитать всех своих врагов, то руководясь замечаниями, которые время от времени отпускал Шико, спрятавшийся за королевским креслом, то предупреждаемый знаками королевы-матери, а порой просвещенный судорогой, перекосившей лицо какого-нибудь из рядовых лигистов, не причастных, как их главари, к тайне предстоящего и поэтому более нетерпеливых. Внезапно в зал вошел господин де Монсоро.

– Вот так раз, – сказал Шико, – погляди-ка, Генрике.

– Куда поглядеть?

– Да на главного ловчего, черт побери! Право же, стоит. Он такой бледный и так забрызган грязью, что заслуживает твоего взгляда.

– Это и в самом деле он, – сказал король. Генрих сделал знак господину де Монсоро, и главный ловчий приблизился.

– Почему вы в Лувре, сударь? – спросил Генрих. – Я полагал, что вы в Венсене и готовитесь выставить для нас оленя.

– Олень был выставлен в семь часов утра, государь. Но, увидев, что близится полдень, а от вас нет никаких известий, я испугался, не случилось ли с вами какого-нибудь несчастья, и примчался сюда.

– Вот оно что? – произнес король.

– Государь, ежели я нарушил свой долг, то лишь из-за моей безграничной преданности вам.

– Разумеется, сударь, – сказал Генрих, – и будьте уверены, что я ее ценю.

– А теперь, – продолжал граф с некоторым колебанием в голосе, – ежели вашему величеству угодно, чтобы я возвратился в Венсен, теперь, когда я успокоился...

– Нет, нет, оставайтесь, наш главный ловчий; эта охота – всего лишь прихоть, она пришла нам в голову и исчезла так же, как появилась. Оставайтесь и не уходите далеко, я нуждаюсь в том, чтобы меня окружали верные мне люди, а вы сами причислили себя к тем, на чью преданность я могу рассчитывать. Монсоро поклонился.

– Где ваше величество прикажет мне стать?

– Не отдашь ли ты его мне на полчаса? – шепнул Шико на ухо королю.

– Зачем?

– Чтобы помучить немножко. Ну что тебе стоит? Ты передо мною в долгу: заставил присутствовать на такой скучной церемонии, какой обещает быть эта.

– Ладно, бери его.

– Я имел честь спросить у вашего величества, где ему будет угодно, чтобы я стал? – повторил свой вопрос граф.

– Мне показалось, что я вам ответил: «Где пожелаете». За моим креслом, например. Там я обычно помещаю своих друзей.

– Пожалуйте сюда, наш главный ловчий, – сказал Шико, освобождая для господина де Монсоро часть территории, которую до этого он занимал один, – и примогайтесь немного к этим молодцам. Вот эту дичь можно поднять и без охотничьих собак. Клянусь святым чревом, господин граф, какой букет! Это проходят сапожники, вернее, прошли. А вот идут кожевники, помереть мне на месте! Ах, наш главный ловчий, коли вы потеряете след этих, объявляю вам, что отберу у вас патент на должность.

Господин де Монсоро делал вид, что слушает, или, скорее, слушал, не слыша.

Он был поглощен какой-то мыслью и оглядывался вокруг с беспокойством, которое не ускользнуло от короля, тем более что Шико не преминул обратить на него внимание Генриха.

– Послушай-ка, – шепнул гасконец, – ты знаешь, на кого охотится в эту минуту твой главный ловчий?

– Нет, а на кого?

– На твоего брата Анжуйского.

– Во всяком случае, дичи своей он не видит, – сказал, смеясь, Генрих.

– Нет, идет наугад. Ты стоишь на том, чтобы он не знал, где она находится?

– Откровенно говоря, я не возражал бы, чтобы он пошел по ложному следу.

– Погоди, погоди, – сказал Шико, – сейчас я наведу его на след. Говорят, что от волка пахнет лисицей, на этом он и запутается. Только спроси у него, где графиня.

– Зачем?

– Спроси, спроси, увидишь.

– Господин граф, – сказал Генрих, – куда вы девали госпожу де Монсоро? Я не вижу ее среди дам.

Граф подскочил так, словно его змея ужалила в ногу. Шико почесал кончик носа и подмигнул королю.

– Государь, – ответил главный ловчий. – Графиня чувствовала себя нездоровой, воздух Парижа ей вреден. Этой ночью, испросив и получив разрешение королевы, она уехала вместе со своим отцом, бароном де Меридор.

– А в какую часть Франции она направилась? – спросил король, обрадовавшись возможности отвернуться, пока проходят кожевники.

– В Анжу, на свою родину, ваше величество.

– Дело в том, – заметил важно Шико, – что воздух Парижа неблагоприятен для

беременных женщин. Gravidis uxoribus Lutetia inclemens ⁸. Я советую тебе, Генрих, последовать примеру графа и тоже отослать куда-нибудь королеву, когда она понесет.

Монсоро побледнел и в ярости уставился на Шико, который, облокотившись на спинку королевского кресла и подперев ладонью подбородок, казалось, весь был поглощен разглядыванием позументчиков, следовавших непосредственно за кожевенниками.

– Кто это вам сказал, господин наглец, что графиня тяжела? – прошипел Монсоро.

– А разве пет? – сказал Шико. – Я полагаю, что предположить обратное было бы еще большей наглостью с моей стороны.

– Она не тяжела, сударь.

– Вот те раз, – сказал Шико, – ты слышал, Генрих? Твой главный ловчий, кажется, совершил ту же ошибку, что и ты: он забыл соединить рубашки шартрской богоматери.

Монсоро сжал кулаки и подавил свою ярость, но прежде метнул Шико взгляд, полный ненависти и угрозы; Шико в ответ надвинул шляпу на глаза и стал играть ее длинным и тонким пером, превращая его в извивающуюся змею.

Граф понял, что момент для сведения счетов неподходящий, и тряхнул головой, словно пытаясь сбросить со своего чела омрачившую его тучу.

Шико, в свою очередь, повеселел и сменил грозный вид матадора на приятнейшую улыбку.

– Бедная графиня, – сказал он, – она погибнет от скуки в пути.

– Я сказал королю, – ответил Монсоро, – что она путешествует со своим отцом.

– Пусть так, я не возражаю; отец – это весьма rispettable, но не очень-то весело, и если бы возле нее был только достойный барон, чтобы развлекать ее в путешествии..., но, к счастью...

– Что? – с живостью спросил граф.

– Что «что»? – ответил Шико.

– Что «к счастью»?

– О, господин граф, у вас получился эллипс! Граф пожал плечами.

– Ах! Прошу прощения, наш главный ловчий. Вопросительная фраза, которой вы только что воспользовались, называется эллипсом. Спросите у Генриха, он – филолог.

– Это верно, – сказал Генрих, – но что означает твое наречие?

– Какое наречие?

– «К счастью».

– «К счастью» означает «к счастью». К счастью, сказал я, выражая таким образом восхищение благостью всевышнего, к счастью, в этот час в пути находится кое-кто из наших друзей, и притом из самых веселых; и если они встретят графиню, они ее, вне всякого сомнения, развлекут. А так как друзья наши, – добавил небрежно Шико, – едут по той же самой дороге, очень вероятно, что они встретятся. О! Я вижу их отсюда. А ты видишь, Генрих? Ты ведь человек с воображением. Видишь ты, как они гарцуют на своих конях по прекрасной лесной дороге и рассказывают графине сотни пикантных историй, от которых эта милая дама просто млеет?

Второй кинжал, еще острее первого, вонзился в грудь главного ловчего.

Но у Монсоро не было никакой возможности дать волю своим чувствам; король находился рядом и, во всяком случае в эту минуту, был союзником Шико. Поэтому граф, с любезностью, сохранившей, однако, следы тех усилий, которые ему пришлось сделать, чтобы подавить свой гнев, спросил, лаская Шико взглядом и голосом:

– Вот как! Кто-то из ваших друзей отправился в Анжу?

– Вы могли бы, пожалуй, сказать: «Кто-то из наших друзей», господин граф, потому что это даже больше ваши друзья, чем мои.

– Вы меня удивляете, господин Шико, – ответил граф, – у меня нет никаких друзей,

⁸ Лютиция жестока к беременным женам (лат.).

которые бы...

– Ладно, скрытничайте.

– Клянусь вам.

– У вас их предостаточно, и, более того, эти друзья настолько вам дороги, что вы только что, – по привычке, потому что прекрасно знаете, что они сейчас находятся на пути в Анжу, – только что по привычке искали их, как я заметил, в этой толпе, и, разумеется, безрезультатно.

– Я? – воскликнул граф. – Вы заметили?..

– Да, вы – самый бледный из всех главных ловчих, бывших, существующих и будущих, начиная с Немврода и кончая вашим предшественником господином д'Отфором.

– Господин Шико!

– Самый бледный, повторяю. *Veritaa veritatum*⁹. Это варваризм, поскольку истина всегда одна, ибо если бы их было две, одна из них по меньшей мере была бы не истинной, впрочем, вы ведь не филолог, дорогой господин Исав.

– Да, сударь, я не филолог, вот почему я и попросил бы вас возвратиться без всяких отступлений к тем друзьям, о которых вы упомянули, и соблаговолить, ежели это позволит присущий вам избыток воображения, соблаговолить назвать этих друзей их подлинными именами.

– Э! Вы все время твердите одно и то же. Ищите, господин главный ловчий, клянусь смертью Христовой, ищите! Выслеживать дичь – ваше ремесло, свидетель тому несчастный олень, которого вы потревожили сегодня утром, он, должно быть, вовсе не ждал этого с вашей стороны. Коли вас самого поднять чуть свет, разве вам это доставит удовольствие?

Глаза Монсоро испуганно бежали окружавших короля людей.

– Как! – вскричал он, бросив взгляд на пустое кресло рядом с королем.

– Ну, ну! – поощрил его Шико.

– Господин герцог Анжуйский? – воскликнул главный ловчий.

– Ату! Ату его! – сказал гасконец. – Зверь обнаружен.

– Он выехал сегодня? – вскричал граф.

– Он выехал сегодня, но вполне возможно, что и вчера вечером. Спросите у короля.

Когда, то есть в какое время, исчез твой брат, Генрике?

– Этой ночью, – ответил король.

– Уехал, герцог уехал, – прошептал дрожащий и бледный Монсоро. – Ах, боже мой, боже мой! Что вы мне сказали, государь!

– Я не утверждаю, – продолжал король, – что мой брат уехал, я говорю только, что нынче ночью он исчез и даже его ближайшие друзья не знают, где он.

– О, – гневно воскликнул граф, – если бы только я подозревал!..

– Так, так. Ну и что бы вы сделали? – поинтересовался Шико. – Хотя, впрочем, велика важность, если он и отпустит несколько любезностей графине де Монсоро. Наш друг Франсуа – главный волокита в роду; он волочился за дамами вместо короля Карла Девятого в те времена, когда Карл Девятый еще жил на свете, и он это делает за короля Генриха Третьего, которому не до ухаживаний – у него есть другие заботы. Черт побери, это совсем недурно – иметь при дворе принца, воплощающего в себе французскую галантность.

– Уехал, герцог, уехал! – повторил Монсоро. – Вы в этом уверены, сударь?

– А вы? – спросил Шико.

Главный ловчий вновь повернулся к тому креслу, где обычно сидел возле своего брата герцог – к креслу, которое по-прежнему оставалось незанятым.

– Я погиб, – прошептал он и сделал резкое движение, явно собираясь бежать, но Шико схватил его за руку.

– Да успокойтесь наконец, дьявол вас побери! Вы все время вертитесь; у короля от

⁹ Это истина из истин (лат.).

этого голова кружится. Проклятие! Желал бы я оказаться на месте вашей жены, хотя бы для того, чтобы все время видеть двуносого принца и слушать господина Орильи, который играет на лютне не хуже покойника Орфея. Как ей повезло, вашей супруге, как повезло!

Монсоро весь трясся от ярости.

– Спокойней, господин главный ловчий, – сказал Шико, – не выказывайте столь бурно вашу радость – заседание уже начинается. Это неприлично – давать волю своим чувствам. Слушайте речь короля.

Главному ловчему пришлось поневоле остаться на месте, так как тронный зал Лувра и в самом деле понемногу уже заполнился людьми, Монсоро застыл в подобающей по этикету позе.

Все заняли свои места. Только что появившийся герцог де Гиз преклонил колено перед королем, и тоже с удивлением и беспокойством посмотрел на пустое кресло герцога Анжуйского.

Король встал. Герольды призвали к тишине.

Глава 9.

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ НАЗНАЧИЛ ГЛАВУ ЛИГИ, КОТОРЫЙ НЕ ОКАЗАЛСЯ НИ ЕГО ВЫСОЧЕСТВОМ ГЕРЦОГОМ АНЖУИСКИМ, НИ МОНСЕНЬЕРОМ ГЕРЦОГОМ ДЕ ГИЗОМ

– Господа, – произнес король посреди глубочайшей тишины и удостоверившись предварительно, что д'Эпернон, Шомберг, Можирон и Келюс, которых сменили на их посту десять швейцарцев, уже в зале и стоят за его креслом, – господа, король, занимающий место между небесами и землей, если можно так выразиться, с одинаковым вниманием прислушивается к голосам, которые доносятся до него сверху, и к тем, которые к нему доносятся снизу, то есть к тому, что требует от него бог, и к тому, что требует от него его народ. Сплочение всех сил в единый союз во имя защиты католической веры является залогом благополучия для моих подданных, я это прекрасно понимаю. Поэтому мне по душе совет, который дал нам мой кузен де Гиз. И отныне я провозглашаю святую Лигу должным образом дозволенной и учрежденной. А поелику столь большое тело должно иметь хорошую, могучую голову, поелику необходимо, чтобы глава Лиги, призванный защищать церковь, был одним из самых ревностных сынов церкви и дабы к сему рвению его обязывали само его естество и его сан, я остановил свой выбор на человеке высокородном и добром христианине и объявляю, что отныне главой Лиги будет...

Генрих преднамеренно сделал паузу. Тишина была такая, что можно было услышать, как пролетит муха.

Генрих повторил:

– И объявляю, что главой Лиги будет Генрих де Валуа, король Франции и Польши.

Произнося эти слова, Генрих несколько театрально повысил голос, чтобы подчеркнуть свою победу и подогреть энтузиазм своих друзей, которые готовились разразиться ликующими криками, а также чтобы окончательно добить лигистов, чей глухой ропот выдавал их недовольство, удивление и испуг.

Что же касается герцога де Гиза, то он был просто уничтожен. Со лба его катились крупные капли пота. Он обменялся взглядом с герцогом Майеннским и своим братом, кардиналом, которые стояли в центре двух групп лигистских главарей – один справа от него, другой – слева.

Монсоро, все больше удивляясь отсутствию герцога Анжуйского, начал тем не менее успокаиваться, вспомнив, что сказал Генрих III.

Ведь в самом деле – герцог мог исчезнуть и не уезжая никуда.

Кардинал, не торопясь, отошел от группы, в которой он находился, и пробрался поближе к герцогу Маейннскому.

– Послушайте, – шепнул он ему на ухо, – или я очень ошибаюсь, или мы не можем

больше рассчитывать здесь на безопасность. Поспешим с уходом. Кто его знает, этот народ! Вчера он ненавидел короля, а сегодня может сделать его своим кумиром на несколько дней.

– Будь по-вашему, – сказал герцог Майеннский, – уйдем. Подождите здесь брата, а я подготовлю отступление.

– Идите.

Тем временем король первым подписал акт, который лежал на столе и был составлен заранее господином де Морвилье, единственным человеком, кроме королевы-матери, посвященным в тайну, после чего Генрих обратился к герцогу де Гизу гнусавя в тем издевательским тоном, какой он так хорошо умел принимать при случае.

– Что ж, подпишите и вы, мой дорогой кузен. И передал ему перо.

Затем, указывая пальцем место подписи:

– Тут, тут, – сказал он, – подо мной. А теперь передайте господину кардиналу и господину герцогу Майеннскому.

Но герцог Майеннский был уже внизу лестницы, а кардинал в другой комнате.

Король заметил их отсутствие.

– Тогда передайте главному ловчему, – сказал он. Герцог подписал, передал перо главному ловчему и собрался было уйти.

– Погодите, – остановил его король.

И в то время, как Келюс с насмешливым видом брал перо из рук графа де Монсоро и не только присутствующая знать, но и все главы цехов, созданные для этого важного события, спешили подписаться ниже короля или на отдельных листах, продолжением которых должны были стать книги, где накануне всякий – великий ли, малый ли, знатный или простолюдин – смог подписать свое имя, – все полностью, в это самое время король сказал герцогу де Гизу:

– Дорогой кузен, насколько я помню, это вы считали, что для защиты нашей столицы следует создать хорошую армию из всех сил Лиги? Армия создана, создана надлежащим образом, ибо естественный полководец парижан – король.

– Разумеется, государь, – ответил герцог, не очень понимая, куда клонит Генрих.

– Но я не забываю, – продолжал король, – что у меня есть и другая армия, которой нужен командующий, и что этот пост принадлежит по праву первому воину королевства. Пока я тут буду командовать Лигой, вы отправляйтесь командовать армией, кузен.

– Когда я должен отбыть? – спросил герцог.

– Тотчас же, – сказал король.

– Генрих, Генрих, – воскликнул Шико, которому лишь этикет помешал броситься к королю и прервать его на полуслове, как ему хотелось.

Но так как король не услышал восклицания Шико, а если и услышал, то не понял его, гасконец с почтительным видом, держа в руке огромное перо, стал пробираться через толпу, пока не оказался возле короля.

– Да замолчишь ты наконец, простофиля, – шепнул он Генриху.

Но было поздно, Король, как мы видели, уже объявил де Гизу о его назначении и теперь, не обращая внимания на знаки и гримасы гасконца, вручал герцогу заранее подписанный патент.

Герцог де Гиз взял патент и вышел.

Кардинал ждал его у дверей залы, герцог Майеннский ждал их обоих у ворот Лувра.

Они тотчас же вскочили на коней, и не прошло и десяти минут, как все трое были уже вне пределов Парижа.

Остальные участники церемонии тоже постепенно разошлись. Одни кричали: «Да здравствует король!», другие: «Да здравствует Лига!»

– Как бы то ни было, – сказал, смеясь, Генрих, – я решил трудную задачу.

– О, конечно, – пробормотал Шико, – ты отличный математик, что и говорить!

– Вне всякого сомнения, – продолжал король. – Заставив этих мошенников кричать противоположное, я, в сущности, достиг того, что они кричат одно и то же.

- Sta bene¹⁰, – сказала Генриху королева-мать, пожимая ему руку.
- Верь-то верь, да на крюк запирай дверь, – сказал гасконец. – Она в бешенстве, ее Гизы чуть не в лепешку расплющены этим ударом.
- О! Государь, государь, – закричали фавориты, толпой бросаясь к королю, – как вы замечательно это придумали!
- Они воображают, что золото посыплется на них, как манна небесная, – шепнул Шико в другое ухо короля.
- Генриха с триумфом проводили в его покои. В сопровождавшем короля кортеже Шико исполнял роль античного хулителя, преследуя своего господина сетованиями и попреками.
- Настойчивость, с которой Шико старался напомнить полубогу этого дня, что он всего лишь человек, до такой степени удивила короля, что он отпустил всех и остался наедине с шутком.
- Да будет вам известно, мэтр Шико, – сказал Генрих, оборачиваясь к гасконцу, – что вы никогда не бываете довольны и что это становится просто невыносимым! Черт возьми! Я не сочувствия от вас требую, я требую от вас здравого смысла.
- Ты прав, Генрих, – ответил Шико, – ведь тебе его больше всего не хватает.
- Согласись, по крайней мере, что удар был нанесен мастерски.
- Как раз с этим я и не хочу соглашаться.
- А! Ты завидуешь, господин французский король!
- Я?! Боже упаси! Для зависти я мог бы выбрать что-нибудь получше.
- Клянусь телом Христовым! Господин критикан!..
- О! Что за необузданное самомнение!
- Послушай, разве я не король Лиги?
- Конечно, это неоспоримо: ты ее король. Но...
- Но что?
- Но ты больше не король Франции.
- А кто же тогда король Франции?
- Все, за исключением тебя, Генрих, и прежде всего – твой брат.
- Мой брат! О ком ты говоришь?
- О герцоге Анжуйском, черт побери!
- Которого я держу под арестом?
- Да, потому что хотя он и под арестом, но он помазан на престол, а ты – нет.
- Кем помазан?
- Кардиналом де Гизом. Слушай, Генрих, я все же советую тебе заняться твоей полицией; совершается помазание короля – в Париже, в присутствии тридцати трех человек, прямо в часовне аббатства святой Женевиевы, а ты ничего об этом не знаешь.
- Господи, боже мой! А ты об этом знал, ты?
- Разумеется, знал.
- Как же ты можешь знать то, что неизвестно мне?
- Ба! Да потому что твоя полиция – это господин де Морвилье, а моя – я сам. Король нахмурил брови.
- Итак, один король Франции у нас уже есть, не считая Генриха Валуа, – это Франсуа Анжуйский, а кроме него, мы еще имеем, постой-ка, постой... – сказал Шико, словно припоминая, – мы еще имеем герцога де Гиза.
- Герцога де Гиза?
- Герцога де Гиза, Генриха де Гиза, Генриха Меченого. Итак, повторяю, мы еще имеем герцога де Гиза.
- Хорош король, нечего сказать: король, которого я изгнал, которого я сослал в

¹⁰ Хорошо (итал.).

армию.

– Вот-вот! Разве тебя самого не ссылали в Польшу; разве от Ла-Шарите до Лувра не ближе, чем от Кракова до Парижа? А! Это верно – ты его отправил в армию. Что за ловкий удар, какое поразительное мастерство! Ты его отправил в армию, то есть поставил под его начало тридцать тысяч человек, клянусь святым чревом! В армию, и в какую! Всамделишную..., это не то, что армия твоей Лиги... Нет..., нет..., армия из буржуа – это сгодится для Генриха Валуа, короля миньонов; Генриху де Гизу нужна армия из солдат, и каких! Выносливых, закаленных в боях, пропахших порохом, способных уничтожить двадцать таких армий, как армия Лиги. Одним словом, если Генриху де Гизу, королю на деле, взбредет однажды в голову стать королем и по званию, ему надо будет всего лишь повернуть своих трубачей к столице и скомандовать: «Вперед! Проглотим одним глотком Париж вместе с Генрихом Валуа и Лувром». И они это сделают, мошенники, я их знаю.

– В вашей речи вы позабыли упомянуть только об одном, мой великий политик, – сказал Генрих.

– Проклятие! Вполне возможно, особенно если то, о чем я забыл, – четвертый король.

– Нет, – ответил Генрих с крайним презрением, – вы позабыли, что, прежде чем мечтать о французском троне, на котором сидит один из Валуа, надо бы сначала оглянуться назад и посчитать своих предков. Можно еще понять, когда подобная мысль приходит в голову герцогу Анжуйскому: он принадлежит к роду, который вправе на это претендовать. У нас общие предки – борьба между нами, сравнение допустимы, ведь здесь речь идет о первородстве, вот и все. Но господин де Гиз..., знаете ли, мэтр Шико, подзаймитесь-ка геральдикой, друг мой, и сообщите нам, какой род древнее – французские лилии или лотарингские дрозды...

– Э-э, – протянул Шико, – тут-то и заключена ошибка, Генрих.

– Какая ошибка, где?

– Конечно, ошибка: род господина де Гиза гораздо древнее, чем ты предполагаешь.

– Древнее, чем мой, быть может? – спросил с улыбкой Генрих.

– Без всякого «быть может», мой маленький Генрике.

– Да вы, оказывается, дурак, господин Шико.

– Это моя должность, черт побери!

– Я имею в виду, что вы сумасшедший, из тех, кого связывать приходится. Выучитесь-ка читать, мой друг.

– Что ж, Генрих, ты читать умеешь, тебе не надо снова отправляться в школу, как мне, так почитай же вот это.

И Шико вынул из-за пазухи пергамент, на котором Николя Давид записал известную нам генеалогию, ту самую, что была утверждена в Авиньоне папой и согласно которой Генрих де Гиз являлся потомком Карла Великого.

Генрих бросил взгляд на пергамент и, увидев возле подписи легата печать святого Петра, побелел.

– Что скажешь, Генрих? – спросил Шико. – Нас с нашими лилиями малость обскакали, а? Клянусь святым чревом! Мне кажется, что эти дрозды собираются взлететь так же высоко, как орел Цезаря. Берегись их, сын мой!

– Но как ты раздобыл эту генеалогию?

– Я? Да стал бы я на нее время тратить! Она сама ко мне пришла.

– Но где она была, прежде чем прийти к тебе?

– Под подушкой у одного адвоката.

– Как его звали, этого адвоката?

– Мэтр Николя Давид.

– Где он находился?

– В Лионе.

– А кто извлек ее в Лионе из-под подушки адвоката?

– Один из моих хороших друзей.
 – Чем занимается твой друг?
 – Проповедует.
 – Так, значит, это монах?
 – Вы угадали.
 – И его зовут?..
 – Горанфло.
 – Что?! – вскричал Генрих. – Этот мерзкий лигист, который произнес такую поджигательскую речь в святой Женевьеве, тот, что вчера поносил меня на улицах Парижа?!
 – Вспомни Брута, он тоже прикидывался безумным...
 – Так, значит, он великий политик, этот твой монах?
 – Вам приходилось слышать о господине Макиавелли, секретаре Флорентийской республики? Ваша бабушка – его ученица.
 – Так, значит, монах извлек у адвоката пергамент?
 – Да, вот именно извлек, силой вырвал.
 – У Николя Давида, у этого бретера?
 – У Николя Давида, у этого бретера.
 – Так он храбрец, твой монах?
 – Храбр, как Баярд.
 – И, совершив подобный подвиг, он до сих пор не явился ко мне, чтобы получить заслуженное вознаграждение?
 – Он смиренно возвратился в свой монастырь и просит только об одном: чтобы забыли, что он оттуда выходил.
 – Так он, значит, скромник?
 – Скромн, как святой Крепен.
 – Шико, даю слово дворянина, твой друг получит первое же аббатство, в котором освободится место настоятеля, – сказал король.
 – Благодарю за него, Генрих, – ответил Шико. А про себя сказал: «Клянусь честью! Теперь он очутился между Майенном и Валуа, между веревкой и доходным местечком. Повесят его? Аббатом сделают? Тут нужно о двух головах быть, чтобы угадать. Как бы то ни было, если он все еще спит, он должен видеть в эту минуту престранные сны».

Глава 10. ЭТЕОКЛ И ПОЛИНИК

День Лиги шел к концу с той же суетой и блеском, с какими он начался. Друзья короля радовались; проповедники Лиги готовились канонизировать брата Генриха и беседовали о великих военных гениях Валуа, юность которого была столь выдающейся, подобно тому как в былые времена беседовали о святом Маврикии. Фавориты говорили: «Наконец-то лев проснулся». Лигисты говорили: «Наконец-то лиса учуяла западню».

И так как ведущая черта французского характера – самолюбие и французы не терпят предводителей, которые ниже их по уму, даже сами заговорщики восторгались ловкостью короля, сумевшего всех провести.

Правда, главные из них поспешили скрыться.

Три лотарингских принца, как известно, умчались во весь опор из Парижа, а их ближайшее доверенное лицо, господин де Монсоро, уже собирался покинуть Лувр, чтобы приготовиться к погоне за герцогом Анжуйским.

Но в ту минуту, когда он вознамерился перешагнуть через порог, его остановил Шико.

Лигистов во дворце уже не было, и гасконец не опасался больше за своего короля.

– Куда вы так спешите, господин главный ловчий? – спросил он.

– К его высочеству, – ответил кратко граф.
– К его высочеству?
– Да, я тревожусь за монсеньера. Не в такое время мы живем, чтобы принцы могли путешествовать по дорогам без надежной охраны.
– О! Но он так храбр, – сказал Шико, – просто бесстрашен.
Главный ловчий поглядел на гасконца.
– Как бы то ни было, – продолжал Шико, – если вы беспокоитесь, то я беспокоюсь еще больше.
– О ком?
– Все о том же его высочестве.
– Почему?
– А вы разве не знаете, что говорят?
– Что он уехал, не так ли! – спросил граф.
– Говорят, что он умер, – еле слышно шепнул Шико на ухо своему собеседнику.
– Вот как? – сказал Монсоро с выражением удивления, не лишнего доли радости. – Вы же говорили, что он в пути.
– Проклятие! Меня в этом убедили. Я, знаете, настолько легковверен, что принимаю за чистую монету любую чепуху, которую мне наболтают. А сейчас у меня есть все основания думать, что если он и в пути, бедный принц, то в пути на тот свет.
– Постойте, кто внушил вам такие мрачные мысли?
– Он возвратился в Лувр вчера, верно?
– Разумеется, ведь я вошел вместе с ним.
– Ну вот, никто не видел, чтобы он вышел.
– Из Лувра?
– Да.
– А Орильи где?
– Исчез!
– А люди принца?
– Исчезли! Исчезли! Исчезли!
– Вы меня разыгрываете, господин Шико, не так ли? – сказал главный ловчий.
– Спросите!
– У кого?
– У короля.
– Королю не задают вопросов.
– Полноте! Все зависит от того, как к этому приступить.
– Что бы то ни было, – сказал граф, – я не могу оставаться в подобном неведении.
И, расставшись с Шико или, вернее, сопровождаемый им по пятам, Монсоро направился к кабинету Генриха III.
Король только что вышел.
– Где его величество? – спросил главный ловчий. – Я должен отчитаться перед ним относительно некоторых распоряжений, которые он мне дал.
– У господина герцога Анжуйского, – ответил графу тот, к кому он обратился.
– У господина герцога Анжуйского? – повернулся граф к Шико. – Значит, принц не мертв?
– Гм! – хмыкнул гасконец. – По-моему, он сейчас все равно что покойник.
Главный ловчий теперь окончательно запутался, он все больше убеждался в том, что герцог Анжуйский не выходил из Лувра.
Кое-какие слухи, донесшиеся до него, и замеченная им беготня слуг укрепляли его в этом предположении.
Не зная истинных причин отсутствия принца на церемонии, Монсоро был до крайности удивлен, что в столь решительный момент герцога не оказалось на месте.
Король и на самом деле отправился к герцогу Анжуйскому. Главный ловчий,

несмотря на свое горячее желание узнать, что случилось с принцем, не мог проникнуть в его покои и был вынужден ждать вестей в коридоре.

Мы уже говорили, что четыре миньона смогли присутствовать на заседании, потому что их сменили швейцарцы, но как только заседание кончилось, они тотчас же возвратились на свой пост: сторожить принца было невеселым занятием, однако желание досадить его высочеству, сообщив ему о триумфе короля, одержало верх. Шомберг и д'Эпернон расположились в передней, Можирон и Келюс – в спальне его высочества.

Франсуа испытывал смертельную скуку, ту страшную тоску, которая усиливается тревогой, но, надо сказать прямо, беседа этих господ отнюдь не содействовала тому, чтобы развеселить его.

– Знаешь, – бросал Келюс Можирону из одного конца комнаты в другой, словно принца тут и не было, – знаешь, Можирон, я всего лишь час тому назад начал ценить нашего друга Валуа; он действительно великий политик.

– Объясни, что ты этим хочешь сказать, – отвечал Можирон, удобно усаживаясь в кресле.

– Король во всеуслышание объявил о заговоре, значит, до сих пор он скрывал, что знает о нем, а раз скрывал – значит, боялся его; и если теперь говорит о нем во всеуслышание, следовательно, не боится больше.

– Весьма логично, – отвечал Можирон.

– А раз больше не боится, он накажет заговорщиков. Ты ведь знаешь Валуа: он, конечно, сияет множеством добродетелей, но в том месте, где должно находиться милосердие, это сияние омрачено темным пятном.

– Согласен.

– Итак, он накажет вышеупомянутых заговорщиков. Над ними будет организован судебный процесс; а если будет процесс, мы сможем без всяких хлопот насладиться новой постановкой спектакля «Амбуазское дело».

– Прекрасное будет представление, черт возьми!

– Конечно, и для нас будут заранее оставлены места, если только...

– Ну, что «если только»?

– Если только..., такое тоже возможно..., если только не откажутся от судебного разбирательства ввиду положения, которое занимают обвиняемые, и не уладят все это при закрытых дверях, как говорится.

– Я стою за последнее, – сказал Можирон, – семейные дела чаще всего так и решаются, а этот заговор – самое настоящее семейное дело.

Орильи с тревогой посмотрел на принца.

– Одно я знаю, – продолжал Можирон, – по правде сказать, на месте короля я не стал бы щадить знатные головы. Они виноваты вдвое больше других, позволив себе принять участие в заговоре; эти господа полагают, что им любой заговор дозволен. Вот я и пустил бы кровь одному из них или парочке, одному-то уж обязательно, это определено; а потом утопил бы всю мелюзгу. Сена достаточно глубока возле Нельского замка, и на месте короля, я, клянусь честью, не удержался бы от соблазна.

– Для такого случая, – сказал Келюс, – было бы недурно, по-моему, возродить знаменитую казнь в мешке.

– А что это такое? – поинтересовался Можирон.

– Королевская выдумка, которая относится к тысяча триста пятидесятому году или около того. Вот в чем она состоит: человека засовывают в мешок вместе с парой-другой кошек, мешок завязывают, а потом бросают в воду. Кошки не выносят сырости и, лишь только очутятся в Сене, тотчас же начинают вымещать на человеке свою беду; тогда в мешке происходят разные штуки, которые, к сожалению, увидеть невозможно.

– Да ты просто кладешь премудрости, Келюс, – воскликнул Можирон, – беседовать с тобою одно наслаждение.

– Этот способ к главам можно было бы не применять: главы всегда имеют право

требовать себе привилегию быть обезглавленными в публичном месте или убитыми где-нибудь в укромном уголке. Но для мелюзги, как ты выразился, а под мелюзгой я понимаю фаворитов, оруженосцев, мажордомов, лютнистов...

– Господа, – пролепетал Орильи, весь белый от ужаса.

– Не отвечай им, Орильи, – сказал Франсуа, – все это не может относиться ко мне, а следовательно, и к моим людям: во Франции не потешаются над принцами крови.

– Нет, разумеется, с ними обращаются по-серьезному: отрубают им головы. Людовик Одиннадцатый не отказывал себе в этом, он – великий король! Свидетель тому господин де Немур.

На этом месте диалога миньонов в передней послышался шум, дверь распахнулась, и на пороге комнаты появился король.

Франсуа вскочил с кресла.

– Государь, – воскликнул он, – я взываю к вашему правосудию: ваши люди недостойно обходятся со мною. Но Генрих, казалось, не видел и не слышал принца.

– Здравствуй, Келюс, – сказал он, целуя своего фаворита в обе щеки, – здравствуй, дитя мое, ты прекрасно выглядишь, просто сердце радуется; а ты, мой бедный Можирон, как у тебя дела?

– Погибаю от скуки, – ответил Можирон. – Когда я взялся сторожить вашего брата, государь, я думал, он гораздо занимательнее. Фи! Скучнейший принц. Что, он и в самом деле сын вашего отца и вашей матушки?

– Вы слышите, государь, – сказал Франсуа, – неужели это по вашей королевской воле наносят подобные оскорбления вашему брату?

– Замолчите, сударь, – сказал Генрих, даже не повернувшись к нему, – я не люблю, когда мои узники жалуются.

– Узник да, если вам так угодно, но от этого я не перестаю быть вашим...

– То, на что вы ссылаетесь, как раз и губит вас в моих глазах. Когда виновный – мой брат, он виновен вдвойне.

– Но если он не виновен?

– Он виновен.

– В каком же преступлении?

– В том, что он мне не понравился, сударь.

– Государь, – сказал оскорбленный Франсуа, – разве ваши семейные ссоры нуждаются в свидетелях?

– Вы правы, сударь. Друзья, оставьте меня на минутку, я побеседую с братом.

– Государь, – чуть слышно шепнул Келюс, – это неосторожно – оставаться вашему величеству между двух врагов.

– Я уведу Орильи, – шепнул Можирон в другое ухо короля.

Фавориты ушли вместе с Орильи, который сгорал от любопытства и умирал от страха.

– Вот мы и одни, – сказал король.

– Я ждал этой минуты с нетерпением, государь.

– Я тоже. Вот как! Значит, вы покушаетесь на мою корону, мой достойный Этеокл. Вот как! Значит, вы сделали своим орудием Лигу, а целью трон. Вот как! Вас помазали на царствование, помазали в одном из закоулков Парижа, в заброшенной церкви, чтобы затем неожиданно предъявить вас, еще лоснящегося от священного мира, парижанам.

– Увы! – сказал Франсуа, который понемногу начал чувствовать всю глубину королевского гнева. – Ваше величество не дает мне возможности высказаться.

– А зачем? – сказал Генрих. – Чтобы вы солгали мне или в крайнем случае рассказали то, что мне известно так же хорошо, как вам? Впрочем, нет, вы, конечно, будете лгать, мой брат, ибо признаться в своих деяниях – значит признаться в том, что вы заслужили смерть. Вы будете лгать, и я спасаю вас от этого позора.

– Брат мой, брат, – сказал обезумевший от ужаса Франсуа, – зачем вы осыпаете меня

такими оскорблениями?

– Что ж, если все, что я вам говорю, можно счесть оскорбительным, значит, лгу я, и я очень хотел бы, чтобы это было так. Посмотрим, говорите, говорите, я слушаю, сообщите нам, почему вы не изменник и, еще того хуже, не растяпа.

– Я не знаю, что вы хотите этим сказать, ваше величество, вы, очевидно, задались целью говорить со мной загадками.

– Тогда я растолкую вам мои слова, – вскричал Генрих звенящим, полным угрозы голосом, – вы злоумышляли против меня, как в свое время злоумышляли против моего брата Карла, только в тот раз вы прибегли к помощи короля Наваррского, а нынче – к помощи герцога де Гиза. Великолепный замысел, я им просто восхищен, он обеспечил бы вам прекрасное место в истории узурпаторов! Правда, прежде вы пресмыкались, как змея, а сейчас вы хотите разить, как лев; там – вероломство, здесь – открытая сила; там – яд, здесь – шпага.

– Яд! Что вы хотите сказать, сударь? – воскликнул Франсуа, побледнев от гнева и пытаясь, подобно Этеоклу, с которым его сравнил Генрих, поразить Полиника, за отсутствием меча и кинжала, своим горящим взглядом. – Какой яд?

– Яд, которым ты отравил нашего брата Карла; яд, который ты предназначал своему сообщнику Генриху Наваррскому. Он хорошо известен, этот роковой яд. Еще бы! Наша матушка уже столько раз к нему прибегала. Вот поэтому, конечно, ты и отказался от него в моем случае, вот поэтому и решил сделаться полководцем, стать во главе войска Лиги. Но погляди мне в глаза, Франсуа, – продолжал Генрих, с угрожающим видом сделав шаг к брату, – и запомни навсегда, что такому человеку, как ты, никогда не удастся убить такого, как я, Франсуа покачнулся под страшным натиском короля, но тот не обратил на это никакого внимания и продолжал без всякой жалости к узнику:

– Шпагу мне! Шпагу! Я хотел бы видеть тебя в этой комнате один на один, но со шпагой в руках. В хитрости я уже одержал над тобой победу, Франсуа, ибо тоже избрал окольный путь к трону Франции. Но на этом пути мне пришлось пробиваться через миллион поляков, и я пробился! Если вы хотите быть хитрым, будьте им, но лишь на такой манер; если хотите подражать мне, подражайте, но не умаляя меня. Только такие интриги достойны лиц королевской крови, только такие хитрости достойны полководца! Итак, я повторяю: в хитрости я одержал над тобою верх, а в честном бою ты был бы убит; поэтому и не помышляй больше бороться со мной ни тем, ни другим способом, ибо отныне я буду действовать как король, как господин, как деспот. Отныне я буду наблюдать за твоими колебаниями, следовать за тобой в твоих потемках, и при малейшем сомнении, малейшей неясности, малейшем подозрении я протяну свою длинную руку к тебе, ничтожество, и швырну тебя, трепыхающегося, под топор моего палача.

Вот что я хотел сказать тебе относительно наших семейных дел, брат; вот почему я решил поговорить с тобой наедине, Франсуа; вот почему я прикажу моим друзьям оставить тебя одного на эту ночь, чтобы в одиночестве ты смог поразмыслить над моими словами.

Если верно говорится, что ночь – хорошая советчица, то это должно быть справедливо прежде всего для узников.

– Так, значит, – пробормотал герцог, – из-за прихоти вашего величества, по подозрению, которое похоже на дурной сон, пригрезившийся вам ночью, я оказался у вас в немилости?

– Больше того, Франсуа: ты оказался у меня под судом.

– Но, государь, назначьте хотя бы срок моего заключения, чтобы я знал, как мне быть.

– Вы узнаете это, когда вам прочтут ваш приговор.

– А моя матушка? Нельзя ли мне увидеться с моей матушкой?

– К чему? В мире существовало всего лишь три экземпляра той знаменитой охотничьей книги, которую проглотил, именно проглотил, мой бедный брат Карл.

Два оставшихся находятся: один во Флоренции, другой в Лондоне. К тому же я не Немврод, как мой бедный брат. Прощай, Франсуа!

Окончательно сраженный принц упал в кресло.

– Господа, – сказал король, распахнув дверь, – его высочество герцог Анжуйский попросил, чтобы я дал ему возможность подумать этой ночью над ответом, который он должен сообщить мне завтра утром. Вы оставите его в комнате одного и только время от времени, по вашему усмотрению, будете наносить ему визиты – из предосторожности. Возможно, вам покажется, что ваш пленник несколько возбужден состоявшейся между нами беседой, но не забывайте, что, вступив в заговор против меня, его высочество герцог Анжуйский отказался от имени моего брата и, следовательно, здесь находятся лишь заключенный и стража. Не церемоньтесь с ним. Если заключенный будет вам досаждать, сообщите мне: у меня на этот случай есть Бастилия, а в Бастилии – мэтр Лоран Тестю, самый подходящий в мире человек для того, чтобы подавлять мятежные настроения.

– Государь, государь! – запротестовал Франсуа, делая последнюю попытку. – Вспомните, что я ваш...

– Вы, кажется, были также и братом короля Карла Девятого, – сказал Генрих.

– Но пусть мне вернут хотя бы моих слуг, моих друзей.

– Вы еще жалуетесь! Я отдаю вам своих, в ущерб себе.

И Генрих закрыл дверь перед носом брата. Тот, бледный и еле держась на ногах, добрался до своего кресла и упал в него.

Глава 11.

О ТОМ, КАК НЕ ВСЕГДА ТЕРЯЕШЬ ДАРОМ ВРЕМЯ, КОПАЯСЬ В ПУСТЫХ ШКАФАХ

После разговора с королем герцог Анжуйский понял, что положение его совершенно безнадежно.

Миньоны не утаили от него ничего из того, что произошло в Лувре: они описали ему поражение Гизов и триумф Генриха, значительно преувеличив и то и другое. Герцог слышал, как народ кричал: «Да здравствует король», «Да здравствует Лига!» и сначала не мог понять, что это значит. Он почувствовал, что главари Лиги его оставили, что им нужно защищать самих себя.

Покинутый своей семьей, поредевшей от убийств и отравлений, разобщенной злопамятством и распрями, он вздыхал, обращая взгляд к тому прошлому, о котором напомнил ему король, и думал, что, когда он боролся против Карла IX, у него, по крайней мере, было два наперсника или, вернее, два простака, два преданных сердца, две непобедимые шпаги, звавшиеся Коконнас и Ла Моля.

Есть немало людей, у которых сожаления об утраченных благах занимают место угрызений совести.

Почувствовав себя одиноким и покинутым, герцог Анжуйский впервые в жизни испытал нечто вроде угрызений совести по поводу того, что он принес в жертву Ла Моля и Коконнаса.

В те времена его любила и утешала сестра Маргарита. Чем отплатил он своей сестре Маргарите?

Оставалась еще мать, королева Екатерина. Но мать никогда его не любила.

Если она и обращалась к нему, то лишь для того, чтобы использовать его, как он сам использовал других – в качестве орудия. Франсуа понимал это.

Стоило ему попасть в руки матери, и он начинал чувствовать себя таким же беспомощным, как корабль в бурю посреди океана.

Он подумал, что еще недавно возле него было сердце, которое стоило всех других сердец, шпага, которая стоила всех других шпаг.

В его памяти встал во весь рост Бюсси, храбрый Бюсси.

И тогда Франсуа вдруг почувствовал что-то похожее на раскаяние, ведь из-за Монсоро он поссорился с Бюсси. Он хотел задобрить Монсоро, потому что тот знал его тайну,

и вот внезапно эта тайна, раскрытием которой ему все время угрожал главный ловчий, стала известна королю, и Монсоро больше не опасен.

Значит, он напрасно обидел Бюсси и, главное, ничего от этого не выиграл, то есть совершил ошибку, а ошибка, как скажет впоследствии один великий политик, хуже преступления.

Насколько облегчилось бы его положение, если бы он знал, что Бюсси, Бюсси признательный, а значит, и оставшийся ему верным, неусыпно печется о нем. Непобедимый Бюсси, Бюсси – честное сердце, Бюсси – всеобщий любимец, ибо честное сердце и тяжелая рука завоевывают друзей любому, кто получил первое от бога, а второе от случая.

Бюсси, который о нем печется, – это возможное освобождение, это непереносимое возмездие.

Но, как мы уже сказали, раненный в сердце Бюсси был сердит на принца и удалился в свой шатер, а узник остался один, обреченный выбирать между высотой почти в пятьдесят футов, которую нужно было преодолеть, чтобы спуститься в ров, и четырьмя миньонами, которых нужно было убить или ранить, чтобы прорваться в коридор.

И это еще если не принимать в расчет, что во дворах Лувра было полно швейцарцев и солдат.

Порою принц все же подходил к окну и погружал свой взгляд в ров до самого дна. Но подобная высота могла вызвать головокружение даже у храбреца, а герцог Анжуйский был не из тех, кто не боится головокружений.

К тому же время от времени один из его стражей – Шомберг или Можирон, а то д'Эпернон или Келюс – входил в комнату и, не забывая о присутствии принца, иногда даже позабыв поклониться, делал обход: открывал двери и окна, рылся в шкафах и сундуках, заглядывал под кровать и под столы и даже проверял, на месте ли занавеси и не разорваны ли простыни на полосы.

Иной раз кто-нибудь из миньонов свешивался за перила балкона и успокаивался, измерив взглядом сорок пять футов высоты.

– Клянусь честью, – сказал Можирон, возвращаясь после очередного обыска, – с меня хватит. Я не желаю больше покидать эту переднюю, чтобы идти с визитом к монсеньеру герцогу Анжуйскому: днем нас навещают друзья, а ночью мне противно просыпаться каждые четыре часа.

– Сразу видно, – сказал д'Эпернон, – что мы просто большие дети, что мы всегда были капитанами и ни разу – солдатами: ведь мы не умеем истолковать приказание.

– То есть как истолковать? – спросил Келюс.

– Очень просто. Чего хочет король? Чтобы мы присматривали за герцогом Анжуйским, а не смотрели на него.

– Тем более, – подхватил Можирон, – что в этом случае есть за кем присматривать и не на что смотреть.

– Прекрасно! – сказал Шомберг. – Однако надо подумать, как бы нам не ослабить нашу бдительность, ибо дьявол хитер на выдумки.

– Пусть так, – сказал д'Эпернон, – но чтобы прорваться через охрану из четырех таких молодцов, как мы, еще мало быть хитрым.

Д'Эпернон подкрутил свой ус и приосанился.

– Он прав, – сказал Келюс.

– Хорошо, – ответил Шомберг, – значит, ты считаешь, что герцог Анжуйский так глуп, что попытается бежать именно через нашу комнату? Если уж он решится на побег, то скорее проделает дыру в стене.

– Чем? У него нет инструментов.

– У него есть окна, – сказал, впрочем довольно робко, Шомберг, ибо вспомнил, как он сам прикидывал расстояние до дна рва.

– А! Окна! Он просто очарователен, честное слово, – вскричал д'Эпернон. – Браво, Шомберг! Окна! Значит, ты бы спрыгнул с высоты в сорок пять футов?

– Я согласен, что сорок пять футов...

– Ну вот, а он хромой, тяжелый, трусливый, как...

– Ты, – подсказал Шомберг.

– Мой милый, – возразил д'Эпернон, – ты прекрасно знаешь, что я боюсь только привидений, а это уж зависит от нервов.

– Дело в том, – торжественно объяснил Келюс, – что все, кого он убил на дуэли, явились ему в одну и ту же ночь.

– Не смейтесь, – сказал Можирон, – я читал о целой, куче совершенно сверхъестественных побегов... Например, с помощью простыней.

– Что касается простыней, то замечание Можирона весьма разумно, – сказал д'Эпернон. – Я сам видел в Бордо узника, бежавшего с помощью своих простыней!

– Ну вот! – сказал Шомберг.

– Да, – продолжал д'Эпернон, – только у него был сломан хребет и расколота голова; простыня оказалась на тридцать футов короче, чем надо, и ему пришлось прыгать; таким образом, бегство было полным: тело покинуло темницу, а душа – тело.

– Ладно, пусть бежит, – сказал Келюс. – Нам представится случай поохотиться на принца крови. Мы погонимся за ним, затравим его и во время травли незаметно и, словно ненароком, попытаемся сломать ему что-нибудь.

– И тогда, клянусь смертью Христовой, мы вернемся к роли, которая нам пристала! – воскликнул Можирон. – Ведь мы охотники, а не тюремщики.

Это заключение показалось всем исчерпывающим, и разговор зашел о другом, однако предварительно они решили, что через каждый час все же будут заглядывать в комнату герцога.

Миньоны были совершенно правы, утверждая, что герцог Анжуйский никогда не попытается вырваться на свободу силой и что, с другой стороны, он никогда не решится на опасный или трудный тайный побег.

Нельзя сказать, что он был лишен изобретательности, этот достойный принц, и мы даже должны отметить, что воображение его лихорадочно работало, пока он метался взад и вперед между своей кроватью и дверью знаменитого кабинета, в котором провел две или три ночи Ла Моль, когда Маргарита приютила его у себя во время Варфоломеевской ночи.

Время от времени принц прижимался бледным своим лицом к стеклу окна, выходившего на рвы Лувра.

За рвами простиралась полоса песчаного берега шириною футов в пятнадцать, а за берегом виднелась в сумерках гладкая, как зеркало, вода Сены.

На другом берегу, среди сгущающейся темноты, возвышался неподвижный гигант – Нельская башня.

Герцог Анжуйский наблюдал заход солнца во всех его фазах; он с живым интересом, который проявляют к подобным зрелищам заключенные, следил, как угасает свет и наступает тьма.

Он созерцал восхитительную картину старого Парижа с его крышами, позолоченными последними лучами солнца и всего лишь через час уже посеребренными первым сиянием луны. Потом, при виде огромных туч, которые неслись по небу и собирались над Лувром, предвещая ночную грозу, он постепенно почувствовал себя во власти необоримого ужаса.

Среди прочих слабостей у герцога Анжуйского была слабость дрожать от страха при звуках грома.

Он много дал бы за то, чтобы миньоны несли стражу в его спальне, даже если бы они продолжали оскорблять его.

Однако позвать их было невозможно, это дало бы на слишком много пищи для насмешек.

Он попытался искать убежища в постели, но не смог сомкнуть глаз. Хотел взяться за книгу, по буквы вихрем кружились перед глазами, подобные черным бесенятам. Попробовал

пить – вино показалось ему горьким. Он прибежал кончиками пальцев по струнам висевшей на стене лютни Орильи, но почувствовал, что их трепет действует ему на нервы и вызывает желание плакать.

Тогда он начал богохульствовать, как язычник, и крушить все, что попадалось ему под руку.

Это была семейная черта, и в Лувре к пей привыкли.

Миньоны приоткрыли дверь, чтобы узнать, откуда происходит столь неистовый шум, но, увидев, что это развлекается принц, снова затворили ее, чем удвоили гнев узника.

Принц только что превратил в щепки стул, когда от окна донесся тот дребезжащий звук, который ни с чем не спутаешь – звук разбитого стекла, и в то же мгновение Франсуа почувствовал острую боль в бедре.

Первой его мыслью было, что он ранен выстрелом из аркебузы и что выстрелил в него подосланный королем человек.

– А, изменник! А, трус! – вскричал узник. – Ты приказал застрелить меня, как и обещал. А! Я убит!

И он упал на ковер.

Но падая, он ощутил под своей рукой какой-то до-, вольно твердый предмет, более неровный и гораздо более крупный, чем пуля аркебузы.

– О! Камень, – сказал он, – так, значит, стреляли из фальконета. По почему же я не слышал выстрела?

Произнося эти слова, Франсуа подвигал ногою, в которой, несмотря на довольно сильную боль, по-видимому, все было цело.

Он поднял камень и осмотрел стекло.

Камень был брошен с такой силой, что не разбил, а, скорее, пробил стекло.

Он был завернут во что-то похожее на бумагу.

Тут мысли герцога приняли другое направление.

Может быть, этот камень заброшен к нему не врагом, а совсем напротив – каким-нибудь другом?

Пот выступил у него на лбу: надежда, как и страх, способна причинять страдания.

Герцог подошел к свету, Камень и в самом деле был обернут бумагой и обмотан шелковой ниткой, завязанной несколькими узлами.

Бумага, разумеется, смягчила твердость кремня, который, не будь на нем этой оболочки, мог бы нанести принцу куда более чувствительный удар.

Разрезать шелковую нитку, развернуть бумажку и прочесть ее было для герцога делом секунды: он уже полностью пришел в себя.

– Письмо! – прошептал он, оглядываясь с опаской. И прочел:

«Вам наскучило сидеть в комнате? Вам хочется свежего воздуха и свободы? Войдите в кабинет, где королева Наваррская прятала вашего бедного друга, господина де Ла Моля, откройте шкаф, поверните нижнюю полку, и вы увидите тайник. В тайнике лежит шелковая лестница. Привяжите ее сами к перилам балкона. На дне рва ее схватят две сильные руки и натянут. Быстрый, как мысль, конь умчит вас в безопасное место.

Друг».

– Друг! – вскричал принц. – Друг! О! Я и не знал, что у меня есть друг. Кто же он, этот друг, который печется обо мне?

На мгновение герцог задумался, но, не зная, на ком остановить свой выбор, бросился к окну и глянул вниз: там никого не было видно.

– Может, это западня? – пробормотал принц, в котором страх всегда просыпался раньше других чувств. – Но прежде всего надо узнать, – продолжал он, – действительно ли в шкафу есть тайник и лежит ли в тайнике лестница.

Из предосторожности, чтобы не менять освещение комнаты, герцог не взял с собой

светильника и, всецело доверившись своим рукам, направился к тому кабинету, куда в былые времена он столько раз, с трепещущим сердцем, створял дверь, готовясь увидеть королеву Наваррскую, сияющую красотой, которую Франсуа ценил больше, чем ото, быть может, подобало брату.

Надо признать, что и теперь сердце герцога билось с не меньшей силой.

Он ощупью открыл шкаф, обследовал все полки и, дойдя до нижней, нажал на ее дальний край, потом – на ближний, потом – на один из боковых и почувствовал, что полка поворачивается.

Тотчас же он просунул в щель руку, и кончики его пальцев коснулись шелковой лестницы.

Словно вор, спасающийся со своей добычей, бросился герцог обратно в спальню, унося свое сокровище.

Пробило десять часов, и герцог сразу вспомнил о ежечасных визитах миньонов. Он поспешил спрятать лестницу под подушку на своем кресле и сел в него.

Лестница была сработана так искусно, что без труда поместилась в том небольшом пространстве, куда засунул ее герцог.

Не успело пройти и пяти минут, как появился Можирон в халате, с обнаженной шпагой в левой руке и с подсвечником в правой.

Входя к герцогу, он продолжал разговаривать со своими друзьями.

– Медведь в ярости, – сказал ему чей-то голос, – еще минуту назад он громил все вокруг; смотри, как бы он не сожрал тебя, Можирон.

– Наглец! – прошептал герцог.

– Ваше высочество, кажется, удостоили меня чести заговорить со мной, – сказал Можирон с самым дерзким видом.

Уже готовый было взорваться герцог сдержал себя, вспомнив о том, что ссора приведет к потере времени и, быть может, помешает ему бежать.

Он подавил свой гнев и повернул кресло так, чтобы оказаться спиной к молодому человеку.

Можирон, следуя установленному порядку, подошел сначала к кровати – проверить простыни, затем к окну – проверить занавеси; он увидел разбитое стекло, но подумал, что его разбил герцог в припадке гнева.

– Эй! Можирон, – крикнул Шомберг, – что ты молчишь? Может, тебя уже съели? Тогда хоть вздохни, что ли, чтобы мы знали, в чем дело, и отомстили за тебя.

Герцог ломал пальцы от нетерпения.

– Ничего подобного, – отвечал Можирон, – напротив, мой медведь очень спокоен и совсем укрощен. Герцог молча улыбнулся в полумраке комнаты. А Можирон, не потрудившись даже поклониться принцу, что было наименьшим из знаков внимания, которые он обязан был оказывать столь высокопоставленному лицу, вышел из спальни и запер за собою дверь, дважды Свернув ключ в замке.

Принц сохранял при этом полное безразличие, но, когда скрежет ключа в замочной скважине смолк, он прошептал:

– Берегитесь, господа, – медведь – очень хитрый зверь.

Глава 12. СВЯТАЯ ПЯТНИЦА!

Оставшись один, герцог Анжуйский, который знал, что теперь его не потревожат по меньшей мере в течение часа, извлек свою лестницу из-под подушки, размотал ее и тщательнейшим образом проверил узел за узлом, перекладину за перекладиной.

– Лестница хорошая, – сказал он, – тут я могу быть спокоен: мне предлагают ее не для того, чтобы я сломал себе ребра.

Он разложил лестницу во всю длину и насчитал тридцать восемь перекладин,

расположенных через каждые пятнадцать дюймов.

Что ж, длина достаточная, и с этой стороны опасаться нечего.

Он призадумался на минутку.

– А! Понятно, – сказал он, – лестницу подсунули мне проклятые миньоны; я привяжу ее к балкону, они позволят мне это сделать, а когда я начну спускаться, ворвутся в комнату и перережут веревки; вот где западня.

Потом, поразмыслив немного, пришел к заключению:

– Нет, это маловероятно. Они не такие глупцы, чтобы поверить, будто я могу решиться на спуск, не заложив дверь, а при заложенной двери у меня станет времени скрыться, прежде чем они появятся в комнате. Это они должны принять в расчет. А я так и поступлю, – продолжал он, обводя взглядом комнату, – конечно, я так и поступлю, если решусь бежать.

Впрочем, как же можно думать, что меня хотят обмануть с помощью лестницы из шкафа королевы Наваррской? Ведь, в конце концов, никто другой, кроме моей сестры Маргариты, не мог знать о ее существовании.

– Но кто же этот друг? – размышлял он. – Записка подписана: «Друг». Подумаем, кто из друзей герцога Анжуйского может быть так хорошо знаком со шкафами в моем кабинете или в кабинете моей сестры?

Мысль эта показалась герцогу очень удачной, он перечел записку, чтобы узнать, если это возможно, почерк, и тут его внезапно осенило.

– Бюсси! – вскричал он.

И в самом деле, Бюсси, кумир стольких дам, Бюсси, казавшийся героем королеве Наваррской, которая, как она сама признается в своих мемуарах, вскрикивала от ужаса всякий раз, когда узнавала, что он дерется на дуэли; Бюсси, умеющий держать язык за зубами, Бюсси, посвященный в тайны стальных шкафов, не был ли он, Бюсси, тем единственным другом, на которого герцог мог по-настоящему рассчитывать, не рука ли Бюсси бросила ему эту записку?

Замешательство принца еще более усилилось.

Однако все убеждало его в том, что автор записки – Бюсси. Герцогу не были известны все причины, заставлявшие Бюсси негодовать на него: он не знал о любви молодого человека к Диане де Меридор, хотя и имел на этот счет кое-какие подозрения. Сам влюбленный в Диану, герцог не мог не понимать, как трудно было Бюсси видеть эту молодую прекрасную женщину и не влюбиться в нее. Но его легкие подозрения заглушались другими, более вескими соображениями. Преданность Бюсси не могла позволить ему оставаться в бездействии в то время, как его господина лишили свободы. Риск, с которым было связано устройство побега, не мог не соблазнить его. Он захотел отомстить герцогу на свой манер – вернуть ему свободу. И сомневаться нечего – это Бюсси написал записку, это Бюсси ждет внизу.

Чтобы окончательно установить истину, принц подошел к окну. В поднимавшемся от реки тумане он разглядел три продолговатых силуэта – это, должно быть, лошади – и еще что-то темное, похожее на два столба, врытых в прибрежный песок, – это, должно быть, двое людей.

Двое, все правильно: Бюсси и его верный Одуэн.

– Соблазн велик, – прошептал герцог, – и западня, если тут есть западня, сооружена так мастерски, что мне и попасть в нее не стыдно.

Франсуа поглядел через замочную скважину в переднюю и увидел четырех своих стражей. Двое спали, двое других, получив в наследство от Шико его шахматную доску, играли в шахматы.

Он погасил свет.

Затем открыл окно и перегнулся через перила балкона.

Пропась, которую он пытался измерить взглядом, из-за темноты казалась еще более пугающей. Он попятился назад.

Но свежий воздух и пространство обладают неодолимой притягательностью для

узника, и когда Франсуа возвратился в комнату, ему почудилось, будто он задыхается.

Это чувство было таким сильным, что в сознаний герцога промелькнуло нечто вроде отвращения к жизни и безразличия к смерти.

Удивленный принц вообразил, что к нему вернулось мужество.

Тогда, воспользовавшись этим моментом душевного подъема, он схватил шелковую лестницу, прикрепил ее к перилам балкона железными крючьями, которые имелись на одном ее конце, затем подошел к двери и как можно надежнее загородил ее мебелью. Убежденный, что на разрушение воздвигнутой им преграды уйдет десять минут, то есть больше, чем ему потребуется, чтобы достигнуть последней ступеньки лестницы, принц возвратился к окну.

Он поискал взглядом лошадей и людей на берегу, но там никого уже не было видно.

– Так даже лучше, – прошептал он, – лучше бежать одному, чем с другом, которого хорошо знаешь, и уж тем более – с другом, которого совсем не знаешь.

К этому времени тьма стала непроницаемой и в небе раздались первые глухие раскаты грозы, приближение которой чувствовалось весь последний час. Огромная туча, с серебристой каймой, похожая на лежащего слона, простерлась над рекою, от одного берега до другого. Тело слона опиралось о дворец, а хобот бесконечной дугой охватывал Нельскую башню и терялся где-то на южной окраине города.

На короткий миг огромную тучу расколола молния, и принцу показалось, что он заметил внизу, во рву, тех, кого безуспешно искал на берегу.

Заржала лошадь, сомнения больше не было: его ждут.

Герцог потряс лестницу, проверяя, хорошо ли она укреплена, потом перенес ногу через перила и поставил ее на первую перекладину, Невозможно описать ту смертельную тоску, от которой сжалось в эту минуту сердце узника. Эта зыбкая шелковая лестница была его единственной опорой, единственным спасением от страшных угроз брата.

Но лишь только принц поставил ногу на первую перекладину, он тут же почувствовал, что лестница, вместо того чтобы начать раскачиваться, как он ожидал, напротив, натянулась. Она не стала вращаться, как это было бы естественно в подобном случае, и вторая перекладка сразу же оказалась под другой его ногой.

Кто же – друг или враг – удерживал внизу лестницу? Что ждало его там: руки, раскрытые для объятия, или руки, сжимающие оружие?

Неодолимый ужас овладел принцем. Его левая рука все еще держалась за перила балкона, и он сделал движение, чтобы подняться обратно.

Невидимый человек, ждавший принца у подножия стены, словно угадал, что происходит в его душе, ибо в ту же минуту Франсуа почувствовал, как лестница под его ногами несколько раз легонько вздрогнула, будто подбадривая его.

«Лестницу внизу держат, – сказал он себе, – значит, ре хотят, чтобы я упал. Смелей!»

И он продолжал спускаться. Верески были словно палки, так туго их натянули.

Франсуа заметил, что лестницу стараются держать на удалении от стены, чтобы ему легче было ступать на перекладки.

Обнаружив это, он стрелой ринулся вниз, скорее скользя на руках, чем ступая на перекладки, и принося в жертву стремительному спуску подбитые мехом полы своего плаща.

Внезапно, когда принц должен был вот-вот стать на землю, которая – он это инстинктивно чувствовал, – была уже близко, его подхватили сильные руки, и чей-то голос прошептал ему на ухо два слова:

– Вы спасены.

Затем его донесли до противоположного ската рва и стали подталкивать вверх по дорожке, проложенной среди осыпавшейся земли и камней. Наконец он добрался до гребня. На гребне их ждал второй человек, который схватил принца за ворот и вытащил его наверх, а затем, оказав ту же услугу его спутнику, согнулся в три погибели, словно старик, и побежал к реке.

Кони стояли там же, где Франсуа увидел их с самого начала.

Принц понял, что путь назад ему заказан – он полностью во власти своих спасителей. Он бросился к одному из трех коней и прыгнул в седло, оба его спутника последовали его примеру.

Тот же голос, который раньше шептал ему на ухо, сказал так же лаконично и таинственно:

– Гоните!

И все трое пустили своих коней в галоп.

«Пока все идет хорошо, – подумал принц, – будем надеяться, что продолжение этой истории не вступит в противоречие с ее началом».

– Благодарю, благодарю, мой храбрый Бюсси, – тихонько шепнул принц своему правому спутнику, укутанному до самого носа в огромный коричневый плащ.

– Гоните, – ответил тот из глубин своего плаща.

Он сам подал пример, и кони вместе со своими всадниками полетели дальше, словно три черные тени.

Так они доскакали до большого рва Бастилии и промчались по временному мостику, наведенному накануне лигистами, которые, не желая, чтобы их связь с друзьями в провинциях была прервана, прибегли к этому средству, обеспечивавшему им сообщение с тылом.

Три всадника направились в сторону Шарантона. Конь принца, казалось, летел на крыльях.

Вдруг правый спутник перемахнул через придорожную канаву и углубился в Венсенский лес, бросив, с присущим ему лаконизмом, всего лишь одно слово:

– Сюда.

Левый спутник молча повернул вслед за ним. За все время он не проронил ни звука.

Принцу не пришлось даже пустить в ход поводья или колени, чтобы направить свою лошадь: благородное животное так же резво перескочило через канаву, как два других коня, и на ржание, которое оно издало при этом, откликнулись из глубины леса несколько лошадей.

Принц хотел было остановить коня, потому что испугался, не завлекли ли его в какую-нибудь засаду.

Но было слишком поздно: конь летел, закусив удила. Однако заметив, что две другие лошади перешли на рысь, он сделал то же, и вскоре Франсуа очутился на какой-то поляне, где его взору предстал отряд из восьми или десяти всадников. Они стояли в строю, и блики луны играли на их кирасах.

– О! О! – произнес принц. – Что это означает, сударь.

– Святая пятница! – воскликнул тот, к кому был обращен вопрос. – Это означает, что мы в безопасности.

– Это вы, Генрих?! – вскричал пораженный герцог Анжуйский. – Вы – мой освободитель?!

– А что в том удивительного, – ответил Беарнец, – разве мы не союзники?

Он оглянулся, ища взглядом своего спутника.

– Агриппа, – сказал он, – куда ты запропастился, дьявол тебя поberi?

– Я здесь, – ответил д'Обинье, который до сих пор не раскрывал рта. – Ну знаете, если вы будете так обращаться с вашими лошадьми..., при том, что у вас их так много...

– Полно, полно! – остановил его король Наваррский. – Не ворчи, ведь у нас еще есть две свежие, отдохнувшие. На них мы сможем сделать дюжину лье без остановок, а это все, что мне надо.

– Но куда вы меня везете, кузен? – спросил с беспокойством Франсуа.

– Куда вам будет угодно, – сказал Генрих, – только едемте быстрее, потому что д'Обинье прав: в конюшнях короля Франции побольше лошадей, чем в моих. Он достаточно богат для того, чтобы загнать два десятка коней, если ему взбредет в голову настигнуть нас.

– Я и в самом деле могу ехать, куда захочу? – спросил Франсуа.

– Разумеется, и я жду ваших указаний, – сказал Генрих.

– Что ж, тогда – в Анжер.

– Вы хотите ехать в Анжер? Поедем в Анжер. Оно и верно, там вы у себя дома.
– А вы, кузен?
– Я? Возле Анжера я с вами расстанусь и поскачу в Наварру, где меня ждет моя милая Марго; должно быть, она очень по мне соскучилась!
– Но никто не знал, что вы были в Париже? – сказал Франсуа.
– Я приезжал, чтобы продать три брильянта моей жены.
– А! Прекрасно.
– И заодно разведать, действительно ли эта Лига собирается погубить меня.
– Вы же видите, что об этом нет и речи.
– Да, благодаря вам.
– Как это благодаря мне?
– Ну да, конечно, – если, вместо того чтобы отказаться быть главой Лиги, узнав, что она направлена против меня, вы согласились бы занять это место и объединились с моими врагами, я бы погиб. Поэтому, когда мне сообщили, что король покарал вас за неповиновение тюрьмой, я поклялся вытащить вас из нее – и вытащил.
«Все такой же простак, – сказал себе герцог Анжуйский, – даже совестно его обманывать, право», – Поезжайте, кузен, – сказал с улыбкой Беарнец, – поезжайте в Анжу. А! Господин де Гиз, вы считаете, что ваша взяла, но я посылаю вам довольно опасного компаньона, берегитесь!
И так как к ним уже подвели свежих коней, которых потребовал Генрих, оба вскочили в седло и поскакали из лесу. Агриппа д'Обинье скакал за ними, ворча что-то себе под нос.

Глава 13. ПОДРУГИ

Пока Париж весь кипел, как огромный котел, графиня де Монсоро, под охраной своего отца и двух слуг, из тех молодцов, которых в те времена вербовали для любого похода в качестве вспомогательных войск, держала путь к Меридорскому замку, проезжая каждый день по десять лье.

Она тоже начинала наслаждаться свободой, столь драгоценной для всякого, кому пришлось много выстрадать.

Чистая лазурь над полями вместо вечно хмурого неба, нависающего, словно траурный креп, над черными башнями Бастилии, уже зазеленевшие деревья, длинные, волнистые ленты живописных дорог, бегущих через лесные чащи, – все это казалось ей молодым и свежим, новым и восхитительным, словно она и в самом деле встала из могилы, где, как думал ее отец, она была погребена.

Что же до старого барона, то он помолодел на двадцать лет.

Глядя на то, как браво он держится в седле и прищипривает своего старого Жарнака, можно было принять этого благородного сеньора за одного из тех престарелых женихов, которые всюду сопровождают свою юную невесту, не спуская с нее влюбленных глаз.

Мы не станем описывать это долгое путешествие.

Ничего существенного, кроме восхода и захода солнца, не происходило.

Иной раз Диана, потеряв терпение, вскакивала с постели, когда окна гостиницы еще были посеребрены лунным светом, будила барона, расталкивала крепко спящих слуг, и они отправлялись в дорогу под ярко сияющей луной, чтобы выиграть несколько лье на этом длинном пути, казавшемся молодой женщине бесконечным.

И надо было видеть ее, когда посреди дороги она вдруг пропускала вперед сначала Жарнака, гордого тем, что он перегнал всех, затем слуг, и оставалась одна на каком-нибудь пригорке – поглядеть, не следует ли кто-нибудь за ними по долине. Удостоверившись, что долина пустынна, не обнаружив на ней ничего, кроме рассеянных по лугам стад или безмолвной колокольни какого-нибудь городка, торчащей далеко позади, она нагоняла своих,

охваченная еще большим нетерпением.

Тогда отец, который исподтишка подглядывал за ней, говорил:

– Не бойся, Диана.

– Не бояться? Чего же, отец?

– Разве ты не смотришь, не следует ли за нами господин де Монсоро?

– А, это верно... Да, я смотрю, – отвечала молодая женщина, снова бросая взгляд назад.

Вот так, переходя от одних опасений к другим, от надежды к разочарованию, Диана прибыла к концу восьмого дня в Меридорский замок и была встречена у подъемного моста госпожой де Сен-Люк и ее мужем, которые во время отсутствия барона выполняли роль хозяев замка.

И для этих четырех началась та жизнь, о какой мечтает каждый из нас, читая Вергилия и Феокрита.

Барон и Сен-Люк охотились с утра до ночи. По следам их коней мчались доезжачие.

Собаки лавиной скатывались с вершины холма, преследуя зайца или лисицу, и когда из лесу доносился громкий шум этой неистовой погони, Диана и Жанна, сидевшие рядом на мху, в тени деревьев, вздрагивали, но затем снова возвращались к своей нежной и полной тайн беседе.

– Расскажи мне, – говорила Жанна, – Расскажи мне обо всем, что было с тобой в могиле, ведь все мы считали тебя умершей... Погляди, боярышник в цвету роняет на нас свои последние снежинки, бузина шлет нам свой пьянящий аромат. В ветвях дубов играют солнечные блики. В воздухе – ни дуновения, в парке – ни души; лани разбежались, заслышав, как дрожит земля, а лисицы забились в свои норы. Расскажи мне, сестричка, расскажи.

– Что я тебе говорила?

– Ты ничего мне не говорила. Итак, ты счастлива? А что же тогда означают эти голубые тени под прекрасными глазками, перламутровая бледность твоих щек, трепещущие веки и губы, напрасно пытающиеся улыбнуться... Диана, у тебя есть о чем рассказать мне.

– Да нет же, нет.

– Значит, ты счастлива..., с господином де Монсоро? Диана задрожала всем телом.

– Вот видишь! – воскликнула Жанна с ласковым упреком.

– С господином де Монсоро! – повторила Диана. – Зачем ты произнесла это имя? Зачем ты вызвала этот призрак сюда, где нас окружают деревья, цветы, где мы счастливы?

– Что ж, теперь я знаю, почему под твоими прекрасными глазами синяки, почему эти глаза так часто поднимаются к небу; но я все еще не знаю, почему твои губы пытаются улыбнуться.

Диана грустно покачала головой.

– Ты, кажется, мне говорила, – продолжала Жанна, обвивая своей белой, полной рукой плечи Дианы, – говорила мне, что господин де Бюсси отнесся к тебе с большим участием...

Диана покраснела так сильно, что ее нежное, круглое ушко словно пламенем вспыхнуло.

– Этот господин де Бюсси обаятельный человек, – сказала Жанна. И она запела:

Кто первый задира у нас?

Конечно, Бюсси д'Амбуаз.

Диана склонила голову на грудь подруги и подхватила голосом более нежным, чем голоса распевających в листве малиновок:

Кто верен и нежен, спроси.

Ответят: «Сеньор...»

— Де Бюсси!..» — закончила за нее Жанна, весело целуя подругу в глаза. — Ну, назови наконец это имя.

— Хватит глупостей, — сказала вдруг Диана, — господин де Бюсси не вспоминает более о Диане де Меридор.

— Вполне возможно, — ответила Жанна, — но я склонна думать, что он очень нравится Диане де Монсоро.

— Не говори мне этого.

— Почему? Разве это тебе неприятно? Диана не ответила.

— Говорю тебе, что господин де Бюсси не вспоминает обо мне, и правильно делает...

О! Я струсила, — прошептала она.

— Что ты сказала?

— Ничего, ничего.

— Послушай, Диана, ты опять начнешь плакать, винить себя в чем-то... Ты струсила? Ты — моя героиня? У тебя не было выхода.

— Да, я так думала..., мне чудились опасности, пропасти, разверзающиеся у меня под ногами... Сейчас эти опасности, Жанна, кажутся мне призрачными, эти пропасти — их мог бы перепрыгнуть и ребенок. Я струсила, говорю тебе. О! Почему у меня не было времени, чтобы подумать!..

— Ты говоришь со мной загадками.

— Нет, все это не то, — вскричала Диана, в страшном смятении вскакивая на ноги. — Нет, это не моя вина, это он, Жанна, он не захотел. Я вспоминаю, как все было: положение казалось мне ужасным, я колебалась, была в нерешительности... Отец предлагал мне свою поддержку, а я боялась..., он, он предложил мне свое покровительство..., но предложил так, что не смог убедить меня. Против него был герцог Анжуйский. Герцог Анжуйский в союзе с господином де Монсоро, скажешь ты. Ну и что из того? Какое значение имеют герцог Анжуйский и граф де Монсоро! Когда очень хочешь чего-нибудь, когда действительно любишь кого-нибудь, о! никакой принц, никакой граф тебя не удержат. Видишь, Жанна, если бы я действительно любила...

И Диана, вся во власти своего возбуждения, оперлась спиной о ствол дуба, словно душа ее довела тело до изнеможения и у него не было больше сил держаться.

— Послушай, дорогая моя, успокойся, рассуди...

— Говорю тебе: мы оказались трусами.

— Мы... О! Диана, о ком ты говоришь? Это «мы» очень красноречиво, моя милая...

— Я хочу сказать: мой отец и я. Надеюсь, ты ничего другого не подумала... Мой отец — человек знатный, он мог поговорить с королем; я..., у меня есть гордость, и я не боюсь тех, кого ненавижу... Но, видишь ли, вот в чем секрет этой трусости: я поняла, что он не любит меня.

— Ты сама себя обманываешь!.. — вскричала Жанна. — Если бы ты верила в это, то в том состоянии, в котором ты находишься, ты бы обратилась к нему с этим упреком... Но ты в это не веришь, ты знаешь обратное, лицемерка, — добавила она ласково.

— Тебе легко верить в любовь, — возразила Диана, снова усаживаясь возле Жанны, — господин де Сен-Люк взял тебя в жены наперекор воле короля! Он похитил тебя прямо из Парижа; тебя, может быть, преследовала погоня, ты платишь ему за опалу и изгнание своими ласками.

— И щедро плачу, — сказала проказница.

— Но я, подумай немного и не будь эгоисткой, я, которую этот необузданный молодой человек любит, по его уверению, я, которая привлекла взор неукротимого Бюсси — человека, не знающего, что такое препятствие, я допустила оглашение моего брака и предстала пред взоры всего двора. После этого он не захотел даже смотреть на меня. Я доверилась ему в часовне святой Мария Египетской. Никого не было, только два его сообщника — Гертруда и Одуэн, да я — еще большая его сообщница, чем они... О! Подумать только, стой возле дверей коня, и Бюсси мог бы меня похитить тогда же, возле часовни..

закрыть полой плаща... В ту минуту, знаешь, я чувствовала, что он страдает, что он в отчаянии из-за меня. Я видела его потускневшие глаза, побледневшие, запекшиеся от лихорадки губы. Если бы он попросил меня умереть, чтобы возвратить блеск его глазам, свежесть его устам, я бы умерла... Я встала и ушла, и он даже не подумал удержать меня за край моей накидки. Погоди, погоди... О! Ты не понимаешь, как я страдаю. Он знал, что я покидаю Париж, возвращаясь в Меридор; он знал, что господин де Монсоро... Ну вот, я и покраснела.., что господин де Монсоро не муж мне; он знал, что я еду одна.., и в дороге, Жанна, милая, я каждую минуту оборачивалась назад, мне все чудилось, что я слышу галоп его коня, догоняющего нас. Но нет! Это было всего лишь эхо! Говорю тебе, он обо мне и не вспоминает, да я и не заслуживаю того, чтобы ехать за мной в Анжу, когда при дворе французского короля есть столько прекрасных и обходительных дам, одна улыбка которых стоит больше сотни признаний провинциалки, похоронившей себя в чащах Меридора. Теперь ты поняла? Убедила я тебя? Разве я не права? Разве меня не забыли, не пренебрегли мною, бедная моя Жанна?

Не успела молодая женщина произнести эти слова, как в ветвях дуба раздался страшный треск, со старой стены посыпались кусочки мха и отколовшейся штукатурки, и тотчас вслед за этим из зелени плюща и дикой шелковицы выпрыгнул мужчина и упал к ногам Дианы, та громко вскрикнула.

Жанна поспешила отойти в сторону – она узнала этого мужчину.

– Вы видите, я здесь, – прошептал коленопреклоненный Бюсси, целуя край платья Дианы, который он почтительно взял дрогнувшей рукой.

Диана, в свою очередь, узнала голос и улыбку графа, и, пораженная в самое сердце, вне себя, задыхаясь от этого нежданного счастья, она распахнула объятия и, почти без чувств, упала на грудь того, кого только что обвиняла в безразличии.

Глава 14. ВЛЮБЛЕННЫЕ

Обмороки, вызванные радостью, никогда не бывают ни чрезмерно долгими, ни чрезмерно опасными. Правда, есть свидетельства, что они приводили иной раз к смертельному исходу, но такие случаи чрезвычайно редки.

Поэтому Диана весьма скоро открыла глаза и обнаружила, что находится в объятиях Бюсси, ибо Бюсси не пожелал уступить госпоже де Сен-Люк привилегию встретить первый взгляд Дианы.

– О! – прошептала она, приходя в себя. – О! Это ужасно, граф, появиться так внезапно!

Бюсси ожидал других слов.

И кто знает – мужчины так требовательны, – кто знает, повторяем мы, быть может, он ждал вовсе не слов, а чего-то другого, он, не один раз присутствовавший при возвращении к жизни после обмороков или беспамятства?

Однако Диана не только ограничилась этими словами, но более того, она мягко освободилась из плена рук де Бюсси и отступила к подруге, которая поначалу отошла было из деликатности на несколько шагов в сторону, под деревья, но потом прелестное зрелище примирения двух любящих разбудило в ней свойственное женщинам любопытство, и она потихоньку вернулась назад, не для того, чтобы принять участие в разговоре, но чтобы быть достаточно близко от разговаривающих и ничего не упустить...

– Так вот, значит, как вы меня встречаете, сударыня? – сказал Бюсси.

– Ах, – сказала Диана, – это в самом деле очень мило, очень трогательно, господин де Бюсси, то, что вы сделали... Но...

– О! Бога ради, не надо никаких «но», – вздохнул Бюсси, снова опускаясь на колени.

– Нет, нет, только не так, не на коленях, господин де Бюсси.

– О! Позвольте мне молить вас на коленях, – сказал граф, сложив ладони, – я так давно мечтал о месте у ваших ног.

– Возможно, но, чтобы занять его, вы перебрались через стену. Это не подобает знатному сеньору и, более того, весьма неосторожно для человека, который печется о моей чести.

– Почему?

– А если бы вас случайно заметили?

– Кто бы меня заметил?

– Да наши охотники, они всего четверть часа тому назад проскакали тут по лесу мимо стены.

– О! Успокойтесь, сударыня, я слишком старательно прячусь, чтобы меня смогли заметить.

– Он прячется! Ах, – воскликнула Жанна, – это совсем как в романе, расскажите нам, как вы прячетесь, господин де Бюсси, – Во-первых, если я не присоединился к вам по дороге, то не по своей вине: я поехал одним путем, вы – другим. Вы прибыли через Рамбуйе, я через Шартр. Во-вторых, слушайте и судите, влюблен ли в вас бедный Бюсси: я не решился присоединиться к вам, хотя не сомневался, что смог бы это сделать. Я прекрасно знал, что Жарнак отнюдь не влюблен и что это достойное животное без особого восторга относится к возвращению в Меридор; ваш отец тоже не имел никаких оснований торопиться, ведь вы были возле него. Но я хотел встретиться с вами не в присутствии вашего батюшки и не в обществе ваших людей, потому что я гораздо больше беспокоюсь о том, чтобы не нанести урон вашей чести, чем вы думаете. Я ехал не торопясь и грыз ручку моего хлыста, да, ручка хлыста была моей обычной пищей в эти дни.

– Бедный мальчик! – сказала Жанна. – Оно и видно, погляди, как он похудел.

– Наконец вы прибыли, – продолжал Бюсси, – я снял квартиру в предместье города и видел, спрятавшись за ставнями, как вы проехали мимо.

– О! Боже мой! Вы живете в Анжере под своим именем? – спросила Диана.

– За кого вы меня принимаете? – сказал, улыбаясь, де Бюсси. – Конечно, нет, я – странствующий купец. Поглядите на этот светло-коричневый камзол, в нем меня не очень-то узнаешь, такой цвет любят суконщики и мастера золотых и серебряных дел. Ну, а кроме того, у меня весьма озабоченный и запятой вид, и я вполне могу сойти за аптекаря, разыскивающего целебные травы. Короче говоря, меня еще не заметили.

– Бюсси, красавец Бюсси, два дня кряду находится в провинциальном городишке, и его не заметили? При дворе этому никогда не поверят.

– Продолжайте, граф, – сказала Диана, краснея. – Как вы добрались из Анжера сюда?

– У меня два чистокровных скакуна. Я сажусь на одного из них и шагом выезжаю из города, то и дело останавливаясь, чтобы поглазеть на объявления и вывески. Но стоит мне очутиться вдали от чужих взглядов, я тотчас же пускаю коня в галоп, и за двадцать минут он покрывает три с половиной лье между городом и замком. Оказавшись в Меридорском лесу, я определяю стороны света и нахожу стену парка. Но она длинная, и даже очень, ведь парк большой. Вчера я исследовал эту стену больше чем четыре часа; взбирался на нее то там, то здесь, все надеясь увидеть вас. И наконец, к вечеру, когда я уже почти отчаялся, я вас увидел. Вы шли к дому, позади вас прыгали две большие собаки барона, они пытались схватить молодую куропатку, которую госпожа де Сен-Люк держала в высоко поднятой руке. Потом вы скрылись из виду.

Я спрыгнул в парк, прибежал сюда, где мы сейчас, увидел, что трава и мох здесь сильно примяты, и решил, что, вполне возможно, это ваше излюбленное место: тут так приятно в жару. Чтобы узнать это место, я надломил ветки, как делают на охоте, и, вздыхая, что для меня всегда ужасно мучительно...

– С непривычки, – прервала с улыбкой Жанна.

– Вполне возможно, сударыня. Итак, вздыхая, что для меня, повторяю, всегда ужасно мучительно, я поскакал к городу. Я был очень утомлен, кроме того, взбираясь на деревья, я разорвал мой светло-коричневый камзол, и, однако, несмотря на прорехи в камзоле, несмотря на боль в груди, я был счастлив: я видел вас.

– По-моему, это восхитительный рассказ, – сказала Жанна, – вы преодолели ужасные препятствия, это прекрасно и героично, но я боюсь взбираться на деревья, и, оказавшись на вашем месте, я поберегла бы свой камзол и особенно свои прекрасные белые руки. Посмотрите, в каком ужасном состоянии ваши: все исцарапаны колючками.

– Верно. Но тогда я не увидел бы ту, которую искал.

– Вот уж нет. Я бы увидела ее и нагладелась бы побольше вашего и на Диану де Меридор, и даже на госпожу де Сен-Люк.

– А что бы вы сделали для этого? – с живостью спросил Бюсси.

– Явилась бы прямо к подъемному мосту Меридорского замка и вошла в замок. Господин барон сжал бы меня в своих объятиях, госпожа де Монсоро усадила бы меня рядом с собой за стол, господин де Сен-Люк осыпал бы меня знаками внимания, госпожа де Сен-Люк составляла бы со мной анаграммы. Это был бы самый простой в мире способ. Правда, самые простые в мире способы никогда не приходят на ум влюбленным.

Бюсси улыбнулся, бросил взгляд в сторону Дианы и покачал головой.

– Ну нет, – сказал он, – нет. То, что сделали бы вы, годится для всех, но не для меня.

Диана залилась краской, словно ребенок, и в глазах обоих появилось одно и то же выражение, а на устах – одна и та же улыбка.

– Вот так так! – сказала Жанна. – По всему выходит, что я ничего больше не понимаю в хороших манерах.

– Нет! – сказал Бюсси, отрицательно покачав головой. – Нет, я не мог явиться в замок! Графиня замужем, и господин барон несет обязательство перед своим зятем – каким бы он ни был – строго следить за его женой.

– Что ж, – сказала Жанна, – вот я и получила урок благородства, примите мою признательность, господин де Бюсси, я действительно его заслужила, это меня отучит вмешиваться в дела безумцев.

– Безумцев? – переспросила Диана.

– Безумцев или влюбленных, – ответила госпожа де Сен-Люк, – и поэтому...

Она поцеловала подругу в лоб, сделала реверанс Бюсси и убежала.

Диана пыталась было остановить Жанну за руку, но Бюсси завладел другой рукой Дианы, и молодой женщине, столь крепко удерживаемой своим возлюбленным, пришлось решиться и отпустить подругу.

Итак, Бюсси и Диана остались одни.

Диана, бросив взгляд вслед госпоже де Сен-Люк, которая шла, срывая по пути цветы, покраснела и сноса опустилась на траву.

Бюсси улегся к ее ногам.

– Я поступил, как должно, не правда ли, сударыня? Вы меня одобряете?

– Не стану лукавить, – ответила Диана, – к тому же вам известны мои мысли. Да, я одобряю вас, но на этом кончается моя снисходительность. Стремиться к вам, призывать вас, как я это делала только что, было безумием с моей стороны, грехом.

– Бог мой! Что вы такое говорите, Диана?

– Увы, граф, я говорю правду! Я имею право делать несчастным господина де Монсоро, который сам довел меня до такой крайности, но я располагаю этим правом только до тех пор, пока воздерживаюсь от того, чтобы осчастливить другого. Я могу отказать графу в моем обществе, моей улыбке, моей любви, но если я одарю этими милостями другого, я ограблю того, кто, вопреки моему желанию, является моим господином.

Бюсси терпеливо выслушал это нравоучение, весьма смягченное, впрочем, прелестью Дианы и ее кротким тоном.

– Сейчас моя очередь, не так ли? – спросил он.

– Говорите, – ответила Диана.

– Со всей откровенностью?

– Говорите!

– Ну так вот, в том, что вы мне сказали, сударыня, нет ни одного слова, сказанного от

сердца.

– Почему?

– Наберитесь терпения и выслушайте меня, сударыня, ведь я слушал вас терпеливо. Вы засыпали меня софизмами.

Диана сделала протестующее движение.

– Общие места морали, – продолжал Бюсси, – не что иное, как софизмы, когда они оторваны от реальности. В обмен на ваши софизмы, сударыня, я преподнесу вам истину. Некий мужчина является вашим господином, говорите вы, но разве вы сами выбрали себе этого мужчину? Нет, его навязали вам роковые обстоятельства, и вы подчинились им. Вопрос состоит в том, собираетесь ли вы страдать всю жизнь от этого подлого принуждения? Если пет, то я могу вас от него освободить.

Диана открыла рот, чтобы заговорить, но Бюсси остановил ее жестом.

– О! Я знаю, что вы мне ответите, – сказал он. – Вы мне ответите, что, если я вызову господина де Монсоро на дуэль и убью его, мне больше не видать вас... Пусть так, пусть, разлученный с вами, я умру от горя, но зато вы будете жить свободной, вы сможете сделать счастливым достойного человека, и он, исполненный радости, благословит когда-нибудь мое имя и скажет:

«Спасибо, Бюсси, спасибо! Ты освободил нас от этого мерзкого Монсоро!» Да и вы сами, Диана, вы, которая не осмелилась бы поблагодарить меня живого, поблагодарите меня умершего.

Молодая женщина схватила руку графа и нежно сжала ее.

– Вы еще не умоляли, Бюсси, – сказала она, – а уже угрожаете.

– Угрожать вам?! О! Господь слышит меня и знает мои намерения. Я беззаветно люблю вас, Диана, и никогда не поступлю так, как поступил бы другой на моем месте. Я знаю, что и вы меня любите. Боже мой! Только не отрицайте этого, иначе вы приравняете себя к тем пошлым людям, у коих слово расходится с делом. Я знаю, что любите, вы сами мне в этом открылись. И еще: любовь, подобная моей, сияет, как солнце, и оживляет все сердца, к которым она прикасается, поэтому я не буду умолять вас, я не предоставляю отчаянию изничтожить меня. Нет, я встану на колени у ваших ног, которые готов целовать, и скажу вам, положив правую руку на сердце, – оно ни разу не солгало ни по расчету, ни из-за страха, – я скажу вам: «Диана, я люблю вас и буду любить всю жизнь! Диана, клянусь перед лицом неба, я умру за вас, умру, обожая вас». И если вы мне снова скажете: «Уходите, не похищайте счастья, принадлежащего другому», я поднимусь без вздоха, без возражения, поднимусь с этого места, где я, несмотря на все, чувствую себя таким счастливым, и, низко поклонившись вам, подумаю: «Эта женщина меня не любит, эта женщина не полюбит меня никогда». А затем я уйду, и вы больше меня никогда не увидите. Но так как моя преданность вам превосходит даже мою любовь, так как желание видеть вас счастливой сохранится во мне, даже когда я уверюсь, что не могу быть счастлив сам, так как, не похитив у другого его счастья, я получу право похитить у него жизнь, я воспользуюсь своим правом, сударыня, хотя бы для этого мне пришлось пожертвовать собственной жизнью: я убью его, убью из страха, что иначе вы навеки останетесь в рабстве и что ваше рабство вынудит вас и впредь делать несчастными хороших людей, которые вас любят.

Бюсси произнес эти слова с большим волнением. Диана прочла в его сверкающем и честном взоре, что решение его твердо. Она поняла: он сделает то, что сказал, его слова, без всяких сомнений, претворятся в дела; и как апрельские снега тают под лучами солнца, так растаяла ее суровость в пламени этого взора.

– Благодарю, – сказала она, – благодарю, мой друг, за то, что вы лишаете меня выбора. Это еще одно из проявлений деликатности с вашей стороны – вы хотите, чтобы, уступив вам, я не мучилась угрызениями совести. А теперь: будете ли вы любить меня до самой смерти, как говорили? Не окажусь ли я просто вашей прихотью и не заставите ли вы меня однажды горько пожалеть, что я не вняла любви господина де Монсоро? Но нет, я не могу ставить вам условия. Я побеждена, я сдаюсь, я ваша, Бюсси, пусть не по закону, но, во

всяком случае, – по любви. Оставайтесь, мой друг, и теперь, когда моя жизнь и ваша – одно целое, оберегайте нас.

С этими словами Диана положила одну из своих белоснежных изящных ручек на плечо де Бюсси и протянула ему другую, которую он с любовью прижал к губам. Диана вся затрепетала от этого поцелуя.

Тут послышались легкие шаги Жанны и предупреждающее покашливание.

Она принесла целый сноп ранних цветов и, должно быть, самую первую бабочку, осмелившуюся вылупиться из своего шелкового кокона. Это была аталанта с красно-черными крыльями.

Сплетенные руки инстинктивно разъединились.

Жанна заметила это движение.

– Простите, дорогие друзья, что я вам помешала, – сказала она, – но нам пора вернуться домой, если мы не хотим, чтобы за нами пришли сюда. Господин граф, возвращайтесь, пожалуйста, к вашему замечательному коню, который делает четыре лье за полчаса, а нам предоставьте возможность пройти как можно медленнее те сто пятьдесят шагов, что отделяют нас от дома, ибо, я предполагаю, нам есть о чем поговорить. Проклятие! Вот что вы теряете из-за вашего упрямства, господин де Бюсси: во-первых, обед в замке – великолепный обед, особенно для человека, который скакал на лошади и перелезал через стены, а во. – вторых, не меньше сотни веселых шуток, которыми мы с вами обменялись бы, не считая уж обмена взглядами, насмерть поражающими сердце. Пойдем, Диана.

Жанна взяла подружку за руку и легонько увлекла за собой.

Бюсси с улыбкой смотрел на молодых женщин. Диана, еще не успевшая повернуться к нему спиной, протянула ему руку.

Молодой человек приблизился.

– И вы мне больше ничего не скажете?

– До завтра, – ответила Диана, – разве мы не договорились?

– Только до завтра?

– До завтра и до конца жизни!

Бюсси не мог удержать радостного восклицания. Он прижался губами к руке Дианы, а затем, бросив последнее «до свидания» обоим, удалился, вернее, убежал.

Ему пришлось сделать над собой большое усилие, чтобы расстаться с той, с которой он так долго не чаял соединиться.

Диана смотрела ему вслед, пока он не скрылся в глубине лесосеки, и, удерживая подружку за руку, прислушивалась, пока звук его шагов не замер в кустарниках.

– Ну, а теперь, – сказала Жанна, когда Бюсси исчез окончательно, – не хочешь ли ты немного поговорить со мной, Диана?

– О! Да, – сказала молодая женщина, вздрогнув, словно голос подружки пробудил ее от грез. – Я слушаю тебя.

– Так вот, завтра я отправляюсь на охоту с Сен-Люком и твоим отцом!

– Как! Ты оставишь меня одну в замке?

– Послушай, дорогая моя, – сказала Жанна, – у меня тоже свои нравственные убеждения, и есть вещи, которые я не могу себе позволить.

– О Жанна, – вскричала госпожа де Монсоро, бледнея, – как ты можешь говорить так жестоко со мной – твоим другом?

– Дружба дружбой, – произнесла госпожа де Сен-Люк с прежней невозмутимостью, – но я не могу продолжать так.

– Я думала, ты меня любишь, Жанна, а тырываешь мне сердце, – сказала молодая женщина со слезами на глазах. – Не можешь продолжать, говоришь ты, что же ты не можешь продолжать, скажи?

– Продолжать, – шепнула Жанна на ухо своей подружке, – продолжать мешать вам, бедные вы мои влюбленные, мешать вам любить друг друга в полное удовольствие.

Диана прижала к груди залившуюся смехом молодую женщину и покрыла

поцелуями ее сияющее лицо.

Она еще не успела разомкнуть свои объятия, как послышались звуки охотничьих рогов.

– Пойдем, нас зовут, – сказала Жанна, – бедный Сен-Люк в нетерпении. Пожалей его, как я жалею влюбленного в светло-коричневом камзоле.

Глава 15. **О ТОМ, КАК БЮССИ ПРЕДЛАГАЛИ СТО ПИСТОЛЕЙ ЗА ЕГО КОНЯ, А** **ОН ОТДАЛ ЕГО ДАРОМ**

Назавтра Бюсси выехал из Анжера спозаранок – еще до того, как самый рьяный из любителей раннего вставания в городе успел закончить свой завтрак. Бюсси не скакал – он летел.

Диана поднялась на одну из террас замка, откуда была видна беловатая, извилистая дорога, бегущая через зеленые луга.

Она заметила черную точку, которая неслась вперед со скоростью метеора, оставляя позади все удлиняющуюся змеистую ленту дороги.

Диана тотчас же сбегала вниз, чтобы Бюсси не пришлось ждать и чтобы ожидание осталось ее заслугой.

Солнце только начало подниматься над верхушками высоких дубов, трава была осыпана жемчугом росы, вдали над лесом раздавались звуки охотничьего рога Сен-Люка, которого Жанна подстрекала трубить снова и снова, чтобы напомнить подруге, какую услугу она ей оказывает, оставляя ее в одиночестве.

Сердце Дианы было переполнено такой огромной и мучительной радостью, она была так опьянена своей молодостью, красотой, любовью, что, пока она бежала, ей казалось, будто душа на крыльях возносит ее к всевышнему.

Но от дома до лесосеки было не близко, ножки молодой женщины устали приминать густую траву, и несколько раз у нее захватывало дыхание; поэтому она очутилась на месте свидания лишь в ту минуту, когда Бюсси уже показался на гребне стены и устремился вниз.

Он увидел, как она бежит. Она издала крик радости. Он шагнул к ней с протянутыми руками. Она бросилась к нему и положила обе свои руки на его грудь: долгое, страстное объятие заменило им утреннее приветствие. О чем им было говорить? Они любили друг друга. О чем им было думать? Они видели друг друга. Чего им было желать? Они сидели рядом и держались за руки, День пролетел, как один час.

Когда Диана первой очнулась от сладкого оцепенения, от этого сна утомленной счастьем души, Бюсси прижал замечтавшуюся молодую женщину к сердцу и сказал:

– Диана, мне кажется, что с сегодняшнего дня я начал жить, мне кажется, что сегодня я увидел ясно путь, ведущий к вечности. Знайте же, вы – тот свет, который открыл мне это счастье. Я ничего не ведал ни об этом мире, ни о жизни людей в нем. Могу только повторить вам то, что говорил вчера: я начал жить благодаря вам и умру возле вас.

– А я, – отвечала ему Диана, – еще недавно я была готова без сожалений броситься в объятия смерти, а теперь я содрогаюсь от страха, что не проживу достаточно долго, чтобы исчерпать все сокровища, которые сулит мне ваша любовь. Но почему вы не хотите прийти в замок, Луи? Отец был бы счастлив видеть вас, господин Сен-Люк – ваш друг, и он не болтлив... Подумайте, ведь каждый лишний час, проведенный вместе, для нас бесценен.

– Увы, Диана, стоит мне однажды появиться в замке – и я буду ходить туда каждый день; а если я буду ходить туда каждый день, вся округа об этом узнает, я если слух дойдет до ушей этого людоеда – вашего супруга, он примчится... Вы не позволили мне освободить вас от него...

– А зачем? – сказала она с тем выражением, которое можно услышать только в голосе любимой женщины.

– Поэтому для нашей безопасности, то есть для безопасности нашего счастья нам

очень важно скрыть пашу тайну от всех; ее знает уже мадам де Сен-Люк... Сен-Люку она тоже станет известна.

– О! Почему же?..

– Разве вы могли бы скрыть от меня что-нибудь? – сказал Бюсси. – От меня, теперь?..

– Не могла бы, это верно.

– Сегодня утром я послал Сен-Люку записку с просьбой о встрече в Анжере. Он приедет. Я возьму с него слово дворянина, что он никогда не проронит ни звука о наших с вами отношениях. Это тем более важно, дорогая Диана, что меня несомненно повсюду разыскивают. Когда мы покинули Париж, там происходили важные события.

– Вы правы..., и к тому же отец мой так щепетилен в вопросах чести, что, несмотря на всю свою любовь ко мне, способен изобличить меня перед господином де Монсоро.

– Будем же строго хранить тайну..., и если бог выдаст пас нашим врагам, мы, по крайней мере, сможем сказать, что сделали все от нас зависящее.

– Бог милостив, Луи, не надо сомневаться в нем в такую минуту.

– Я не сомневаюсь в боге, я опасюсь дьявола: он может позавидовать нашему счастью.

– Простимся, мой господин, и не скачите так быстро, меня пугает ваш конь.

– Не бойтесь, он уже знает дорогу: это самый послушный и надежный копь из всех, на которых мне до сих пор приходилось ездить. Когда я возвращаюсь в город, погрузившись в свои сладостные мысли, я даже не касаюсь поводьев, он сам везет меня, куда нужно.

Влюбленные обменялись еще бесчисленным количеством фраз в том же роде, перемежая их бесчисленным количеством поцелуев.

Но наконец вблизи от замка раздались звуки охотничьего рога, исполнявшего мелодию, о которой Жанна договорилась со своей подругой, и Бюсси удалился.

Направляясь к городу, весь в мыслях об этом чудесном дне и гордый своей свободой, ибо почести и заботы, связанные с богатством, и милости принца крови всегда сковывали его, как золотые цепи, он заметил, что уже близок час, когда закрывают городские ворота. Конь, весь день щипавший листву и травы, продолжал заниматься этим и в пути, а между тем уже приближалась ночь.

Бюсси собрался было прищипорить коня, чтобы наверстать потерянное время, как вдруг услышал позади стук лошадиных копыт.

Человеку, который скрывается, и в особенности влюбленному, во всем чудится угроза.

Это роднит счастливых любовников с ворами.

Бюсси размышлял: что лучше – пустить коня в галоп и вырваться вперед или свернуть в сторону и дать всадникам проехать мимо? Но они скакали так стремительно, что через мгновение уже настигли его.

Всадников было двое.

Бюсси, рассудив, что не будет трусостью уклониться от встречи с двумя, если сам ты стоишь четырех, отъехал на обочину и увидел всадника, изо всех сил прищипоривавшего своего коня, которого его спутник подгонял сверх того еще и частыми ударами хлыста.

– Ну, ну, вот уже и город, – приговаривал этот последний с сильнейшим гасконским акцентом, – еще триста раз ударить хлыстом и сто – вонзить шпоры. Мужайтесь, мужайтесь!

– Лошадь совсем выдохлась, она дрожит, слабеет, отказывается бежать... – отвечал первый всадник. – Но я бы и сотней коней пожертвовал, лишь бы очутиться в моем городе.

– Какой-нибудь запоздалый анжерец, – сказал себе Бюсси. – Как все же люди глупеют от страха! Голос мне показался знакомым. Однако конь под этим молодцом шатается...

В это мгновение всадники оказались на одной линии с Бюсси.

– Эй, сударь, – крикнул он, – берегитесь! Ноги из стремян, живей, копь сейчас упадет.

И действительно, лошадь тяжело рухнула на бок, судорожно подергала ногой, словно вскапывая землю, и внезапно ее громкое дыхание оборвалось, глаза затуманились, на губах выступила пена, и она испустила дух.

– Сударь, – крикнул, обращаясь к Бюсси, вылетевший из седла всадник, – триста пистолей за вашего коня.

– Господи боже мой! – воскликнул Бюсси, приближаясь к нему.

– Вы слышите, сударь? Я спешу...

– Берите его даром, мой принц, – дрожа от невыразимого волнения, сказал Бюсси, который узнал герцога Анжуйского.

В то же мгновение раздался сухой щелчок – спутник принца взвел курок пистолета...

– Стойте! – крикнул герцог Анжуйский своему безжалостному защитнику. – Стойте, господин д'Обинье, будь я проклят, если это не Бюсси.

– Да, мой принц, это я. Но какого дьявола загоняете вы лошадей в такой час и на этой дороге?

– А-а! Это господин де Бюсси, – сказал д'Обинье, – в таком случае, монсеньер, я вам больше не нужен... Разрешите мне возвратиться к тому, кто меня послал, как говорится в Священном писании.

– Но сначала примите мою самую искреннюю благодарность и заверение в вечной дружбе, – сказал принц.

– Я принимаю и то и другое, монсеньер, и когда-нибудь напомню вам ваши слова.

– Господин д'Обинье!.. Монсеньер!.. Нет, я не верю своим глазам! – удивлялся Бюсси.

– Разве ты ничего не знал? – спросил принц с неудовольствием и недоверием, которые не ускользнули от Бюсси. – Разве ты здесь не потому, что ждал меня?

«Дьявольщина!» – сказал себе Бюсси, подумав о том, какую пищу может дать его тайное пребывание в Анжу подозрительному уму Франсуа.

– Не будем говорить лишнего!.. Я не просто ждал вас, я сделал больше, – ответил он, – а теперь, если вы хотите попасть в город, пока не заперли ворота, в седло, монсеньер.

Он подвел своего коня к принцу, который был занят тем, что доставал бумаги, запрятанные между седлом и попоной павшей лошади.

– Итак, прощайте, монсеньер, – сказал д'Обинье, поворачивая назад. – Господин де Бюсси, я всегда к вашим услугам.

И он ускакал.

Бюсси легко вспрыгнул на конский круп позади своего господина и направил Роланда к городу, спрашивая себя, не является ли этот одетый в черное принц злым духом, которого ему послал ад, позавидовавший его счастью.

Они въехали в Анжер, когда трубачи давали первый сигнал, возвещавший о закрытии ворот.

– Куда теперь, монсеньер?

– В замок! Пусть поднимут мой флаг, пусть придут отдать мне почести, пусть созовут дворян моей провинции.

– Нет ничего легче, – сказал Бюсси, решивший прикинуться покорным, чтобы выиграть время, да к тому же слишком пораженный случившимся, чтобы самому принимать решение.

– Эй, господа трубачи! – крикнул он герольдам, которые возвращались в кордегардию.

Те оглянулись, но не придали его окрику особого значения, так как увидели перед собой двух запыленных, потных мужчин с весьма жалким выездом.

– Проклятие! – сказал Бюсси, направляя коня прямо на них. – С каких это пор хозяина не узнают в его доме?.. Вызвать сюда дежурного старшину!..

Этот надменный тон внушил почтение герольдам. Один из них подошел ближе.

– Господи Иисусе! – испуганно воскликнул он, приглядываясь к герцогу. – Да не

наш ли это сеньор и господин?

Герцог был очень признателен своему уродливому носу, который, как об этом говорилось в эпиграмме Шико, был разделен надвое.

– Так и есть – монсеньер герцог! – Герольд схватил за руку своего товарища, тоже подскочившего от неожиданности.

– Теперь вы знаете об этом не хуже меня, – сказал Бюсси, – наберите-ка побольше воздуха и дуйте в ваши трубы, пока не лопнете, и чтобы через четверть часа всему городу было известно, что монсеньер пожаловал к себе. Мы же, монсеньер, медленно поедem к замку. К тому времени, когда мы туда прибудем, все уже будет готово к вашему приему.

И действительно, при первом возгласе герольдов люди стали собираться в кучки, при втором – дети и кумушки разбежались по улицам с криками:

– Монсеньер в городе!.. Слава монсеньеру!

Эшеваны, губернатор, знатные дворяне бросились к дворцу в, сопровождении толпы, становившейся все более и более плотной.

Как и предвидел Бюсси, городские власти прибыли во дворец прежде принца, чтобы оказать ему достойный прием.

Когда герцог Анжуйский выехал на набережную, оказалось, что почти невозможно пробиться через толпы народа, однако Бюсси разыскал одного из герольдов, и тот, раздавая направо и налево удары своей трубой, проложил принцу дорогу до ступенек ратуши.

Бюсси замыкал шествие.

– Господа и верные мои вассалы, – произнес принц, – я пришел искать убежища в моем добром городе Анжере. В Париже жизнь моя была под страшной угрозой. Меня даже лишили свободы. Но благодаря верным друзьям мне удалось бежать.

Бюсси кусал себе губы, ему был ясен иронический смысл взгляда, которым одарил его Франсуа.

– С того мгновения, как я нахожусь в вашем городе, я больше не испытываю тревоги за свою жизнь.

Ошеломленные отцы города неуверенно закричали;

– Да здравствует наш сеньор!

Народ, рассчитывая на связанные с каждым приездом принца непредвиденные доходы, громко завопил:

– Слава!

– Поужинаем, – сказал принц, – я не ел с самого утра.

В одно мгновение герцога окружила вся челядь, которую он – властитель провинции Анжу – держал в своем дворце в Анжере. Из всех этих слуг лишь самые главные знали своего господина в лицо.

Затем наступила очередь городских дворян и дам.

Прием продолжался до полуночи.

В городе устроили иллюминацию, на улицах и площадях палили из мушкетов, был приведен в действие соборный колокол, и порывы ветра доносили до Меридора эти традиционные звуки ликования добрых анжуйцев.

Глава 16. **ДИПЛОМАТИЯ ГЕРЦОГА АНЖУЙСКОГО**

Когда мушкетная пальба на улицах несколько поутихла, когда удары колокола стали реже, когда передний замок опустели, когда Бюсси и герцог Анжуйский остались наконец одни, герцог сказал:

– Поговорим.

Проницательный Франсуа уже заметил, что с момента их встречи Бюсси относится к нему с гораздо большей предупредительностью, чем обычно. С присущим ему знанием света, принц решил, что Бюсси, по всей вероятности, оказался в затруднительном положении, а

значит, при некоторой доле хитрости, можно из этого извлечь пользу для себя.

Но у Бюсси было время подготовиться, и он держался уверенно.

– Поговорим, монсеньер, – ответил он.

– Когда мы виделись с вами в последний раз, – сказал принц, – вы были тяжело больны, мой бедный Бюсси!

– Это правда, монсеньер, – подтвердил молодой человек, – я был тяжело болен и спасся почти чудом.

– В тот день при вас находился какой-то лекарь, – продолжал принц, – чересчур озабоченный вашим здоровьем, как мне показалось, потому что он набрасывался на всех, кто приближался к вам, – И это тоже правда, монсеньер, мой Одуэн меня очень любит.

– Он строго-настрого запретил вам вставать с постели, не так ли?

– Чем я был возмущен до глубины души, как ваше высочество могли убедиться сами.

– Но, – сказал герцог, – коли это вас так возмущало, вы могли бы послать медицину ко всем чертям и отправиться со мной, как я вас о том просил.

– Проклятие! – воскликнул Бюсси, на сотню ладов вертя и крутя в руках свою аптекарскую шляпу.

– Но, – продолжал герцог, – так как речь шла о серьезном деле, вы побоялись подвергнуть себя опасности.

– Простите? – переспросил Бюсси, одним ударом кулака нахлобучивая все ту же шляпу до самых глаз. – Мне слышалось, мой принц, вы сказали, что я побоялся подвергнуть себя опасности?

– Да, я так сказал, – ответил герцог Анжуйский. Бюсси вскочил со своего стула.

– Тогда, значит, вы солгали, монсеньер, – воскликнул он, – солгали самому себе, слышите! Потому что вы сами не верите ни слову, ни единому слову из того, что сказали. У меня на теле двадцать шрамов, они свидетельствуют, что я не раз подвергал себя опасности и никого не боялся. И, клянусь честью, я знаю немало людей, которые не смогли бы сказать того же о себе и тем более доказать это.

– У вас всегда наготове неопровержимые доводы, господин де Бюсси, – возразил герцог, бледный и очень возбужденный. – Когда вас обвиняют, вы стараетесь перекрыть упреки и воображаете, что это доказывает вашу правоту.

– О нет, я не всегда прав, монсеньер, – возразил Бюсси, – и хорошо это знаю, но я так же хорошо знаю, в каких случаях я не прав.

– В каких же это случаях? Скажите, сделайте милость.

– В тех, когда я служу неблагодарным людям.

– По чести, сударь, мне кажется, что вы забываетесь, – сказал принц, внезапно поднимаясь с тем видом достоинства, который он умел принимать в случае нужды.

– Возможно, я забываюсь, монсеньер, – сказал Бюсси, – поступите раз в жизни так же: забудьте или забудьте меня.

При этом Бюсси сделал два шага к выходу, но принц оказался проворней и загородил собою дверь.

– Станете ли вы отрицать, сударь, – спросил он, – что в тот день, когда вы отказались выйти из дому со мной, вы через минуту вышли сами?

– Я, – ответил Бюсси, – никогда ничего не отрицаю, монсеньер, разве что в тех случаях, когда у меня хотят вынудить признание.

– Тогда объясните мне, почему вы настаивали на том, чтобы остаться дома.

– Потому, что у меня были дела.

– Дома?

– Дома или в другом месте.

– Я полагаю, что, когда дворянин состоит на службе у принца, главными его делами являются дела этого принца.

– Так кто же, как правило, занимается вашими делами, монсеньер, если не я?

– Я с этим не спору, – ответил Франсуа, – обычно вы мне верны и преданы, скажу

даже больше: я извиняю ваше дурное настроение.

– Вот как? Вы очень добры.

– Да, извиняю, потому что у вас есть некоторые основания сердиться на меня.

– Вы признаете это, монсеньер?

– Да. Я обещал вам опалу для господина де Монсоро. Вы, кажется, его сильно недолюбливаете, господина де Монсоро?

– Я? Совсем нет. Я нахожу, что у него отталкивающая физиономия, и хотел бы, чтобы он убрался подальше от двора и не мозолил бы мне глаза. Вам же, монсеньер, вам, напротив, его физиономия по душе. О вкусах не спорят.

– Что ж, раз единственное оправдание тому, что вы дулись на меня, как избалованный, капризный ребенок, состоит в этом, я скажу вам: вы были неправы вдвойне, когда не пожелали идти со мной, а после моего ухода вышли и стали совершать никому не нужные подвиги.

– Я совершал никому не нужные подвиги, я?! Сию минуту вы обвиняли меня в том, что... Послушайте, монсеньер, будем же последовательными. Какие это подвиги я совершил?

– Совершили, совершили. Я понимаю, что вы не любите господина д'Эпернона и господина де Шомберга.

Я их тоже не люблю и, более того, – не выношу, но нужно было ограничиться нелюбовью и дожидаться удобного момента.

– Ого! – сказал Бюсси. – Что вы этим хотите сказать, монсеньер?

– Убейте их, черт побери! Убейте обоих, убейте всех четырех, я вам буду за это только признателен, но не злите их, особенно когда сами вы потом исчезаете, а они срывают свою злость на мне.

– Ну хорошо, что же я ему сделал, этому достойному гасконцу?

– Вы имеете в виду д'Эпернона, не так ли?

– Да.

– Ну так вот, по вашему наущению его побили камнями.

– По моему наущению?!

– И самым отменным образом, так что камзол его был превращен в лохмотья, плащ разодран на куски и он возвратился в Лувр в одних штанах.

– Прекрасно, – сказал Бюсси, – с этим все. Перейдем к немцу, В чем я повинен перед господином де Шомбергом?

– Надеюсь, вы не станете отрицать, что приказали выкрасить его в индиго? Когда я его увидел, через три часа после этого происшествия, он еще был лазоревого цвета. И по-вашему, это удачная шутка? Полноте!

Тут принц, вопреки своему желанию, засмеялся, а Бюсси, вспомнив, какое лицо было у Шомберга в чане, тоже не смог удержаться от хохота.

– Так, значит, полагают, что это я сыграл с ним такую шутку?

– Кровь Христова! Не я же, в самом деле?

– И вы еще можете, монсеньер, в чем-то упрекать человека, которому приходят в голову такие замечательные идеи? Ну что я вам говорил? Вы – неблагодарны.

– Согласен. А теперь, послушай, если ты действительно вышел из дому ради этого, я тебя прощаю.

– Правда?

– Да, слово чести, но я еще не покончил с моими претензиями к тебе.

– Я слушаю.

– Поговорим немного обо мне.

– Будь по-вашему.

– Что сделал ты, чтобы помочь мне в беде?

– Вы прекрасно знаете, что я сделал, – сказал Бюсси.

– Пет, не знаю.

– Так вот, я отправился в Анжу.

– Иначе говоря, ты спас себя.

– Да, потому что, спасая себя, я спасал вас.

– Но разве ты не мог подыскать себе убежища где-нибудь в окрестностях Парижа, вместо того чтобы спасаться бегством в столь дальние края? Мне кажется, находишься ты на Монмартре, мне от тебя было бы больше проку.

– Вот тут-то мы с вами и расходимся, монсеньер; я предпочел приехать в Анжу.

– Согласитесь, что ваша прихоть – это весьма посредственный довод.

– Отнюдь, ибо моя прихоть была продиктована желанием завербовать вам сторонников.

– А-а! Это уже другое дело. Ну поглядим, чего вы добились.

– Я смогу рассказать вам это завтра, монсеньер, а сейчас наступило время, когда я должен вас покинуть.

– Покинуть, зачем?

– Чтобы повидаться и побеседовать с очень нужным человеком.

– О! Если так, тогда не возражаю. Идите, Бюсси, но будьте осторожны.

– Осторожен, почему? Разве мы здесь не самые сильные?

– Все равно, не рискуй ничем. Ты уже много успел?

– Я здесь всего два дня, как же вы хотите...

– Но ты скрываешься хотя бы?

– Еще бы! Клянусь смертью Христовой! Поглядите на костюм, в котором я с вами разговариваю, разве обычно я ношу камзолы цвета корицы? И в эти чудовищные штаны я влез тоже ради вас.

– А где ты живешь?

– О! Вот тут-то вы и оцените мою преданность. Я живу..., я живу возле крепостной стены, в жалкой лачуге с дверью на реку. Но вы, мой принц, как вы-то выбрались из Лувра? Почему я встретил вас на дорою с загнанным конем под вами и в компании господина д'Обинье?

– Потому что у меня есть друзья, – сказал принц.

– Друзья у вас? – воскликнул Бюсси. – Полноте!

– Да, друзья, которых ты не знаешь.

– В добрый час! И кто же эти друзья?

– Король Наваррский и господин д'Обинье, ты его видел.

– Король Наваррский... А! Верно. Вы ведь вместе участвовали в заговоре.

– Я никогда не участвовал в заговорах, господин де Бюсси.

– Не участвовали! Порасспросите-ка Ла Моля и Коконнаса!

– Ла Моль, – сказал принц с мрачным видом, – совершил не то преступление, за которое, по мнению всех, его казнили.

– Хорошо! Оставим Ла Моля и вернемся к вам, тем более что нам с вами, монсеньер, нелегко будет прийти к согласию по этому пункту. Как, черт возьми, выбрались вы из Лувра?

– Через окно.

– А! Действительно. А через какое?

– Через окно моей спальни.

– Значит, вы знали о веревочной лестнице?

– Какой веревочной лестнице?

– Той, которая в шкафу.

– А! Выходит, и ты о ней знал? – сказал принц, побледнев.

– Проклятие! – ответил Бюсси. – Вашему высочеству известно, что порой мне выпадало счастье входить в эту комнату.

– Во времена моей сестры Марго, не правда ли? И ты входил через окно?

– Черт побери! Вы же вышли через него! Меня удивляет только одно, как вы разыскали лестницу.

– Я ее и не искал.

– А кто же тогда?
– Никто. Мне указали, где она.
– Кто указал?
– Король Наваррский.
– Ах, так король Наваррский знает о лестнице! Вот уж никогда бы не поверил. Но, как бы то ни было, вы здесь, монсеньер, живой и невредимый. Мы с вами запалим Анжер, а с ним вместе запыхает и Ангумуа и Беарн: это будет премилый пожарчик.
– Но ты говорил о свидании? – сказал герцог.
– А! Дьявол! Правда, я и позабыл за интересным разговором. Прощайте, монсеньер.
– Ты берешь своего коня?
– Проклятие! Если он нужен монсеньеру, ваше высочество может оставить его себе, у меня есть еще один. – В таком случае я принимаю его, потом сочтемся.
– Хорошо, монсеньер, и дай бог, чтобы не я остался в долгу перед вами.
– Почему?
– Потому, что я не люблю того, кому вы обычно поручаете подбивать ваши счета.
– Бюсси!
– Вы правы, монсеньер, мы договорились, что не будем больше к этому возвращаться.
Принц, который чувствовал, как нужен ему Бюсси, протянул молодому человеку руку.
Бюсси дал ему свою, но при этом покачал головой.
Они расстались.

Глава 17. **ДИПЛОМАТИЯ ГОСПОДИНА ДЕ СЕН-ЛЮКА**

Бюсси вернулся домой пешком, среди непроглядной ночи, но вместо Сен-Люка, которого рассчитывал там увидеть, нашел только письмо, сообщавшее, что его друг приедет на следующий день.

И в самом деле, около шести часов утра Сен-Люк, в сопровождении доезжачего, выехал из Меридора и поскакал к Анжеру.

Он оказался у крепостной стены как раз к открытию ворот и, не обратив внимания на необычное волнение, которым были охвачены просыпающиеся горожане, добрался до хижины Бюсси.

Друзья сердечно обнялись.

– Снизойдите до моей бедной лачуги, дорогой Сен-Люк. В Анжере я расположился по-походному.

– Да, – заметил Сен-Люк, – по обыкновению победителей: прямо на поле боя, как говорится.

– Что вы этим хотите сказать, дорогой друг?

– Что у моей жены нет от меня тайн, так же как у меня – от нее, мой дорогой Бюсси, и что она мне все рассказала. У нас с ней полная общность не только на имущество. Примите мои поздравления, мой учитель во всем, и раз вы за мной послали, позвольте дать вам один совет.

– Дайте.

– Поскорее избавьтесь от этого гнусного Монсоро, Никто при дворе не знает, в каких вы отношениях с его женой. Сейчас самый подходящий момент. Не надо упрекать его. Когда, позже, вы женитесь на вдове, ни одна душа не заподозрит, что вы сделали ее вдовой, чтобы на ней жениться.

– Есть только одно препятствие к осуществлению этого прекрасного замысла, который пришел мне в голову прежде всего, так же как и вам.

– Вот видите, а какое?

– Дело в том, что я поклялся Диане щадить жизнь ее мужа, до тех пор, разумеется, пока он не нападет на меня сам.

– Вы сделали ошибку.

– Я!

– Вы сделали очень крупную ошибку.

– Почему же?

– Потому, что не следует давать подобные клятвы. Какого дьявола! Если вы не поторопитесь, если не опередите его, уж поверьте мне, Монсоро – да он хитер, как лисица, – раскроет вашу тайну, а если он ее раскроет, этот человек, в котором благородства ни на грош, он убьет вас.

– Случится, как будет угодно богу, – сказал, улыбаясь, Бюсси, – но кроме того, что я нарушу клятву, которую дал Диане, если убью ее мужа...

– Ее мужа!.. Вы прекрасно знаете, что он ей не муж.

– Да, но от этого он не перестает называться мужем. Повторяю, кроме того, что я нарушу мою клятву, меня еще забросают камнями, друг мой, и тот, кого сегодня все считают чудовищем, на своем смертном ложе покажется им ангелом, которого я уложил в гроб.

– Поэтому я и не советовал бы вам убивать его своей рукой.

– Наемные убийцы! Ах, Сен-Люк, скверный же совет вы мне даете.

– Полноте! Кто вам говорит об убийцах?

– Тогда о чем же идет речь?

– Ни о чем, милый друг. Об одной мысли, которая у меня мелькнула, но еще не созрела достаточно, для того чтобы поделиться ею с вами. Я не больше вашего люблю этого Монсоро, хотя не имею тех же основания ненавидеть его; поговорим-ка о жене, вместо того чтобы говорить о муже.

Бюсси улыбнулся.

– Вы верный друг, Сен-Люк, – сказал он, – можете рассчитывать и на мою дружбу. Вам уже известно, дружба моя состоит из трех вещей: моего кошелька, моей шпаги и моей жизни.

– Благодарю, – сказал Сен-Люк, – я принимаю ее, но при условии, что расплачусь с вами тем же.

– А теперь, что хотели вы сказать мне о Диане?

– Я хотел спросить вас, не собираетесь ли вы заглянуть с визитом в Меридор?

– Дорогой друг, благодарю вас за настойчивость, но вы знаете о моих сомнениях на этот счет.

– Я знаю все. В Меридоре вы рискуете встретиться с Монсоро, хотя он пока в восьмидесяти лье от нас; вы рискуете пожать ему руку, а это нелегко – пожимать руку человеку, которого хотелось бы задушить; и, наконец, вы рискуете увидеть, как он обнимает Диану, а это еще тяжелей: глядеть, как обнимают женщину, которую ты любишь.

– А! – воскликнул в ярости Бюсси. – Как хорошо вы понимаете, почему я не показываюсь в Меридоре! А теперь, дорогой друг...

– Вы меня выпроваживаете, – сказал Сен-Люк, неверно понявший намерение Бюсси.

– Отнюдь нет, напротив, – возразил тот, – я прошу вас остаться, потому что настал мой черед задавать вопросы.

– Сделайте милость.

– Разве вы не слышали этой ночью колокольный звон и выстрелы?

– Слышали и спрашивали себя, что случилось. – Разве этим утром вы не заметили, проезжая по городу, некоторых перемен?

– Что-то вроде необычного волнения, вы это имеете в виду?

– Да.

– Я как раз собирался вал спросить, чем оно вызвано.

– Оно вызвано тем, дорогой друг, что вчера сюда прибыл его высочество герцог Анжуйский.

Сен-Люк так и подскочил на стуле, словно ему объявили о появлении дьявола.

– Герцог в Анжере? Говорили, что он под арестом в Лувре.

– Именно потому, что он был под арестом в Лувре, он и находится сейчас в Анжере. Он ухитрился бежать через окно и приехал сюда искать убежища.

– Ну а дальше? – спросил Сен-Люк.

– А дальше, дорогой друг, – ответил Бюсси, – вот для вас прекрасная возможность отомстить его величеству за все, чем он вам досадил. У принца уже есть своя партия, у него будут войска, и мы затеем тут небольшую, но славную гражданскую войну.

– О! – воскликнул Сен-Люк.

– Я рассчитываю, что вы поработаете шпагой вместе со мной.

– Против короля? – спросил Сен-Люк с внезапным холодком в голосе.

– Я не говорю, что именно против короля, – сказал Бюсси, – я говорю: против тех, кто обнажит шпагу против нас.

– Дорогой Бюсси, – сказал Сен-Люк, – я приехал в Анжу подышать свежим воздухом, но не для того, чтобы сражаться против его величества.

– Однако позвольте мне все же представить вас монсеньеру.

– Ни к чему, дорогой Бюсси. Мне не нравится Анжер, и я собирался в ближайшее время отсюда уехать. Это мрачный, скучный город, камни здесь мягкие, как сыр, а сыр твердый, словно камень.

– Дорогой Сен-Люк, вы мне окажете большую услугу, согласившись выполнить мою просьбу. Герцог поинтересовался, зачем я здесь; не имея возможности сказать ему правду, так как он сам был влюблен в Диану и ничего не добился, я его убедил, что приехал сюда с целью привлечь на его сторону всех дворян округа. Я даже прибавил, что этим утром у меня свидание с одним из них.

– Ну и что же? Вы скажете, что виделись с этим дворянином и он просит шесть месяцев на размышление.

– Позвольте вам заметить, дорогой Сен-Люк, – ваша логика хромает не меньше моей.

– Послушайте, в этом мире я дорожу только своей женой, а вы – только вашей возлюбленной, условимся же об одном: что бы ни случилось – я защищаю Диану, что бы ни случилось – вы защищаете госпожу де Сен-Люк. Соглашение по делам любви – это мне подходит, но никаких политических соглашений. Только так мы с вами можем договориться.

– Я вижу, мне придется уступить вам, Сен-Люк, – сказал Бюсси, – потому что сейчас преимущество на вашей стороне; я нуждаюсь в вас, а вы, вы можете обойтись и без меня.

– Ничего подобного, напротив, это я прошу вашего покровительства.

– Как вас понять?

– Представьте себе, что анжуйцы, а мятежники будут называться анжуйцами, явятся в Меридор, чтобы осадить его и разграбить.

– А! Черт возьми! Вы правы, – сказал Бюсси, – вы не хотите, чтобы обитатели замка пострадали от последствий взятия его штурмом.

Друзья расхохотались, и так как над городом прогремел пушечный выстрел и слуга Бюсси пришел с известием, что принц уже трижды справлялся о его господине, они вновь поклялись в своем внеполитическом союзе и расстались, весьма довольные друг другом.

Бюсси помчался в герцогский замок, куда уже стекались дворяне со всех концов провинции. Весть о появлении герцога Анжуйского распространилась, словно эхо от пушечного выстрела, и все города и деревни на три-четыре лье вокруг Анжера были взбудоражены этой новостью.

Молодой человек поспешил организовать официальный прием, обед, торжественные речи. Он полагал, что, пока принц будет принимать посетителей, обедать и в особенности выступать с речами, сам он улучит хотя бы минутку, чтобы повидаться с Дианой. После того как он на несколько часов обеспечил герцога всякими занятиями, Бюсси возвратился к себе, вскочил на коня и галопом поскакал по дороге, ведущей к Меридору.

Предоставленный самому себе, герцог произнес великолепные речи и произвел

большое впечатление своим рассказом о Лиге. Он осторожно обходил все относящееся к его связи с Гизами и изображал себя несчастным принцем, который за доверие, оказанное ему парижанами, подвергся гонениям со стороны короля.

Во время ответных речей и целования руки герцог Анжуйский делал смотр своим дворянам, тщательно запоминая тех, кто уже явился, и, с еще большим тщанием, тех, кто пока отсутствовал.

Когда Бюсси возвратился, было четыре часа пополудни. Он соскочил с коня и предстал перед герцогом, весь в поту и пыли.

– А! Мой славный Бюсси, – сказал герцог, – ты, кажется, не теряешь времени даром.

– Как видите, монсеньер.

– Тебе жарко?

– Я очень гнал.

– Смотри не заболей, ты, должно быть, еще не совсем поправился.

– Ничего со мной не случится.

– Где ты был?

– Тут по соседству. Ваше высочество довольны? Было много пароду?

– Да, Бюсси, я, в общем, удовлетворен, но кое-кто не явился.

– Кто же?

– Твой протеже.

– Мой протеже?

– Да, барон де Меридор.

– А! – сказал Бюсси, изменившись в лице.

– Но тем не менее не следует пренебрегать им, хотя он и пренебрегает мной. Барон пользуется в Анжу влиянием.

– Вы думаете?

– Я уверен. Он представитель Лиги в Анжере. Его выбрал господин де Гиз, а господа де Гизы, как правило, хорошо выбирают себе людей. Надо, чтобы он приехал, Бюсси.

– Но если он все же не приедет, монсеньер?

– Если он не приедет ко мне, я сделаю первый шаг и сам отправлюсь к нему.

– В Меридор?

– А почему бы и нет?

Бюсси не смог удержать испепеляющей молнии ревности, сверкнувшей в его глазах.

– В самом деле, почему бы и нет? Вы принц, вам все дозволено.

– Ах, вот что! Так ты думаешь, что он до сих пор на меня сердится?

– Не знаю. Откуда мне знать?

– Ты с ним не виделся?

– Нет.

– Однако, когда ты вел переговоры со знатью провинции, ты мог бы иметь дело и с ним.

– Не преминул бы, если бы до этого он не имел дела со мной.

– То есть?

– То есть, – сказал Бюсси, – мне не так уж повезло с выполнением обещаний, которые я надавал ему, и потому мне незачем спешить свидеться с ним.

– Разве он не получил того, что желал?

– Что вы имеете в виду?

– Он хотел, чтобы его дочь вышла замуж за графа, – граф женился на ней.

– Не будем больше говорить об этом, монсеньер, – сказал Бюсси.

И повернулся к принцу спиной.

В эту минуту вошли новые дворяне; герцог направился к ним, Бюсси остался в одиночестве.

Слова принца заставили его глубоко задуматься.

Каковы могли быть действительные намерения Франсуа по отношению к барону де

Меридор?

Были ли они такими, как изложил их принц? В самом ли деле старый барон был нужен ему только как уважаемый и могущественный сеньор, способный оказать поддержку его делу, или же хитроумные планы принца являлись всего лишь средством приблизиться к Диане?

Бюсси рассмотрел положение принца со всех сторон;

Франсуа находится в ссоре с братом, покинул Лувр, стоит во главе мятежа в провинции.

Бюсси положил на весы насущные интересы принца и его любовную прихоть.

Последняя весила значительно меньше первых.

Молодой человек готов был простить герцогу все его остальные грехи, только бы он отказался от этой прихоти.

Всю ночь Бюсси пировал с его королевским высочеством и анжуйскими дворянами и сначала ухаживал за анжуйскими дамами, а потом, когда позвали скрипачей, принялся обучать этих дам новейшим танцам.

Само собой разумеется, он привел в восторг дам и в отчаяние их супругов, а когда кое-кто из последних стал поглядывать на Бюсси не так, как ему хотелось бы, ваш герой покрутил раз десять свой ус и спросил у двух-трех ревнивцев, не окажут ли они ему честь прогуляться с ним при лунном свете на лужайке.

Но репутация Бюсси была хорошо известна анжуйцам еще до его появления в Анжере, и поэтому на его любезные приглашения никто не откликнулся.

Глава 18. ДИПЛОМАТИЯ ГОСПОДИНА ДЕ БЮССИ

Выйдя из герцогского дворца, Бюсси увидел у порога открытую, честную и улыбающуюся физиономию человека, которого он полагал в восьмидесяти лье от себя.

– А! – воскликнул Бюсси с чувством живой радости. – Это ты, Реми!

– Боже мой, конечно я, монсеньер.

– А я собирался написать, чтобы ты сюда приехал.

– Правда?

– Честное слово.

– Тогда чудесно: я боялся, что вы меня будете бранить.

– За что же?

– Да за то, что я явился без разрешения. Но посудите сами: до меня дошли слухи, что монсеньер герцог Анжуйский бежал из Лувра и отправился в свою провинцию; я вспомнил, что вы находитесь поблизости от Анжера, подумал, что предстоит гражданская война, шпаги будут в работе и на телесной оболочке одного моего ближнего появится немало дыр. И, поелику я люблю этого своего ближнего, как самого себя и даже больше, чем самого себя, я и приехал сюда.

– Ты прекрасно поступил, Реми. По чести, мне тебя не хватало.

– Как поживает Гертруда, монсеньер? Бюсси улыбнулся.

– Обещаю тебе справиться об этом у Дианы, как только увижу ее, – ответил он.

– А я, в благодарность за это, тотчас, как увижу Гертруду, уж будьте спокойны, в свою очередь, расспрошу у нее о госпоже де Монсоро.

– Ты славный товарищ; а как ты разыскал меня?

– Велика трудность, черт возьми! Я расспросил, как пройти к герцогскому дворцу, и ждал вас у дверей, но сначала отвел свою лошадь в конюшни принца, где, прости меня боже, признал вашего коня.

– Да, принц загнал своего, и я одолжил ему Роланда, а так как у него нет другого коня, он оставил себе этого.

– Узнаю вас, это вы – принц, а принц – ваш слуга.

– Не спеши возносить меня так высоко, Реми, ты еще увидишь, где обитает мое высочество.

И с этими словами он ввел Одуэна в свой домишко у крепостной стены.

– Клянусь честью, – сказал Бюсси, – дворец – перед тобой. Устраивайся, где хочешь и как сможешь.

– Это будет нетрудно сделать, как вы знаете, мне много места не нужно, могу и стоя спать, коли понадобится: я достаточно устал для этого.

Друзья, ибо Бюсси обращался с Одуэном скорее как с другом, чем как со слугой, разошлись, и Бюсси, испытывая двойное удовлетворение оттого, что он снова находится возле Дианы и Реми, в одно мгновение погрузился в сон.

Правда, герцог, дабы спать спокойно, попросил прекратить стрельбу из пушки и мушкетов, что до колоколов, то они замолкли сами собой, так как звонари натерли себе волдыри на ладонях.

Бюсси поднялся чуть свет и поспешил в замок, распорядившись передать Реми, чтобы и он туда пришел.

Граф хотел быть у постели его высочества в тот момент, когда принц откроет глаза, и, если удастся, прочесть его мысли по выражению лица, обычно весьма красноречивому у пробуждающегося человека.

Герцог проснулся, но было похоже, что он, как его брат Генрих, надевал на ночь маску.

Напрасно Бюсси встал так рано!

У молодого человека был подготовлен целый список дел, одно важнее другого.

Сначала прогулка за стенами города с целью изучения городских укреплений.

Затем смотр горожанам и их вооружению.

Посещение арсенала и заказ различных боевых припасов.

Тщательное изучение выплачиваемых провинцией податей, дабы осчастливить добрых и верных вассалов принца небольшим дополнительным налогом, предназначенным для внутреннего украшения его сундуков.

И, наконец, корреспонденция, Но Бюсси знал наперед, что ему не следует слишком полагаться на этот последний пункт; герцог Анжуйский старался писать поменьше, с недавних пор он придерживался поговорки: «Написанное пером не вырубишь топором».

Итак, вооруженный до зубов против дурных мыслей, которые могли прийти в голову герцогу, Бюсси увидел, что тот открыл глаза, но, как мы уже сказали, не смог ничего прочесть в этих глазах.

– А-а! – сказал герцог. – Ты уже здесь!

– Разумеется, монсеньер: я не спал всю ночь, меня преследовали мысли о делах вашего высочества. Чем мы займемся нынче утром? Пойдите, а не отправиться ли нам на охоту?

«Превосходно! – сказал себе Бюсси. – Вот еще одно занятие, о котором я позабыл».

– Как! – возмутился герцог. – Ты заявляешь, что думал о моих делах всю ночь, и после бессонницы и неустанных размышлений являешься ко мне с предложением отправиться на охоту; ну знаешь ли!

– Вы правы, – согласился Бюсси. – К тому же у пас и своры нет.

– И главного ловчего, – подхватил принц.

– Сказать по чести, охота без него для меня будет только приятнее.

– Нет, я с тобой не согласен, мне его недостает. Герцог произнес это со странным выражением лица, что не ускользнуло от Бюсси.

– Этот достойный человек, – сказал он, – этот ваш друг, как будто бы тоже не приложил руки к вашему спасению?

Герцог улыбнулся.

«Так, – сказал себе Бюсси, – я знаю эту улыбку; улыбка скверная, берегись, граф Монсоро».

– Значит, ты на него сердит? – спросил принц.

– На Монсоро?

– Да.

– А за что мне на него сердиться?

– За то, что он мой друг.

– Напротив, поэтому я его очень жалею.

– Что ты хочешь сказать?

– Что чем выше вы ему позволите взобраться, тем с большей высоты он упадет, когда будет падать.

– Ты, однако, в хорошем настроении, как я вижу, – Я?

– Да, такое ты мне говоришь, только когда ты в хорошем настроении. Как бы то ни было, – продолжал герцог, – я стою на своем: Монсоро может нам очень пригодиться в этих краях.

– Почему?

– Потому, что он имеет здесь владения.

– Он?

– Он или его жена.

Бюсси закусил губу: герцог сводил разговор к тому предмету, от которого Бюсси вчера с таким трудом его отвлек.

– Вы так думаете?

– Разумеется. Меридор в трех лье от Анжера, разве тебе не известно? Ведь это ты привез ко мне старого барона.

Бюсси понял, как важно ему не выдать себя.

– Проклятие! – воскликнул он. – Я привез его к вам, потому что он вцепился в меня, и, чтобы не оставить у него в пальцах добрую половину моего плаща, как это случилось со святым Мартином, я был вынужден привезти его к вам... К тому же моя протекция не очень-то ему помогла.

– Послушай, – сказал герцог, – у меня есть идея.

– Черт! – воскликнул Бюсси, всегда опасавшийся идей принца.

– Да... Монсоро выиграл у тебя первую партию, но я хочу обеспечить тебе выигрыш во второй.

– Что вы под этим подразумеваете, мой принц?

– Все очень просто. Ведь ты меня знаешь, Бюсси?

– Имею это несчастье, мой принц.

– Считаешь ли ты меня человеком, способным получить оскорбление и не отомстить за него?

– Это смотря как.

Герцог скривил рот в еще более злой усмешке, чем в первый раз, покусывая губы и кивая головой.

– Объяснитесь, монсеньер, – сказал Бюсси.

– Ну так вот, главный ловчий украл у меня девицу, которую я любил настолько, что готов был на ней жениться; я, в свою очередь, хочу украсть у него жену, чтобы сделать ее моей возлюбленной, Бюсси попытался тоже улыбнуться, но, несмотря на свое горячее желание преуспеть в этом, смог изобразить на лице только гримасу.

– Украсть жену господина де Монсоро! – пробормотал он.

– Но ведь это легче легкого, как мне кажется, – сказал герцог. – Его жена возвратилась в свое имение; ты мне говорил, что мужа она ненавидит; значит, я без излишней самоуверенности могу рассчитывать, что она предпочтет меня Монсоро, в особенности если я ей пообещаю..., то, что я ей пообещаю.

– А что вы ей пообещаете, монсеньер?

– Освободить ее от мужа.

«Ба! – чуть не воскликнул Бюсси. – Почему же вы этого сразу не сделали?»

Но у него хватило присутствия духа удержаться.

– И вы совершите этот прекрасный поступок? – спросил он.

– Ты увидишь. А пока я все-таки нанесу визит в Меридор.

– Вы осмелитесь?

– А почему бы нет?

– Вы предстанете перед старым бароном, которого вы покинули, после того как пообещали мне...

– У меня есть для него прекрасное оправдание.

– Где, черт побери, сыщете вы такое оправдание?

– Сыщу, не сомневайтесь. Я скажу ему: «Я не расторг этого брака, потому что Монсоро, который знал, что вы один из самых почитаемых деятелей Лиги, а я – со глава, пригрозил выдать нас обоих королю».

– Ага!.. Вы это придумали – про Монсоро, ваше высочество?

– Не совсем, должен признаться, – ответил герцог.

– Тогда я понимаю вас, – сказал Бюсси.

– Понимаешь? – спросил герцог, введенный в заблуждение ответом молодого человека.

– Да.

– Я внушу ему, что, отдав замуж его дочь, я спас ему жизнь, над которой нависла угроза.

– Это великолепно, – сказал Бюсси.

– Не правда ли? Я и сам так думаю. Погляди-ка в окно, Бюсси.

– Зачем?

– Погляди, погляди.

– Я гляжу.

– Какая стоит погода?

– Вынужден сообщить вашему высочеству, что по – года хорошая.

– Тогда вызови конный эскорт, и поедем-ка узнаем, как поживает милейший барон де Меридор.

– Сейчас, монсеньер.

И Бюсси, который в течение четверти часа играл бесконечно смешную роль попавшего в затруднение Маскариля, сделал вид, что уходит, подошел к двери, но тут же вернулся обратно.

– Простите, монсеньер, – сказал он, – но сколько всадников угодно вам взять с собою?

– Ну четверых, пятерых, сколько хочешь.

– В таком случае, раз уж вы предоставляете решать это мне, – сказал Бюсси, – я взял бы сотню.

– Да что ты, сотню! – сказал удивленный принц. – Зачем?

– Для того, чтобы иметь в своем распоряжении хотя бы двадцать пять таких, на которых можно положиться в случае нападения.

Герцог вздрогнул.

– В случае нападения? – переспросил он.

– Да. Я слышал, – продолжал Бюсси, – что местность тут очень лесистая, и не будет ничего удивительного, если мы попадем в какую-нибудь засаду.

– А-а! – сказал принц. – Ты так думаешь?

– Монсеньер знает, что настоящая храбрость не исключает осторожности. Герцог призадумался.

– Я распоряжусь, пусть пришлют полторы сотни, – сказал Бюсси.

И он во второй раз направился к дверям.

– Минутку, – сказал принц.

– Что вам угодно, монсеньер?.

– Как ты думаешь, Бюсси, в Анжере я в безопасности?

– Как вам сказать..., город не располагает сильными укреплениями, однако при хорошей обороне...

– Да, при хорошей, но она может оказаться и плохой. Какой бы ты ни был храбрец, ты всегда будешь находиться только в одном месте.

– Вероятно.

– Если я здесь не в безопасности, а я не в безопасности, раз в этом сомневается Бюсси...

– Я не говорил, что сомневаюсь, монсеньер.

– Хорошо, хорошо. Если я не в безопасности, надо как можно скорей сделать так, чтобы я оказался в безопасности.

– Золотые слова, монсеньер.

– Так вот, я хочу осмотреть крепость и подготовить ее к обороне.

– Вы правы, монсеньер, хорошие укрепления..., знаете ли...

Бюсси запинался, он не ведал страха и с трудом подыскивал слова, призывавшие к осторожности.

– И еще одна мысль.

– Какое урожайное утро, монсеньер!

– Я хочу вызвать сюда барона и его дочь.

– Решительно, монсеньер, сегодня вы в ударе: такие блистательные мысли!

Вставайте же и едем осматривать крепость!

Принц позвал слуг. Бюсси воспользовался этим моментом, чтобы удалиться.

В одной из комнат он увидел Одуэна. Тот ему и был нужен.

Бюсси провел лекаря в кабинет герцога, написал короткую записку, вышел в оранжерею, нарвал букет роз, обмотал записку вокруг их стеблей, отправился в конюшню, оседлал Роланда, вручил букет Одуэну и предложил ему сесть в седло.

Потом он вывел всадника за пределы города, как Аман вывел Мардохая, и направил копя на некое подобие тропинки.

– Вот, – сказал он Одуэну, – предоставь Роланду идти самому. В конце этой тропинки ты увидишь лес, в лесу – парк, вокруг парка – стену. В том месте, где Роланд остановится, ты перебросишь через нее этот букет.

«Тот, кого вы ждете, не придет, – сообщала записка, – потому что явился тот, кого не ждали, и еще более опасный, чем когда бы то ни было, ибо он по-прежнему влюблен. Примите устами и сердцем все, что нельзя прочесть в этом письме глазами».

Бюсси отпустил поводья Роланда, и тот поскакал галопом в сторону Меридора.

Молодой человек возвратился в герцогский дворец, где застал принца уже одетым.

Что до Реми, то все дело заняло у него не более получаса. Он мчался, как облако, гонимое ветром, и, следуя приказу своего господина, миновал луга, поля, леса, ручьи, холмы и остановился у полуразрушенной стены, гребень которой густо порос плющом, казалось, соединившим стену с ветвями дубов.

Прибыв на место, Реми поднялся на стремянах, снова и надежнее, чем было, привязал записку к букету и с громким «эй!» перебросил букет через стену.

Тихий возглас, раздавшийся по ту сторону стены, убедил его, что послание прибыло по назначению.

Больше Одуэну здесь делать было нечего, так как ответ привозить ему не поручали.

Поэтому он повернул голову коня в ту сторону, откуда они приехали. Роланд, собиравшийся уже приступить к завтраку из желудей, выразил глубокое недовольство таким нарушением привычного распорядка. Тогда Реми всерьез прибегнул к воздействию шпорами и хлыстом.

Роланд осознал свое заблуждение и поскакал обратно. Сорок минут спустя он уже пробирался по своей новой конюшне, как только что пробирался в зарослях кустарника, и сам разыскал свое место возле решетки, заваленной сеном, и кормушки, переполненной овсом.

Бюсси вместе с принцем осматривал крепость. Реми подошел к нему, когда он разглядывал подземелье, связанное с потайным ходом.

– Ну, – спросил Бюсси своего посланца, – что ты видел, что слышал, что сделал?

– Стену, возглас, семь лье, – ответил Реми с лаконизмом одного из тех сыновей Спарты, которые позволяли лисице выесть им внутренности во имя вящей славы законов Ликурга.

Глава 19. ВЫВОДОК АНЖУЙЦЕВ

Бюсси удалось так основательно занять своего господина приготовлениями к войне, что в течение двух дней герцог не мог выбрать времени ни для того, чтобы самому отправиться в Меридор, ни для того, чтобы вызвать в Анжер барона.

Тем не менее Франсуа то и дело заговаривал о посещении Меридора.

Но Бюсси тотчас же прикидывался человеком, чрезвычайно занятым самыми неотложными делами: устраивал проверку мушкетов у всей стражи, приказывал снаряжать копей, выкатывать пушки, лафеты, словно ему предстояло завоевать пятую часть света.

Видя это, Реми принимался щипать корпию, приводить в порядок инструменты, изготовлять бальзамы, словно ему предстояло врачевать добрую половину рода человеческого.

Тогда, пред лицом столь грандиозных приготовлений, герцог отступал.

Само собой разумеется, время от времени Бюсси, под предлогом осмотра внешних фортификаций, вскакивал на Роланда и через сорок минут оказывался возле некоей стены, через которую он перебирался все с меньшим трудом, потому что каждый раз, поднимаясь на нее, обрушивал несколько камней и гребень, обваливающийся под его тяжестью, понемногу превращался в пролом.

Что же до Роланда, то не было необходимости указывать ему, куда они едут: Бюсси оставалось только отпустить поводья и закрыть глаза.

«Два дня уже выиграно, – говорил себе Бюсси. – Если еще через два дня мне не улыбнется счастье, я окажусь в грудном положении».

Бюсси не ошибался, рассчитывая на свою счастливую звезду.

На третий день вечером, когда в городские ворота въезжал огромный обоз со съестными припасами, добытыми с помощью поборов, которыми герцог обложил своих радушных и верных анжуйцев, а сам принц, изображая из себя доброго сеньора, отведывал черный солдатский хлеб и с аппетитом ел копченые селедки и сушеную треску, возле других ворот города раздался громкий шум.

Герцог Анжуйский осведомился о причине этого шума, но никто не смог ему ответить.

По доносившимся звукам можно было понять, что там разгоняют рукоятками Протазанов и мушкетными прикладами толпу горожан, привлеченную каким-то новым в любопытным зрелищем.

А все началось с того, что к заставе у Парижских ворот подъехал всадник на белом, покрытом пеной коне.

Надо сказать, что Бюсси, верный своей системе запугивания, заставил принца назначить его главнокомандующим войск провинции Анжу и главным начальником всех ее крепостей и установил повсюду самый жесточайший порядок, особенно в Анжере. Никто не мог ни выйти из города, ни войти в него без пароля, без письма с вызовом или без условного знака какого-нибудь военного сбора.

Цель у всех этих строгостей была одна: помешать герцогу отправить кого-нибудь к Диане так, чтобы об этом не стало известно Бюсси, и помешать Диане въехать в Анжер так, чтобы Бюсси об этом не предупредили.

Кое-кому это может показаться чрезмерным, но пятьдесят лет спустя Бекингэм

станет совершать и не такие безумства ради Анны Австрийской.

Всадник на белом коне, как мы уже сказали, примчался бешеным галопом прямо к заставе.

Но у заставы был пароль. Часовой тоже его получил. Он преградил всаднику дорогу своим протазаном. Тот, по-видимому, намеревался оставить без внимания этот воинственный жест, тогда часовой закричал:

– К оружию!

Выбежали все стражники, и вновь прибывшему пришлось вступить с ними в объяснения.

– Я Антрагэ, – заявил он, – и хочу говорить с герцогом Анжуйским.

– Не знаем мы никакого Антрагэ, – ответил начальник караула, – но что касается разговора с герцогом Анжуйским, то ваше желание будет исполнено, так как мы вас сейчас арестуем и отведем к его высочеству.

– Арестуйте меня! – ответил всадник. – Не такому жалкому сброду, как вы, арестовывать Шарля де Бальзака д'Антрагэ, барона де Кюнео и графа да Гравиля.

– И, однако, я его арестую, – ответил, поправляя свой нагрудник, анжусец, позади которого стояло двадцать человек, а перед ним – всего один.

– Ну погодите, милейшие! – сказал Антрагэ. – Вам, как видно, еще не доводилось сталкиваться с парижанами. Отлично. Я покажу вам образчик того, что они умеют делать.

– Арестовать его! Отвести к монсеньеру! – завопила обозленные стражники.

– Полегче, мои анжуйские ягнятки, – сказал Антрагэ, – я доставлю себе удовольствие явиться к нему без вашей помощи.

– Что он говорит, что он говорит? – спрашивали друг у Друга анжуйцы.

– Он говорит, что конь его сделал всего лишь десять лье, – ответил Антрагэ, – а это значит, что он проскачет по вашим брюхам, если вы не посторонитесь. Прочь с дороги, или, клянусь святым чревом!..

И так как анжерские буржуа, по всей видимости, не поняли парижского проклятия, Антрагэ выхватил шпагу и великолепным мулине обрубил древки наиболее близких к нему алебард, острия которых были направлены на него.

Меньше чем за десять минут около двух десятков алебард было превращено в ручки для метел.

Разъяренные стражники осыпали непрошеного гостя градом палочных ударов, которые он отбивал с волшебной ловкостью, спереди, сзади, справа и слева, хохоча при этом от чистого сердца.

– О! Что за прекрасная встреча, – приговаривал он, крутясь на своем коне. – О! Что за милейший народ эти анжуйцы! Разрази меня бог! Ну и весело же тут! Как мудро поступил принц, покинув Париж, и как хорошо сделал я, что поехал вслед за ним!

И Антрагэ не только отражал самым блестящим образом удары, но время от времени, когда на него слишком уж наседали, рассекал своим испанским клинком чью-нибудь кожаную куртку, чью-нибудь каску или же, приглядевшись, оглушал ударом плашмя какого-нибудь неосторожного вояку, бросившегося в схватку, позабыв, что голову его защищает всего лишь шерстяной анжуйский колпак.

Сбившиеся в кучу горожане взапуски наносили удары, калечили при этом друг друга, но снова возобновляли свои атаки. Казалось, они вырастают прямо из земли, как солдаты Кадмуса.

Антрагэ почувствовал, что начинает сдавать.

– Что ж, – сказал он, видя, что ряды нападающих становятся все более плотными, – отлично, вы храбры, как львы, это несомненно, и я тому свидетель. Но вы видите, что от ваших алебард остались только палки, а мушкетов своих вы заряжать не умеете. У меня было намерение въехать в этот город, но я не знал, что его охраняет армия Цезаря. Я отказываюсь от мысли победить вас. Прощайте, доброго вам вечера, я удаляюсь; только скажите принцу, что я специально приезжал из Парижа повидать его.

Тем временем капитану ополчения удалось поджечь фитиль своего мушкета, но в тот момент, когда он приложил приклад к плечу, Антрагэ с такой силой огрел его несколько раз по пальцам, что анжусец выпустил свое оружие и запрыгал с ноги на ногу.

– Смерть ему! Смерть! – завопили избитые и взбешенные ополченцы. – Не выпускайте его! Не дайте ему ускользнуть!

– А! – сказал Антрагэ. – Только что вы не хотели впускать меня, а теперь не желаете выпускать. Берегитесь! Я переменю тактику. Я бил плашмя, а буду колоть, я обрубал алебарды, а буду обрубать руки. Ну как, мои анжуйские ягнятки, выпустите вы меня?

– Нет! Смерть! Смерть ему! Он устал! Убьем его!

– Прекрасно! Значит, возьмемся за дело всерьез?

– Да! Да!

– Ладно, берегите пальцы, я рублю руки! Только произнес он эти слова и собрался приступить к исполнению своей угрозы, как на дороге появился второй всадник, скачущий так же неистово. На бешеном галопе ворвался он в ворота и, как молния, влетел прямо в гущу схватки, которая сулила превратиться в настоящую битву.

– Антрагэ! – крикнул вновь появившийся. – Антрагэ! Что, черт возьми, ты делаешь в компании этих буржуа?

– Ливаро! – вскричал Антрагэ, обернувшись. – Разрази господь! Ты как нельзя кстати! Монжуа и Сен-Дени, на помощь!

– Я был уверен, что нагоню тебя. Четыре часа тому назад я напал на твой след и с той минуты скачу за тобой. Но куда это ты влез? Тебя же убивают, прости меня господи!

– Да, это наши друзья анжуйцы, они не хотят ни впустить меня, ни выпустить.

– Господа, – сказал Ливаро, снимая шляпу, – не угодно ли вам отойти вправо или влево, чтобы мы могли проехать?

– Нас оскорбляют! – завопили горожане. – Смерть! Смерть им!

– Ах, вот они здесь какие, в Анжере, – заметил Ливаро, нахлобучивая одной рукой шляпу на голову, а другой выхватывая шпагу.

– Сам видишь, – сказал Антрагэ. – Одно плохо: их много.

– Ба! Втроем мы с ними отлично справимся.

– Да, втроем. Если бы мы были втроем! Но нас только двое.

– Сейчас здесь будет Рибейрак.

– И он тоже?

– Ты слышишь? Уже скачет.

– Я его вижу. Эй! Рибейрак! Эй! Сюда, сюда! И действительно, в ту же минуту Рибейрак, спешивший, судя по всему, не меньше своих друзей, так же, как и они, на полном скаку влетел в город Анжер.

– Гляди-ка! Тут дерутся, – сказал Рибейрак. – Вот так удача! Здравствуй, Антрагэ, здравствуй, Ливаро.

– В атаку! – ответил Антрагэ.

Ополченцы вытаращили глаза, весьма пораженные этим новым подкреплением, прибывшим к двум друзьям, которые готовились теперь превратиться из осажденных в осаждающих.

– Да их тут целый полк, – сказал капитан ополчения своим людям. – Господа, наш боевой порядок, по-моему, неудачен, я предлагаю сделать полуоборот налево.

Буржуа с той ловкостью, которая характерна для них при выполнении военных маневров, сделали полуоборот направо.

Предложение капитана само по себе пробудило в них чувство естественной осторожности, но, кроме того, и воинственный вид трех всадников, выстроившихся перед ними, заставил дрогнуть самых бесстрашных.

– Это их авангард, – закричали горожане, искавшие лишь предлога, чтобы обратиться в бегство. – Тревога! Тревога!

– На помощь! – кричали другие. – На помощь!

– Неприятель! Неприятель! – орало большинство.

– Мы люди семейные. Мы несем обязательства перед нашими женами и детьми. Спасайся кто может! – заревел капитан.

В результате этих разнообразных воплей, которые, однако, как можно заметить, имели одну цель, в улицах образовалась страшная давка, и палочные удары посыпались градом на любопытных, плотное кольцо которых не давало возможности робким убежать.

Как раз тогда звуки этой сумятицы долетели до площади перед крепостью, где, как мы уже сказали, принц отведывал дары своих приверженцев – черный хлеб, копченую селедку и сушеную треску.

Бюсси и принц поинтересовались, в чем дело. Им ответили, что весь этот шум подняли три человека, вернее, три дьявола во плоти, явившиеся из Парижа.

– Три человека? – сказал принц. – Пойди узнай, что это за люди, Бюсси.

– Три человека? – повторил Бюсси. – Поедьте вместе, монсеньер.

И они отправились: Бюсси ехал впереди, а принц предусмотрительно следовал за ним в сопровождении двух десятков всадников.

Они прибыли на место в тот момент, когда ополченцы начали, с большим ущербом для спин и черепов зевая, выполнять тот маневр, о котором мы говорили.

Бюсси встал на стременах и своими зоркими, как у орла, глазами разглядел в толпе дерущихся Ливаро, узнав его по долговязкой фигуре.

– Чтоб мне провалиться! – крикнул он принцу громовым голосом. – Сюда, монсеньер! Нас осаждают паши парижские друзья.

– Ну нет, – ответил Ливаро голосом, заглушившим шум битвы, – напротив, это анжуйские друзья рубят нас в куски.

– Долой оружие! – закричал герцог. – Долой оружие, болваны! Это друзья!

– Друзья! – воскликнули горожане, избитые, ободранные, выбившиеся из сил. – Друзья! Так надо было дать им пароль. Мы тут добрый час обращаемся с ними, как с нехристями, а они с нами – как с турками.

После чего отступательный маневр был благополучно доведен до конца.

Ливаро, Антрагэ и Рибейрак, как победители, вступили на освобожденное горожанами пространство и поспешили приложиться к руке его высочества, а затем каждый из них бросился в объятия Бюсси.

– Выходит по всему, – философски сказал капитан, – что это выводок анжуйцев, а мы приняли их за стаю ястребов, – Монсеньер, – шепнул Бюсси на ухо принцу, – пожалуйста, сосчитайте ваших ополченцев.

– Зачем?

– Сосчитайте, сосчитайте; приблизительно, гуртом. Я не прошу считать по одному.

– Их около полутора ста, не меньше.

– Да, не меньше.

– Ну и что?

– А то, что не слишком brave у вас солдаты, если их побили три человека.

– Верно, – сказал герцог. – Что же дальше?

– Дальше! Попробуйте-ка выехать из города с такими молодцами!

– Все так, – согласился герцог. – Но я выеду из города с теми тремя, которые их побили, – добавил он.

– Ах ты, черт! – пробормотал тихонько Бюсси. – Об этом я и не подумал! Да здравствуют трусы, они умеют мыслить логически!

Глава 20. РОЛАНД

Прибытие подкрепления дало возможность герцогу Анжуйскому заняться бесконечными рекогносцировками окрестностей города.

Он разъезжал в сопровождении своих, так кстати подоспевших друзей, и анжерские буржуа чрезвычайно гордились этим военным отрядом, хотя сравнение хороно экипированных, прекрасно вооруженных дворян с городскими ополченцами в их потрепанном снаряжении и ржавых доспехах было далеко не в пользу ополчения.

Сначала были обследованы крепостные укрепления, затем прилегающие к ним сады, затем равнина, прилегающая к садам, и, наконец, разбросанные по этой равнине замки, причем герцог весьма презрительно поглядывал на леса, когда они проезжали мимо них или по ним, на те самые леса, которые внушали ему прежде такой страх или, вернее, к которым Бюсси внушил ему такой страх.

В Анжер стекались со своими деньгами дворяне со всей провинции. При дворе герцога Анжуйского они находили ту свободу, до которой далеко было двору Генриха III. Поэтому они, как и следовало ожидать, предавались веселой жизни в городе, весьма расположенном, подобно всякой столице, к тому, чтобы опустошать кошельки своих гостей.

Не прошло и трех дней, как Антрагэ, Рибейрак и Ливаро завязали знакомства с самыми пылкими поклонниками парижских мод и обычаев среди анжуйских дворян.

Само собой разумеется, что эти достойные господа были женаты, и супруги их были молоды и хороши собой.

Герцог Анжуйский совершал свои блестящие верховые прогулки по городу вовсе не для личного удовольствия, как могли бы подумать те, кто знал его эгоизм. Отнюдь нет.

Эти прогулки превратились в развлечение для парижских дворян, прибывших к нему, для анжуйской знати и в особенности для анжуйских дам.

Прежде всего, эти прогулки должны были радовать бога, ведь дело Лиги было божьим делом.

Затем, они, несомненно, должны были приводить в негодование короля.

И, наконец, они доставляли счастье дамам. Таким образом, была представлена великая троица той эпохи: бог, король и дамы.

Ликование достигло своих пределов в тот день, когда в город прибыли по высочайшему повелению двадцать две верховые лошади, тридцать – упряжных и сорок мулов, которые, вместе с экипажами, повозками и фургонами, составляли выезды и обоз герцога Анжуйского.

Все перечисленное появилось, как по волшебству, из Тура за скромную сумму в пятьдесят тысяч экю, выделенную герцогом Анжуйским для этой цели.

Заметим, что лошади были оседланы, но за седла шорникам еще не заплатили; заметим, что сундуки были снабжены великолепными, запирающимися на ключ замками, но в самих сундуках ничего не было.

Заметим, что это последнее обстоятельство свидетельствовало в пользу принца, ибо он мог бы наполнить их с помощью поборов.

Но не в натуре принца было брать открыто: он предпочитал выманивать хитростью.

Как бы там ни было, вступление в город этой процессии произвело на анжерцев глубокое впечатление.

Лошадей развели по конюшням, повозки и экипажи поставили в каретные сараи.

Переноской сундуков занялись самые приближенные слуги принца.

Нужны были очень надежные руки, чтобы решиться доверить им суммы, которых в этих сундуках не было.

Наконец двери дворца закрылись перед носом возбужденной толпы, оставшейся благодаря этим предусмотрительным мерам в убеждении, что принц только что ввез в город два миллиона, в то время как принц, напротив, готовился к тому, чтобы вывезти из города почти такую же сумму, для которой и были предназначены пустые сундуки.

С этого дня за герцогом Анжуйским прочно закрепилась репутация богатого человека и вся провинция, после разыгранного перед ней спектакля, осталась в убеждении, что принц достаточно богат, чтобы, в случае надобности, пойти войной против целой Европы.

Эта вера должна была помочь буржуа терпеливо снести новые подати, которые

герцог, поддержанный советами своих друзей, намеревался собрать с анжуйцев.

Впрочем, анжуйцы, можно сказать, сами шли навстречу желаниям герцога.

Денег, которые одалживают или отдают богачам, никогда не жалеют.

Король Наваррский, слывший бедняком, не добился бы и четвертой части успеха, выпавшего на долю герцога Анжуйского, который сумел прослыть богачом.

Однако возвратимся к герцогу.

Достойный принц жил, как библейский патриарх, наслаждаясь плодами земли своей, а всем известно, что земля Анжу весьма плодородна.

На дорогах было полно всадников, стремившихся в Анжер, чтобы заверить принца в своей преданности или предложить свои услуги.

А он продолжал тем временем вести рекогносцировки, которые неизменно завершались открытием какого-нибудь сокровища.

Бюсси удалось так наметить маршруты выездов принца, что все они обходили стороной замок, где жила Диана.

Это сокровище Бюсси сохранял для себя одного, грабя на свой манер сей маленький уголок провинции, который, после пристойной обороны, в конце концов, сдался на милость победителя.

В то время, как герцог Анжуйский занимался рекогносцировками, а Бюсси – грабежом, граф де Монсоро, верхом на своей охотничьей лошади, прискакал к воротам Анжера.

Было около четырех часов пополудни; чтобы прибыть в четыре часа, граф Монсоро сделал в этот день восемнадцать лье.

Поэтому шпоры его были красными от крови, а полумертвый конь – белым от пены.

Давно уже прошло то время, когда приезжавшим в город чинились препятствия у ворот: теперь анжерцы стали такими гордыми и самоуверенными, что без всяких пререканий впустили бы в город батальон швейцарцев, даже если бы во главе этих швейцарцев стоял храбрый Крийон собственной персоной.

Граф Монсоро не был Крийоном, а потому въехал и вовсе свободно, сказав:

– Во дворец его высочества герцога Анжуйского.

Он не стал слушать ответа стражников, что-то кричавших ему вслед.

Казалось, что конь его держится на ногах только в силу чуда равновесия, создаваемого скоростью, с которой он мчится; бедное животное двигалось уже совершенно бессознательно, и можно было биться об заклад, что стоит ему остановиться, и оно тут же рухнет наземь. Конь остановился у дворца. Граф Монсоро был прекрасным наездником, конь – чистокровным скакуном: ни конь, ни всадник не упали.

– К господину герцогу! – крикнул главный ловчий.

– Монсеньер отправился на рекогносцировку, – ответил часовой.

– Куда? – спросил граф Монсоро.

– Туда, – произнес тот, вытянув руку в направлении одной из сторон света.

– А, черт! – воскликнул Монсоро. – Однако у меня срочное сообщение для герцога, что же делать?

– Прежде всего поштавить фашего коня в конюшню, – ответил часовой, который был рейтаром из Эльзаса, – потому што, ешли фы его не пришлоните к штене, он у фас упадет.

– Совет хорош, хотя и дан на скверном французском языке, – сказал Монсоро. – Где тут конюшни, милейший?

– Фот там!

В это мгновение к графу подошел человек и представился ему.

Это был мажордом.

Граф Монсоро в свой черед перечислил все свои имела, фамилии и титулы.

Мажордом отвесил ему почтительный поклон; имя графа было с давних пор известно в провинции.

– Сударь, – сказал мажордом, – соблаговолите войти и отдохнуть немного.

Монсеньер уехал всего десять минут тому назад. Его высочество вернется не раньше восьми часов вечера.

– Восьми часов вечера! – повторил Монсоро, кусая свой ус. – Слишком много времени будет потеряно. Я привез важное известие, и чем раньше оно дойдет до его высочества, тем лучше. Не можете ли вы дать мне коня и сопровождающего?

– Коня! Хоть десяток, сударь, – сказал мажордом. – Что же касается проводника, с этим хуже, потому что монсеньер не сказал, куда он едет, и вы сможете узнать об этом, расспрашивая по пути, как всякий другой; к тому же – я не хотел бы ослаблять гарнизон замка. Его высочество строжайше запретил делать это.

– Вот как? – воскликнул главный ловчий. – Так, значит, здесь не безопасно?

– О, сударь, здесь всегда безопасно, когда тут есть такие люди, как господа де Бюсси, де Ливаро, де Рибейрак, д'Антрагэ, не говоря уж о нашем непобедимом принце, монсеньере герцоге Анжуйском, но вы сами понимаете...

– Натурально, я понимаю, что, когда их здесь нет, безопасность уменьшается.

– Именно так, сударь.

– Что ж, я возьму в конюшне свежую лошадь и попытаюсь найти его высочество, расспрашивая встречающих.

– Готов биться об заклад, сударь, что этим способом вы разыщете монсеньера.

– Надеюсь, он не галопом уехал?

– Шагом, сударь, шагом.

– Прекрасно! Значит, решено: покажите мне коня, которого я могу взять.

– Пройдите в конюшню, сударь, и выберите сами; все они в вашем распоряжении.

– Прекрасно!

Монсоро вошел в конюшню.

Около дюжины самых отборных и свежих коней поглощали обильный корм из яслей, набитых зерном я самым сочным в Анжу сеном.

– Вот, – сказал мажордом, – выбирайте.

Монсоро обвел строй четвероногих взглядом знатока.

– Я беру этого гнедого, – сказал он. – Прикажите оседлать его мне.

– Роланда?

– – Его зовут Роланд?

– Да, это любимый конь его высочества. Он на нем каждый день ездит. Роланда подарил герцогу господин де Бюсси, и вы бы, конечно, не увидели его здесь в конюшне, если бы его высочество не решил испытать новых коней, присланных ему из Тура.

– Недурно! Значит, у меня меткий глаз. Подошел конюх.

– Оседлайте Роланда, – распорядился мажордом. Что касается лошади графа, то она сама вошла в конюшню и улеглась на подстилку, не дожидаясь даже, пока с нее снимут седло и сбрую.

Через несколько секунд Роланд был уже оседлан. Граф Монсоро легко вскочил в седло и снова спросил, в какую сторону отправилась кавалькада.

– Они выехали в эти ворота и поскакали по той дороге, – сказал мажордом, указывая главному ловчему в ту же сторону, куда ему уже показывал часовой.

– Клянусь честью, – воскликнул Монсоро, когда, опустив поводья, он увидел, что лошадь направляется как раз по этой дороге, – я бы сказал, что Роланд идет по следу, ей-богу.

– О, не беспокойтесь, – заметил мажордом, – я слышал от господина де Бюсси и от его лекаря господина Реми, что это самое умное из всех когда-либо существовавших животных. Как только он почует своих сотоварищей, он их догонит. Поглядите, какие у него великолепные ноги, таким и олень позавидовал бы.

Монсоро свесился набок.

– Замечательные, – подтвердил он.

И в самом деле, лошадь двинулась, не дожидаясь понуканий, и уверенно выбралась из города; перед этим она даже сама повернула в нужную сторону, чтобы сократить путь к

воротам, который разветвлялся: на обходной – слева и прямой – справа.

Дав такое доказательство своего ума, лошадь тряхнула головой, будто пытаясь освободиться от узды, которая давила ей на губы. Она словно хотела сказать всаднику, что всякое направляющее воздействие с его стороны излишне, и, по мере того как они приближались к воротам, все ускоряла свой бег.

– Я и вправду вижу, – прошептал Монсоро, – что мне тебя не перехвалили. Что ж, раз ты так хорошо знаешь дорогу, иди, Роланд, иди.

И он бросил поводья на шею Роланда. Оказавшись на внешнем бульваре, конь остановился в нерешительности – повернуть ему направо или налево.

Он повернул налево.

В это время мимо прошел крестьянин.

– Не видели ли вы группу всадников, приятель? – спросил Монсоро.

– Да, сударь, – ответил селянин, – я встретил их вот там, впереди.

Роланд скакал как раз в том направлении, где крестьянин встретил отряд.

– Иди, Роланд, иди, – сказал главный ловчий, опуская поводья. Конь перешел на крупную рысь, при которой обычно делают три или четыре лье в час. Еще некоторое время он бежал по бульвару, потом вдруг свернул направо, на заросшую цветами тропинку, которая шла через равнину.

Монсоро на мгновение заколебался – не остановить ли ему Роланда, но Роланд, казалось, был так уверен в своих действиях, что граф предоставил ему свободу.

По мере того как лошадь продвигалась вперед, она все более воодушевлялась. Перешла с рыси на галоп, и менее чем через четверть часа город уже исчез из глаз всадника.

А всадник, по мере продвижения вперед, словно бы также начинал узнавать местность.

– Похоже, что мы направляемся к Меридору, – сказал он, когда они въехали в лес. – Не поехал ли часом его высочество в сторону замка?

При этой мысли, которая уже не раз приходила в голову главного ловчего, чело его омрачилось.

– О! – прошептал он. – Я хотел повидаться сначала с принцем, отложив на завтра встречу с женой. Не выпадет ли мне счастье увидеть их обоих одновременно? Страшная улыбка скользнула по его губам. Лошадь по-прежнему продолжала бежать направо, с упорством, которое свидетельствовало о ее глубочайшей решимости и уверенности, «Клянусь спасением души, – подумал Монсоро, – сейчас я должен быть где-нибудь поблизости от Меридора!»

В это мгновение лошадь заржала. И тотчас же из зеленой чащи ей откликнулась другая.

– А! – сказал главный ловчий. – Кажется, Роланд нашел своих сотоварищей.

Роланд рванулся вперед и, как молния, промчался под могучими старыми деревьями.

Внезапно Монсоро увидел перед собой стену и привязанного возле нее коня.

Тот заржал, и главный ловчий понял, что и в первый раз ржал этот самый конь.

– Здесь кто-то есть! – сказал он, бледнея.

Глава 21.

ЧТО ДОЛЖЕН БЫЛ СООБЩИТЬ ПРИНЦУ ГРАФ ДЕ МОНСОРО

Неожиданности подстерегали графа де Монсоро на каждом шагу: стена меридорского парка, у которой он оказался, словно по волшебству, чья-то лошадь, ласкающаяся к его коню, как к самому близкому знакомцу, – все это заставило бы призадуматься и менее подозрительного человека.

Приблизившись к стене – можно догадаться, с какой поспешностью Монсоро это сделал, – приблизившись к стене, граф заметил, что в этом месте она повреждена: в ней образовалась самая настоящая лестница, грозящая превратиться в пролом. Словно чьи-то ноги

выбили в камнях эти ступеньки, над которыми свисали сломанные совсем недавно ветви ежевики.

Граф охватил одним взглядом картину в целом и перешел к деталям.

Чужая лошадь заслуживала внимания прежде всего, с нее он и начал.

На не умеющем хранить тайну животном было седло и расшитая серебром попона.

В одном углу попоны стояло двойное ФФ, переплетенное с двойным АА.

Вне всякого сомнения, конь был из конюшен принца, ибо шифр обозначал: «Франсуа Анжуйский».

При виде шифра подозрения графа переросли в настоящую уверенность, Значит, герцог ездил сюда, и ездил часто, потому что не только одна, привязанная, лошадь, но и другая знала сюда дорогу.

Монсоро решил: раз случай навел его на след, надо пойти по следу до конца.

К тому же таков был его обычай как главного ловчего и как ревнивого мужа.

По было очевидно, что, оставаясь по эту сторону стены, он ничего не увидит.

Поэтому граф привязал Роланда рядом со второй лошадью и храбро начал взбираться на стену.

Взбираться было нетрудно: одна нога вела за собой другую, рука встречала готовое для опоры место, на камнях гребня стены был виден отпечаток локтя, и кто-то заботливо обрубил здесь охотничьим ножом ветки дуба, которые мешали смотреть и стесняли движение.

Усилия графа увенчались полным успехом.

Не успел он устроиться на своей наблюдательной вышке, как тотчас заметил брошенные у подножия одного из деревьев голубую мантилью и плащ из черного бархата.

Мантилья, бесспорно, принадлежала женщине, а плащ – мужчине; к тому же не надо было искать далеко: эти мужчина и женщина прогуливались под руку шагах в пятидесяти от дерева. Из-за густых кустарников, росших вокруг, видны были только их спины, да и то плохо.

На беду графа де Монсоро, стена не была приспособлена для проявлений его неистовства: с ее гребня сорвался камень и, ломая ветви, полетел на землю, о которую и ударился с громким стуком.

При этом шуме гуляющая пара, которую граф Монсоро плохо различал за листвой, по всей вероятности, обернулась и заметила его, ибо раздался пронзительный, испуганный женский крик, после чего шорох листьев дал знать графу, что мужчина и женщина убегают, словно вспугнутые косули.

Услышав крик, Монсоро почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу. Он узнал голос Дианы. Не в силах больше сопротивляться охватившей его ярости, он спрыгнул со стены и бросился в погоню, срубая шпагой кусты и ветки на своем пути.

Но беглецы исчезли. Ничто не нарушало больше тишины парка. Ни одной тени в глубине аллей, ни одного следа на дорожках, ни звука в зеленых чащах, кроме пения соловьев и малиновок, которые, привыкнув видеть двух влюбленных, не боялись их.

Что делать посреди этого безлюдья? Какое принять решение? Куда бежать? Парк велик, и, если искать в нем тех, кто тебе нужен, можно встретить тех, кого ты вовсе не искал.

Граф де Монсоро подумал, что сделанного им открытия пока достаточно, к тому же он сознавал, что слишком возбужден и не может действовать с осторожностью, которая необходима с таким опасным соперником, как Франсуа, ибо главный ловчий не сомневался – соперником его является принц.

Ну, а если вдруг это не принц? Ведь у него есть известие, которое он обязан срочно доставить принцу. Во всех случаях: оказавшись перед герцогом Анжуйским, он сможет судить, виновен тот или нет.

Затем графа осенила блестящая мысль. Она заключалась в том, чтобы перелезть через стену в том же самом месте обратно и увести с собою коня, принадлежавшего незнакомцу, которого он застал в парке.

Этот план мщения придавал ему сил. Он бросился назад и вскоре, задыхающийся, весь в поту, очутился возле стены.

Цепляясь за ветки, Монсоро взобрался на нее и спрыгнул по другую сторону. Но лошади там уже не было, вернее говоря – не было лошадей.

Мысль, осенившая графа, была так хороша, что, прежде чем прийти к нему, пришла к его противнику, и тот воспользовался ею.

Расстроенный Монсоро издал яростное рычание и погрозил кулаком этому коварному дьяволу, который, конечно же, смеялся над ним под покровом уже сгустившейся в лесу темноты. Но так как волю графа сломить было нелегко, он восстал против рокового стечения обстоятельств, словно задавшихся целью доконать его, собрал все свои силы и, несмотря на быстро наступающую тьму, тотчас же нашел короткую дорогу в Анжер, известную ему еще со времен детства, и возвратился по ней в город.

Через два с половиной часа он снова оказался у городских ворот, полумертвый от жажды, жары и усталости. Но возбуждение, в котором находился его дух, придало силы телу, и он был все тем же волевым и одновременно не обузданным в своих страстях человеком. Кроме того, его поддерживала одна мысль: он расспросит часового, вернее, часовых, обойдет все ворота; он узнает, через какие ворота проехал человек с двумя конями; он опорожнит свой кошелек, пообещает золотые горы и получит приметы этого человека.

И кто бы это ни был, раньше или позже, он с ним рассчитается.

Монсоро опросил часового, но часовых только что заступил на пост и ничего не знал. Тогда граф вошел в кордегардию и навел справки там.

Ополченец, который сменился с поста, видел примерно около двух часов тому назад, как в город вошла лошадь без всадника и направилась в сторону дворца.

Он даже подумал тогда, что с всадником, должно быть, что-то случилось и умный конь сам вернулся домой.

Монсоро безнадежно махнул рукой: нет, решительно, ему не суждено ничего узнать.

Потом он, в свою очередь, зашагал к герцогскому дворцу.

Дворец был полон жизни, шума, веселья. Окна сияли, как солнца, кухни пламенели, словно пылающие печи, распространяя из своих форточек ароматы дичины и гвоздики, способные заставить желудок забыть о своем соседе – сердце.

Но чтобы попасть во дворец, надо было открыть ворота, закрытые на все запоры.

Монсоро кликнул привратника и назвал себя, однако пригфатник не узнал его.

– Тот был прямой, а вы сгорбленный, – сказал он.

– Это от усталости.

– Тот был бледный, а вы красный.

– Это от жары.

– Тот был верхом, а вы пеший.

– Это потому, что моя лошадь испугалась, рванулась в сторону, сбросила меня с седла и вернулась без всадника. Разве вы не видели моей лошади?

– А! Правильно, – сказал привратник.

– Как бы то ни было, пошлите за мажордомом. Привратник, обрадовавшись этой возможности снять с себя ответственность, послал за упомянутым должностным лицом.

Мажордом пришел и сразу узнал Монсоро.

– Боже мой! Откуда вы явились в таком виде? – спросил он.

Монсоро повторил ту же басню, которую рассказал привратнику.

– Знаете, – сообщил мажордом, – мы были очень обеспокоены, когда увидели лошадь без всадника, особенно монсеньер, которого я имел честь предупредить о вашем прибытии.

– А! Монсеньер выглядел обеспокоенным? – воскликнул Монсоро.

– И весьма.

– Что же он сказал?

– Чтобы вас привели к нему, как только вы появитесь.

– Хорошо. Я загляну сначала в конюшню, узнаю, все ли в порядке с лошадью его высочества.

Монсоро вошел в конюшню и увидел, что умное животное стоит на том самом месте, откуда он его взял, и прилежно, как и подобает лошади, которая чувствует необходимость восстановить свои силы, жует овес.

Потом, не позаботившись даже переменить одежду, – Монсоро счел, что важность известия, которое он привез, ставит его выше требований этикета, – даже не переодевшись, повторяем мы, главный ловчий направился в столовую. Все придворные принца и сам его высочество, собравшись вокруг великолепно сервированного и ярко освещенного стола, атаковали паштеты из фазана, свежезажаренное мясо дикого кабана и сдобренные пряностями закуски, которые они запивали славным, бархатистым красным вином из Кагора или тем коварным, игристым и нежным анжуйским, которое ударяет в голову еще прежде, чем в стакане полопаются все топазовые пузырьки.

– Двор весь собрался, – говорил Антрагэ, покрасневшийся, словно молодая девица, и уже пьяный, как старый рейтар, – весь представлен, как и погреб вашего высочества.

– Не совсем, не совсем, – сказал Рибейрак, – недостает главного ловчего. Стыдно, в самом деле, что мы поедаем дичь его высочества, а не добываем ее себе сами.

– Я голосую за главного ловчего, за любого, – сказал Ливаро, – не важно, кто это будет, пусть даже господин де Монсоро.

Герцог улыбнулся, он один знал о приезде графа. Не успел Ливаро произнести свои слова, а принц улыбнуться, как открылась дверь и вошел граф де Монсоро. Увидев его, герцог издал громкое восклицание, громкое тем более, что оно прозвучало среди общей тишины.

– Вот и он, – воскликнул герцог, – как видите, господа, небо к нам благосклонно: не успеешь высказать желание, оно тут же исполняется.

Монсоро, приведенный в замешательство самоуверенностью принца, не свойственной в подобных случаях его высочеству, смущенно поклонился и отвел взгляд в сторону, ослепленный, как филин, которого внезапно перенесли из темноты на яркий солнечный свет.

– Садитесь и ужинайте, – сказал герцог, указывая графу де Монсоро место напротив себя.

– Монсеньер, – ответил Монсоро, – я очень хочу пить, очень голоден и очень устал, но я не сделаю ни глотка, не съем ни кусочка и не присяду, прежде чем не передам вашему высочеству чрезвычайно важного известия.

– Вы прибыли из Парижа, не так ли?

– И по очень спешному делу, монсеньер.

– Что ж, слушаю, – сказал герцог. Монсоро приблизился к Франсуа и, с улыбкой на губах и ненавистью в сердце, шепнул ему:

– Монсеньер, ее величество королева-мать едет повидаться с вашим высочеством и почти не делает остановок по пути Лицо герцога, на которое были устремлены все глаза, озарилось внезапной радостью.

– Прекрасно, – сказал он. – Благодарю вас, господин де Монсоро, вы, как всегда, верно служите мне. Продолжим наш ужин, господа.

И он придвинул свое кресло к столу, от которого до этого отодвинулся, чтобы выслушать графа де Монсоро.

Пиршество возобновилось. Но стоило главному ловчему, помещенному между Ливаро и Рибейраком, опуститься на удобный стул, стоило увидеть перед собою обильную еду, как он вдруг тут же потерял аппетит.

Дух его снова одержал верх над материей.

Увлекаемая печальными мыслями, душа Монсоро устремилась в меридорский парк. Вновь совершая путь, который только что проделало его разбитое усталостью тело, она шла, как ко всему присматривающийся паломник, по той заросшей цветами тропинке, которая привела графа к стене.

Он снова увидел чужого коня, поврежденную стену, бегущие прочь тени двух любовников, снова услышал крик Дианы; крик проникший в самую глубину его сердца.

И тогда, безразличный к шуму, свету, даже к еде, забыв, рядом с кем и перед кем сидит, он погрузился в собственные мысли и не уследил, как на чело его набежали тучи, а из груди внезапно вырвался глухой стон, который привлек внимание удивленных сотрапезников.

– Вы падаете от усталости, господин главный ловчий, – сказал принц, – пожалуй, вам лучше бы отправиться спать.

– По чести так, – сказал Ливаро, – совет хорош, и если вы ему не последуете, вы рискуете заснуть прямо на вашей тарелке.

– Простите, монсеньер, – сказал Монсоро, вскидывая голову, – я умираю от усталости.

– Напейтесь, граф, – посоветовал Антрагэ, – ничто так не бодрит, как вино.

– И еще, – прошептал Монсоро, – напившись, забываешь.

– Ба! – сказал Ливаро. – Это никуда не годится. Поглядите, господа, его бокал все еще полон.

– За ваше здоровье, граф, – сказал Рибейрак, поднимая бокал.

Монсоро был вынужден ответить на тост и залпом опорожнил свой.

– Пьет он, однако, отлично, посмотрите, монсеньер, – сказал Антрагэ.

– Да, – ответил принц, который пытался угадать, что делается в душе графа, – да, чудесно.

– Вам следовало бы устроить для нас хорошую охоту, граф, – сказал Рибейрак, – вы знаете эти края.

– У вас тут и охотничьи команды, и леса, – сказал Ливаро.

– И даже жена, – прибавил Антрагэ.

– Да, – машинально повторил граф, – да, охотничьи команды, леса и госпожа де Монсоро, да, господа, да.

– Устройте нам охоту на кабана, граф, – сказал принц.

– Я попытаюсь, монсеньер.

– Черт возьми! – воскликнул один из анжуйских дворян. – Вы попытаетесь, вот так ответ! Да лес ими кишит, кабанами. На старой лесосеке я бы вам за пять минут их целый десяток поднял, Монсоро невольно побледнел: старой лесосекой называлась как раз та часть леса, куда его только что возил Роланд.

– Да, да, устройте охоту завтра, завтра же! – хором закричали дворяне.

– Вы не возражаете против завтрашнего дня, Монсоро? – спросил герцог.

– Я всегда в распоряжении вашего высочества, – ответил Монсоро, – но, однако, как монсеньер соизволил только что заметить, я слишком утомлен, чтобы вести охоту завтра. Кроме того, я должен поехать по окрестностям и выяснить, что делается в наших лесах.

– И наконец, дайте ему возможность повидаться с женой, черт побери! – сказал герцог с добродушном, которое окончательно убедило бедного мужа, что герцог – его соперник.

– Согласны! Согласны! – весело закричали молодые люди. – Дадим графу де Монсоро двадцать четыре часа, чтобы он сделал в своих лесах все, что должно.

– Да, господа, дайте их мне, эти двадцать четыре часа, – сказал граф, – и я вам обещаю употребить их с пользой.

– А теперь, наш главный ловчий, – сказал герцог, – я разрешаю вам отправиться в постель. Проводите господина де Монсоро в его комнату.

Граф де Монсоро поклонился и вышел, освободившись от тяжелого бремени – необходимости держать себя в руках.

Те, кто страдает, жаждут одиночества еще больше, чем счастливые любовники.

Глава 22.

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ГЕНРИХ III УЗНАЛ О БЕГСТВЕ СВОЕГО ВОЗЛЮБЛЕННОГО БРАТА ГЕРЦОГА АНЖУЙСКОГО И ЧТО ИЗ ЭТОГО ВОСПОСЛЕДОВАЛО

После того как главный ловчий покинул столовую, пир продолжался еще более весело, радостно и непринужденно.

Угрюмая физиономия Монсоро не очень-то благоприятствовала веселию молодых дворян, ибо за ссылками на усталость и даже за действительной усталостью они угадали ту постоянную одержимость мрачными мыслями, которая отметила чело графа печатью глубокой скорби, ставшей характерной особенностью его лица.

Стоило Монсоро уйти, как принц, которого его присутствие всегда стесняло, снова обрел спокойный вид и сказал:

– Итак, Ливаро, когда вошел главный ловчий, ты начал рассказывать нам о вашем бегстве из Парижа. Продолжай.

И Ливаро продолжал рассказ.

Но, поскольку наше звание историка дает нам право знать лучше самого Ливаро все, что произошло, мы заменим рассказ молодого человека нашим собственным. Возможно, он от этого потеряет в красочности, но зато выиграет в охвате событий, ибо нам известно то, что не могло быть известно Ливаро, а именно – то, что случилось в Лувре.

К полуночи Генрих III был разбужен необычным шумом, поднявшимся во дворце, где, однако, после того как король отошел ко сну, должна была соблюдаться глубочайшая тишина.

Слышались ругательства, стуканье алебард о стены, торопливая беготня по галереям, проклятия, от которых могла бы разверзнуться земля, и, посреди всего этого шума, стука, богохульств, – на сто ладов повторяемые слова:

– Что скажет король?! Что скажет король?!

Генрих сел на кровати и посмотрел на Шико, который, после ужина с его величеством, заснул в большом кресле, обвив ногами свою рапиру.

Шум усилился.

Генрих, весь лоснящийся от помады, соскочил с постели, крича:

– Шико! Шико!

Шико открыл один глаз – этот благоразумный человек очень ценил сон и никогда не просыпался с одного разу.

– Ах, напрасно ты разбудил меня, Генрих, – сказал он. – Мне снилось, что у тебя родился сын.

– Слушай! – сказал Генрих. – Слушай!

– Что я должен слушать? Уж кажется, ты днем достаточно глупостей мне говоришь, чтобы и ночи еще у меня отнимать.

– Разве ты не слышишь? – сказал король, протягивая руку в ту сторону, откуда доносился шум, – Ого! – воскликнул Шико. – И в самом деле, я слышу крики.

– «Что скажет король?! Что скажет король?!» – повторил Генрих. – Слышишь?

– Тут должно быть одно из двух: либо заболела твоя борзая Нарцисс, либо гугеноты сводят счеты с католиками и устроили им Варфоломеевскую ночь.

– Помоги мне одеться, Шико.

– С удовольствием, но сначала ты помоги мне подняться, Генрих.

– Какое несчастье! Какое несчастье! – доносилось из передних.

– Черт! Это становится серьезным, – сказал Шико.

– Лучше нам вооружиться, – сказал король.

– А еще лучше, – ответил Шико, – выйти поскорее через маленькую дверь и самим посмотреть и рассудить, что там за несчастье, а не ждать, пока другие нам расскажут.

Почти тотчас же, последовав совету Шико, Генрих вышел в потайную дверь и очутился в коридоре, который вел в покои Герцога Анжуйского.

Там он увидел воздетые к небу руки и услышал крики отчаяния.

– О! – сказал Шико. – Я догадываюсь: твой горемычный узник, должно быть, удушил себя в своей темнице. Клянусь святым чревом! Генрих, прими мои поздравления: ты

гораздо более великий политик, чем я полагал.

– Э, нет, несчастный, – воскликнул Генрих, – тут совсем другое.

– Тем хуже, – ответил Шико.

– Идем, идем.

И Генрих увлек Шико за собой в спальню герцога.

Окно было распахнуто, и возле него стояла толпа любопытных, которые наваливались друг на друга, стараясь увидеть шелковую лестницу, прикрепленную к железным перилам балкона.

Генрих побледнел как мертвец.

– Э-э, сын мой, – сказал Шико, – да ты не столь уж ко всему равнодушен, как я думал.

– Убежал! Скрылся! – крикнул Генрих так громко, что все придворные обернулись.

Глаза короля метали молнии, рука судорожно сжимала рукоятку кинжала.

Шомберг рвал на себе волосы, Келюс молотил себя по лицу кулаками, а Можирон, как баран, бился головой о деревянную перегородку.

Что же касается д'Эпернона, то он улизнул, под тем важным предлогом, что побежит догонять герцога Анжуйского.

Зрелище истязаний, которым подвергали себя впавшие в отчаяние фавориты, внезапно успокоило короля.

– Ну, ну, уймись, сын мой, – сказал он, удерживая Можирона за талию.

– Нет, клянусь смертью Христовой! Я убью себя, пли пусть дьявол меня заберет, – воскликнул молодой человек и тут же снова принялся биться головой, но уже не о перегородку, а о каменную стену.

– Эй! Помогите же мне удержать его, – крикнул Генрих.

– Куманек, а куманек, – сказал Шико, – я знаю смерть поприятней: проткните себе живот шпагой, вот и все.

– Да замолчишь ты, палач! – воскликнул Генрих со слезами на глазах.

Между тем Келюс продолжал лупить себя по щекам.

– О! Келюс, дитя мое, – сказал Генрих, – ты станешь похожим на Шомберга, каким он был, когда его покрасили в цвет берлинской лазури. У тебя будет ужасный вид.

Келюс остановился.

Один Шомберг продолжал ошипывать себе виски; он даже плакал от ярости.

– Шомберг! Шомберг! Миленький, – воскликнул Генрих. – Возьми себя в руки, прошу тебя.

– Я сойду с ума!

– Ба! – произнес Шико.

– Несчастье страшное, – сказал Генрих, – что и говорить. Но именно поэтому ты и должен сохранить свой рассудок, Шомберг. Да, это страшное несчастье, я погиб! В моем королевстве – гражданская война!.. А! Кто это сделал? Кто дал ему лестницу? Клянусь кровью Иисусовой! Я прикажу повесить весь город.

Глубокий ужас овладел присутствующими.

– Кто в этом виноват? – продолжал Генрих. – Где виновник? Десять тысяч экую тому, кто назовет мне его имя, сто тысяч экую тому, кто доставит его мне живым или мертвым.

– Это какой-нибудь анжуйец, – сказал Можирон. – Кому же еще быть?

– Клянусь богом! Ты прав, – воскликнул Генрих. – А! Анжуйцы, черт возьми, анжуйцы, они мне за это заплатят!

И, словно эти слова были искрой, воспламенившей пороховую затравку, раздался страшный взрыв криков и угроз анжуйцам.

– Да, да, это анжуйцы! – закричал Келюс.

– Где они?! – завопил Шомберг.

– Выпустить им кишки! – заорал Можирон.

– Сто виселиц для сотни анжуйцев! – подхватил король.

Шико не мог оставаться спокойным среди всеобщего беснования. Жестом неистового рубаки он выхватил свою шпагу и стал колотить ею плашмя по миньонам и по стенам, свирепо вращая глазами и повторяя:

– А! Святое чрево! О! Чума их побери! А! Проклятие! Анжуйцы! Клянусь кровью Христовой! Смерть анжуйцам!

Этот крик: «Смерть анжуйцам!» – был услышан во всем Париже, как крик израильских матерей был услышан во всей Раме.

Тем временем Генрих куда-то исчез.

Он вспомнил о своей матери и, не сказав ни слова, выскользнул из комнаты и отправился к Екатерине, которая, будучи лишена с некоторых пор прежнего внимания, погрузившись в притворную печаль, ждала со своей флорентийской проницательностью подходящего случая, чтобы снова заняться политическими интригами.

Когда Генрих вошел, она, задумавшись, полулежала в большом кресле и со своими круглыми, но уже желтоватыми щеками, блестящими, но неподвижными глазами, пухлыми, но бледными руками походила скорее на восковую фигуру, изображающую размышление, чем на живое существо, которое мыслит.

Однако при известии о бегстве Франсуа, известии, которое, кстати говоря, Генрих, пылая гневом и ненавистью, сообщил ей без всякой подготовки, статуя, казалось, внезапно проснулась, хотя ее пробуждение выразилось только в том, что она глубже уселась в своем кресле и молча покачала головой.

– Вы даже не вскрикнули, матушка? – сказал Генрих.

– Л зачем мне кричать, сын мой? – спросила Екатерина.

– Как! Бегство вашего сына не кажется вам преступным, угрожающим, достойным самого сурового наказания?

– Мой дорогой сын, свобода стоит не меньше короны; и вспомните, что я вам самому посоветовала бежать, когда у вас появилась возможность получить эту корону.

– Матушка, меня оскорбляют. Екатерина пожала плечами.

– Матушка, мне бросают вызов.

– Ну нет, – сказала Екатерина, – от вас спасаются, вот и все.

– А! – воскликнул Генрих. – Так вот как вы за меня вступаетесь!

– Что вы хотите сказать этим, сын мой?

– Я говорю, что с годами чувства ослабевают, я говорю... – Он остановился.

– Что вы говорите? – переспросила Екатерина со своим обычным спокойствием.

– Я говорю, что вы больше не любите меня так, как любили прежде.

– Вы заблуждаетесь, – сказала Екатерина со все возрастающей холодностью. – Вы мой возлюбленный сын, Генрих. Но тот, на кого вы жалуетесь, тоже мой сын.

– Ах! Оставим материнские чувства, государыня, – вскричал Генрих в бешенстве, – нам известно, чего они стоят.

– Что ж, вы должны знать это лучше всех, сын мой, потому что любовь к вам всегда была моей слабостью.

– И так как у вас сейчас покаяние, вы и раскаиваетесь.

– Я догадывалась, что мы придем к этому, сын мой, – сказала Екатерина. – Поэтому я и молчала.

– Прощайте, государыня, прощайте, – сказал Генрих, – я знаю, что мне делать, раз даже моя собственная мать больше не испытывает ко мне сострадания. Я найду советников, которые помогут мне разобраться в случившемся и отомстить за себя.

– Идите, сын мой, – спокойно ответила Флорентийка, – и да поможет бог вашим советникам, им это будет очень необходимо, чтобы вызволить вас из затруднительного положения.

Когда он направился к выходу, она не остановила его ни словом, ни жестом.

– Прощайте, государыня, – повторил Генрих.

По возле двери он задержался.

– Прощайте, Генрих, – сказала королева, – еще одно только слово. Я не собираюсь советовать вам, сын мой, я знаю: вы во мне не нуждаетесь. Но попросите ваших советников, чтобы они хорошенько подумали, прежде чем дадут свои советы, и еще раз подумали, прежде чем привести эти советы в исполнение.

– О, конечно, – сказал Генрих, уцепившись за слова катерн и воспользовавшись ими, чтобы остаться в комнате, – ведь положение серьезное, не правда ли, государыня?

– Тяжелое, – сказала медленно Екатерина, воздевая глаза и руки к небу, – весьма тяжелое, Генрих.

Король, потрясенный тем выражением ужаса, которое, как ему показалось, он прочел в глазах матери, вернулся к пей.

– Кто его похитил? Есть ли у вас какие-нибудь мысли на этот счет, матушка? Екатерина промолчала.

– Сам я, – сказал Генрих, – думаю, что это анжуйцы. Екатерина улыбнулась своей иронической улыбкой, которая выдавала превосходство ее ума, всегда готового смутить чужой ум и одержать над ним победу.

– Анжуйцы? – переспросила она.

– Вы сомневаетесь, – сказал Генрих, – однако все в этом уверены.

Екатерина еще раз пожала плечами.

– Пусть другие верят этому, – сказала она, – но вы-то, вы, сын мой!

– То есть как, государыня?.. Что вы хотите сказать? Объяснитесь, умоляю вас.

– К чему объяснять!

– Ваше объяснение откроет мне глаза.

– Откроет вам глаза! Полноте, Генрих, я всего лишь бестолковая, старая женщина. Все, что я могу, – это молиться и каяться.

– Пет, говорите, матушка, говорите, я вас слушаю! О! Вы до сих пор душа нашего дома и всегда ею останетесь, говорите же.

– Бесполезно. Я мыслю мыслями другого века. Да и что такое мудрость стариков? Это подозрительность, и только. Чтобы старая Екатерина, в своем возрасте, дала сколько-нибудь пригодный совет! Полноте, сын мой, это невозможно.

– Что ж, будь по-вашему, матушка, – сказал Генрих. – Отказывайте мне в вашей помощи, лишайте меня вашей поддержки. Но знайте, что через час – одобряете вы меня или нет, вот тогда я это и узнаю – я прикажу вздернуть на виселицу всех анжуйцев, которые сыщутся в Париже.

– Вздернуть на виселицу всех анжуйцев! – воскликнула Екатерина с тем удивлением, которое испытывают люди незаурядного ума, когда им говорят какую-нибудь чудовищную глупость.

– Да, да, повешу, изничтожу, убью, сожгу. В эту минуту мои друзья уже вышли на улицы города, чтобы переломать все кости этим окаянными, этим разбойникам, этим мятежникам!

– Упаси их бог делать это, – вскричала Екатерина, выведенная из своей невозмутимости серьезностью положения, – они погубят себя, несчастные, и это еще не беда, но вместе с собой они погубят вас.

– Почему?

– Слепец! – прошептала Екатерина. – Неужели же глаза у королей навечно осуждены не видеть? И она сложила ладони вместе.

– Короли только тогда короли, когда они не оставляют безнаказанным нанесенное им оскорбление, ибо эта их месть есть правосудие, а в моем случае особенно, и все королевство поднимется на мою защиту.

– Безумец, глупец, ребенок, – прошептала Флорентийка.

– Но почему, почему?

– Подумайте сами: неужели удастся заколоть, сжечь, повесить таких людей, как Бюсси, как Антрагэ, как Ливаро, как Рибейрак, не пролив при этом потоки крови?

– Что из того! Лишь бы только их убили!

– Да, разумеется, если их убьют. Покажите мне их трупы, и, клянусь богородицею, я скажу, что вы поступили правильно. Но их не убьют. Их только побудят поднять знамя мятежа, вложат им в руки обнаженную шпагу. Они никогда не решились бы обнажить ее сами ради такого господина, как Франсуа. А теперь из-за вашей неосторожности они вынут ее из ножен, чтобы защитить свою жизнь, и ваше королевство поднимется, но не на вашу защиту, а против вас.

– Но если я не отомщу, значит, я испугался, отступил, – вскричал Генрих.

– Разве кто-нибудь когда-нибудь говорил, что я испугалась? – спросила Екатерина, нахмутив брови и сжав свои тонкие, подкрашенные кармином губы.

– Однако, если это сделали анжуйцы, они заслуживают кары, матушка.

– Да, если это сделали они, но это сделали не они.

– Так кто же тогда, если не друзья моего брата?

– Это сделали не друзья вашего брата, потому что у вашего брата нет друзей.

– Но кто же тогда?

– Ваши враги, вернее, ваш враг.

– Какой враг?

– Ах, сын мой, вы прекрасно знаете, что у вас всегда был только один враг, как у вашего брата Карла всегда был только один, как у меня самой всегда был только один, все один и тот же, беспрестанно.

– Вы хотите сказать, Генрих Наваррский?

– Ну да, Генрих Наваррский.

– Его нет в Париже!

– А! Разве вы знаете, кто есть в Париже и кого в нем нет? Разве вы вообще что-нибудь знаете? Разве у вас есть глаза и уши? Разве вы окружены людьми, которые видят и слышат? Нет, все вы глухи, все вы слепы.

– Генрих Наваррский! – повторил король.

– Сын мой, при каждом разочаровании, при каждом несчастье, при каждом бедствии, которые вас постигнут и виновник которых вам останется неизвестным, не ищите, не сомневайтесь, не задавайте себе вопросов – это не к чему. Воскликните: «Это – Генрих Наваррский!», и вы можете быть уверены, что попадете в цель... О! Этот человек!.. Этот человек!.. Он меч, подвешенный господом над домом Валуа.

– Значит, вы считаете, что я должен отменить приказ насчет анжуйцев?

– И немедленно, – воскликнула Екатерина, – не теряя ни минуты, не теряя ни секунды. Поспешите, быть может, уже слишком поздно. Бегите, отмените свой приказ! Отправляйтесь, иначе вы погибнете.

И, схватив сына за руку, она с невероятной энергией и силой толкнула его к двери.

Генрих опрометью выбежал из дворца, чтобы остановить своих друзей.

Но он нашел только Шико, который сидел на камне и чертил на песке географическую карту.

Глава 23.

О ТОМ, КАК, ОБНАРУЖИВ, ЧТО ШИКО ОДНОГО МНЕНИЯ С КОРОЛЕВОЙ-МАТЕРЬЮ, КОРОЛЬ ПРИСОЕДИНИЛСЯ К МНЕНИЮ КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ И ШИКО

Прежде всего Генрих удостоверился в том, что этот человек, который поглощен своим занятием не менее Архимеда и, по всей видимости, не поднимет головы, даже если Париж будет взят штурмом, что этот человек действительно не кто иной, как Шико.

– А, несчастный, – вскричал он громовым голосом, – вот как ты защищаешь своего короля!

– Я его защищаю по-своему и считаю, что мой способ лучше других.

– Лучше других! – воскликнул король. – Лучше других, бездельник!
– Я настаиваю на этом и привожу доказательства.
– Любопытно с ними познакомиться.
– Это нетрудно: во-первых, мы сделали большую глупость, мой король, мы сделали чудовищную глупость.

– В чем она состоит?

– Она состоит в том, что мы сделали.

– Ах! – воскликнул Генрих, пораженный единством мыслей двух чрезвычайно острых умов, которые, не сговариваясь, пришли к одному и тому же выводу.

– Да, – откликнулся Шико, – твои друзья уже кричат по городу: «Смерть анжуйцам!», а я, поразмыслив, не очень-то уверен, что это дело рук анжуйцев. Своими криками на городских улицах твои приятели просто-напросто начинают ту маленькую гражданскую войну, которую не удалось затеять господам Гизам и которая им так была нужна. И, по всей вероятности, Генрих, в эту минуту твои друзья или уже мертвым-мертвешеньки, что, признаюсь, меня не огорчило бы, но опечалило бы тебя, или же они уже изгнали анжуйцев из города, что тебе бы очень не понравилось и, напротив, чрезвычайно обрадовало бы нашего дорогого герцога Анжуйского.

– Смерть Христова! – воскликнул король. – Значит, ты думаешь, что дело зашло уже так далеко, как ты сказал?

– Если не дальше.

– По все это не объясняет мне, чем ты тут занимаешься, сидя на камне.

– Я занимаюсь очень срочной работой.

– Какой?

– Я вычерчиваю контуры тех провинций, которые поднимет против нас твой брат, и прикидываю, сколько человек сможет выставить каждая из них в мятежную армию.

– Шико! Шико! – воскликнул король. – Право, вокруг меня одни лишь вороны и совы – вестники бедствия!

– Ночью голос совы звучит хорошо, сын мой, – ответил Шико, – потому что он звучит в свой час. Времена у нас сейчас темные, Генрике, такие темные, что дня не отличишь от ночи; мой голос звучит в свой час, прислушайся к нему. Посмотри!

– Ну, что еще?

– Посмотри на мою географическую карту и рассуди сам. Начнем с Анжу, которое смахивает на тарталетку, видишь? Здесь укрылся твой брат, потому-то я и отвел этой провинции первое место. Гм! Анжу, если за него взяться с толком, как возьмутся твой главный ловчий Монсоро и твой друг Бюсси, одно Анжу может дать нам – когда я говорю «нам», это значит: твоему брату, – Анжу может дать твоему брату десять тысяч бойцов.

– Ты полагаешь?

– Это на самый худой конец. Перейдем к Гиени. Гиень..., ты видишь ее? Вот она – фигура, похожая на теленка, который скачет на одной ноге. А! Проклятие! Гиень! Ничего нет удивительного, коли там найдется пара-другая недовольных, это старый очаг мятежа, и англичане только-только ушли оттуда. Эта Гиень с радостью восстанет, не против тебя – против Франции. От Гиени можно рассчитывать на восемь тысяч солдат, Маловато! Но все они будут закаленные, испытанные в боях, это уж будь спокоен. Затем, левее Гиени у нас Беарн и Наварра, видишь? Вот эти два куска, вроде обезьяны на спине у слона. Конечно, Наварру сильно обкорнали, но вместе с Беарном у нее наберется триста – четыреста тысяч жителей. Предположим, что Беарн и Наварра, после того, как Наваррский их хорошенько потрясет, пожмет и выжмет, поставят Лиге пять процентов их населения, это шестнадцать тысяч человек. Итак, подведем итог. Анжу – десять тысяч...

И Шико снова принялся чертить своей тростью на песке.

Анжу – 10000

Гиень – 8000

Беарн и Наварра – 16000

Итого: 34000

– Так ты думаешь, – сказал Генрих, – что король Наваррский вступит в союз с моим братом?

– Святое чрево!

– Так ты думаешь, что он причастен к его бегству?

Шико пристально поглядел на Генриха.

– Генрике, – сказал он, – эта мысль пришла в голову не тебе.

– Почему?

– Потому что она слишком умная, сын мой.

– Неважно, чья она. Я спрашиваю тебя, отвечай: ты думаешь, что Генрих Наваррский причастен к бегству моего брата?

– Э, – воскликнул Шико, – как-то поблизости от улицы Феронри до меня донеслось: «Святая пятница!», и, когда я об этой «пятнице» вспоминаю сегодня, она кажется мне весьма убедительной.

– До тебя донеслось: «Святая пятница!»? – вскричал король.

– Ей-ей, – ответил Шико. – Я вспомнил об этом только сегодня.

– Значит, он был в Париже?

– Я так думаю.

– А что тебя заставляет так думать?

– Мои глаза.

– Ты видел Генриха Наваррского?

– Да.

– И ты не пришел ко мне и не сказал, что мой враг имел дерзость явиться прямо в мою столицу!

– Человек может быть дворянином и может не быть им, – произнес Шико.

– Ну и что же?

– А то, что если он дворянин, то он не шпион, вот и все.

Генрих задумался.

– Значит, – сказал он, – Анжу и Беарн! Мой брат Франсуа и мой кузен Генрих!

– Не считая трех Гизов, само собой разумеется.

– Как! Ты думаешь, что они войдут в союз?

– Тридцать четыре тысячи человек с одной стороны: десять тысяч от Анжу, восемь тысяч от Гиени, шестнадцать тысяч от Беарна, – сказал Шико, загибая пальцы, – а сверх того, двадцать или двадцать пять тысяч под командой герцога де Гиза, главнокомандующего твоих войск. Всего пятьдесят девять тысяч человек. Сократим их до пятидесяти на случай подагры, ревматизмом, воспалений седалищного нерва и других болезней. Все же, как ты видишь, сын мой, остается достаточно внушительная цифра.

– Но Генрих Наваррский и герцог де Гиз враги.

– Что не помешает им объединиться против тебя, с надеждой уничтожить друг друга после того, как они уничтожат тебя.

– Шико, ты прав, и моя мать права, вы оба правы. Надо предотвратить резню. Помоги мне собрать швейцарцев.

– Ну да, швейцарцев, как же! Их увел Келюс.

– Тогда мою гвардию.

– Ее забрал Шомберг.

– Ну, хотя бы моих слуг.

– Они ушли с Можироном.

– Как, – воскликнул Генрих, – без моего приказа?!

– А с каких это пор ты отдаешь приказы, Генрих? О! Когда речь идет о шествиях или бичеваниях, тут я ничего не говорю, тебе предоставляют полную власть над твоей шкурой и

даже над шкурой других. Но коснись дело войны, коснись дело управления государством, это уже область господина де Шомберга, господина де Келюса и господина де Можирона. О д'Эперноне я умалчиваю, потому что он в таких случаях прячется в кусты.

– А! Смерть Христова! – воскликнул Генрих. – Так вот как обстоит дело!

– Позволь сказать тебе, сын мой, – продолжал Шико, – ты весьма поздно заметил, что в своем королевстве ты не более чем седьмой или восьмой король.

Генрих закусил губу и топнул ногой.

– Эге! – произнес Шико, вглядываясь в темноту.

– Что там?

– Клянусь святым чревом! Это они. Гляди, Генрих, вот твои люди.

И он в самом деле указал королю на трех или четырех быстро приближающихся всадников. За ними на некотором расстоянии скакали другие конные и шла толпа пеших.

Всадники собирались уже было въехать в Лувр, не заметив в темноте двух людей, стоявших возле рвов.

– Шомберг! – позвал король. – Сюда, Шомберг!

– Эй! – откликнулся Шомберг. – Кто меня зовет?

– Сюда, сюда, дитя мое!

Голос показался Шомбергу знакомым, и он подъехал.

– Будь я проклят! – воскликнул он. – Да это король!

– Он самый. Я побежал за вами, да не знал, где вас искать, и с нетерпением жду здесь.

Что вы делали?

– Что мы делали? – спросил второй всадник, подъезжая.

– А! Ко мне и ты, Келюс, – сказал король, – и больше не уезжай так, без моего разрешения.

– Да больше-то и незачем, – сказал третий, в котором король признал Можирона, – все уже кончилось.

– Все кончилось? – переспросил король.

– Слава богу, – сказал д'Эпернон, внезапно появившись неизвестно откуда.

– Осанна! – крикнул Шико, вознося обе руки к небу.

– Значит, вы их убили? – сказал король. И прибавил совсем тихо:

– В конце концов, мертвые не воскресают.

– Вы их убили? – сказал Шико. – А! Если вы их убили, то и говорить не о чем.

– Нам не пришлось трудиться, – ответил Шомберг, – эти трусы разлетелись, как стая голубей, почти ни с кем и шпаг-то скрестить не удалось.

Генрих побледнел.

– Ас кем все же вы их скрестили?

– С Антрагэ.

– Но хоть этого-то вы уложили?

– Как раз наоборот: Антрагэ убил лакея Келюса.

– Значит, они были настороже? – спросил король.

– Черт возьми! Я думаю! – воскликнул Шико. – Вы вопите: «Смерть анжуйцам!», перевозите пушки, трезвоните в колокола, потрясаете всем железным ломом, который имеется в Париже, и хотите, чтобы эти добрые люди так же ничего не слышали, как вы ничего не соображаете.

– Одним словом, одним словом, – глухо пробормотал король, – гражданская война вспыхнула. Услышав это, Келюс вздрогнул.

– А ведь и правда, черт побери! – воскликнул он.

– О! Вы уже начинаете понимать, – сказал Шико, – какое счастье! А вот господа де Шомберг и де Можирон еще ни о чем не догадываются.

– Мы оставляем за собой защиту особы и короны его величества, – заявил Шомберг.

– Ба! Клянусь богом, – сказал Шико, – для этого у нас есть господин де Клиссон, который кричит не так громко, как вы, а дело свое делает не хуже.

– Вот вы, господин Шико, – сказал Келюс, – распекаете нас тут на все корки, а два часа тому назад сами думали так же, как мы, или, во всяком случае, если и не думали, то кричали, как мы.

– Я?! – воскликнул Шико.

– Конечно, кричали «Смерть анжуйцам!» и при этом колотили по стенам шпагой.

– Да ведь я, – сказал Шико, – это совсем другое дело. Каждому известно, что я – дурак. Но вы-то, вы ведь люди умные...

– Хватит, господа, – сказал Генрих, – мир. Скоро мы все навоюемся.

– Каковы будут распоряжения вашего величества? – спросил Келюс.

– Постарайтесь утихомирить народ с тем же рвением, с каким вы его взбудоражили; возвратите в Лувр швейцарцев, мою гвардию, моих слуг и прикажите запереть ворота, чтобы завтра горожане сочли все случившееся этой ночью простой потасовкой между пьяными.

Молодые люди ушли с видом побитых собак и стали передавать приказы короля офицерам сопровождавшего их отряда.

Что касается Генриха, то он возвратился к своей матери, которая очень деятельно, но с обеспокоенным и мрачным видом отдавала распоряжения своим слугам.

– Ну, – сказала она, – что случилось?

– То самое, матушка, что вы и предвидели.

– Они бежали?

– Увы! Да.

– А! – сказала она. – Дальше?

– Дальше – все. Мне кажется, что и этого больше чем достаточно.

– А город?

– Город волнуется, но не он меня беспокоит, он-то в моих руках.

– Да, – сказала Екатерина, – дело в провинциях.

– Которые восстанут, поднимутся, – подхватил Генрих.

– Что вы собираетесь предпринять?

– Я вижу только одно средство.

– Какое?

– Прямо посмотреть в лицо случившемуся.

– Как же это?

– Я даю приказ моим полковникам, моей гвардии, вооружаю ополчение, отзываю армию от Ла-Шарите и иду на Анжу.

– А герцог де Гиз?

– Э! Герцог де Гиз, герцог де Гиз! Я прикажу его арестовать, если в том будет нужда.

– Ну конечно! Если только вам удастся осуществить все эти чрезвычайные меры.

– Что же иначе делать?

Екатерина склонила голову на грудь и задумалась.

– Все ваши планы невыполнимы, сын мой, – сказала она.

– А! – воскликнул глубоко раздосадованный Генрих. – Все у меня сегодня нескладно получается.

– Просто вы взволнованы. Возьмите себя в руки, а потом посмотрим.

– Тогда думайте вы за меня, матушка, предпримем что-нибудь, будем действовать.

– Вы же видели, сын мой, я отдавала распоряжения.

– По поводу чего?

– По поводу отъезда посла.

– А к кому мы его направим?

– К вашему брату.

– Посла к этому изменнику! Вы унижаете меня, матушка!

– Сейчас не время для гордости, – сурово заметила Екатерина.

– Этот посол будет просить о мире?

– Он даже купит его, если понадобится.

– Господи боже мой! За какие уступки?

– Какая разница, сын мой, – сказала Екатерина, – ведь все это делается лишь для того, чтобы, когда мир будет достигнут, вы смогли спокойно вздернуть на виселицу тех, кто бежал, собираясь пойти на вас войной. Разве вы не говорили мне сейчас, что хотели бы держать их в своих руках?

– О! Я отдал бы за это четыре провинции моего королевства: по одной за каждого.

– Что ж, цель оправдывает средства, – продолжала Екатерина резким голосом, который всколыхнул в глубинах сердца Генриха чувства ненависти и мести.

– Я полагаю, что вы правы, матушка, – сказал он, – по кого мы к ним пошлем?

– Поищите среди ваших друзей.

– Матушка, мне и искать незачем, я не вижу ни одного мужчины, которому можно доверить такое поручение.

– Тогда доверьте его женщине.

– Женщине? Матушка! Неужели вы согласились бы?

– Сын мой, я очень стара, очень устала, и, может быть, умру после этого путешествия, но я собираюсь ехать с такой скоростью, что прибуду в Анжер, прежде чем друзья вашего брата и сам он успеют осознать все свое могущество.

– О! Матушка, милая моя матушка, – взволнованно воскликнул Генрих, целуя руки Екатерины, – вы всегдашняя моя опора, моя благодетельница, мой добрый гений!

– Это значит, что я все еще королева Франции, – прошептала Екатерина, устремив на сына взгляд, в котором было столько же жалости, сколько любви.

Глава 24.

ГДЕ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО БЛАГОДАРНОСТЬ БЫЛА ОДНОЙ ИЗ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ ГОСПОДИНА ДЕ СЕН-ЛЮКА

Назавтра после того вечера, когда за столом у герцога Анжуйского граф де Монсоро выглядел столь плачевно, что ему позволили покинуть общество еще до окончания ужина и пойти спать, граф встал чуть свет и спустился во двор.

Он хотел разыскать конюха, с которым говорил накануне, и, если это окажется возможным, вытянуть из него кое-какие сведения о привычках Роланда.

Граф преуспел в своих намерениях. Он вошел в обширный сарай, где сорок великолепных коней поглощали с завидным аппетитом солому и овес анжуйцев.

Взгляд графа прежде всего нашел среди них Роланда.

Роланд, у своей кормушки, являл чудеса расторопности среди самых прытких едоков.

Затем глаза графа поискали конюха.

Он стоял, скрестив на груди руки, и, по обыкновению всякого хорошего конюха, следил, как – жадно или лениво – едят свой всегдашний провиант лошади его господина.

– Эй, любезный! – сказал граф. – Что, все лошади монсеньера возвращаются в конюшню сами? Они так приучены?

– Нет, господин граф, – ответил конюх. – А почему ваша милость меня об этом спрашивает?

– Из-за Роланда.

– Ах да, он вчера вернулся сам. О! Для Роланда это не удивительно, умнейший конь.

– Да, – сказал Монсоро, – я заметил. Значит, ему уже случалось возвращаться одному?

– Нет, сударь, обычно на нем ездит монсеньер герцог Анжуйский, а он наездник что надо, его не сбросишь с седла.

– Роланд не сбрасывал меня с седла, любезный, – сказал граф, задетый тем, что кто-то; пусть даже конюх, мог подумать, будто он, главный ловчий Франции, способен свалиться с лошади. – Хотя мне и далеко до монсеньера герцога Анжуйского, но я достаточно

хороший наездник. Нет, я привязал его к дереву и зашел в один дом. А когда вернулся, он исчез. Я подумал, что его у меня украли или какой-нибудь сеньор, проезжая мимо, решил сыграть со мной злую шутку и увел моего коня. Вот почему я и спрашивал у вас, с кем он вернулся в конюшню.

– Он вернулся один, как мажордом уже имел честь вчера доложить господину графу.

– Странно, – произнес Монсоро.

Он подумал немного и затем переменил разговор:

– Ты говоришь, монсеньер часто ездит на этой лошади?

– До того, как прибыли его выезды, он, почитай, каждый день на ней ездил.

– Вчера его высочество вернулся поздно?

– За час или вроде того до вас, господин граф.

– А на каком коне был герцог? Не на гнедом ли с белыми чулками и белой звездой на лбу?

– Нет, сударь, – ответил конюх, – вчера его высочество брал Изолина, вот он.

– А не было ли в свите принца дворянина на коне с этими приметам?

– Я ни у кого такого коня не видел.

– Ну, хорошо, – сказал Монсоро несколько раздосадованный тем, что розыски подвигаются столь медленно. – Хорошо, оседлайте мне Роланда.

– Господин граф желает Роланда?

– Да. А что? Принц приказал не давать его мне?

– Нет, сударь, напротив, главный конюшенный его высочества приказал дать вам на выбор любого коня из конюшни.

Было невозможно сердиться на столь предупредительного принца.

Граф Монсоро кивнул конюху, и тот принялся седлать копя.

Когда с этим было покончено, конюх отвязал Роланда от кормушки, взнуздal и подвел к графу.

– Слушай, – сказал тот, беря у него поводья, – слушай и отвечай мне.

– С полным моим удовольствием, – ответил конюх.

– Сколько ты получаешь в год?

– Двадцать экю, сударь.

– Хочешь получить в десять раз больше и за один день?

– Еще бы, клянусь богом! – воскликнул конюх. – Но как я заработаю эти деньги?

– Узнай, кто ездил вчера на гнедом коне с белыми чулками и звездой на лбу.

– Ах, сударь, – сказал конюх, – то, о чем вы просите, дело нелегкое. К его высочеству приезжают с визитами так много господ!

– Конечно, но двести экю неплохие деньги, и стоит немного потрудиться, чтобы получить их.

– Само собой, господин граф, я не отказываюсь поискать, и не думаю даже.

– Ладно, – сказал граф, – твое усердие мне нравится. Вот десять экю вперед, для начала. Видишь, в проигрыше ты не останешься.

– Благодарю вас, сударь.

– Не стоит. Ты скажешь принцу, что я отправился в лес, подготовить охоту по его приказанию.

Не успел граф произнести эти слова, как за его спиной зашуршала солома под ногами входящего в конюшню человека.

Монсоро обернулся.

– Господин де Бюсси! – воскликнул он.

– А! Добрый день, господин де Монсоро, – сказал Бюсси. – Каким чудом вы попали в Анжер?!

– А вы, сударь? Ведь говорили, что вы больны?

– Я и в самом деле болен, – сказал Бюсси, – мой врач прописал мне полный покой. Я уже целую неделю не выезжаю из города. О! Вы, кажется, собираетесь сесть на Роланда? Я

продал этого коня монсеньеру герцогу Анжуйскому, и он им так доволен, что ездит на нем чуть ли ее каждый день.

Монсоро побледнел.

– Я вполне его понимаю, – сказал он, – конь замечательный.

– А у вас счастливая рука: с первого взгляда такого коня выбрали, – сказал Бюсси.

– О! Мы не сегодня с ним познакомились, – возразил граф, – я уже ездил на нем вчера.

– Это вызвало у вас желание поехать на нем и сегодня?

– Да, – сказал граф.

– Простите, – продолжал Бюсси, – вы говорили, что готовите нам охоту.

– Принц желает загнать оленя.

– Насколько я слышал, их здесь в окрестностях много?

– Очень много.

– А где вы будете выставлять зверя?

– Поблизости от Меридора.

– А! Прекрасно, – сказал Бюсси, в свою очередь невольно побледнев.

– Желаете поехать со мной? – спросил Монсоро.

– Нет, премного вам благодарен, – ответил Бюсси. – Пойду лягу. Я чувствую, меня снова лихорадит.

– Вот так так! – раздался звучный голос с порога конюшни. – Неужели господин де Бюсси поднялся с постели без моего разрешения?!

– Это Одуэн, – сказал Бюсси. – Ну, теперь мне достанется. Прощайте, граф. Поручаю Роланда вашим заботам.

– Не беспокойтесь.

Бюсси вышел, и граф Монсоро вскочил в седло.

– Что с вами? – удивился Одуэн. – Вы такой бледный, что я и сам почти готов поверить в вашу болезнь.

– Ты знаешь, куда он едет? – спросил Бюсси.

– Нет.

– Он едет в Меридор.

– А разве вы надеялись, что он объедет замок стороной?

– Боже мой, что будет после вчерашнего?

– Госпожа де Монсоро будет отпираться.

– Но он ее видел своими глазами.

– Она станет утверждать, что у него было временное помрачение зрения.

– У Дианы не хватит на это решимости.

– О! Господин де Бюсси, неужели вы так плохо знаете женщин?

– Реми, я чувствую себя ужасно.

– Еще бы! Ступайте домой. Я прописываю вам на это утро...

– Что?

– Тушеную курицу, ломоть ветчины и раковый суп.

– Э! У меня нет аппетита.

– Еще одно основание, чтобы я предписал вам есть.

– Реми, я предчувствую: этот палач устроит в Меридоре что-нибудь ужасное. Нет, надо было мне согласиться и поехать с ним, когда он предложил.

– Зачем?

– Чтобы поддержать Диану.

– Госпожа Диана прекрасно поддержит себя сама, я уже вам это говорил и опять повторяю. И так как нам тоже нужно себя поддержать, пойдемте, прошу вас. К тому же нельзя, чтобы вас видели на ногах. Почему вы вышли без моего позволения?

– У меня было очень тревожно на душе, и я не мог оставаться дома.

Реми пожал плечами, отвел Бюсси в его хижину и, затворив двери, усадил перед

обильным столом как раз тогда, когда граф Монсоро выезжал из Анжера, через те же ворота, что и накануне.

У графа были основания вторично выбрать себе Роланда: он хотел удостовериться, случайно или же по привычке этот конь, ум которого все превозносили, привез его к стене парка.

Поэтому, выехав из замка, он повесил поводья ему на шею.

Роланд не обманул ожиданий Монсоро.

Стоило коню очутиться за городскими воротами, как он тотчас же свернул налево. Граф предоставил ему полную свободу. Затем Роланд свернул направо, граф опять не помешал ему.

Таким образом, они проскакали по очаровательной, заросшей цветами тропинке, потом по лесосеке, а потом под могучими, старыми деревьями.

Как и накануне, рысь Роланда, по мере приближения к Меридору, становилась все крупнее. Наконец она перешла в галоп, и через сорок – пятьдесят минут граф де Монсоро оказался вблизи стены, точно в том же самом месте, что и в прошлый раз.

Однако теперь здесь было тихо и пустынно. Не слышалось ржания, не видно было никакой лошади – ни привязанной, ни бродящей на свободе.

Граф де Монсоро соскочил на землю, но на этот раз, дабы избежать опасности возвращения пешком, он обмотал поводья Роланда вокруг руки и только потом стал взбираться на стену.

Внутри парка было так же безлюдно, как и снаружи.

Длинные аллеи уходили в недостижимую взору даль, по зеленой траве обширных лужаек скакали, оживляя их, несколько косуль.

Граф решил, что незачем тратить напрасно время и сторожить уже предупрежденных людей, которые, несомненно, перестали встречаться, напуганные его вчерашним появлением, или выбрали для свиданий другое место. Он вскочил на Роланда, направил его по узенькой тропинке и, то и дело сдерживая резвого коня, через четверть часа подъехал к воротам замка.

Барон наблюдал, как стегают хлыстом собак, чтобы поддержать в них боевой дух, когда через подъемный пост во двор замка въехал Монсоро.

Увидев зятя, барон церемонно направился к нему.

Диана, сидя под огромной смоковницей, читала стихи Маро. Ее верная служанка Гертруда вышивала рядом с ней.

Граф заметил женщин только после того, как поздоровался с бароном.

Он соскочил с коня и подошел к ним.

Диана поднялась, сделала три шага навстречу мужу и присела в глубоком реверансе.

– Какое спокойствие, вернее, какое вероломство! – прошептал граф. – Ну и бурю подниму я сейчас в этом тихом омуте!

Подошел лакей. Главный ловчий бросил ему поводья Роланда, а затем, обернувшись к Диане, сказал:

– Сударыня, прошу вас, соблаговолите уделить мне минутку.

– Охотно, сударь, – ответила Диана.

– Вы окажете нам честь остаться в замке, господин граф? – спросил барон.

– Да, сударь. До завтра, во всяком случае. Барон удалился, намереваясь лично проследить, чтобы комната его зятя была приготовлена по всем правилам гостеприимства.

Монсоро указал Диане на стул, с которого она перед тем встала, а сам опустился на стул Гертруды, не сводя с Дианы взгляда, способного устрашить и самого храброго мужчину:

– Сударыня, – сказал он, – так кто же это был с вами в парке вчера вечером?

Диана подняла на мужа ясный чистый взгляд.

– В каком часу, сударь? – спросила она голосом, из которого, сделав над собой усилие, ей удалось изгнать даже тень волнения.

– В шесть.

– В каком месте?
– На старой лесосеке.
– Там, наверное, гулял кто-нибудь из моих подруг, а не я.
– Это были вы, сударыня, – подтвердил Монсоро.
– Почему вы так решили? – спросила Диана. Пораженный Монсоро не мог найти слов для ответа, но вскоре изумление уступило место гневу.
– Имя этого мужчины? Назовите мне его!
– Какого мужчины?
– Того, который гулял с вами.
– Я не могу вам его назвать, раз это не я с ним гуляла.
– То были вы, говорю вам, – вскричал Монсоро, топнув ногой.
– Вы ошибаетесь, сударь, – холодно ответила Диана.
– И вы еще смеете заперяться! Да я видел вас собственными глазами!
– А! Вы сами видели, сударь?
– Да, сударыня, я сам. Как можете вы отрицать, что то были вы! Ведь в Меридоре нет других женщин, кроме вас.
– Вот еще одно заблуждение, сударь: здесь находится Жанна де Бриссак.
– Госпожа де Сен-Люк?
– Да, моя подруга госпожа де Сен-Люк.
– А господин де Сен-Люк?
– Не расстается со своей женой, как вам известно у них брак по любви. Это господина и госпожу де Сен-Люк вы видели.
– Это был не господин де Сен-Люк, это была не госпожа де Сен-Люк. То были вы, я вас прекрасно узнал, и вы были с мужчиной, с кем – не знаю, но скоро буду знать, клянусь вам.
– Так вы настаиваете, что это была я, сударь?
– Говорю вам, я узнал вас, говорю вам, я слышал, как вы вскрикнули!
– Когда вы придете в себя, сударь, – сказала Диана, – я соглашусь выслушать, вас, но сейчас, я думаю, мне лучше уйти.
– Нет, сударыня, – сказал Монсоро, удерживая Диану за руку, – вы останетесь.
– Сударь, – ответила Диана, – вот господин и госпожа де Сен-Люк. Я надеюсь, вы будете сдерживаться в их присутствии.

И действительно, в конце аллеи показались Сен-Люк и его жена, призванные звуками обеденного колокола, который в эту минуту начал звонить, словно здесь только и ждали приезда графа де Монсоро, чтобы сесть за стол.

И Сен-Люк и Жанна узнали графа и поспешили подойти, догадавшись, что своим присутствием они, несомненно, вызволят Диану из очень затруднительного положения.

Госпожа де Сен-Люк сделала графу де Монсоро глубокий реверанс.

Сен-Люк приветливо протянул ему руку.

Все трое обменялись несколькими любезностями, а затем Сен-Люк, подтолкнув свою жену к графу, взял руку Дианы.

Пары направились к дому.

В Меридорском замке обедали в девять часов; то был старый обычай времен славного короля Людовика XII, сохраненный бароном в полной неприкосновенности.

Графа де Монсоро посадили между Сен-Люком и его женой.

Диана, ловким маневром подруги разлученная со своим мужем, оказалась между Сен-Люком и бароном.

Шел общий разговор. Он вращался, естественно, вокруг прибытия в Анжер брата короля и перемен, которые этот приезд вызовет в провинции Анжу.

Монсоро очень хотелось бы перевести беседу на другую тему, но он имел дело с неподатливыми сотрапезниками и потерпел неудачу.

Нельзя сказать, чтобы Сен-Люк уклонялся от разговора с графом, совсем напротив: он осыпал разъяренного мужа милой и остроумной лестью, и Диана, которая благодаря

болтовне Сен-Люка могла хранить молчание, красноречивыми взглядами выражала своему другу признательность.

«Этот Сен-Люк просто дурак и болтлив, как сорока, – сказал себе граф. – Вот человек, у которого я, тем или иным способом, вырву нужную мне тайну».

Граф де Монсоро не знал Сен-Люка, главный ловчий появился при дворе как раз тогда, когда Сен-Люк его покинул.

Поэтому, сделав такое заключение, Монсоро стал отвечать на шутки молодого человека, что еще больше обрадовало Диану и способствовало воцарению всеобщего спокойствия.

К тому же Сен-Люк время от времени незаметно подмигивал госпоже де Монсоро, и эти подмигивания совершенно явно означали:

«Не волнуйтесь, сударыня, у меня созрел план».

В чем состоял план господина де Сен-Люка, мы увидим в следующей главе.

Глава 25. ПЛАН ГОСПОДИНА ДЕ СЕН-ЛЮКА

После обеда Монсоро взял своего нового друга под руку и увел из замка.

– Знаете, – сказал он ему, – я так счастлив, что встретил здесь вас. Меня заранее пугала меридорская глушь.

– Да что вы! – удивился Сен-Люк. – Ведь у вас тут жена! Что до меня, то в подобной компании мне, я думаю, и пустыня показалась бы слишком населенной.

– Да, разумеется, – ответил Монсоро, кусая губы, – и, однако же...

– Что – однако же?

– Однако же я очень рад, что встретил здесь вас.

– Сударь, – сказал Сен-Люк, очищая зубы крохотной золотой шпалой, – вы слишком любезны: никогда не поверю, что вы могли хоть на минуточку убоиться скуки в обществе такой прелестной жены и в окружении столь прекрасной природы.

– Э! – ответил Монсоро. – Я полжизни провел в этих лесах.

– Тем более вам не пристало в них скучать, – сказал Сен-Люк. – Мне кажется, чем больше живешь в лесах, тем больше их любишь. Поглядите, какой восхитительный парк. Я уверен, что буду в отчаянии, когда мне придется с ним расстаться. Боюсь, что день этот, к несчастью, недалек.

– Зачем же вам расставаться с Меридором?

– Ах, сударь, разве человек хозяин своей судьбы? Он всего лишь листок, который сорван ветром и несется над полями и долами, сам не зная куда. Вот вы – счастливец!

– Счастливец? Почему?

– Потому, что остаетесь под сенью этих великолепных деревьев.

– О, – сказал Монсоро, – я, вероятно, тут тоже долго не пробуду.

– Ба! Кто за это может поручиться? Я думаю, что вы ошибаетесь.

– Нет, – воскликнул Монсоро, – нет. О! Я не такой фанатичный поклонник природы, как вы, я боюсь этого парка, который вам кажется столь прекрасным.

– Я не ослышался? – переспросил Сен-Люк.

– Нет, – ответил Монсоро.

– Вы боитесь этого парка, сказали вы, почему же?

– Потому, что мне он кажется небезопасным.

– Небезопасным? Ну, знаете ли! – удивленно воскликнул Сен-Люк. – А! Я понимаю, из-за его безлюдности, хотите вы сказать.

– Нет. Не совсем по этой причине, ведь в Меридоре, я полагаю, бывают гости.

– Что вы, – сказал Сен-Люк с безукоризненно простодушным видом, – ни души.

– А! В самом деле?

– Как я имел честь сказать вам.

– Не может быть! Разве время от времени к вам не навещается кто-нибудь?

– Нет. Во всяком случае, за то время, что я здесь, никто не появлялся.

– В Анжере сейчас такое блестящее общество. Неужели ни один из придворных не навещил вас ни разу?

– Ни один.

– Это невероятно.

– Тем не менее это так.

– Полноте! Вы клевете на анжуйских дворян.

– Не знаю, клевету ли я, но черт меня побери, если я здесь видел перо хоть одного из них.

– Значит, я ошибаюсь.

– Разумеется, ошибаетесь. Вернемся, однако, к тому, что вы говорили о парке: будто в нем небезопасно. Разве здесь водятся медведи?

– О! Нет!

– Волки?

– Тоже нет.

– Разбойники?

– Возможно. Скажите, милостивый государь, ведь госпожа де Сен-Люк очень хороша собой, как мне кажется?

– Ну разумеется.

– Она часто гуляет в парке?

– Часто. Жена, как и я, обожает природу. Но почему вы меня об этом спрашиваете?

– Просто так. А вы ее сопровождаете, когда она гуляет?

– Всегда, – сказал Сен-Люк.

– Почти всегда? – продолжал граф.

– Но куда вы ведете, черт возьми?

– А! Боже мой! Никуда, любезный господин де Сен-Люк, или почти никуда.

– Я слушаю.

– Дело в том, что мне говорили...

– Что вам говорили?

– Вы не рассердитесь?

– Я никогда не сержусь.

– Ну, и к тому же между двумя мужьями такие признания допустимы. Дело в том, что мне рассказывали, будто видели, как в парке этом бродил какой-то мужчина.

– Мужчина?

– Да.

– Который приходил к моей жене?

– О! Я этого вовсе не говорю.

– И совершенно напрасно не говорите, дорогой господин де Монсоро. Это донельзя интересно. А кто его видел? Скажите, сделайте милость.

– К чему?

– Все равно, скажите. Мы ведь с вами беседуем, верно? И какая вам разница, о чем говорить. Так, значит, говорите вы, этот мужчина приходил к госпоже де Сен-Люк. Ну и ну!

– Послушайте, чтобы уж сказать вам все до конца; пет, я не думаю, что он приходил к госпоже де Сен-Люк.

– К кому же тогда?

– Напротив, я боюсь, не приходил ли он к Диане.

– Ба! – произнес Сен-Люк. – Я бы предпочел это.

– То есть как? Вы бы предпочли это?

– Несомненно. Вы же знаете, нет больших эгоистов, чем мужья. Каждый за себя. Бог за всех.

– Вернее, дьявол, – поправил Монсоро.

– Стало быть, вы думаете, что сюда заходил мужчина?

– Я не просто думаю, я видел его.

– Вы видели в парке мужчину?

– Да, – сказал Монсоро.

– Одного?

– Нет, с госпожой де Монсоро.

– Когда? – спросил Сен-Люк.

– Вчера.

– А где?

– Да вот здесь, левее. Вот тут.

И так как Монсоро с самого начала прогулки повел Сен-Люка в сторону старой лесосеки, он смог теперь показать своему спутнику место вчерашних событий.

– А, – сказал Сен-Люк, – действительно, стена в весьма скверном состоянии. Надо будет сказать барону, что ему разрушают стены.

– А кого вы подозреваете?

– Я! Кого я подозреваю?

– Да, – сказал граф.

– В чем?

– В том, что он перелез через стену в парк, чтобы встретиться с моей женой.

Сен-Люк склонил голову и, казалось, погрузился в глубокие размышления. Граф де Монсоро с беспокойством ждал их результата.

– Ну? – сказал он.

– Проклятие! – произнес Сен-Люк. – Не вижу никого, кроме...

– Кроме..., кроме?... – с живостью спросил граф.

– Кроме..., вас... – сказал Сен-Люк, поднимая голову.

– Вы шутите, любезный господин де Сен-Люк? – сказал ошеломленный граф.

– По чести, нет. Первое время после женитьбы я выкидывал такие штуки, почему бы и вам их не проделывать?

– Полноте, вы просто не хотите мне отвечать. Признайтесь в этом, дорогой друг, не бойтесь ничего..., я человек мужественный. Ну же, помогите мне, поищите, я жду от вас этой огромной услуги.

Сен-Люк почесал себе ухо.

– Как ни думаю, никого, кроме вас, не нахожу, – сказал он.

– Перестаньте смеяться. Отнеситесь к этому серьезно, сударь. Уверяю вас, тут не до шуток.

– Вы полагаете?

– Говорю вам, я в этом уверен.

– Ну тогда другое дело. А как сюда приходит этот мужчина, вам известно?

– Тайком, черт побери!

– Часто?

– Еще бы! Тут в камнях уже ступеньки его ногами выбиты. Поглядите сами.

– Действительно.

– А вы разве никогда ничего такого не замечали?

– О! – произнес Сен-Люк. – У меня были кое-какие подозрения.

– А! Вот видите, – воскликнул, задыхаясь, граф. – Ну и что дальше?

– Дальше? Они меня не обеспокоили; я думал, что это были вы.

– Но я же говорю вам, что не я.

– Я вам верю, милостивый государь!

– Верите?

– Да.

– И значит?

– Значит, это был кто-то другой.

Главный ловчий устремил на Сен-Люка, державшегося с самой непринужденной и пленительной беззаботностью, почти угрожающий взгляд.

– А! – произнес он так яростно, что молодой человек поднял голову.

– У меня еще одна мысль появилась, – сказал Сен-Люк.

– Ну же, ну!

– А что, если это был...

– Если это был?

– Нет.

– Нет?

– Пожалуй, да.

– Говорите же!

– Что, если это был господин герцог Анжуйский?

– Я тоже об этом думал, – ответил Монсоро, – но я навел справки. Это не мог быть он.

– Э! Герцог большой хитрец.

– Да. Но это не он.

– Вы мне все только и говорите: «Не он, не он», – запротестовал Сен-Люк, – и требуете, чтобы я сказал вам, кто же «он».

– А как же иначе? Вы живете в замке, вы должны знать...

– Постойте, – воскликнул Сен-Люк.

– Нашли?

– У меня еще одна мысль появилась. Если это на были ни вы, ни герцог, то, конечно же, это был я.

– Вы, Сен-Люк?

– А почему бы нет?

– Зачем вам было приезжать верхом и перелезть в парк через стену, когда вы могли пройти в него из замка?

– А! Бог мой! У меня бывают свои прихоти! – сказал Сен-Люк.

– Зачем вам было обращаться в бегство, когда я показался на стене?

– Проклятие! И не от такого зрелища убежать можно.

– Значит, вы были заняты дурным делом? – сказал граф, не в силах уже сдерживать свое раздражение.

– Возможно.

– Да вы издеваетесь надо мной! – вскричал, побледнев, граф. – Издеваетесь уже добрые четверть часа.

– Вы ошибаетесь, сударь, – сказал Сен-Люк, вынимая часы и устремив на графа такой пристальный взгляд, что даже Монсоро, несмотря на свою свирепую храбрость, вздрогнул, – не четверть часа, а двадцать минут, – Но вы меня оскорбляете, сударь! – воскликнул граф.

– А как вы полагаете, сударь, меня вы не оскорбляете, приставая ко мне с вашими вопросами, достойными сбира?

– Вот оно что! Теперь я все ясно вижу!

– Подумаешь, чудеса, в десять-то часов утра! И что же вы видите, скажите на милость?

– Что вы в сговоре с тем предателем, с тем трусом, которого я чуть не убил вчера.

– Проклятие! – воскликнул Сен-Люк. – Это мой друг.

– Что ж, если это так, я убью вас вместо него.

– Ба! В вашем собственном доме! Вдруг! Без вызова!

– Не думаете ли вы, что я буду церемониться с каким-то мерзавцем? – воскликнул выведенный из себя граф.

– Ах, господин де Монсоро, – вздохнул Сен-Люк, – как дурно вы, однако, воспитаны! И как скверно сказалось на вашей нравственности частое общение с дикими

зверями! Стыдитесь!

– Вы что, не видите, что я взбешен?! – взревел Монсоро, скрестив руки на груди и наступая на Сен-Люка. Лицо главного ловчего было искажено страшной гримасой отчаяния, которое терзало его сердце.

– Смерть Христова! Разумеется, вижу. И, по правде говоря, ярость вам вовсе не к лицу. На вас просто смотреть страшно, дорогой мой господин де Монсоро.

Граф, не владея собой, положил руку на эфес шпаги.

– А! Обращаю ваше внимание, – сказал Сен-Люк, – это вы затеваете со мною ссору. Призываю вас в свидетели того, что я совершенно спокоен.

– Да, щеголь, – сказал Монсоро, – да, паршивый миньон, я бросаю тебе вызов.

– Тогда потрудитесь перейти по ту сторону этой стены, господин де Монсоро: по ту сторону мы будем не в ваших владениях.

– Мне это все равно! – воскликнул граф.

– А мне нет, – сказал Сен-Люк, – я не хочу убивать вас в вашем доме.

– Отлично! – сказал Монсоро, поспешно взбираясь на стену.

– Осторожней, не торопитесь, граф! Тут один камень плохо держится, должно быть, его часто тревожили. Еще разобьетесь, не приведи бог. Поверьте, я буду просто безутешен.

И Сен-Люк, в свою очередь, стал перелезать через стену.

– Ну! Ну! Поторапливайся, – сказал граф, обнажая шпагу.

«Я приехал сюда, чтобы пожить в свое удовольствие, – сказал себе Сен-Люк. – Ей-богу! Я славно позабавлюсь».

И он спрыгнул на землю по ту сторону стены.

Глава 26.

О ТОМ, КАК ГОСПОДИН ДЕ СЕН-ЛЮК ПОКАЗАЛ ГОСПОДИНУ ДЕ МОНСОРО УДАР, КОТОРОМУ ЕГО НАУЧИЛ КОРОЛЬ

Граф де Монсоро ждал Сен-Люка со шпагой в руках, выстукивая ногой яростный вызов.

– Ты готов? – спросил граф.

– Кстати, – сказал Сен-Люк, – вы выбрали себе совсем недурное место: спиной к солнцу. Пожалуйста, пожалуйста, не стесняйтесь.

Монсоро повернулся на четверть оборота.

– Отлично, – сказал Сен-Люк, – так мне будет хорошо видно, что я делаю.

– Не щади меня, – сказал Монсоро, – я буду драться насмерть.

– Вот как? – сказал Сен-Люк. – Стало быть, вы обязательно хотите меня убить?

– Хочу ли я? О! Да.., я хочу!

– Человек предполагает, а бог располагает, – заметил Сен-Люк, в свою очередь обнажая шпагу.

– Ты говоришь...

– Я говорю... Поглядите повнимательней на эти сот маки и одуванчики.

– Ну?

– Ну так вот, я говорю, что уложу вас прямо на них. И, продолжая смеяться, Сен-Люк встал в позицию. Монсоро неистово бросился на него и с невероятным проворством нанес Сен-Люку два или три удара, которые тот отбил с не меньшей ловкостью.

– Клянусь ботом, господин де Монсоро, – сказал Сен-Люк, продолжая фехтовать с противником, – вы недурно владеете шпагой, и всякий другой, кроме меня или Бюсси, был бы убит на месте вашим последним отводом, Монсоро понял, с каким человеком он имеет дело, и побледнел.

– Вы, должно быть, удивлены, – прибавил Сен-Люк, – что я так сносно управляюсь со шпагой. Дело в том, что король – он, как вам известно, очень меня любит – взял на себя труд давать мне уроки и, среди прочего, научил меня удару, который я вам сейчас покажу. Я

говорю все это затем, чтобы вы имели удовольствие, если вдруг я убью вас этим ударом, зная, что вас убили ударом, преподанным королем. Вам это будет весьма лестно.

– Вы ужасно остроумны, сударь, – сказал выведенный из себя Монсоро, делая выпад правой ногой, чтобы нанести прямой удар, способный проткнуть насквозь стену.

– Проклятие! Стараюсь, как могу, – скромно ответил Сен-Люк, отскакивая в сторону.

Этим движением он вынудил своего противника сделать полувольт и повернуться лицом прямо к солнцу.

– Ага! – сказал Сен-Люк. – Вот вы уже и там, где мне хотелось вас видеть, прежде чем я увижу вас там, куда хочу вас уложить. Недурно я выполнил этот прием, верно? Право же, я доволен, очень доволен! Только что вы имели всего пятьдесят шансов из ста быть убитым, а сейчас у вас их девяносто девять.

И со стремительной силой и ожесточением, которых не знал за ним Монсоро и которых никто не заподозрил бы в этом изнеженном молодом человеке, Сен-Люк нанес главному ловчему, не останавливаясь, один за другим пять ударов. Монсоро, ошеломленный этим ураганом из свиста и молний, отбил их. Шестой удар был ударом прим; он состоял из двойной финты, парады и рипоста. Первую половину этого удара графу помешало увидеть солнце, а вторую он не смог увидеть потому, что шпага Сен-Люка вошла в его грудь по самую рукоятку.

Какое-то мгновение Монсоро еще продолжал стоять, словно подрубленный дуб, ждущий лишь легкого дуновения, чтобы понять, в какую сторону ему падать.

– Вот и все, – сказал Сен-Люк. – Теперь у вас все сто шансов. И вот что, заметьте, сударь: вы упадете как раз на те маки и одуванчики, которые я имел честь вам показать.

Силы оставили графа. Его пальцы разжались, глаза затуманились. Он подогнул колени и рухнул на маки, смешав с их пурпуром багрянец своей крови.

Сен-Люк спокойно вытер шпагу и стоял, наблюдая за сменой оттенков, которая постепенно превращает лицо агонизирующего человека в маску труп.

– А! Вы убили меня, сударь, – сказал Монсоро.

– Я старался убить вас, – ответил Сен-Люк, – но теперь, когда вы лежите тут и вот-вот испустите дух, черт меня побери, если мне не досадно, что я сделал это. Теперь я испытываю к вам глубокое уважение, сударь. Вы ужасно ревнивы, оно верно, но вы храбрый человек.

И, весьма довольный своей надгробной речью, Сен-Люк опустился на колено возле Монсоро и сказал ему:

– Нет ли у вас какого-нибудь последнего желания, сударь? Слово дворянина – оно будет исполнено. Обычно, по себе знаю, когда ты ранен, испытываешь жажду. Может быть, вы хотите пить? Я пойду за водой.

Монсоро не отвечал.

Он повернулся лицом к земле и, хватая зубами траву, бился в луже собственной крови.

– Бедняга! – сказал Сен-Люк, вставая. – О! Дружба, дружба, ты очень требовательное божество.

Монсоро с трудом приоткрыл один глаз, попытался приподнять голову и с леденящим душу стоном вновь уронил ее на землю.

– Ну что ж, он мертв, – произнес Сен-Люк. – Забудем о нем... Легко сказать: забудем... Как ни говори, а я убил человека. Не скажешь, что я даром терял время в Анжу.

И он тут же перелез через стену и парком вернулся в замок.

Первым человеком, которого он увидел там, была Диана. Она беседовала с подругой.

«Как к лицу ей будет траур», – подумал Сен-Люк.

Потом, подойдя к очаровательной группе, составленной двумя молодыми женщинами, он сказал:

– Простите, любезная дама, но мне совершенно необходимо сказать пару слов

госпоже де Сен-Люк.

– Пожалуйста, дорогой гость, пожалуйста, – ответила госпожа де Монсоро. – Я пойду к отцу в библиотеку. Когда ты поговоришь с господином де Сен-Люком, – добавила она, обращаясь к подруге, – приходи, я буду там.

– Да, обязательно, – сказала Жанна.

И Диана с улыбкой удалилась, помахав ей рукой.

Супруги остались одни.

– В чем дело? – спросила Жанна с самым веселым выражением на лице. – У вас мрачный вид, дорогой супруг!

– Еще бы! – ответил Сен-Люк.

– А что произошло?

– Э! Боже мой! Несчастный случай.

– С вами? – испугалась Жанна.

– Не совсем со мной, но с человеком, который находился возле меня.

– С кем же?

– С тем, с кем я прогуливался.

– С господином де Монсоро?

– Увы, да! Бедный, дорогой граф!

– Так что же с ним случилось?

– Я полагаю, что он умер.

– Умер? – воскликнула Жанна с вполне понятным волнением. – Умер!

– Вот именно.

– Да ведь он только что был здесь, говорил, смотрел!..

– Э! В этом как раз и причина его смерти: он слишком много смотрел и в особенности слишком много говорил.

– Сен-Люк, друг мой, – сказала молодая женщина, схватив мужа за руки.

– Что?

– Вы от меня ничего не скрываете?

– Я? Ничего решительно, клянусь вам. Не скрываю даже места, где он умер.

– А где он умер?

– Там, за стеной, на той самой полянке, где наш друг Бюсси имел обыкновение привязывать своего коня.

– Это вы его убили, Сен-Люк?

– Проклятие! А кто же еще? Нас было только двое, я возвращаюсь живой и говорю вам, что он мертв: нетрудно отгадать, кто из нас двоих кого убил.

– Несчастный вы человек!

– Ах, дорогая моя! – сказал Сен-Люк. – Он меня на это вызвал: оскорбил меня, первый обнажил шпагу.

– Это ужасно! Это ужасно! Бедный граф!

– Вот, вот, – сказал Сен-Люк, – я так и знал. Увидите, через неделю его будут называть: «Святой Монсоро».

– Но вам нельзя оставаться здесь! – вскричала Жанна. – Вы не можете больше жить под крышей дома того человека, которого вы убили.

– Это самое я только что и сказал себе в потону поспешил к вам, моя дорогая, просить вас подготовиться к отъезду.

– Но вас-то он, по крайней мере, не ранил?

– Наконец-то! Вот вопрос, который, хотя в задан с некоторым запозданием, все же примиряет меня с вами! Нет, я совершенно невредим.

– Стало быть, мы уезжаем?

– И чем скорее, тем лучше, так как вы понимаете: с минуты на минуту несчастье может открыться.

– Какое несчастье? – вскрикнула госпожа де Сен-Люк, возвращаясь вспять в своих

мыслях, как иной раз возвращаются назад по своим шагам.

– Ах! – вздохнул Сен-Люк.

– Но я подумала, – сказала Жанна, – ведь теперь госпожа де Монсоро – вдова.

– То же самое говорил себе я.

– После того как убили его?

– Нет, до того.

– Что ж, пока я пойду предупредить ее...

– Щадите ее чувства, дорогой друг!

– Бессовестный! Пока я пойду предупредить ее, оседлайте коней: сами оседлайте, как для прогулки.

– Замечательная мысль! Хорошо, если у вас их будет побольше, дорогая моя, потому что, должен вам признаться, у меня уже голова идет кругом.

– Но куда мы поедем?

– В Париж.

– В Париж! А король?

– Король, наверное, уже все забыл. Произошло столько событий с тех пор, как мы с ним виделись, и, кроме того, если будет война, что вероятно, мое место возле него.

– Хорошо. Значит, мы едем в Париж?

– Да. Но сначала мне нужны перо и чернила.

– Кому вы собираетесь писать?

– Бюсси. Вы понимаете, что я не могу покинуть Анжу, не сказав ему, почему я уезжаю.

– Это верно. Все, что нужно для письма, вы найдете в моей комнате.

Сен-Люк тотчас же туда поднялся и рукой, которая, какой бы твердой она у него ни была, все же слегка дрожала, торопливо набросал следующие строки:

«Дорогой друг!

Вы узнаете из уст молвы о несчастье, которое приключилось с господином де Монсоро. Мы с ним поспорили на старой лесосеке о причинах и следствиях разрушения стен и о том, следует ли лошадям самим находить дорогу.

В разгар этого спора господин де Монсоро упал на паки и одуванчики, и столь неловко, что тут же на месте умер.

Ваш друг навеки

Сен-Люк».

«Р. S. Так как все это в первую минуту может показаться вам несколько неправдоподобным, добавлю, что, когда произошло это несчастье, мы оба держали в руках шпаги.

Я немедленно уезжаю в Париж засвидетельствовать мое почтение королю. В Анжу, после того, что случилось, я не чувствую себя в полной безопасности».

Десять минут спустя один из слуг барона уже скакал с этим письмом в Анжер, в то время как господин и госпожа де Сен-Люк, в полном одиночестве, покидали замок через потайные ворота, выходившие на самую кратчайшую дорогу к Парижу. Они оставили Диану в слезах и в особенности в большом затруднении, как рассказать барону грустную историю этой дуэли.

Когда Сен-Люк проезжал мимо, Диана отвела глаза в сторону.

– Вот и оказывай после этого услуги своим друзьям, – сказал тот жене. – Нет, решительно, все люди неблагодарны, только один я способен на признательность.

Глава 27.

ГДЕ МЫ ПРИСУТСТВУЕМ ПРИ ДАЛЕКО НЕ ТОРЖЕСТВЕННОМ

ВЪЕЗДЕ КОРОЛЕВЫ-МАТЕРИ В ДОБРЫЙ ГОРОД АНЖЕР

В тот самый час, когда граф де Монсоро упал, сраженный шпагой Сен-Люка, у ворот Анжера, закрытых, как известно, на все запоры, протрубили разом четыре трубы.

Предупрежденная заранее стража подняла флаг и откликнулась такой же симфонией.

Это подъехала к городу Анжеру Екатерина Медичи, в сопровождении достаточно внушительной свиты.

Тотчас же дали знать Бюсси. Тот встал с постели и отправился к принцу, который немедленно улегся в постель.

Арии, исполненные трубачами королевы, были, разумеется, прекрасными ариями, но не обладали могуществом тех, которые разрушили стены Иерихона – ворота Анжера не отворились.

Екатерина выглянула из кареты, чтобы показаться часовым, надеясь, что ее царственный облик произведет большее впечатление, чем звуки труб.

Анжерские ополченцы, увидев королеву, приветствовали ее, и даже весьма учтиво, но ворота остались закрытыми.

Екатерина послала к воротам одного из своих приближенных. Его там осыпали любезностями.

Но когда он потребовал открыть ворота королеве-матери, настаивая, чтобы ее величество была принята с почестями, ему ответили, что Анжер военная крепость и поэтому ворота его не могут быть открыты без соблюдения некоторых обязательных формальностей.

Весьма уязвленный полученным ответом, посланец вернулся к своей повелительнице, и тогда Екатерина произнесла те слова, во всем их горьком и глубоком значении, которые позже несколько видоизменил, соответственно возросшему могуществу королевской власти, Людовик XIV.

– Я жду! – прошептала она.

И придворные, окружавшие ее карету, содрогнулись.

Наконец Бюсси, который около получаса наставлял герцога и придумывал для него сотни государственных соображений, одно другого неоспоримее, принял решение.

Он приказал покрыть коня нарядной попоной, выбрал пять дворян, наиболее неприятных королеве-матери, и во главе их отправился парадным аллюром навстречу ее королевскому величеству.

Екатерина начала уже чувствовать усталость, но не от ожидания, а от размышлений над тем, как она отомстит людям, которые посмели нанести ей такое оскорбление.

Она вспомнила арабскую сказку о заточенном в медном кувшине злом духе. В первые десять лет своего пленения он обещал озолотить того, кто его освободит, а затем, обозленный ожиданием, поклялся убить неосторожного, который откроет крышку кувшина.

С Екатериной произошло то же самое. Сначала она обещала себе осыпать милостями тех дворян, что поспешат ей навстречу.

Затем она дала зарок обрушить свой гнев на первого, кто явится к ней.

Расфранченный Бюсси подъехал к воротам и стал приглядываться, словно ночной часовой, который не столько смотрит, сколько слушает.

– Кто идет? – крикнул он.

Екатерина ожидала по меньшей мере коленопреклонения. Один из дворян ее свиты посмотрел на королеву, как бы спрашивая распоряжений.

– Подъезьте, – сказала она. – Подъезьте еще раз к воротам. Кричат: «Кто идет?» Надо ответить им, сударь, это формальность...

Придворный подъехал к самым остриям подъемной решетки.

– Ее величество королева-мать прибыла навестить добрый город Анжер, – сказал он.

– Прекрасно, сударь, – отвечал Бюсси. – Соизвольте повернуть налево. Примерно шагах в восьмидесяти отсюда вы увидите потайной вход.

– Потайной вход! – воскликнул придворный. – Маленькая дверца для ее

королевского величества!

Но слушать его было уже некому – Бюсси ускакал. Вместе со своими друзьями, которые посмеивались втихомолку, он направился к тому месту, где, согласно его указаниям, должна была выйти из кареты вдовствующая королева.

– Вы слышали, ваше величество? – спросил придворный. – Потайной вход!

– О да, сударь, я слышала. Войдемте там, раз так полагается.

И молния, сверкнувшая в ее взгляде, заставила побледнеть неловкого, который невольно подчеркнул, что его повелительнице нанесено оскорбление.

Кортеж повернул налево, и маленькая потайная дверь отворилась.

Из нее вышел Бюсси с обнаженной шпагой в руке и почтительно склонился перед Екатериной. Вокруг него мели своими перьями землю шляпы его спутников.

– Добро пожаловать в Анжер, ваше величество, – сказал он.

Рядом с Бюсси стояли барабанщики, но в барабаны они не били, и алебардщики, но они не взяли свое оружие «на караул».

Королева вышла из кареты и, опираясь на руку придворного, направилась к маленькой двери, обронив в ответ всего лишь:

– Благодарю, господин де Бюсси.

Этимися словами она подвела итог размышлениям, для которых ей предоставили время.

Екатерина шла, высоко подняв голову.

Но Бюсси вдруг обогнал ее и преградил ей путь рукой.

– Будьте осторожны, сударыня, дверь очень низкая, ваше величество может ушибиться.

– Так что же мне делать? – сказала королева. – Нагнуться? Я впервые вхожу в город подобным образом.

Слова эти, произнесенные совершенно естественным тоном, для опытных придворных имели такой смысл, глубину и значение, которые заставили призадуматься не одного из присутствовавших, и даже сам Бюсси закусил ус и отвел взгляд.

– Ты слишком далеко зашел, – шепнул ему на ухо Ливаро.

– Ба! Оставь! – ответил Бюсси. – Это еще не все. Карету ее величества с помощью блоков перенесли через стену, и Екатерина снова в ней устроилась, чтобы следовать во дворец. Бюсси и его друзья, на конях, ехали по обе стороны кареты.

– А мой сын? – спросила вдруг Екатерина. – Я не вижу моего сына, герцога Анжуйского!

Она хотела удержать эти слова, но они вырвались у нее в приступе неодолимого гнева. Отсутствие Франсуа в подобный момент было пределом оскорбления.

– Монсеньер болен, государыня, он лежит в постели. Ваше величество может не сомневаться, что, но будь этого, его высочество поспешил бы сам отдать вам почести у ворот своего города.

На этот раз Екатерина была просто величественна в своем лицемерии.

– Болен! Бедное дитя! Болен! – вскричала она. – Ах, господа, поторопимся же... Хорошо ли за ним ухаживают хотя бы?

– Мы делаем все, что в наших силах, – сказал Бюсси, глядя на нее с удивлением и словно пытаюсь разобраться, действительно ли в этой женщине говорит мать.

– Знает ли он, что я здесь? – продолжала Екатерина после паузы, которую она с толком использовала, чтобы произвести смотр всем спутникам Бюсси.

– Разумеется, ваше величество, разумеется. Екатерина поджала губы.

– Должно быть, он очень страдает, – сказала она сочувственно.

– Неимоверно, – ответил Бюсси. – Его высочество подвержен таким внезапным приступам недомогания.

– Значит, это внезапное недомогание, господин де Бюсси?

– Бог мой! Конечно, ваше величество.

Так они прибыли ко дворцу. Вдоль пути движения кареты шпалерами стояли толпы народа.

Бюсси поспешил вперед, взбежал по лестнице и, запыхавшийся, возбужденный, вошел к герцогу.

– Она здесь, – сказал Бюсси. – Берегитесь!

– Рассержена?

– Вне себя.

– Выражает недовольство?

– О нет! Гораздо хуже: улыбается.

– А народ?

– Народ хранит молчание. Он смотрит на эту женщину с немим ужасом: он ее не знает, но угадывает, какая она.

– А она?

– Она посылает воздушные поцелуи и кусает себе кончики пальцев при этом.

– Дьявол!

– Да, монсеньер, как раз то же самое и мне пришло с голову. Это дьявол. Будьте осмотрительны!

– Мы сохраняем состояние войны, не так ли?

– Клянусь богом! Запрашивайте сто, чтобы получить десять; впрочем, у нее вы больше пяти не вырвете.

– Ба! Так, значит, ты меня считаешь совсем бессильным?.. Вы все здесь? Почему Монсоро еще не вернулся? – произнес герцог.

– Он, наверное, в Меридоре... О! Мы прекрасно обойдемся и без него!

– Ее величество королева-мать! – провозгласил лакей с порога двери.

И тотчас же показалась Екатерина, бледная и, по своему обыкновению, вся в черном. Герцог Анжуйский сделал движение, чтобы встать.

Но Екатерина с живостью, которой нельзя было заподозрить в этом изношенном годами теле, бросилась в объятия сына и покрыла его поцелуями.

«Она его задушит, – подумал Бюсси. – Да это настоящие поцелуи, клянусь смертью Христовой!»

Она сделала больше – она заплакала.

– Нам надо остерегаться, – сказал Антрагэ Рибейраку, – каждая слеза будет оплачена бочкой крови.

Покончив с поцелуями и слезами, Екатерина села у изголовья герцога. Бюсси сделал знак, и присутствующие удалились. Сам же он, словно у себя дома, прислонился спиной к колонне кровати и стал спокойно ждать.

– Не могли бы вы позаботиться о моих бедных людях, дорогой господин де Бюсси? – сказала вдруг Екатерина. – Ведь после нашего сына вы хозяин дома я наш самый дорогой друг, не правда ли? Я прошу вас оказать мне эту любезность.

Выбора не было.

«Попался!» – подумал Бюсси.

– Счастлив служить вашему величеству, государыня, – сказал он. – Я удаляюсь. Погоди! – прошептал он. – Это тебе не Лувр, ты не знаешь здесь всех дверей, я еще вернусь.

И молодой человек вышел, не сумев даже подать герцогу знак. Екатерина опасалась, что Бюсси это сделает, и ни на секунду не спускала с него глаз.

Прежде всего она попыталась выяснить, действительно ли ее сын болен или только притворяется больным.

На этом должна была строиться вся ее дальнейшая дипломатия.

Но Франсуа, достойный сын своей матери, великолепно играл свою роль.

Она заплакала – он затрясся в лихорадке.

Введенная в заблуждение Екатерина сочла его больным и даже понадеялась, что болезнь поможет ей подчинить своему влиянию разум, ослабленный страданиями тела.

Она обволокла герцога нежностью, снова расцеловала его, снова заплакала, да так, что он удивился и спросил о причине ее слез.

– Вам грозила такая большая опасность, сын мой, – отвечала она.

– Когда я бежал из Лувра, матушка?

– О! Нет, после того, как вы бежали.

– Что вы имеете в виду?

– Те, кто помогал вам при этом злополучном бегстве...

– Что же они?

– Они ваши злейшие враги...

«Ничего не знает, – подумал принц, – но хотела бы разузнать».

– Король Наваррский! – сказала Екатерина без обиняков. – Вечный бич нашего рода... Узнаю его! «Знает», – сказал себе Франсуа.

– Поверите ли вы мне, если я скажу, что он этим хвастает и считает, что он один остался в выигрыше?

– Все это не так, – возразил герцог, – вас обманывают, матушка.

– Почему?

– Потому, что он не имел никакого касательства к моему побегу, а если бы и имел, то все равно: сейчас я в безопасности, как вы видите. А с королем Наваррским я уже два года не встречался, матушка.

– Я подразумеваю не только эту опасность, сын мой, – сказала Екатерина, чувствуя, что удар не попал в цель.

– Что же еще, матушка? – спросил герцог, то и дело поглядывая на гобеленовые драпировки на стене алькова за спиной Екатерины, время от времени начинавшие колыхаться.

Екатерина наклонилась к сыну и, постаравшись придать своему голосу испуганный тон, произнесла:

– Королевский гнев! Этот страшный гнев, угрожающий вам.

– Со второй опасностью дело обстоит так же, как с первой, государыня: мой брат, король, – в жестоком гневе, охотно верю, но я – в безопасности.

– Вы так полагаете? – сказала Екатерина с выражением, способным внушить страх самому смелому. Драпировки заколыхались.

– Я в этом уверен, – ответил герцог, – и вы сами своим приездом сюда, милая матушка, подтверждаете мою правоту.

– Почему же? – спросила Екатерина, встревоженная его спокойствием.

– Потому что, – продолжал Франсуа, после очередного взгляда на драпировки, – если бы вам поручили передать мне только эти угрозы, вы бы не поехали сюда, да и король в подобном случае не решился бы отдать в мои руки такого заложника, как ваше величество.

Испуганная Екатерина подняла голову.

– Заложник?! Я?! – воскликнула она.

– Самый святой и почитаемый из всех, – ответил с улыбкой герцог и поцеловал руку Екатерины, не преминув бросить ликующий взгляд на драпировки.

Екатерина бессильно уронила руки. Она не могла догадаться, что Бюсси из потайной двери следил за своим господином и с самого начала разговора поддерживал его в трудных случаях взглядом, сообщая ему, при каждом его колебании, мужество и бодрость духа.

– Сын мой, – сказала она наконец, – вы совершенно правы: я прибыла к вам как посланница мира.

– Я вас слушаю, матушка, – сказал Франсуа, – и вам известно, с каким почтением. Мне кажется, мы начинаем понимать друг друга.

Глава 28.

МАЛЫЕ ПРИЧИНЫ И БОЛЬШИЕ СЛЕДСТВИЯ

В этой первой части разговора преимущество оказалось совершенно очевидно не на

стороне Екатерины.

Подобная неудача была для королевы-матери настолько непредвиденной и особенно настолько непривычной, что она задавалась вопросом, действительно ли ее сын так решительно настроен, как это кажется, когда вдруг одно маленькое событие изменило положение вещей.

История знает сражения, которые, будучи на три четверти проигранными, вдруг оказались выигранными из-за перемены ветра и *vice versa*¹¹; два примера тому – Маренго и Ватерлоо.

Одна песчинка способна нарушить ход самой мощной машины.

Бюсси стоял, как мы уже знаем, в потайном коридоре, выходявшем в спальню герцога Анжуйского, и расположился так, что был виден только принцу. Из своего укрытия Бюсси высовывал голову через щель между драпировками в те моменты, которые считал самыми опасными для дела.

А его делом, как вы понимаете, была война любой ценой: необходимо было задержаться в Анжу на все то время, пока в Анжу будет оставаться граф де Монсоро, надо было наблюдать за мужем и навещать жену.

Эта чрезвычайно простая политика тем не менее весьма усложняла политику Франции: большие следствия вытекают из малых причин.

Бюсси с помощью энергичных подмигиваний, яростных гримас, шутовских жестов, свирепого насупливания бровей, наконец, понуждал своего господина к стойкости.

Герцог, боявшийся Бюсси, подчинялся ему и, как мы видели, действительно держался чрезвычайно стойко.

Екатерина потерпела поражение на всех направлениях и мечтала уже только о достойном отступлении, когда небольшое происшествие, почти такое же неожиданное, как упрство герцога Анжуйского, выручило ее.

Внезапно, в самый разгар беседы матери с сыном, в момент наиболее ожесточенного сопротивления герцога Анжуйского, Бюсси почувствовал, что кто-то дергает его за край плаща.

Желая не упустить ни слова из разговора, он не обернулся, а протянул руку назад и обнаружил чьи-то пальцы. Передвигаясь по пальцам, он обнаружил руку, за рукой – плечо, а за плечом – человека.

Тогда, сообразив, что дело стоит того, он обернулся.

Этим человеком был Реми.

Бюсси хотел заговорить, но Реми приложил палец к губам, после чего тихонько увлек своего господина в соседнюю комнату.

– Что случилось, Реми? – спросил граф в сильном нетерпении. – Почему ты меня беспокоишь в такую минуту?

– Письмо, – шепнул Реми.

– Черт бы тебя побрал! Из-за какого-то письма ты отрываешь меня от важнейшего разговора, который я вел с монсеньером герцогом Анжуйским.

Эта вспышка гнева, по всей видимости, отнюдь не обескуражила Реми.

– Есть письма – и письма, – сказал он. «Он прав», – подумал Бюсси.

– Откуда это письмо?

– Из Меридора.

– О! – живо воскликнул Бюсси. – Из Меридора! Благодарю, мой милый Реми, благодарю!

– Значит, вы больше не считаете, что я допустил ошибку?

– Разве ты когда-нибудь можешь ошибиться? Где письмо?

– Оно потому и показалось мне особо важным, что посланец желает передать его вам

¹¹ Наоборот (лат.)

в собственные руки, – И правильно. Он здесь?

– Да.

– Приведи его.

Реми отворил одну из дверей и сделал знак человеку, по виду конюху, войти.

– Вот господин де Бюсси, – сказал он, указывая на графа.

– Давай письмо. Я тот, кого ты искал, – сказал Бюсси.

И вручил посланцу полупистоль.

– О! Я вас хорошо знаю, – ответил конюх, протягивая ему письмо.

– Это она его тебе дала?

– Не она, он.

– Кто он? – с живостью спросил Бюсси, разглядывая почерк.

– Господин де Сен-Люк.

– А!

Бюсси слегка побледнел, потому что при слове «он» решил, что речь идет не о жене, а о муже, а господин де Монсоро имел это свойство – заставлял бледнеть Бюсси всякий раз, как Бюсси о нем вспоминал.

Молодой человек отвернулся, чтобы прочесть письмо и скрыть при чтении то волнение, которое боится выдать каждый, кто получает важное послание, если он не Цезарь Борджа, не Макиавелли, не Екатерина Медичи и не дьявол.

И бедняга Бюсси поступил правильно, потому что, едва он пробежал глазами известное нам письмо, как кровь прихлынула к его мозгу, прилила к глазам, словно разбушевавшееся море. Из бледного он сделался пурпурно-красным, постоял мгновение как оглушенный и, чувствуя, что вот-вот упадет, был вынужден опуститься в кресло возле окна.

– Ступай, – сказал Реми конюху, удивленному действием, которое оказало принесенное им письмо. И подтолкнул его в спину. Конюх поспешно скрылся. Он решил, что принес плохую весть, и испугался, как бы у него не отобрали назад полупистоль.

Реми подошел к графу и потряс его за руку.

– Смерть Христова! – воскликнул он. – Отвечайте мне немедленно, иначе, клянусь святым Эскулапом, я пушу вам кровь из всех четырех конечностей.

Бюсси встал. Он больше не был ни красным, ни оглушенным, он был мрачным.

– Погляди, – сказал он, – что сделал ради меня Сен-Люк.

И протянул Реми письмо. Реми жадно прочел его.

– Что ж, – заметил он, – мне кажется, все прекрасно и господин де Сен-Люк галантный человек. Да здравствуют умные люди, умеющие отправить душу в чистилище! Оттуда ей уже нет возврата!

– Невероятно! – пробормотал Бюсси.

– Конечно, невероятно, но это ничего не меняет. Наши дела теперь обстоят так: через девять месяцев у меня будет пациенткой некая графиня де Бюсси. Смерть Христова! Не беспокойтесь, я принимаю роды, как Амбруаз Паре.

– Да, – сказал Бюсси. – Она будет моей женой.

– Мне кажется, – отвечал Реми, – что для этого не так уж много придется сделать, ибо она уже была больше вашей женой, чем женой своего мужа.

– Монсоро мертв!

– Мертв! – повторил Одуэн. – Это написано пером.

– О! Мне кажется, что я сплю, Реми. Как! Я не увижу больше этого подобия привидения, всегда готового встать между мною и счастьем? Реми, мы заблуждаемся.

– Нет, мы ни чуточки не заблуждаемся. Перечтите письмо, смерть Христова! Упал на маки, видите, да так неловко, что тут же и умер. Я уже замечал, что падать на маки очень опасно, но до сих пор думал, что это опасно только для женщин.

– Но в таком случае, – сказал Бюсси, не слушая шуток Реми и следя лишь за одной мыслью, которая вертелась у него в мозгу, – Диане не следует оставаться в Меридоре. Я этого не хочу. Надо, чтобы она отправилась куда-нибудь в другое место, где она сможет все забыть.

– Я думаю, что для этого вполне подходит Париж, – сказал Одуэн. – В Париже забывают довольно быстро.

– Ты прав. Она снова поселится в своем домике на улице Турнель, и десять месяцев ее вдовьего траура мы проживем в тени, если только счастье может оставаться в тени, и брак будет для нас всего лишь завтрашним днем сегодняшних радостей.

– Это верно, – сказал Реми, – но, чтобы отправиться в Париж...

– Ну?

– Нам кое-что нужно.

– Что же?

– Нам нужен мир в Анжу.

– Верно, – сказал Бюсси, – верно. О! Бог мой! Сколько времени потеряно, и потеряно впустую!

– Это значит, что вы сядете на коня и помчитесь в Меридор.

– Нет, не я, ни в коем случае не я, а ты. Я обязательно должен остаться здесь, и к тому же мое присутствие там в подобную минуту было бы почти непристойным.

– А как я с ней увижусь? Войду в замок?

– Нет. Иди сначала к старой лесосеке, возможно, она будет гулять там: ждать меня. – А если там не увидишь, иди в замок.

– Что ей сказать?

– Что я почти обезумел.

И, пожав руку молодому лекарю, на которого опыт приучил его полагаться, как на самого себя, Бюсси поспешил вернуться на свое место за драпировками у потайного входа в альков принца.

В отсутствие Бюсси Екатерина попыталась отвоевать обратно ту территорию, которую потеряла благодаря его присутствию.

– Сын мой, – сказала она, – я считала, что никогда не бывает так, чтобы мать не сумела договориться со своим ребенком.

– Тем не менее, матушка, вы видите, что иногда это может случиться.

– Никогда, если она действительно хочет договориться.

– Вы желаете сказать, государыня, если они хотят договориться, – поправил герцог и, довольный этими гордыми словами, поискал глазами Бюсси, чтобы получить в награду одобряющий взгляд.

– Но я этого хочу, – воскликнула Екатерина, – вы слышите, Франсуа? Я этого хочу.

Тон ее голоса не соответствовал словам, ибо слова были повелительными, а тон почти умоляющим.

– Вы этого хотите? – переспросил герцог Анжуйский с улыбкой.

– Да, – сказала Екатерина, – я этого хочу и пойду на любые жертвы, чтобы достигнуть своей цели.

– А! – воскликнул Франсуа. – Черт возьми!

– Да, да, мое дорогое дитя, скажите, что вы требуете, чего вы желаете? Говорите! Приказывайте!

– О! Матушка! – произнес Франсуа, почти смущенный столь полной победой, которая лишала его возможности быть суровым победителем.

– Послушайте, сын мой, – сказала Екатерина своим самым нежным голосом, – ведь вы не хотите утопить королевство в крови? Этого не может быть. Вы хороший француз и хороший брат.

– Мой брат оскорбил меня, государыня, и я ему больше ничем не обязан ни как моему брату, ни как моему королю.

– Но я, Франсуа, я! Разве вам не жаль меня?

– Нет, государыня, потому что вы, вы меня покинули! – возразил герцог, думая, что Бюсси все еще на своем месте, как прежде, и может его слышать.

– А! Вы хотите моей смерти? – горестно сказала Екатерина. – Что ж, пусть будет так,

я умру, как и подобает женщине, дети которой убивают друг друга у нее на глазах.

Само собой разумеется, Екатерина не испытывала ни малейшей охоты умереть.

– О! Не говорите так, государыня, вы разрываете мне сердце! – воскликнул Франсуа, сердце которого вовсе не разрывалось.

Екатерина залилась слезами.

Герцог взял ее за руки и попытался успокоить, по-прежнему бросая тревожные взгляды в глубину алькова.

– Но чего вы хотите? – сказала Екатерина. – Скажите, по крайней мере, ваши требования, чтобы мы знали, на чем нам порешить.

– Постойте, матушка, а чего вы сами хотите? – сказал Франсуа. – Говорите, я вас слушаю.

– Я хочу, чтобы вы возвратились с Париж, мое дорогое дитя, я хочу, чтобы вы возвратились ко двору короля, вашего брата, который ждет вас с распростертыми объятиями.

– Э! Смерть Христова, государыня! Я отлично понимаю: не брат мой ждет меня с распростертыми объятиями, а Бастилия – с распахнутыми воротами.

– Пет, возвращайтесь, возвращайтесь, и клянусь честью, клянусь моей материнской любовью, клянусь кровью нашего спасителя Иисуса Христа (Екатерина перекрестилась), король вас примет так, словно это вы король, а он – герцог Анжуйский.

Герцог упорно смотрел на драпировки алькова.

– Соглашайтесь, – продолжала Екатерина, – соглашайтесь, сын мой. Скажите, может быть, вам дать новые уделы, может быть, вы хотите иметь свою гвардию?

– Э! Государыня, ваш сын мне ее уже дал однажды, и даже почетную, ведь он выбрал для этого своих четырех миньонов.

– Не надо, не говорите так. Он даст вам гвардию из людей, которых вы отберете сами. Если вы захотите, у вашей гвардии будет капитан, если вы пожелаете, капитаном станет господин де Бюсси.

Это последнее предложение обеспокоило герцога. Он подумал, что оно может задеть Бюсси, и снова бросил взгляд в глубину алькова, боясь увидеть в полумраке горящие гневом глаза и злобно стиснутые белые зубы.

Но, о чудо! Вопреки ожиданиям, он увидел радостного, улыбающегося Бюсси, который усиленно кивал ему, одобряя предложение королевы-матери.

«Что это означает? – подумал Франсуа. – Неужто Бюсси хотел войны только для того, чтобы стать капитаном моей гвардии?»

– Стало быть, – сказал он уже громко и словно спрашивая самого себя, – я должен согласиться?

«Да, да, да!» – подтвердил Бюсси руками, плечами и головой.

– Значит, надо, – продолжал герцог, – оставить Анжу и вернуться в Париж?

– Да, да, да! – убеждал Бюсси со все возрастающим пылом.

– Конечно, дорогое дитя, – сказала Екатерина, – но разве это так трудно, вернуться в Париж?

«По чести, – сказал себе Франсуа, – я больше ничего не понимаю. Мы условились, что я буду от всего отказываться, а теперь он мне советует мир и лобызания».

– Ну так как, – спросила с беспокойством Екатерина, – что вы ответите?

– Матушка, я подумаю, – медленно произнес герцог, который хотел выяснить с Бюсси это противоречие, – и завтра...

«Он сдается, – решила Екатерина. – Я выиграла битву».

«В самом деле, – сказал себе герцог, – Бюсси, возможно, и прав».

И они расстались, предварительно обменявшись поцелуями.

Глава 29.

О ТОМ, КАК ГРАФ МОНСОРО ОТКРЫЛ, ЗАКРЫЛ И СНОВА ОТКРЫЛ ГЛАЗА, И КАК ЭТО ЯВИЛОСЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВОМ ТОГО, ЧТО ОН ЕЩЕ НЕ

ОКОНЧАТЕЛЬНО МЕРТВ

Какое счастье иметь хорошего друга, и особенно потому, что хорошие друзья встречаются редко.

Так размышлял Реми, скача по полю на одной из лучших лошадей конюшен принца.

Он бы охотно взял Роланда, но граф Монсоро его опередил, и Реми пришлось взять другого коня.

– Я очень люблю господина де Бюсси, – говорил себе Одуэн, – а господин де Бюсси, со своей стороны, меня тоже крепко любит, так, во всяком случае, думаю я. Вот почему я сегодня такой веселый: я счастлив за двоих.

Затем он добавил, вдохнув полной грудью:

– В самом деле, мне кажется, сердце у меня до краев переполнено. – Ну-ка, – продолжал он, экзаменуя себя, – ну-ка, как я стану раскланиваться с госпожой Дианой?

Если вид у нее будет печальный – церемонный, сдержанный, безмолвный поклон, рука приложена к сердцу; если она улыбнется – сверхпочтительный реверанс, несколько пируэтов и полонез, который я исполню соло.

Господину же де Сен-Люку, если он еще в замке, в чем я сильно сомневаюсь: «Виват», и изъявления благодарности по-латыни. Он-то убиваться не станет, будьте уверены...

– Ага! Я приближаюсь.

И действительно, после того, как лошадь свернула налево, потом направо, после того, как пробежала по заросшей цветами тропинке, миновала лесосеку и старый бор, она вступила в чащу, которая вела к стене.

– О! Какие прекрасные маки! – сказал Реми. – Они напоминают мне о нашем главном ловчем. Те, на которые он упал, бедняжка, не могли быть прекраснее этих. Реми подъезжал к стене все ближе и ближе. Внезапно лошадь резко остановилась и, раздув ноздри, уставилась в одну точку. Реми, ехавший крупной рысью и не ожидавший остановки, чуть не перелетел через голову Митридата.

Так звали лошадь, которую он взял вместо Роланда. Частые упражнения в верховой езде сделали Реми бесстрашным наездником; он вонзил шпоры в живот своего скакуна, но Митридат не шелохнулся. Этот конь, несомненно, получил свое имя по причине сходства его упрямого характера с характером понтийского царя.

Удивленный Реми опустил глаза к земле в поисках препятствия, остановившего его коня, но увидел только большую, увенчанную розовой пеной лужу крови, которую постепенно поглощали земля и цветы.

– Ага! – воскликнул он. – Уж не то ли это место, где господин де Сен-Люк проткнул господина де Монсоро?

Реми поднял глаза и огляделся.

В десяти шагах, под грубой каменной стеной, он увидел две неестественно прямые ноги и еще более неестественно прямое тело.

Ноги лежали на земле, тело опиралось о стену.

– Вот те раз! Монсоро! – воскликнул Реми. – *Hie obiit Nemrod*¹². Ну и ну, коли вдова оставляет его здесь, на растерзание воронам и коршунам, это хороший для нас признак, и моя надгробная речь будет состоять из реверанса, пируэтов и полонеза.

И Реми, соскочив с коня, сделал несколько шагов в сторону тела.

– Странно! – сказал он. – Он лежит тут, мертвый, совершенно мертвый, а кровь, однако, там. А! Вот след. Он добрался оттуда сюда, или, вернее, этот славный Сен-Люк, воплощенное милосердие, прислонил его к стене, чтобы избежать прилива крови к голове. Да, так оно и есть, он мертв, клянусь честью! Глаза открыты, лицо неподвижно –

¹² Здесь умер Немврод (лат.).

мертвым-мертвешенек. Вот так: раз, два.

Реми сделал выпад и проткнул пальцем пустое пространство перед собою.

Но тут же он попятился назад, ошеломленный, с разинутым ртом: глаза, которые Реми только что видел открытыми, закрылись, лицо покойника, с самого начала поразившее его своей бледностью, побледнело еще больше.

Реми стал почти таким же бледным, как граф Монсоро, но, будучи медиком, то есть в достаточной степени материалистом, пробормотал, почесывая кончик носа;

«*Credere portentis mediocre*¹³. Раз он закрыл глаза, значит, он не мертв».

И все же, несмотря на материализм Одуэна, положение его было не из приятных, и ноги подгибались в коленях совершенно неприличным образом, поэтому он сел или, вернее говоря, соскользнул на землю к подножию того дерева, у которого перед тем искал опоры, и оказался лицом к лицу с трупом.

– Не могу припомнить, где точно, – сказал он себе, – по где-то я читал, что после смерти наблюдались определенные двигательные, феномены, которые свидетельствуют лишь об оседании материи, то есть о начале разложения. Вот чертов человек! Подумать только, он доставляет нам хлопоты даже после своей смерти, просто наказание. Ей-богу, не только глаза всерьез закрыты, но еще и бледность увеличилась, *chroma chloron*¹⁴, как говорит Гальен; *color albus*¹⁵, как говорит Цицерон, который был очень остроумным оратором. Впрочем, есть способ определить, мертв он или нет: надо воткнуть мою шпагу ему в живот на фут, если он не пошевеливается, значит, определенно скончался.

И Реми приготовился проделать этот милосердный опыт. Он даже взялся уже за шпагу, когда глаза Монсоро снова раскрылись.

Это событие оказало на Реми иное действие, чем первое: он вскочил, словно подброшенный пружиной, и холодный пот выступил у него на лбу.

На этот раз глаза мертвеца так и остались широко раскрытыми.

– Он не мертв, – прошептал Реми, – он не мертв. В хорошенькую же историю мы попали.

Тут в голову молодому человеку, вполне естественно, пришла одна мысль.

– Он жив, – сказал Реми, – это верно, но если я убью его, он станет вполне мертвым.

Реми глядел на Монсоро; граф тоже глядел на него, и такими испуганными глазами, что можно было подумать, будто он читает в душе этого прохожего его намерения.

– Фу! – воскликнул вдруг Реми. – Фу! Что за гнусная мысль! Бог свидетель, если бы он стоял на ногах и размахивал шпагой, я убил бы его с полным удовольствием, но в том виде, в каком он сейчас, – без сил, на три четверти мертвый, – это было бы больше чем преступление, это была бы подлость.

– Помогите, – прошептал Монсоро, – помогите, я умираю.

– Смерть Христова! – сказал себе Реми. – Положение весьма затруднительное. Я – врач, и, следовательно, мой долг облегчить страдания подобного мне существа. Правда, Монсоро этот так уродлив, что я почти вправе сказать: не подобного мне, а принадлежащего к тому же роду. *Genus homo*¹⁶. Что ж, забудем, что меня зовут Одуэн, забудем, что я друг господина де Бюсси, и выполним наш долг врача.

– Помогите, – повторил раненый.

– Я здесь, – сказал Реми.

¹³ Не слишком-то верь в чудеса (лат.).

¹⁴ Зеленый цвет (греч.).

¹⁵ Белый цвет (лат.).

¹⁶ Роду человеческому (лат.).

- Ступайте за священником, за врачом.
- Врач уже нашелся, и, быть может, он избавит вас от священника.
- Одуэн! – воскликнул граф де Монсоро, узнав Реми. – Какими судьбами?

Как видите, граф остался верен себе: даже в предсмертной агонии он подозревал и допрашивал.

Реми понял, что кроется за его вопросом.

Этот лес не был посещаемым местом, сюда не приходили просто так, без дела. Следовательно, вопрос был почти естественным.

– Почему вы здесь? – повторил Монсоро, которому подозрения придали немного сил.

– Черт побери! – ответил Одуэн. – Да потому, что на расстоянии лье отсюда я встретил господина де Сен-Люка.

– А! Моего убийцу, – пробормотал Монсоро, бледнея от боли и от гнева сразу.

– И он велел мне: «Реми, скачите в лес, и в том месте, которое называется Старая лесосека, вы найдете мертвого мужчину».

– Мертвого! – повторил Монсоро.

– Проклятие! Он так думал, – сказал Реми, – не надо на него за это сердиться. Ну я и явился и увидел, что вы потерпели поражение.

– А теперь скажите мне прямо, ведь вы имеете дело с мужчиной, скажите мне, смертельно ли я ранен?

– А! Черт! – воскликнул Реми. – Вы слишком многого от меня хотите. Однако я попытаюсь. Поглядим.

Мы уже говорили, что совесть врача одержала верх над преданностью друга.

Итак, Реми подошел к Монсоро и со всеми подобающими предосторожностями снял с него плащ, камзол и рубашку.

Шпага прошла над правым соском, между шестым и седьмым ребрами.

– Гм, – хмыкнул Реми, – очень болит?

– Не грудь, спина.

– Ага! А скажите, пожалуйста, какая часть спины?

– Под лопаткой.

– Клинок наткнулся на кость, – сказал Реми, – потому и болит.

И он осмотрел место, которое граф указал как средоточие самой сильной боли.

– Нет, – сказал Реми, – нет, я ошибся. Клинок ни на что не наткнулся, он прошел насквозь. Чума побери! Славный удар, господин граф, отлично! Лечить раненных господином де Сен-Люком – одно удовольствие. У вас сквозная рана, милостивый государь.

Монсоро потерял сознание, но у Реми его слабость не вызвала тревоги.

– А! Вот оно. Это хорошо: обморок, пульс слабый. Все как полагается. (Он пощупал руки и ноги – кисти и ступни холодные. Приложил ухо к груди: дыхательные шумы отсутствуют; легонько постучал по ней: звук глухой). Черт, черт, вдовство госпожи Дианы, возможно, придется перенести на более поздний срок.

В это мгновение легкая, красноватая, блестящая пена увлажнила губы раненого.

Реми поспешно достал из кармана сумку с инструментами и вынул ланцет; затем он оторвал полосу от рубахи Монсоро и перетянул ему руку в предплечье.

– Посмотрим, – сказал он. – Если кровь потечет, тогда, даю слово, госпоже Диане не суждено стать вдовой. Но если не потечет!.. Ах! Течет, ей-богу, течет! Прошу прощения, дорогой господин де Бюсси, прошу прощения, по, ничего не поделаешь, врач – прежде всего врач.

И в самом деле, кровь, сначала словно бы поколебавшись одно мгновение, хлынула из вены. Почти в ту же секунду раненый вздохнул и открыл глаза.

– Ах! – пробормотал он. – Я уж думал, что все кончено.

– Еще нет, милостивый государь, еще нет. И, возможно даже...

– Я выберусь?

– О! Бог мой! Несомненно. Но прежде давайте закроем рану. Погодите, не двигайтесь. Видите ли, природа в эту самую минуту лечит вас изнутри, так же как я лечу вас снаружи. Я накладываю вам повязку, а она изготавливает сгусток. Я пускаю вам кровь, она ее останавливает. А! Природа – великий хирург, милостивый государь. Пойдите, я вытру вам губы.

И Реми провел носовым платком по губам графа.

– Сначала, – сказал раненый, – я только и делал, что харкал кровью.

– Что ж, теперь, видите, кровотечение уже остановилось. Все идет хорошо. Тем лучше! То есть тем хуже.

– Как! Тем хуже?

– Тем лучше для вас, разумеется, но тем хуже!.. Я знаю, что хочу сказать. Любезный мой господин де Монсоро, боюсь, что буду иметь честь вылечить вас.

– Как! Вы боитесь?

– Да, я-то себя понимаю.

– Так, значит, вы считаете, что я поправлюсь?!

– Увы!

– Вы странный врач, господин Реми.

– Что вам в том? Раз я вас спасаю!.. А теперь... Реми прекратил кровопускание и поднялся.

– Вы меня бросаете? – спросил граф.

– А! Вы слишком много говорите, милостивый государь. Лишняя болтовня вредна. Ах, да разве в этом дело? Мне скорее следовало бы посоветовать ему кричать.

– Я не понимаю вас.

– К счастью. Ну, вот вы и перевязаны.

– А теперь?

– А теперь я отправляюсь за помощью.

– А я, что мне пока делать?

– Сохраняйте спокойствие, не двигайтесь, дышите очень осторожно, старайтесь не кашлять. Не будем тревожить этот драгоценный сгусток. Какое жилье тут ближе всего?

– Меридорский замок.

– Как туда пройти? – спросил Реми, изображая полное неведение.

– Переберитесь через стену, и вы попадете в парк или же следуйте вдоль стены до ворот.

– Хорошо, я поскачу туда.

– Благодарю вас, добрый человек! – воскликнул Монсоро, – Кабы ты знал, каким добряком я на самом деле оказался, – пробормотал Реми, – ты бы меня еще не так благодарил!

И, вскочив на коня, лекарь галопом помчался в указанном направлении.

Через пять минут он прибыл в замок, все обитатели которого сустились и хлопотали, словно муравьи разрытого муравейника, обыскивая заросли и закутки парка и прилежащий к нему лес в бесплодных попытках обнаружить то место, где лежит тело их господина, ибо Сен-Люк, чтобы выиграть время, дал им неверные указания.

Реми влетел, как метеор, в эту толпу и увлек ее за собой.

Он с таким жаром отдавал распоряжения, что графиня де Монсоро не смогла удержаться от удивленного взгляда.

Тайная, смутная мысль промелькнула в ее уме и на секунду затуманила ангельскую чистоту этой души.

– А я-то думала, что он друг господина де Бюсси, – прошептала она, глядя, как удаляется Реми, увозя с собою носилки, корпию, чистую воду, в общем – все необходимое для лечения.

Сам Эскулап со своими крыльями божества не успел бы сделать больше.

Глава 30.

О ТОМ, КАК ГЕРЦОГ АНЖУЙСКИЙ ОТПРАВИЛСЯ В МЕРИДОРСКИЙ ЗАМОК, ДАБЫ ВЫРАЗИТЬ ГРАФИНЕ ДЕ МОНСОРО СВОИ СОБОЛЕЗНОВАНИЯ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ЕЕ СУПРУГА, И О ТОМ, КАК ЭТОТ ПОСЛЕДНИЙ ВЫШЕЛ ЕМУ НАВСТРЕЧУ

Едва лишь переговоры герцога Анжуйского с его матерью были прерваны, герцог поспешил отправиться на поиски Бюсси, дабы узнать причину столь невероятной перемены в его настроении.

Бюсси, вернувшись в свою хижину, перечитывал в пятый раз письмо Сен-Люка, и в каждой его строчке открывал все более и более радостный для себя смысл.

Что же касается Екатерины, то она, возвратившись к себе, вызвала своих людей и распорядилась готовить все к отъезду, который, по ее предположению, мог быть назначен на завтра или, самое позднее, на послезавтра.

Бюсси встретил принца любезнейшей улыбкой.

– Монсеньер, – воскликнул он, – ваше высочество устаиваете мой дом посещением?!

– Да, смерть Христова! – сказал герцог. – И я пришел требовать объяснений.

– У меня?

– Да, у тебя.

– Я слушаю, монсеньер.

– Как! – вскричал герцог. – Ты советуешь мне встретить во всеоружии предложения моей матери и мужественно выдержать ее натиск. Я так и поступаю, и в самый разгар схватки, когда все ее удары разбились о мою броню, ты вдруг говоришь мне: «Сбросьте вашу кирасу, монсеньер, сбросьте ее».

– Когда я давал вам свои советы, монсеньер, я не знал, с какой целью приехала ее величество королева-мать. Но теперь, убедившись, что она прибыла для вящей славы и счастья вашего высочества...

– Для моей вящей славы и моего счастья? – воскликнул герцог. – Что ты этим хочешь сказать?

– Разумеется, для славы и счастья, – ответил Бюсси. – Судите сами: чего желает ваше высочество? Одержатъ верх над своими врагами, не так ли? Ибо я не думаю, как некоторые, что вы мечтаете стать королем Франции, Герцог искоса поглядел на Бюсси, – Быть может, иные вам так и посоветуют, монсеньер, – сказал тот, – но это ваши злейшие враги, уж поверьте мне, и если они слишком упорствуют, если вы по знаете, как от них избавиться, отправьте их ко мне; я докажу им, что они ошибаются.

Герцог поморщился.

– А кроме того, – продолжал Бюсси, – подсчитайте ваши возможности, монсеньер, проверьте чресла свои, как говорится в Библии: есть у вас сто тысяч солдат, десять миллионов ливров, союзники за границей и, наконец, желаете ли вы пойти против вашего сеньора?

– Мой сеньор не стесняется идти против меня, – заявил герцог.

– А! С этой стороны вы правы. Тогда откройте свои намерения, заставьте возложить на вашу голову корону и присвойте себе титул короля Франции. Я ничего лучшего и не желаю, как видеть ваше возвышение! Ведь, если возвыситесь вы, с вами вместе возвышусь и я.

– Кто тебе сказал, что я хочу быть королем Франции? – с досадой возразил ему герцог. – Ты берешься решать вопросы, которые я никогда никому не предлагал решать, даже самому себе.

– В таком случае все ясно, монсеньер. Нам больше не о чем спорить, раз мы согласны в главном.

– Согласны?

– Так, по крайней мере, мне кажется. Пусть вам дадут роту гвардейцев и пятьсот тысяч ливров. Прежде чем подписать мир, потребуйте еще субсидию для Анжу, на случай войны. Получив субсидию, вы отложите ее про запас, это ни к чему не обязывает. Таким

образом, у нас будут солдаты, деньги, сила, и мы сможем достигнуть..., бог знает чего!

– Но как только я попаду в Париж, как только они вернут меня, как только я снова окажусь у них в руках, они надо мной надсмеются, – сказал герцог.

– Полноте, монсеньер, вы сами в это не верите. Надсмеются над вами? Разве вы не слышали, что предлагает королева-мать?

– Она мне очень много предложила.

– Я понимаю, это вас и беспокоит?

– Да.

– Но среди прочего она предложила вам роту гвардейцев и даже под командованием Бюсси, если вы пожелаете.

– Да, она это предложила.

– Ну так вот, соглашайтесь, говорю вам: назначьте капитаном Бюсси, лейтенантами Антрагэ и Ливаро, а Рибейрака – знаменщиком. Предоставьте нам четверым сформировать эту роту по нашему разумению, и когда вы пойдете с таким эскортом, то увидите, отважится ли кто-нибудь, пусть даже сам король, посмеяться над вами или не поприветствовать вас.

– По чести, – сказал герцог, – я полагаю, ты прав, Бюсси. Я над этим подумаю.

– Подумайте, монсеньер.

– Да, но что ты читал так прилежно, когда я вошел?

– А! Простите, я совсем забыл, – письмо.

– Письмо?

– Которое для вас представляет еще больший интерес, чем для меня. Почему я вам его сразу не показал? Где была моя голова, черт возьми?

– Какая-нибудь большая новость?

– О, бог мой, да, и даже печальная новость: граф Монсоро умер.

– Как вы сказали? – воскликнул герцог и вздрогнул от удивления. Не спускавшему с него глаз Бюсси показалось, что за этим удивлением промелькнула странная радость.

– Умер, монсеньер.

– Умер граф Монсоро?

– Ах, боже мой, да! Разве мы все не смертны?

– Разумеется, но никто не умирает так вдруг, – Когда как. А если вас убивают?

– Так его убили?

– Кажется, да.

– Кто?

– Сен-Люк, с которым он поссорился.

– А! Милый Сен-Люк, – воскликнул герцог.

– Вот как! – сказал Бюсси. – А я и не знал, что вы с ним такие закадычные друзья, с этим милым Сен-Люком.

– Он из друзей моего брата, – сказал герцог, – а с той минуты, как мы с братом заключаем мир, его друзья становятся моими друзьями.

– Что ж, монсеньер, в добрый час, рад вас видеть в подобном расположении духа.

– А ты уверен?.. – Проклятие! Это верней верного. Вот письмо от Сен-Люка, который сообщает мне о его смерти, а так как я, подобно вам, недоверчив, то послал моего хирурга Реми засвидетельствовать факт и принести мои соболезнования старому барону.

– Умер! Монсоро умер! – повторил герцог Анжуйский. – Умер сам по себе!

Эти слова вырвались у него так же, как прежде вырвались слова «милый Сен-Люк». И в тех и в других было пугающее простодушие.

– Он умер не сам по себе, – возразил Бюсси, – ведь его убил Сен-Люк.

– О! Понятно! – сказал герцог.

– Быть может, вы поручали кому-то другому убить его, монсеньер?

– Нет, даю слово, нет, а ты?

– О! Монсеньер, я же не принц, чтобы поручать такого рода дела другим, я вынужден сам этим заниматься.

– Ах, Монсоро, Монсоро, – произнес принц со своей ужасной улыбкой.
– О, монсеньер! Можно подумать, что вы питали неприязнь к бедняге графу.
– Нет, это ты питал к нему неприязнь.
– Что касается меня, то оно и понятно, – сказал Бюсси, невольно покраснев. – Разве не по его вине я был однажды жестоко унижен вашим высочеством?

– Ты все еще об этом вспоминаешь?
– О, бог мой, нет, монсеньер, вы прекрасно это знаете. Но вы? Вам он был слугой, другом, преданным рабом.

– Хорошо, хорошо, – сказал принц, прерывая разговор, который становился для него затруднительным, – прикажите седлать лошадей, Бюсси.

– Седлать лошадей, зачем?

– Затем, чтобы отправиться в Меридор. Я хочу принести мои соболезнования госпоже Диане. К тому же я давно собирался навестить Меридорский замок и сам не понимаю, как до сих пор не сделал этого. Больше откладывать я не буду. Дьявольщина! Не знаю почему, но сегодня я расположен к соболезнованиям.

«По чести, – сказал себе Бюсси, – сейчас, когда Монсоро мертв и когда я не боюсь больше, что он продаст свою жену герцогу, какое может иметь для меня значение, если герцог ее и увидит. Коли он станет ей докучать, я прекрасно смогу ее защитить. Что ж, раз нам предлагают возможность увидеться с Дианой, воспользуемся случаем».

И он вышел распорядиться насчет лошадей. Спустя четверть часа, пока Екатерина спала или притворялась спящей, чтобы прийти в себя после утомительного путешествия, принц, Бюсси и десять дворян, на великолепных конях, направлялись к Меридору в том радостном настроении, которое всегда порождают как у людей, так и у лошадей прекрасная погода, цветущие луга и молодость.

При виде этой блестящей кавалькады привратник Меридорского замка подошел к краю рва и спросил, кто приехал.

– Герцог Анжуйский! – крикнул принц. Привратник тотчас схватил рог и затрубил сигнал, на звуки которого к подъемному мосту сбежалась вся челядь.

Тотчас же поднялась суeta в комнатах, коридорах и на лестницах. Открылись окна башенок, послышался лязг железа по камню плит, и на пороге дома показался старый барон с ключами от замка в руке.

– Просто невероятно, как мало тут печалются о Монсоро, – сказал герцог. – Погляди, Бюсси, какие у всех этих людей обычные лица.

На крыльцо дома вышла женщина.

– А! Вот и прекрасная Диана, – воскликнул герцог. – Ты видишь, Бюсси, видишь?

– Разумеется я вижу ее, монсеньер, – ответил молодой человек, – однако, – добавил он тихо, – я не вижу Реми.

Диана действительно вышла из дома, но тут же вслед за ней появились носилки, на которых с глазами, горящими от жара или ревности, лежал Монсоро, напоминающий скорее индийского султана на паланкине, чем покойника на погребальном ложе.

– О! О! Что же это такое? – воскликнул герцог, обращаясь к своему спутнику, ставшему бледнее платка, с помощью которого он пытался сначала скрыть свое волнение.

– Да здравствует монсеньер герцог Анжуйский! – крикнул Монсоро, с огромным усилием подняв вверх руку.

– Потихе! – произнес голос позади него. – Вы разорвете сгусток крови, То был Реми. Верный до конца своей роли врача, он сделал раненому это благоразумное предупреждение.

При дворе быстро приходят в себя после неприятных сюрпризов, по крайней мере с виду: герцог Анжуйский сделал над собой усилие и изобразил на лице улыбку.

– О! Мой дорогой граф, – воскликнул он, – какая радостная неожиданность! Подумайте только, нам сказали, что вы умерли!

– Пожалуйте сюда, монсеньер, – ответил раненый, – пожалуйста сюда, чтобы я мог поцеловать руку вашего высочества. Благодарение богу, я не только не умер, но надеюсь в

скором времени поправиться, дабы служить вам с еще большим усердием и верностью, чем прежде.

Что до Бюсси, то, не будучи ни принцем, ни мужем, не занимая ни одного из этих общественных положений, при которых притворство является первой необходимостью, он чувствовал, как холодный пот струится по его вискам, и не осмеливался поглядеть на Диану.

Ему было невыносимо видеть это, дважды им утраченное, сокровище в такой близости к его владельцу.

– А вы, господин де Бюсси, – сказал Монсоро, – вы, прибывший с его высочеством, примите мою глубокую благодарность, ведь, по сути, это вам обязан я жизнью.

– То есть как мне? – пролепетал Бюсси, думая, что граф смеется над ним.

– Конечно, не вам непосредственно, но моя благодарность от этого не становится меньше, ибо вот мой спаситель, – ответил Монсоро, показывая на Реми, воздевшего руки к небу с горячим желанием провалиться в недра земли, – это ему обязаны мои друзья тем, что еще располагают мной.

Не обращая внимания на знаки, призывающие к молчанию, которые делал ему молодой доктор, и толкуя их, как заботу медика о его здоровье, граф в восторженных выражениях рассказал о хлопотах и самоотверженности Одуэна, о его мастерстве.

Герцог нахмурил брови. Бюсси посмотрел на Реми с выражением, внушающим страх.

Бедный малый, укрывшийся за Монсоро, только руками развел, словно желая сказать: «Увы! Это совсем не моя вина».

– Впрочем, – продолжал граф, – я узнал, что Реми нашел вас однажды умирающим, как он нашел меня. Это объединяет нас узами дружбы. Рассчитывайте на мою, господин де Бюсси. Когда Монсоро любит, он любит крепко, правда, и ненавидит он, ежели уж возненавидит, тоже всем сердцем.

Бюсси показалось, что молния, сверкнувшая при этих словах в возбужденном взоре графа, была адресована его высочеству герцогу Анжуйскому.

Герцог не заметил ничего.

– Что ж, пойдемте! – сказал он, соскакивая с коня и предлагая руку Диане. – Соблаговолите, прекрасная Диана, принять нас в этом доме, который мы полагали увидеть в трауре, но который, напротив, продолжает быть обителью благоденствия и радости. А вы, Монсоро, отдохайте, раненым подобает отдыхать.

– Монсеньер, – возразил граф, – никто не сможет сказать, что вы пришли к живому Монсоро и, при живом Монсоро, кто-то другой принимал ваше высочество в его доме. Мои люди понесут меня, и я последую за вами повсюду.

На мгновение можно было подумать, что герцог угадал истинную мысль графа, потому что он оставил руку Дианы.

Монсоро перевел дыхание.

– Подойдите к ней, – шепнул Реми на ухо Бюсси. Бюсси приблизился к Диане, и Монсоро улыбнулся им. Бюсси взял руку Дианы, и Монсоро улыбнулся ему еще раз.

– Какие большие перемены, господин де Бюсси, – вполголоса сказала Диана.

– Увы! – прошептал Бюсси. – Как бы они не стали еще большими.

Само собой разумеется, что барон принял герцога и сопровождавших его дворян со всей пышностью старинного гостеприимства.

Глава 31. О НЕУДОБСТВЕ ЧРЕЗМЕРНО ШИРОКИХ НОСИЛОК И ЧРЕЗМЕРНО УЗКИХ ДВЕРЕЙ

Бюсси не отходил от Дианы. Благожелательная улыбка Монсоро предоставляла молодому человеку свободу, однако он остерегался злоупотреблять ею.

С ревнивцами дело обстоит так: защищая свое добро, они не знают жалости, но зато

и браконьеры их не щадят, если уж попадут в их владения, – Сударыня, – сказал Бюсси Диане, – по чести, я несчастнейший из людей. При известии о смерти графа я посоветовал принцу помириться с матерью и вернуться в Париж. Он согласился, а вы, оказывается, остаетесь в Анжу.

– О! Луи, – ответила молодая женщина, сжимая кончиками своих тонких пальцев руку Бюсси, – и вы смеее утверждать, что мы несчастны? Столько чудесных дней, столько неизъяснимых радостей, воспоминание о которых заставляет усиленно биться мое сердце! Неужели вы забыли о них?

– Я ничего не забыл, сударыня, напротив, я слишком многое помню, и вот почему, утратив это счастье, я чувствую себя таким достойным сожаления. Поймите, как я буду страдать, сударыня, если мне придется вернуться в Париж, оказаться за сотню лье от вас! Сердце мое разрывается, Диана, и я становлюсь трусом.

Диана посмотрела на Бюсси; его взор был исполнен такого горя, что молодая женщина опустила голову и задумалась.

Бюсси ждал, устремив на нее заклиняющий взгляд и молитвенно сложив руки.

– Хорошо, – сказала вдруг Диана, – вы поедете в Париж, Луи, и я тоже.

– Как! – воскликнул молодой человек. – Бы оставите господина де Монсоро?

– Я бы его оставила, – ответила Диана, – да он меня не оставит. Нет, поверьте мне, Луи, лучше ему отправиться с нами.

– Но ведь он ранен, нездоров, это невозможно!

– Он поедет, уверяю вас.

И тотчас же, отпустив руку Бюсси, она подошла к принцу. Принц, в очень скверном расположении духа, отвечал что-то графу Монсоро, возле носилок которого стояли Рибейрак, Антрагэ и Ливаро.

При виде Дианы чело графа прояснилось, но это мгновение покоя было весьма мимолетным, оно промелькнуло, как солнечный луч между двумя грозами.

Диана подошла к герцогу, и граф нахмурился.

– Монсеньер, – сказала она с пленительной улыбкой, – говорят, ваше высочество страстно любите цветы. Пойдемте, я покажу вашему высочеству самые прекрасные цветы во всем Анжу.

Франсуа галантно предложил ей руку.

– Куда это вы ведете монсеньера, сударыня? – обеспокоенно спросил Монсоро.

– В оранжерею, сударь.

– А! – произнес Монсоро. – Что ж, пусть так: несите меня в оранжерею.

«Честное слово, – сказал себе Реми, – теперь мне кажется, что я хорошо сделал, не убив его. Благодарение богу! Он прекраснейшим образом сам себя убьет».

Диана улыбнулась Бюсси улыбкой, обещавшей чудеса.

– Пусть только господин де Монсоро, – шепнула она ему, – остается в неведении, что вы уезжаете из Анжу, об остальном я позабочусь.

– Хорошо, – ответил Бюсси.

И он подошел к принцу в то время, как носилки скрылись в чаще деревьев.

– Монсеньер, – сказал он, – смотрите не проговоритесь, Монсоро не должен знать, что мы собираемся мириться.

– Почему же?

– Потому что он может предупредить о наших намерениях королеву-мать, чтобы завоевать ее расположение, и ее величество, зная, что решение уже принято, будет с нами менее щедрой.

– Ты прав, – сказал герцог, – значит, ты его остерегаешься?

– Графа Монсоро? Еще бы, черт побери!

– Что ж, и я тоже. Истинно скажу, мне кажется, он нарочно все выдумал со своей смертью.

– Нет, даю слово, нет! Ему честь по чести проткнули грудь шпагой. Этот болван

Реми, который спас его, поначалу было даже подумал, что он мертв. Да-а, у этого Монсоро душа, должно быть, гвоздями к телу приколочена.

Они подошли к оранжерее.

Диана улыбалась герцогу с особой обворожительностью.

Первым вошел принц, потом – Диана. Монсоро хотел последовать за ними, но, когда носилки поднесли к дверям, оказалось, что внести их внутрь невозможно: стрельчатая дверь, глубокая и высокая, была, однако, не шире самого большого сундука, а носилки графа Монсоро были шириной в шесть футов.

Глянув на чрезмерно узкую дверь и чрезмерно широкие носилки, Монсоро зарычал.

Диана проследовала в оранжерею, не обращая внимания на отчаянные жесты мужа.

Бюсси, прекрасно понявший улыбку молодой женщины, в сердце которой он привык читать по ее глазам, остался возле Монсоро и сказал ему предельно спокойным тоном:

– Вы напрасно упорствуете, господин граф, дверь очень узка, и вам никогда через нее не пройти.

– Монсеньер! Монсеньер! – кричал Монсоро. – Не ходите в эту оранжерею, там смертельные испарения от заморских цветов! Эти цветы распространяют самые ядовитые ароматы, монсеньер!

Но Франсуа не слушал: счастливый тем, что рука Дианы находится в его руке, он, позабыв свою обычную осторожность, все дальше углублялся в зеленые дебри.

Бюсси подбадривал графа Монсоро, советуя терпеливо переносить боль, но, несмотря на его увещания, случилось то, что и должно было случиться: Монсоро не смог вынести страданий; не физических, – на этот счет он был крепче железа, – а душевных.

Он потерял сознание.

Реми снова вступил в свои права. Он приказал отнести раненого в дом.

– А теперь, – обратился лекарь к Бюсси, – что мне делать теперь?

– Э! Клянусь богом! – ответил Бюсси. – Кончай то, что ты так хорошо начал: оставайся возле графа и вылечи его.

Потом он сообщил Диане о несчастье, случившемся с ее мужем.

Диана тотчас же оставила герцога Анжуйского и поспешила к замку.

– Мы добились своего? – спросил ее Бюсси, когда она проходила мимо.

– Я думаю, да, – ответила она, – во всяком случае, не уезжайте, не повидав Гертруды.

Герцог интересовался цветами лишь потому, что глядел на них с Дианой. Как только она удалилась, он вспомнил предостережения графа де Монсоро и покинул оранжерею.

Рибейрак, Ливаро и Антрагэ последовали за ним.

Тем временем Диана вернулась к своему мужу, которому Реми давал вдыхать нюхательные соли.

Вскоре граф открыл глаза.

Первым его движением было вскочить, но Реми предвидел это, и графа заранее привязали к постели.

Он снова зарычал, оглянувшись вокруг и заметив стоявшую у его изголовья Диану.

– А! Это вы, сударыня, – сказал он. – Весьма рад вас видеть, ибо хочу поставить вас в известность, что нынче вечером мы уезжаем в Париж.

Реми поднял крик, но Монсоро не обратил на Реми никакого внимания, словно его здесь и не было.

– Вы хотите ехать, сударь? – спросила Диана со своим обычным спокойствием. – А как же ваша рана?

– Сударыня, – сказал граф, – нет такой раны, которая бы меня удержала. Я предпочитаю умереть, нежели страдать, и даже если мне суждено умереть в дороге, все равно, нынче вечером мы уедем.

– Что ж, сударь, – сказала Диана, – как вам будет угодно.

– Мне угодно так. Готовьтесь к отъезду, будьте добры.

– Собраться мне недолго, сударь, но нельзя ли узнать, чем вызвано столь внезапное

решение?

– Я вам отвечу, сударыня, тогда, когда у вас больше не будет цветов, чтобы показывать их принцу, либо тогда, когда мне прорубят везде достаточно широкие двери, чтобы мои носилки могли проходить повсюду.

Диана поклонилась.

– Но, сударыня... – начал Реми.

– Графу так угодно, – ответила Диана, – мой долг – повиноваться.

И Реми понял по незаметному знаку молодой женщины, что ему не надо соваться со своими замечаниями, Он замолчал, пробормотав себе под нос:

– Они мне убьют его, а потом люди скажут, что во всем виновата медицина.

Между тем герцог Анжуйский готовился покинуть Меридор.

Он изъявил барону свою глубокую благодарность за прием и вскочил на коня.

В этот момент показалась Гертруда. Она громко сообщила герцогу, что ее госпожа, занятая возле графа, не будет иметь чести засвидетельствовать ему свое почтение, и тихонько шепнула Бюсси, что Диана вечером уезжает, Герцог и его свита отбыли.

Надо сказать, что герцог не отличался сильной волей, он был подвластен минутным прихотям.

Диана, суровая, недоступная, ранила его чувства в отталкивала его от Анжу. Диана, улыбающаяся, была приманкой, удерживала его в этом краю.

Не зная о решении, принятом главным ловчим, герцог всю дорогу размышлял о том, как опасно будет слишком быстро пойти на уступки королеве-матери.

Бюсси это предвидел и очень рассчитывал на желание принца задержаться в Анжу.

– Послушай, Бюсси, – сказал ему герцог, – я вот о чем думаю...

– Да, монсеньер, о чем же? – спросил молодой человек.

– О том, что не следует мне сразу же соглашаться с доводами моей матери.

– Ваша правда. Она и так уже считает себя великим политиком.

– Если, понимаешь, если мы попросим ее подождать педелю или, вернее, протянем эту неделю, устроив несколько празднеств, на которые пригласим дворянство, мы покажем нашей матушке, как мы сильны.

– Великолепная мысль, монсеньер. Однако, мне кажется...

– Я останусь здесь на неделю, – сказал герцог, – и благодаря этой отсрочке вырву у матери новые уступки, помани мое слово.

Бюсси, казалось, погрузился в глубокие размышления.

– Ив самом деле, монсеньер, вырывайте, вырывайте, но смотрите, как бы от этой отсрочки ваши дела, вместо того чтобы выиграть, не пострадали. Король, например...

– Что король?

– Король, не зная ваших намерений, может рассердиться, он очень вспыльчив, король.

– Ты прав, надо послать кого-нибудь к брату, чтобы приветствовать его от моего имени и сообщить, что я возвращаюсь; так я получу ту неделю, в которой нуждаюсь – Да, но этот кто-нибудь очень рискует, – сказал Бюсси.

Герцог Анжуйский улыбнулся своей кривой улыбкой.

– В том случае, если я переменю свои намерения, не так ли?

– Э! Несмотря на обещание, сделанное вашему брату, вы их перемените, коли ваши интересы того потребуют, не так ли?

– Еще бы, черт побери!

– Очень хорошо. И тогда вашего посланника отправят в Бастилию.

– Мы не скажем ему, зачем он едет, просто дадим ему письмо.

– Напротив, – возразил Бюсси, – не давайте ему письма и скажите.

– Но тогда никто не захочет взять на себя это поручение.

– Полноте!

– Ты знаешь человека, который за это возьмется?

– Да, знаю одного.
– Кто он?
– Это я, монсеньер.
– Ты?
– Да, я. Мне нравятся трудные поручения.
– Бюсси, милый Бюсси, – вскричал герцог, – если ты это сделаешь, можешь рассчитывать на мою вечную признательность.

Бюсси улыбнулся, он знал пределы той признательности, о которой говорил его высочество.

Герцог решил, что Бюсси колеблется.

– И я дам тебе десять тысяч экю на твоё путешествие, – прибавил он.
– Да что вы, монсеньер, – сказал Бюсси, – помилосердствуйте, разве за такое платят?
– Значит, ты едешь?
– Еду.
– В Париж?
– В Париж.
– А когда?
– Когда вам будет угодно, черт побери!
– Чем раньше, тем лучше.
– Разумеется. Ну и?
– Ну...
– Сегодня вечером, если желаете, монсеньер.
– Храбрый Бюсси, милый Бюсси, так ты действительно согласен?
– Согласен ли я? – переспросил Бюсси. – Но вы прекрасно знаете, монсеньер: чтобы сослужить службу вашему высочеству, я пошел бы и в огонь. Значит, договорились. Я уезжаю сегодня вечером. А вы тут веселитесь и заполучите для меня у королевы-матери какое-нибудь миленькое аббатство.

– Я уже об этом думал, друг мой, – Тогда прощайте, монсеньер!

– Прощай, Бюсси! Да! Не забудь сделать одну вещь.

– Какую?

– Попрощаться с моей матерью.

– Я буду иметь эту честь.

И действительно, Бюсси, еще более беспечный, веселый и живой, чем школьник, которому колокольчик возвестил о наступлении перемены, нанес визит Екатерине и приготовился выехать тотчас же, как придет сигнал об отъезде из Меридора.

Сигнала пришлось ждать до следующего утра. Монсоро очень ослабел после пережитых волнений и сам пришел к заключению, что ему необходимо этой ночью отдохнуть.

Но около семи часов тот же конюх, который приносил письмо от Сен-Люка, сообщил Бюсси, что, несмотря на слезы старого барона и возражения Реми, граф отбыл в Париж на носилках. Носилки верхами сопровождали Диана, Реми и Гертруда.

Несли носилки восемь крестьян, которые должны были сменяться через каждое пройденное лье.

Бюсси ждал только этого сообщения. Он вскочил на коня, оседланного еще накануне вечером, и поскакал в том же направлении.

Глава 32.

О ТОМ, В КАКОМ РАСПОЛОЖЕНИИ ДУХА НАХОДИЛСЯ КОРОЛЬ ГЕНРИХ III, КОГДА ГОСПОДИН ДЕ СЕН-ЛЮК ПОЯВИЛСЯ ПРИ ДВОРЕ

После отъезда Екатерины король, как бы он ни полагался на посла, отправленного им в Анжу, король, повторяем мы, думал лишь о том, чтобы подготовиться к возможной войне с братом.

Он по опыту знал о злом гении династии Валуа. Ему было известно, на что способен претендент на корону – новый человек, выступающий против ее законного обладателя, то есть против человека скучающего и пресыщенного.

Он забавлялся или, скорее, скучал, как Тиберий, составляя вместе с Шико проскрипционные списки, куда вносились в алфавитном порядке все те, кто не выказывал горячего желания встать на сторону короля.

С каждым днем эти списки становились все длиннее и длиннее.

И каждый день король вписывал в них имя господина де Сен-Люка, на «С» и на «Л», то есть два раза вместо одного.

Оно и понятно, гнев короля против бывшего фаворита все время подогревался придворными сплетнями, коварными намеками его приближенных и их суровыми обличительными речами по адресу супруга Жанны де Косее, бегство которого в Анжу следовало расценивать уже как измену с той минуты, когда в эту провинцию сбежал и герцог.

В самом деле, ведь не исключается, что Сен-Люк отправился в Анжу как квартирьер герцога Анжуйского, чтобы подготовить ему апартаменты в Анжере.

Посреди всей этой сумятицы, толчеи и треволнений Шико, подстрекавший миньонов натачивать их кинжалы и рапиры, чтобы резать и колоть врагов его наихристианнейшего величества, Шико, повторяем мы, являл собою великолепное зрелище.

И тем более великолепное, что, изображая из себя муху, которая хлопочет возле волокущейся в гору кареты, он в действительности играл значительно более важную роль.

Шико мало-помалу, так сказать, по одному человечку, собирал войско на службу своему господину.

И вот однажды вечером, когда король ужинал с королевой – в политически опасные моменты он всегда ощущал особую тягу к ее обществу, и бегство Франсуа, естественно, сблизило Генриха с супругой, – вошел Шико, растопырив руки и ноги, словно паяц, которого дернули за ниточку.

– Уф! – произнес он.

– В чем дело? – спросил король.

– Господин де Сен-Люк, – сказал Шико.

– Господин де Сен-Люк? – воскликнул его величество.

– Да.

– В Париже?

– Да.

– В Лувре?.

– Да.

После этого тройного подтверждения король поднялся из-за стола весь красный и дрожащий. Трудно было разобраться, какие чувства его волнуют.

– Прошу прощения, – обратился он к королеве и, утерев усы, швырнул салфетку на кресло, – но это дела государственные, женщин они не касаются.

– Да, – сказал Шико басом, – это дела государственные.

Королева хотела встать из-за стола, чтобы уйти и не мешать королю.

– Нет, сударыня, – остановил ее Генрих, – не вставайте, пожалуйста, я пройду к себе в кабинет.

– О государь, – сказала королева с той нежной заботой, которую она всегда проявляла к своему неблагодарному супругу, – только не гневайтесь, прошу вас.

– На то божья воля, – ответил Генрих, не замечая лукавого вида, с которым Шико крутил свой ус.

Генрих поспешно направился из комнаты, Шико последовал за ним.

Как только они вышли, Генрих взволнованно спросил:

– Зачем он сюда пожаловал, этот изменник?

– Кто знает! – ответил Шико.

– Я уверен, он явился как представитель штатов Анжу. Он явился как посол моего

брата. Обычный путь мятежников: эти бунтовщики ловят в беспокойной, мутной воде всякие блага – подло, но зато выгодно. Поначалу временные и непрочные, эти блага постепенно закрепляются за ними основательно и навеки. Сен-Люк учуял мятеж и использовал его как охранную грамоту, чтобы явиться сюда оскорблять меня.

– Кто знает? – сказал Шико.

Король взглянул на этого лаконичного господина.

– Не исключено также, – сказал Генрих, продолжая идти по галереям неровным шагом, выдававшим его волнение, – не исключено также, что он явился требовать у меня восстановления прав на свои земли, с которых я все это время удерживал доходы. Может быть, это и не совсем законно с моей стороны, ведь он в конце концов не совершил никакого подсудного преступления, а?

– Кто знает? – повторил Шико.

– Ах, – воскликнул Генрих, – что ты все твердишь одно и то же, словно мой попугай, чтоб мне сдохнуть. Ты мне уже надоел с твоим бесконечным «кто знает?».

– Э! Смерть Христова! А ты думаешь, ты очень забавен со своими бесконечными вопросами?

– На вопросы надо хоть что-нибудь отвечать.

– А что ты хочешь, чтобы я тебе отвечал? Не принимаешь ли ты меня случайно за Рок древних греков? За Юпитера, Аполлона или за Манто? Смерть Христова, это ты меня выводишь из терпения своими глупыми предположениями.

– Господин Шико...

– Что, господин Генрих?

– Шико, друг мой, ты видишь, что я страдаю, и грубишь мне.

– Не страдайте, смерть Христова!

– Но ведь все изменяют мне.

– Кто знает, клянусь святым чревом, кто знает?

Генрих, теряясь в догадках, спустился в свой кабинет, где, при потрясающем известии о возвращении Сен-Люка, собрались уже все придворные, среди которых или, вернее, во главе которых блистал Крийон с горящим взором, красным носом и усами торчком, похожий на свирепого дога, рвущегося в драку.

Сен-Люк был там. Он видел повсюду угрожающие лица, слышал, как бурлит вокруг него возмущение, но не проявлял по этому поводу никакого беспокойства.

И странное дело! Он привел с собой жену и усадил ее на табурет возле барьера королевского ложа.

Уперев кулак в бедро, он прохаживался по комбате, отвечая любопытным и наглецам такими же взглядами, какими они смотрели на него.

Некоторые из придворных сгорали от желания толк-путь Сен-Люка локтем и сказать ему какую-нибудь дерзость, но из уважения к молодой женщине они держались в стороне и молчали. Посреди этой пустоты и безмолвия и шагал бывший фаворит.

Жанна, скромно закутанная в дорожный плащ, ждала.

Сен-Люк, гордо задрапировавшись в свой плащ, тоже ждал, и по его поведению чувствовалось, что он скорее напрашивается на вызов, чем боится его.

И, наконец, придворные ждали, в свой черед. Прежде чем бросить ему вызов, они хотели выяснить, зачем явился Сен-Люк сюда, ко двору. Каждый из них желал урвать себе частицу тех милостей, которыми раньше был осыпан этот бывший фаворит, и потому находил его присутствие здесь совершенно излишним. Одним словом, как вы видите, ожидание со всех сторон было весьма напряженным, когда появился король.

Генрих был возбужден и старался еще больше распалить себя: этот запыхавшийся вид в большинстве случаев и составляет то, что принято называть достоинством у особ королевской крови.

За Генрихом вошел Шико, храня на лице выражение спокойного величия, которое следовало бы иметь королю Франции, и прежде всего посмотрел, как держится Сен-Люк, с

чего следовало бы начать Генриху III.

– А, сударь, вы здесь? – с ходу воскликнул король, не обращая внимания на присутствующих и напоминая этим быка испанских арен: вместо тысячной толпы он видит только колышущийся туман, а в радуге флагов различает лишь один красный цвет.

– Да, государь, – учтиво поклонившись, просто и скромно ответил Сен-Люк.

Этот ответ не тронул короля, это поведение, исполненное спокойствия и почтительности, не пробудило в его ослепленной душе чувства благоразумия и снисходительности, которые должно вызывать сочетание собственного достоинства и уважения к другим. Король продолжал, на остановившись:

– Говоря по правде, ваше появление в Лувре весьма удивляет меня.

При этом грубом выпаде вокруг короля и его фаворита воцарилась мертвая тишина.

Такая тишина наступает на месте поединка, когда встречаются два противника, чтобы решить спор, который может быть решен только кровью.

Сен-Люк первый нарушил ее.

– Государь, – сказал он с присущим ему изяществом и не выказывая ни малейшего волнения по поводу выходки короля, – что до меня, то я удивляюсь лишь одному: как могли вы при тех обстоятельствах, в которых находится ваше величество, не ожидать меня.

– Что вы этим хотите сказать, сударь? – спросил Генрих с подлинно королевской гордостью и вскинул голову, придав себе тот необычайно достойный вид, который он принимал в особо торжественных случаях.

– Государь, – ответил Сен-Люк, – вашему величеству грозит опасность.

– Опасность! – вскричали придворные.

– Да, господа; опасность, большая, настоящая, серьезная, такая опасность, когда король нуждается во всех преданных ему людях, от самых больших до самых маленьких. Убежденный в том, что при опасности, подобной той, о которой я предупреждаю, ничья помощь не может быть лишней, я пришел, чтобы сложить к ногам моего короля предложение своих скромных услуг.

– Ага! – произнес Шико. – Видишь, сын мой, я был прав, когда говорил: «Кто знает?»

Сначала Генрих III ничего не ответил: он смотрел на собравшихся. У всех был взволнованный и оскорбленный вид. Но вскоре король различил во взглядах придворных зависть, бушевавшую в сердцах большинства из них.

Отсюда он заключил, что Сен-Люк совершил нечто такое, на что большинство собравшихся было неспособно, то есть что-то хорошее.

Однако Генриху не хотелось сдаваться так сразу.

– Сударь, – сказал он, – вы только исполнили свой долг, ибо вы обязаны служить нам.

– Все подданные короля обязаны служить королю, я это знаю, государь, – ответил Сен-Люк, – но в наши времена многие забывают платить свои долги. Я, государь, пришел, чтобы заплатить свой, и счастлив, что ваше величество соблаговолили по-прежнему считать меня в числе своих должников.

Генрих, обезоруженный этой неизменной кротостью а покорностью, сделал шаг к Сен-Люку.

– Итак, – сказал он, – вы возвращаетесь только по тем причинам, о которых сказали, вы возвращаетесь без поручения, без охранной грамоты?

– Государь, – живо сказал Сен-Люк, признательный за тон, которым король обратился к нему, ибо в голосе его господина не было больше ни упрека, ни гнева, – я вернулся просто, чтобы вернуться, и мчался во весь опор. А теперь ваше величество можете бросить меня через час в Бастилию, через два часа казнить, но свой долг я выполнил. Государь, Анжу пылает, Турень вот-вот восстанет, Гиень поднимается, чтобы протянуть ей руку. Монсеньер герцог Анжуйский побуждает Запад и Юг Франции к мятежу.

– И ему хорошо помогают, не так ли? – воскликнул король.

– Государь, – сказал Сен-Люк, поняв, куда клонит король, – ни советы, ни увещания не останавливают герцога, и господин де Бюсси, несмотря на всю свою настойчивость, не может излечить вашего брата от того страха, который ваше величество ему внушает.

– А, – сказал Генрих, – так он трепещет, мятежник! И улыбнулся в усы.

– Разрази господь! – воскликнул Шико, поглаживая подбородок. – Вот ловкий человек! И, толкнув короля локтем, сказал:

– Посторонись-ка, Генрих, я хочу пожать руку господина де Сен-Люка.

Пример. Шико увлек короля. После того как шут поздоровался с приехавшим, Генрих неторопливым шагом подошел к своему бывшему другу и положил ему руку на плечо.

– Добро пожаловать, Сен-Люк, – сказал он.

– Ах, государь, – воскликнул Сен-Люк, целуя королю руку, – наконец-то я снова нахожу своего любимого господина!

– Да, но я тебя не нахожу, – сказал король, – или, во всяком случае, нахожу таким исхудавшим, мой бедный Сен-Люк, что не узнал бы тебя, пройди ты мимо.

При этих словах раздался женский голос.

– Государь, – произнес он, – не понравится вашему величеству – это такое несчастье.

Хотя голос был нежным и почтительным, Генрих вздрогнул. Этот голос был ему так же неприятен, как Августу звук грома.

– Госпожа де Сен-Люк! – прошептал он. – А! Правда, я и забыл...

Жанна бросилась на колени.

– Встаньте, сударыня, – сказал король, – я люблю все, что носит имя Сен-Люка.

Жанна схватила руку короля и поднесла к губам. Генрих с живостью отнял ее.

– Смелей, – сказал Шико молодой женщине, – смелей, обратите короля в свою веру, вы для этого достаточно хороши собой, клянусь святым чревом!

Но Генрих повернулся к Жанне спиной, обнял Сен-Люка за плечи и пошел с ним в свои покои.

– Ну что, – спросил он, – мир заключен, Сен-Люк?

– Скажите лучше, государь, – ответил придворный, – что помилование даровано.

– Сударыня, – сказал Шико застывшей в нерешительности Жанне, – хорошая жена не должна покидать мужа..., особенно когда ее муж в опасности.

И он подтолкнул Жанну вслед королю и Сен-Люку.

Глава 33.

ГДЕ РЕЧЬ ИДЕТ О ДВУХ ВАЖНЫХ ГЕРОЯХ ЭТОЙ ИСТОРИИ, КОТОРЫХ ЧИТАТЕЛЬ С НЕКОТОРЫХ ПОР ПОТЕРЯЛ ИЗ ВИДУ

В нашей истории есть один герой, вернее даже два героя, о чьих деяниях и подвигах читатель вправе потребовать у нас отчета.

Со смирением автора старинного предисловия мы спешим предупредить эти вопросы, вся важность которых нам совершенно очевидна.

Речь идет прежде всего о дюжеме монахе с лохматыми бровями, толстыми, красными губами, большими руками, широкими плечами и шеей, становящейся все короче по мере того, как увеличиваются в размерах его грудь и щеки.

Речь идет затем об очень крупном осле с приятно округлыми и раздувшимися боками.

Монах с каждым днем все больше напоминает бочонок, подпертый двумя бревнами.

Осел смахивает уже на детскую колыбельку, поставленную на четыре веретена.

Первый живет в одной из келий монастыря святой Женеьевы, где всевышний осыпает его своими милостями.

Второй обитает в конюшнях того же монастыря, где перед ним стоит всегда полная кормушка. Первый отзывается на имя Горанфло. Второй должен бы отзываться на имя

Панург. Оба наслаждаются, во всяком случае в настоящую минуту, самым большим благодеянием, о котором только может мечтать любой осел и любой монах.

Монахи монастыря святой Женеьевы окружают своего знаменитого собрата заботами, и, подобно тому как третьестепенные божества ухаживали за орлом Юпитера, павлином Юноны и голубками Венеры, святые братья раскармливают Панурга в честь его господина.

В кухне аббатства не угасает очаг, вино из самых прославленных виноградников Бургундии льется в самые большие бокалы.

Возвращается ли миссионер из дальних краев, где он распространял веру Христову, прибывает ли тайный легат папы с индульгенциями от его святейшества, им обязательно показывают Горанфло – этот двуединый образ церкви проповедующей и церкви воинствующей, этого монаха, который владеет словом, как святой Лука, и шпагой, как святой Павел. Им показывают Горанфло во всем его блеске, то есть во время пиршества: в столешнице одного из столов сделали выемку для его священного чрева, и все преисполняются благородной гордости, показывая святому путешественнику, как Горанфло один заглатывает порцию, которой хватило бы восьми самым ненасытным едокам монастыря.

И когда вновь прибывший вдоволь насладится благоговейным созерцанием этого чуда, приор складывает молитвенно руки, воздевает глаза к небу и говорит:

– Какая замечательная натура! Брат Горанфло не только любит хороший стол, но он еще и весьма одаренный человек. Вы видите, как он вкушает пищу?! Ах, если бы вы слышали проповедь, которую он произнес однажды ночью, проповедь, в которой он предложил себя в жертву ради торжества святой веры! Эти уста глаголят, как уста святого Иоанна Златоуста, и поглощают, как уста Гаргантюа.

Тем не менее иной раз, посреди всего этого великолепия, на чело Горанфло набегают облачко: куры и индейки из Мана тщетно благоухают перед его широкими ноздрями, маленькие фландрские устрицы, тысячу которых он заглатывает играючи, томятся в своих перламутровых раковинах, бутылки самых разнообразных форм остаются полными, несмотря на то что пробки из них уже вынуты. Горанфло мрачен, Горанфло не хочет есть, Горанфло мечтает.

Тогда по трапезной проносится шепот, что достойный монах впал в экстаз, как святой Франциск, или лишился чувств, как святая Тереза, и общее восхищение удваивается.

Это уже не монах, это – святой, это уже даже не святой, это – полубог. Иные доходят до утверждения, что это сам бог во плоти.

– Тс-с! – шепчут вокруг. – Не будем нарушать видений брата Горанфло.

И все почтительно расходятся.

Один приор остается ждать той минуты, когда брат Горанфло подаст какие-либо признаки жизни. Тогда он приближается к монаху, ласково берет его за руку и уважительно заговаривает с ним. Горанфло поднимает голову а смотрит на приора бессмысленным взглядом.

Он возвратился из иного мира.

– Чем вы были заняты, достойный брат мой? – спрашивает приор.

– Я? – говорит Горанфло.

– Да, вы. Вы были чем-то заняты.

– Да, отец мой, я сочинял проповедь, – Вроде той, с которой вы так отважно выступили в ночь святой Лиги?

Каждый раз, когда ему говорят об этой проповеди, Горанфло оплакивает свою немощь.

– Да, – отвечает он, вздыхая, – в том же роде. Ах, какое несчастье, что я не записал ее.

– Разве человек, подобный вам, дорогой брат мой, нуждается в том, чтобы записывать? Нет, он глаголет по вдохновению свыше. Он разверзает уста, и, поелику слово божие заключено в нем, уста его изрекают слово божие.

– Вы так думаете? – спрашивает Горанфло.

– Блажен тот, кто сомневается, – отвечает приор. Время от времени Горанфло, понимающий, что положение обязывает, и к тому же понуждаемый примером своих предшественников, и в самом деле начинает обдумывать проповедь.

Что там Марк Тулий Цезарь, святой Григорий, святой Августин, святой Иероним и Тертуллиан! С Горанфло начнется возрождение духовного красноречия. *Reguin novus ordo nascitur*¹⁷.

И также время от времени, по окончании своей трапезы или посредине своего экстаза, Горанфло встает и, словно подталкиваемый невидимой рукой, идет прямо в конюшни. Придя туда, он с любовью взирает на ревушего от удовольствия Панурга, затем проводит своей тяжелой пятерней по густой шерсти, в которой его толстые пальцы скрываются целиком. Теперь это уже больше чем удовольствие, это – счастье: Панург уже не ограничивается ревом, он катается по земле.

Приор и три-четыре высших монастырских чина обычно сопровождают Горанфло в его прогулках и пристают к Панургу с разной ерундой: один предлагает ему пирожные, другой – бисквиты, третий – макароны, как в былые времена те, кто хотел завоевать расположение Плутона, предлагали медовые пряники Церберу.

Панург предоставляет им свободу действий – у него покладистый характер. Он, у которого не бывает экстазов, кому не надо придумывать проповеди, не надо заботиться о сохранении за собой иной репутации, чем репутация упрямца, лентяя и сластолюбца, считает, что ему больше нечего желать и что он самый счастливый из всех ослов.

Приор глядит на него с нежностью.

– Прост и кроток, – говорит он, – сии добродетели свойственны сильным.

Горанфло усвоил, что по-латыни «да» будет «ita». Это его очень выручает: на все, что ему говорят, он отвечает «ita» с тем самодовольным видом, который неизменно производит впечатление.

Поощренный постоянным согласием Горанфло, приор иногда говорит ему:

– Вы слишком много трудитесь, брат мой, это порождает печаль в вашем сердце.

И Горанфло отвечает достопочтенному Жозефу Фулону так же, как иной раз Шико отвечает его величеству Генриху III:

– Кто знает?

– Быть может, наши трапезы немного тяжелы для вас, – добавляет приор. – Не угодно ли вам, чтобы мы сменили брата повара? Вы же знаете, дорогой брат:

*quodam saturationes minus succedunt*¹⁸.

– Ita, – твердит Горанфло и с новым жаром ласкает своего осла.

– Вы слишком много ласкаете вашего Панурга, брат мой, – говорит приор, – вас снова может одолеть тяга к странствиям.

– О! – отвечает на это Горанфло со вздохом. По правде говоря, воспоминание о странствиях и мучит Горанфло. Он, воспринявший сначала свое изгнание из монастыря как огромное несчастье, открыл затем в этом изгнании бесчисленные и дотоле неведомые ему радости, источником которых была свобода.

И теперь, в самый разгар своего блаженства, он чувствует, что жажда свободной жизни, словно червяк, точит его сердце, – свободной жизни вместе с Шико, веселым собутыльником, с Шико, которого он любит, сам не зная почему, может быть, потому, что тот время от времени дает ему взбучку.

– Увы! – робко замечает молодой монашек, наблюдавший за игрой лица Горанфло. – Я думаю, вы правы, достопочтенный приор: пребывание в монастыре тяготит преподобного отца.

¹⁷ Рождается новый порядок вещей (лат.).

¹⁸ Некоторые блюда удаются меньше (лат.)

– Не то чтобы тяготит, – говорит Горанфло, – но я чувствую, что рожден для жизни в борьбе, для политических выступлений на площадях, для проповедей на улицах.

При этих словах глаза Горанфло вспыхивают: он вспоминает об яичницах Шико, об анжуйском вине мэтра Клода Боме, о нижней зале «Рога изобилия».

Со времени вечера Лиги или, вернее, с утра следующего после него дня, когда Горанфло возвратился в свой монастырь, ему не разрешали выходить на улицу. С тех пор как король объявил себя главой Союза, лигисты удвоили свою осторожность.

Горанфло был так прост, что ему даже в голову не пришло воспользоваться своим положением и заставить отворить себе двери.

Ему сказали:

– Брат, выходить запрещено.

И он не выходил.

Не оставалось больше сомнений относительно того, что за внутренний огонь снедает Горанфло, отравляя ему счастье монастырской жизни.

Поэтому, видя, что печаль его со дня на день растет, приор однажды утром сказал монаху:

– Дражайший брат, никто не имеет права подавлять свое призвание. Ваше – состоит в том, чтобы сражаться за Христа. Так идите же, выполняйте миссию, возложенную на вас всевышним, но только берегите вашу драгоценную жизнь и возвращайтесь обратно к великому дню.

– Какому великому дню? – спросил Горанфло, поглощенный своей радостью.

– К дню праздника святых даров.

– Ita! – произнес монах с чрезвычайно умным видом. – Но, – добавил он, – дайте мне немного денег для того, чтобы я, как подобает христианину, черпал вдохновение в раздаче милостыни.

Приор поспешил отправиться за большим кошельком, который он и раскрыл перед Горанфло. Горанфло запустил в него свою пятерню.

– Вот увидите, сколько пользы принесу я монастырю, – сказал он и спрятал в огромный карман своей рясы то, что почерпнул в кошельке приора.

– У вас есть текст для проповеди, не правда ли, дражайший брат? – спросил Жозеф Фулон.

– Разумеется.

– Поверьте его мне.

– Охотно, но только вам одному. Приор подошел поближе и, исполненный внимания, подставил Горанфло свое ухо.

– Слушайте.

– Я слушаю.

– Цеп, бьющий зерно, бьет себя самого, – шепнул Горанфло.

– Замечательно! Прекрасно! – вскричал приор. И присутствующие, разделяя на веру восхищение достопочтенного Жозефа Фулона, повторили вслед за ним: «Замечательно, прекрасно!»

– А теперь я могу идти, отец мой? – смиренно спросил Горанфло.

– Да, сын мой, – воскликнул почтенный аббат, – ступайте и следуйте путем господним.

Горанфло распорядился оседлать Панурга, взобрался на него с помощью двух могучих монахов и около семи часов вечера выехал из монастыря.

Это было как раз в тот день, когда Сен-Люк возвратился в Париж. Город был взбудоражен известиями, полученными из Анжу.

Горанфло проехал по улице Сент-Этьен и только успел свернуть направо и миновать монастырь якобинцев, как внезапно Панург весь задрожал: чья-то мощная рука тяжело опустилась на его круп.

– Кто там? – воскликнул испуганный Горанфло.

– Друг, – ответил голос, показавшийся Горанфло знакомым.

Горанфло очень хотелось обернуться, но, подобно морякам, которые каждый раз, когда они выходят в море, вынуждены заново приучать свои ноги к бортовой качке, Горанфло каждый раз, когда он садился на своего осла, должен был затрачивать некоторое время на то, чтобы обрести равновесие.

– Что вам надо? – сказал он.

– Не соблаговолите ли вы, почтенный брат, – ответил голос, – указать мне путь к «Рогу изобилия»?

– Разрази господь! – вскричал Горанфло в полном восторге. – Да это господин Шико собственной персоной!

– Он самый, – откликнулся гасконец, – я шел к вам в монастырь, мой дорогой брат, и увидел, что вы выезжаете оттуда. Некоторое время я следовал за вами, боясь, что выдам себя, если заговорю. Но теперь, когда мы совсем одни, я к вашим услугам. Здорово, долгополый! Клянусь святым чревом, ты, по-моему, отощал.

– А вы, господин Шико, вы, по-моему, округлились, даю честное слово.

– Я думаю, мы оба льстим друг другу.

– Но что такое вы несете, господин Шико? – поинтересовался монах. – Ноша у вас как будто порядком тяжелая.

– Это задняя часть оленя, которую я стащил у его величества, – ответил гасконец, – мы сделаем из нее жаркое.

– Дорогой господин Шико! – возопил монах. – А под другой рукой у вас что?

– Бутылка кипрского вина, которую один король прислал моему королю.

– Покажите-ка, – сказал Горанфло.

– Это вино как раз по мне, я его очень люблю, – сказал Шико, распахивая свой плащ, – а ты, святой брат?

– О! О! – воскликнул Горанфло, увидев два неожиданных дара, и от восторга так запрыгал на своем скакуне, что у Панурга подкосились ноги. – О! О!

На радостях монах воздел к небу руки и голосом, от которого задрожали оконные стекла по обе стороны улицы, запел песню. Панург аккомпанировал ему своим ревой.

*Перелестно музыка играет,
Но звукам только слух мой рад.
У розы нежный аромат,
Но жажды он не утоляет.
И достигаем только глазу
Небес сияющий покров...
Вино всем угождает сразу:
Желудку, уху, носу, глазу.
С вином я обойтись готов
Без неба, музыки, цветов.*

В первый раз почти за целый месяц Горанфло пел.

Глава 34. О ТОМ, КАК ТРИ ГЛАВНЫХ ГЕРОЯ ЭТОЙ ИСТОРИИ СОВЕРШИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ МЕРИДОРА В ПАРИЖ

Предоставим двум друзьям войти в кабачок «Рог изобилия», куда, как вы помните, Шико всегда приводил монаха по соображениям, о важности коих Горанфло даже и не подозревал, и возвратимся к господину де Монсоро, которого несут на носилках по дороге из Меридора в Париж, и к Бюсси, покинувшему Анжер с намерением следовать тем же путем.

Всадник на хорошем коне не только без труда может догнать людей, идущих

пешком, он еще рискует обогнать их.

Так и случилось с Бюсси.

Шел к концу май, и было очень жарко, особенно в полдень.

По этой причине граф де Монсоро приказал сделать привал в небольшом леске по дороге. И так как ему хотелось, чтобы герцог Анжуйский узнал об его отъезде по возможности позже, он позаботился увести вместе с собой в чашу – переждать там самое жаркое время – всех тех, кто сопровождал его. Одна из лошадей была навьючена припасами, таким образом, можно было позавтракать, не прибегая к услугам трактира.

Как раз в это время Бюсси и проехал мимо путешественников.

Само собой разумеется, что по дороге он не забывал осведомляться, не видели ли здесь лошадей, всадников и крестьян с носилками.

До деревни Дюрталь получаемые им сведения были самыми определенными и удовлетворительными. Поэтому, уверенный, что Диана находится впереди него, Бюсси пустил своего коня шагом, и на каждом пригорке вставал на стременах, пытаясь разглядеть вдали небольшой отряд, в погоню за которым он отправился.

Но, совершенно неожиданно для молодого человека, сведения перестали к нему поступать. Люди, попадавшиеся навстречу, никого не видели, и, доехав до околицы Ла-Флеш, он пришел к убеждению, что не отстает, а опережает, предшествует, вместо того чтобы следовать сзади.

Тогда он вспомнил про лесок, встреченный по дороге, и понял, почему конь его заржал, когда они въехали в этот лес, и стал принохиваться к воздуху своими дымящимися ноздрями.

Бюсси тут же принял решение: остановился у самого скверного на вид кабака и, убедившись, что лошадь его ни в чем не нуждается – он меньше заботился о себе самом, чем о своем коне, силы которого могли еще понадобиться, – уселся возле окна, не забыв укрыться за какой-то тряпкой, заменявшей здесь занавеску.

Бюсси облюбовал это подобие вертепа главным образом потому, что оно было расположено напротив лучшей гостиницы города, где, как он полагал, должен был, вне всякого сомнения, остановиться Монсоро.

Молодой человек рассчитал верно. Около четырех часов дня к воротам гостиницы прибыл гонец.

А через полчаса появился весь отряд. Он состоял, если говорить о главных персонажах, из графа, графини, Реми и Гертруды; но в него входили и статисты: восемь носильщиков, сменявшиеся через каждые пять лье.

Гонца послали подготовить замену для этих носильщиков.

Монсоро слишком ревновал, чтобы не быть щедрым, поэтому, несмотря на всю необычность такого способа передвижения, путешествие проходило без препятствий и задержек.

Главные персонажи один за другим вошли в гостиницу. Диана шла последней, и Бюсси показалось, что она беспокойно оглядывается вокруг. Первым его побуждением было выглянуть из окна, но у него хватило мужества сдержать свой порыв. Неосторожность могла их погубить.

Стемнело. Бюсси надеялся, что вечером выйдет Реми или Диана появится в одном из окоп. Он закутался в плащ и занял наблюдательный пост на улице.

Так он прождал до девяти часов вечера. В десять из гостиницы вышел гонец.

Пять минут спустя к воротам подошли восемь человек, четверо из них скрылись в гостинице.

«О! – сказал себе Бюсси. – Неужели они проведут ночь в пути? Это было бы блестящей идеей со стороны господина де Монсоро».

И в самом деле, все подтверждало его предположение: ночь была тихая, небо усеяно звездами, дул ласковый и ароматный ветерок, один из тех, которые кажутся нам дыханием обновленной земли.

Первыми из ворот гостиницы появились носилки.

Потом выехали верхом на конях Диана, Реми и Гертруда.

Диана опять стала внимательно оглядываться вокруг, но тут ее позвал граф, и она была вынуждена подъехать к носилкам.

Четыре запасных носильщика зажгли факелы и пошли по обе стороны дороги.

– Отлично, – сказал Бюсси, – даже если бы я сам подготавливал этот поход, ничего лучшего я бы не смог придумать.

И он возвратился в свой кабак, оседлал коня и отправился вслед за отрядом.

На этот раз он не рисковал ошибиться дорогой или потерять отряд из виду: горящие факелы ясно показывали путь, по которому двигался Монсоро.

Граф ни на, минуто не отпускал Диану от себя. Он беседовал с ней или, скорее, читал ей наставления.

Посещение оранжереи было предметом неисчерпаемых попреков и множества язвительных вопросов.

Реми и Гертруда дулись друг на друга или, вернее, Реми мечтал, а Гертруда дулась на него.

Разлад этот объяснялся очень просто: с тех пор как Диана полюбила Бюсси, Реми больше не видел для себя необходимости любить Гертруду.

Итак, отряд продвигался вперед, одни пререкались, другие дулись друг на друга, когда Бюсси, следовавший за кавалькадой на таком расстоянии, чтобы его не заметили, внезапно, желая привлечь внимание Реми, свистнул в серебряный свисток, которым он обычно призывал слуг в своем дворце на улице Гренель-Сент-Оноре.

Звук у свистка был резкий и громкий.

Когда он проносился с одного конца дома в другой, на него откликались и люди, и животные, и птицы.

Мы говорим: животные и птицы, ибо Бюсси, как все сильные мужчины, любил натаскивать боевых псов, выезжать неукротимых коней и обучать диких соколов.

При звуке этого свистка приходили в беспокойство собаки в своих псарнях, лошади в своих конюшнях, соколы на своих жердочках.

Реми тотчас же узнал его. Диана вздрогнула и посмотрела на молодого лекаря, тот утвердительно кивнул.

Затем он подъехал к Диане с левой стороны и прошептал:

– Это он.

– Что там? – спросил Монсоро. – Кто это с вами разговаривает, сударыня?

– Со мной? Никто, сударь.

– Как же никто? Я видел тень, промелькнувшую возле вас, и слышал голос.

– Этот голос, – сказала Диана, – голос господина Реми. Вы и к господину Реми меня ревнуете?

– Нет. Но я люблю, когда говорят громко. Это меня развлекает.

– Однако есть вещи, которые нельзя говорить в присутствии господина графа, – вмешалась Гертруда, приходя на помощь своей госпоже.

– Почему?

– По двум причинам.

– Каким?

– Во-первых, потому, что можно сказать что-нибудь неинтересное для господина графа, во-вторых, – что-нибудь, слишком уж для него интересное.

– А к какому разряду относилось то, что господин Реми сказал графине?

– К разряду того, что слишком интересно господину графу.

– Что сказал вам Реми, сударыня? Я хочу знать.

– Я сказал, господин граф, что если вы будете так неистовствовать, вы скончаетесь раньше, чем мы сделаем треть пути.

Можно было заметить в зловещем отблеске факелов, как лицо Монсоро сделалось

бледным, словно у мертвеца.

Диана, задумчивая и трепещущая, молчала.

– Он ждет вас позади, – сказал ей едва слышно Реми. – Придержите немного вашу лошадь. Он подъедет к вам.

Реми говорил так тихо, что Монсоро расслышал только бормотание; он сделал усилие, закинул голову назад и увидел едущую за ним Диану.

– Еще одно такое движение, господин граф, – сказал Реми, – и я не поручусь, что у вас не откроется кровотечение.

С некоторых пор Диана стала храброй, любовь породила в пей дерзость, которую всякая подлинно влюбленная женщина обычно простирает за пределы разумного. Она отъехала назад и принялась ждать.

В то же мгновение Реми соскочил с лошади, дал Гертруде подержать поводья и подошел к носилкам, чтобы отвлечь больного.

– Поглядим наш пульс, – сказал он. – Готов поспорить, что у нас жар.

Через пять секунд Бюсси был возле Дианы. Молодые люди не нуждались в словах, чтобы объясниться. На несколько мгновений они застыли в нежном объятии.

– Вот видишь, – сказал Бюсси, первым нарушая молчание, – ты уехала, и я еду за тобой.

– О! Все дни мои будут прекрасны, Бюсси, а ночи – исполнены покоя, если я буду всегда знать, что ты где-то рядом.

– Но днем он нас увидит.

– Нет, ты будешь ехать в отдалении, и только я одна буду видеть тебя, мой Луи. На поворотах дороги, на вершинах пригорков перо твоего берета, вышивка твоего плаща, твой платок, выующийся в воздухе, станут разговаривать со мной от твоего имени – все скажет мне, что ты меня любишь. Если на закате дня или в синем тумане, опускающемся на долину, я увижу, как твой милый призрак склоняет голову и шлет мне нежный вечерний поцелуй, я буду счастлива, очень счастлива!

– Говори, говори еще, моя любимая Диана, ты сама не понимаешь, какая музыка в твоём нежном голосе.

– Если же мы будем путешествовать ночью, а так будет случаться часто, ведь Реми сказал ему, что ночная прохлада полезна для ран, если мы будем путешествовать ночью, тогда я, как сегодня, буду время от времени отставать и смогу заключить тебя в объятия, смогу выразить тебе коротким прикосновением руки все, что я передумала о тебе за день.

– О! Как я тебя люблю! Как я тебя люблю! – прошептал Бюсси.

– Знаешь, – сказала Диана, – мне кажется, наши души так крепко связаны, что, даже отделенные друг от друга расстоянием, не говоря друг с другом, не видя друг друга, мы все равно будем счастливы, ибо будем думать друг о друге.

– О да! Но видеть тебя, но держать тебя в своих объятиях, о Диана, Диана!

Лошади ласкались одна к другой, встряхивая украшенными серебром поводьями, а влюбленные сжимали друг друга в объятиях, забыв обо всем на свете.

Внезапно раздался голос, который заставил их обоих вздрогнуть: Диану – от страха, Бюсси – от гнева.

– Госпожа Диана, – кричал этот голос, – где вы? Отвечайте, госпожа Диана.

Этот крик пронзил воздух, как зловещее заклинание.

– Ах! Это он, это он! Я о нем и забыла, – прошептала Диана. – Это он, я грезил! О, какой чудесный сон и какое страшное пробуждение!

– Послушай, – воскликнул Бюсси, – послушай, Диана, вот мы опять вместе. Скажи слово, и никто тебя не сможет больше отнять у меня. Бежим, Диана. Что нам мешает бежать? Погляди: перед нами простор, счастье, свобода! Одно слово – и мы уедем! Одно слово – и, потерянная для него, ты станешь моей навеки.

И молодой человек ласково удерживал ее.

– А мой отец? – спросила Диана.

– Когда барон узнает, что я люблю тебя... – прошептал он.
– Да что ты! – вырвалось у Дианы, – Ведь он – , отец.
Эти слова отрезвили Бюсси.
– Ничего против твоей воли, милая Диана, – сказал он, – приказывай, я повинуюсь.
– Послушай, – сказала Диана, вытягивая руку, – наша судьба там. Будем сильнее демона, который нас преследует. Не бойся ничего, и ты увидишь, умею ли я любить.
– Бог мой, значит, мы должны расстаться! – прошептал Бюсси.
– Графиня, графиня! – кричал голос. – Отвечай же, или я соскочу с проклятых носилок, хотя бы это мне стоило жизни.
– Прощай, – сказала Диана, – прощай; он сделает, как говорит, и убьет себя.
– Ты его жалеешь?
– Ревнивец, – ответила она с прелестным выражением и милой улыбкой.
И Бюсси отпустил ее.
В два скачка Диана догнала носилки. Граф был в полубессознательном состоянии.
– Остановитесь! – прошептал он. – Остановитесь!
– Проклятие! – сказал Реми. – Не останавливайтесь! Он сошел с ума. Если он хочет убить себя, пусть убивает.
И носилки продолжали двигаться вперед.
– Но кого вы зовете? – спросила графа Гертруда. – Госпожа здесь, возле меня.
Подъезжайте сюда, сударыня, и ответьте ему, господин граф бредит, это ясно.
Диана, не произнося ни слова, въехала в круг света, падающего от факелов.
– Ах! – сказал выбившийся из сил Монсоро. – Где вы были?
– Где же мне быть, сударь, если не позади вас?
– Рядом со мной, сударыня, рядом со мной. Не покидайте меня.
У Дианы не было больше никакого предлога, чтобы оставаться позади. Она знала, что Бюсси следует за ней, Если ночь будет лунной, она сможет его видеть.
Прибыли к месту остановки.
Монсоро отдохнул несколько часов и пожелал отправиться дальше.
Он спешил не в Париж попасть, а удалиться от Анжера.
Время от времени описанная нами выше сцепка возобновлялась.
Реми тихонько бурчал:
– Хоть бы он задохся от ярости, тогда честь лекаря была бы спасена.
Но Монсоро не умер. Напротив того, на десятый день он прибил в Париж, чувствуя себя значительно лучше.
Решительно, Одуэн был очень умелым врачом, более умелым, чем это хотелось бы ему самому.
За те десять дней что длилось путешествие, Диане удалось силою своей любви преодолеть гордыню Бюсси.
Она уговорила его явиться к Монсоро и извлечь все выгоды из дружбы, в которой его заверял граф.
Предлог для визита был самый простой: здоровье графа.
Реми лечил мужа и передавал записки жене.
– Эскулап и Меркурий, – говорил он, – по совместительству.

Глава 35.

О ТОМ, КАК ПОСОЛ ГЕРЦОГА АНЖУЙСКОГО ПРИБЫЛ В ПАРИЖ, И О ПРИЕМЕ, КОТОРЫЙ ЕМУ ТАМ ОКАЗАЛИ

Время шло, а ни Екатерина, ни герцог Анжуйский не появлялись в Лувре, и слухи о распри между братьями становились все настойчивее и многочисленнее.
Король не получал никаких известий от своей матери, и вместо того чтобы решить, согласно пословице: «Нет новостей – хорошие новости», он, напротив, говорил себе,

покачивая головой:

– Нет новостей – плохие новости. А миньоны добавляли:

– Франсуа, слушаясь дурных советов, должно быть, не отпускает вашу матушку.

«Франсуа, слушаясь дурных советов...» Действительно, вся политика странного царствования Генриха III и трех предшествующих царствований сводилась к этому.

Дурных советов послушался король Карл IX, когда он, пусть не приказал, но, во всяком случае, разрешил устроить Варфоломеевскую ночь. Дурных советов послушался Франциск II, когда он дал распоряжение об Амбуазской резне.

Дурных советов послушался отец этого вырождающегося семейства, Генрих II, когда отправил на костер столько еретиков и заговорщиков, прежде чем его самого убил Монтгомери; последний, как говорят, тоже послушался дурных советов, поэтому-то его копье и угодило столь неудачно прямо под забрало королевского шлема.

Никто не осмелился сказать Генриху III:

– В жилах вашего брата течет дурная кровь, он хочет, как это повелось в вашем роду, лишит вас трона, постричь вас в монахи или отравить. Он хочет поступить с вами так же, как вы поступили с вашим старшим братом и как ваш старший брат поступил со своим, – так, как ваша мать всех вас научила поступать друг с другом.

Нет, король тех времен, и в особенности король XVI века, почел бы эти слова за оскорбление, ибо в те времена король был человеком. Только цивилизации удалось превратить его в такую копию господ бога, как Людовик XIV, или такой безответственный миф, как конституционный король, Поэтому миньоны и говорили Генриху III:

– Государь, вашему брату дают дурные советы.

И поскольку лишь один-единственный человек и по праву и по уму мог советовать герцогу Анжуйскому, то вокруг Бюсси собирались тучи, с каждым днем все более тяжелые, готовые разразиться грозой.

Уже на гласных советах обсуждали средства устрашения врага, а на советах тайных – средства его уничтожения, когда распространился слух, что герцог Анжуйский направил к королю своего посла.

Откуда взялся такой слух? Кто его породил? Кто его пустил? Кто распространил?

Ответить на этот вопрос так же нелегко, как объяснить, откуда возникают воздушные вихри над землей, пылевые вихри над полями, шумовые вихри над улицами и площадями города.

Некий злой дух снабжает крыльями определенного рода слухи и выпускает их в пространство, словно орлов.

Когда слух, о котором мы упомянули, дошел до Лувра, он вызвал там всеобщий переполох.

Король побледнел от гнева, а придворные, повторяя, как всегда, в преувеличенном виде, чувства своего господина, посинели.

Кругом слышались клятвы.

Трудно было бы перечислить здесь все эти клятвы, но, среди прочего, клялись в том, что: если посол старик, над ним потешатся, поглумятся, а потом отправят его в Бастилию; если он молод, он будет разрублен пополам, изрешечен пулями, изрезан на мелкие кусочки, которые разошлют по всем провинциям Франции, как свидетельство королевского гнева.

А миньоны, по своему обыкновению, принялись натачивать рапиры и упражняться в фехтовании и в метании кинжала. Шико предоставил своим шпаге и кинжалу лежать в ножнах и погрузился в глубокие размышления.

Король, видя Шико в раздумьях, вспомнил, что однажды, в некоем трудном вопросе, который потом прояснился, Шико оказался одного мнения с королевой-матерью, а королева-мать была права.

Он понял, что в Шико воплощена мудрость королевства, и обратился с вопросами к Шико.

– Государь, – ответил тот, после зрелого размышления, – либо монсеньер герцог

Анжуйский направил к вам посла, либо он его к вам не направил.

– Клянусь богом, – сказал король, – стоило тебе сидеть подперев щеку кулаком, чтобы придумать эту прекрасную дилемму.

– Терпение, терпение, как говорит на языке мэтра Макиавелли ваша августейшая матушка, да хранит ее бог! Терпение.

– Ты видишь, оно у меня есть, – сказал король, – раз я тебя слушаю.

– Если он направил к вам посла, значит, он считает, что может так поступить. Если он считает, что может так поступить, а он – воплощенная осторожность, значит, он чувствует себя сильным. Если он чувствует себя сильным, надо его опасаться. Отнесемся с уважением к сильному. Обманем их, но не будем играть с ними. Примем их посла и заверим его, что мы ему рады до смерти. Это ни к чему не обязывает. Вы помните, как ваш брат поцеловал славного адмирала Колиньи, когда тот явился в качестве посла от гугенотов? Гугеноты тоже считали себя силой.

– Значит, ты одобряешь политику моего брата Карла Девятого?

– Отнюдь, поймите меня правильно, я привожу пример и добавляю: если позже мы найдем способ, не способ наказать беднягу герольда, гонца, слугу или посла, а способ схватить за шиворот господина, вдохновителя, главу – великого и достославного принца, монсеньера герцога Анжуйского, настоящего и единственного виновника, разумеется, вместе с тройкой Гизов, и заточить его в крепость, более надежную, чем Лувр, о, государь, давайте это сделаем.

– Вступление недурное, – сказал Генрих III.

– Чума на твою голову, а у тебя неплохой вкус, сын мой, – ответил Шико. – Так я продолжаю.

– Валяй!

– Но если он не направил к тебе посла, зачем ты разрешаешь мекать своим друзьям?

– Мекать?!

– Ты прекрасно понимаешь. Я сказал бы «рычать», если бы существовала хоть малейшая возможность принять их за львов. Я говорю «мекать»..., потому что... Послушай, Генрих, ведь действительно, просто тошно глядеть, как эти молодцы, бородатые, что обезьяны из твоего зверинца, словно маленькие, занимаются игрой а привидения и стараются напугать людей криком: «У-у! У-у-у!» А то ли еще будет, если герцог Анжуйский никого к тебе не послал! Они вообразят, что это из-за него, и станут считать себя важными птицами.

– Шико, ты забываешь, что люди, о которых ты говоришь, мои друзья, мои единственные друзья.

– Хочешь проиграть мне тысячу экю, о мой король? – сказал Шико.

– Ну!

– Ты поставишь на то, что эти люди сохраняют тебе верность при любом испытании, а я – на то, что трое из четырех будут принадлежать мне душой и телом уже к завтрашнему вечеру.

Уверенность, с которой говорил Шико, заставила короля, в свою очередь, задуматься. Он ничего не ответил.

– Ага, – сказал Шико, – теперь и ты призадумался, теперь и ты подпер кулачком свою прелестную щечку. А ты башковитее, чем я думал, сын мой, вот ты уже и почувал, где правда.

– Ну, так что же ты мне советуешь?

– Мой король, я советую тебе ждать. В этом слове заключена половина мудрости царя Соломона. Если к тебе прибудет посол, делай приятное лицо, если никто не прибудет, делай что хочешь, но, во всяком случае, будь признателен за это своему брату, которого не стоит, поверь мне, приносить в жертву твоим бездельникам. Какого черта! Он большой мерзавец, я знаю, по он Валуа. Убей его, если тебе это нужно, но, ради чести имени, не позорь его, с этим он и сам вполне успешно справляется.

– Ты прав, Шико.

– Вот еще один урок, которым ты мне обязан. Счастье твое, что мы не считаем. А теперь отпусти меня спать, Генрих. Восемь дней тому назад я был вынужден спаивать одного монаха, а когда мне приходится заниматься такими упражнениями, я потом целую неделю пьян.

– Монаха? Не тот ли это достойный брат из монастыря святой Женевиевы, о котором ты мне уже говорил?

– Тот самый. Ты еще ему аббатство пообещал.

– Я?

– Разрази господь! Это самое малое, что ты можешь для него сделать после того, что он сделал для тебя.

– Значит, он все еще предан мне?

– Он тебя обожает. Кстати, сын мой...

– Что?

– Через три недели праздник святых даров.

– Ну и что?

– Я надеюсь, ты удивишь нас какой-нибудь хорошенькой небольшой процессией.

– Я всехристианнейший король, и мой долг подавать народу пример благочестия.

– И ты, как всегда, сделаешь остановки в четырех больших монастырях Парижа?

– Как всегда.

– Аббатство святой Женевиевы входит в их число, правда?

– Разумеется, я рассчитываю посетить его вторым.

– Добро.

– А почему ты спрашиваешь об этом?

– Просто так. Я, как тебе известно, любопытен. Теперь я знаю все, что хотел знать. Спокойной ночи, Генрих.

В эту минуту, когда Шико уже расположился соснуть, в Лувре поднялось страшное волнение.

– Что там за шум? – спросил король.

– Нет, решительно, Генрих, мне не суждено поспать.

– Ну, так что же там?

– Сын мой, сними мне комнату в городе, или я покидаю свою службу. Слово чести, жить в Лувре становится невозможно.

В это время вошел капитан гвардии. Вид у него был очень растерянный.

– В чем дело? – спросил король.

– Государь, – ответил капитан, – к Лувру приближается посол монсеньера герцога Анжуйского.

– Он со свитой? – спросил король.

– Нет, один.

– Тогда ему надо оказать вдвойне хороший прием, Генрих, потому что он храбрец.

– Хорошо, – сказал король, пытаясь принять спокойный вид, хотя мертвенная бледность лица выдавала его. – Хорошо, пусть весь мой двор соберется в большей зале, а меня пусть оденут в черное: когда имеешь несчастье разговаривать со своим братом через посла, надо иметь похоронный вид.

Глава 36. **КОТОРАЯ ЯВЛЯЕТСЯ ВСЕГО ЛИШЬ ПРОДОЛЖЕНИЕМ** **ПРЕДЫДУЩЕЙ, СОКРАЩЕННОЙ АВТОРОМ ПО СЛУЧАЮ НОВОГОДНИХ** **ПРАЗДНИКОВ**

В парадной зале возвышался трон Генриха III.

Вокруг него шумно толпились возбужденные придворные.

Король уселся на трон грустный, с нахмуренным челом.

Все глаза были устремлены на галерею, откуда капитан гвардии должен был ввести посла.

– Государь, – сказал Келюс, склонившись к уху короля, – знаете, как зовут этого посла?

– Нет, что мне в его имени?

– Государь, его зовут господин де Бюсси. Разве оскорбление от этого не становится в три раза сильнее?

– Я не вижу, в чем тут оскорбление, – сказал Генрих, стараясь сохранить хладнокровие.

– Быть может, ваше величество и не видит, – сказал Шомберг, – но мы-то, мы прекрасно видим.

Генрих ничего не ответил. Он чувствовал, как вокруг трона кипят гнев и ненависть, и в душе поздравлял себя, что сумел воздвигнуть между собой и своими врагами два таких мощных защитных вала.

Келюс, попеременно то бледнея, то краснея, положил обе руки на эфес своей рапиры.

Шомберг снял перчатки и наполовину вытащил кинжал из ножен.

Можирон взял свою шпагу из рук пажа и пристегнул ее к поясу.

Д'Эпернон подкрутил кончики усов до самых глаз и пристроился за спинами товарищей'.

Что касается Генриха, то он напоминал охотника, который слышит, как его собаки рычат на кабана: предоставляя своим фаворитам полную свободу действий, сам он только улыбался.

– Введите, – сказал он.

При этих словах в зале воцарилась мертвая тишина. Казалось, можно было услышать как в этой тишине глухо рокошет гнев короля, И тут в галерее раздались уверенные шаги и гордое позвякивание шпор о плиты пола.

Вошел Бюсси с высоко поднятой головой и спокойным взглядом, держа в руке шляпу.

Надменный взор молодого человека не остановился ни на одном из тех, кто окружал короля.

Бюсси прошел прямо к Генриху, отвесил глубокий поклон и стал ждать вопросов. Он стоял перед троном гордо, но то была особая гордость, гордость дворянина, в ней не было ничего оскорбительного для королевского величия.

– Вы здесь, господин де Бюсси? Я вас полагал в дебрях Анжу.

– Государь, – сказал Бюсси, – я действительно был там, но, как вы видите, меня уже там нет.

– Что же привело вас в нашу столицу?

– Желание принести дань моего глубочайшего почтения вашему величеству.

Король и миньоны переглянулись, было очевидно, что они ждали иного от несдержанного молодого человека.

– И.., ничего более? – довольно высокомерно спросил король.

– Я прибавлю к этому, государь, что мой господин, его высочество монсеньер герцог Анжуйский, приказал мне присоединить его изъявления почтения к моим.

– И герцог ничего другого вам не сказал?

– Он сказал мне, что вот-вот должен выехать с королевой-матерью в Париж и хочет, чтобы ваше величество знали о возвращении одного из ваших самых верных подданных.

Король, почти задохнувшийся от изумления, не смог продолжать свой допрос.

Шико воспользовался этим перерывом и подошел к послу.

– Здравствуйте, господин де Бюсси, – сказал он. Бюсси обернулся, удивленный, что в этой толпе у него мог найтись друг.

– А! Господин Шико, приветствую вас от всего сердца, – ответил он. – Как поживает господин де Сен-Люк?

– Отлично. Он сейчас прогуливается возле вольеров, вместе со своей супругой.

– Это все, что вы должны были сказать мне, господин де Бюсси? – спросил король, – Да, государь, если есть еще какие-нибудь важные новости, монсеньер герцог Анжуйский будет иметь честь сообщить их вам лично.

– Прекрасно, – сказал король.

И, молча встав с трона, он спустился по его двум ступеням.

Аудиенция окончилась, толпа придворных рассеялась.

Бюсси заметил уголком глаза, что четверо миньонов окружили его и как бы замкнули в живое кольцо, исполненное напряжения и угрозы.

В углу залы король тихо беседовал со своим канцлером.

Бюсси сделал вид, что ничего не замечает, и продолжал разговаривать с Шико.

Тогда король, словно и он был в заговоре и хотел оставить Бюсси в одиночестве, позвал:

– Подите сюда, Шико. Мы должны вам кое-что сказать.

Шико поклонился Бюсси с учтивостью, по которой за целое лье можно было узнать дворянина.

Бюсси ответил ему не менее изящным поклоном и остался в кольце один.

И тогда его поза и выражение лица изменились: с королем он держался спокойно, с Шико – вежливо, теперь он стал любезен.

Увидев, что Келюс приближается к нему, он сказал:

– А! Здравствуйте, господин де Келюс. Окажите мне честь: позвольте спросить вас, как поживает ваша компания?

– Довольно скверно, сударь, – ответил Келюс.

– Боже мой! – воскликнул Бюсси, словно обеспокоенный этим ответом. – В чем же дело?

– Есть нечто такое, что нам ужасно мешает, – ответил Келюс.

– Нечто? – удивился Бюсси. – Да разве вы и все ваши, и в особенности вы, господин де Келюс, недостаточно сильны, чтобы убрать это нечто?

– Простите, сударь, – сказал Можирон, отстраняя Шомберга, который шагнул вперед, чтобы вставить свое слово в этот, обещавший сделаться интересным, разговор, – господин де Келюс хотел сказать не «нечто», а «некто».

– Но если кто-то мешает господину де Келюсу, – сказал Бюсси, – пусть господин де Келюс оттолкнет его, как только что поступили вы.

– Я тоже ему это посоветовал, господин де Бюсси, – сказал Шомберг, – и думаю, что Келюс готов последовать моему совету.

– А! Это вы, господин де Шомберг, – сказал Бюсси, – я не имел чести узнать вас.

– Наверное, у меня все еще не сошла с лица синяя краска, – сказал Шомберг.

– Отнюдь, вы, напротив, очень бледны, может быть, вам нездоровится, сударь?

– Сударь, – сказал Шомберг, – если я и бледен, то от ярости.

– А! Вот оно что! Значит, вам, как господину де Келюсу, мешает нечто или некто?

– Да, сударь.

– Мне тоже, – сказал Можирон, – мне тоже мешает некто.

– Вы, как всегда, весьма остроумны, дорогой господин де Можирон, – сказал Бюсси, – но в самом деле, господа, чем больше я на вас гляжу, тем больше меня огорчают ваши расстроенные лица.

– Вы забыли меня, сударь, – сказал д'Эпернон, гордо встав перед Бюсси.

– Прошу прощения, господин д'Эпернон, вы, как обычно, держались позади остальных, и к тому же я почти не имею удовольствия знать вас и не могу обращаться к вам первым.

Это было очень любопытное зрелище: непринужденный, улыбающийся Бюсси посреди четырех кипящих от ярости миньонов, которые кидали на него недвусмысленные грозные взгляды.

Только глупец или слепой мог не понять, чего добиваются королевские фавориты.

Только Бюсси мог делать вид, что не понимает их.

Он помолчал, все с той же улыбкой на губах.

– Итак! – громко воскликнул, притопнув ногой, Келюс, который первым потерял терпение. Бюсси поднял глаза к потолку и огляделся.

– Сударь, – сказал он, – заметили вы, какое в этом зале эхо? Ничто так не отражает звука, как мраморные стены, а под оштукатуренными сводами голоса звучат в два раза громче. В открытом же поле звуки, напротив, рассеиваются и, клянусь честью, я полагаю, что облака играют тут немалую роль. Я выдвигаю это предположение вслед за Аристофаном. Вы читали Аристофана, сударь?

Можирон принял это за приглашение со стороны Бюсси и подошел поближе, чтобы поговорить с ним шепотом.

Бюсси остановил его.

– Никаких секретов здесь, сударь, умоляю вас, – сказал Бюсси, – вы же знаете, как ревнив его величество король. Он решит, что мы злословим.

Можирон отступил, взбешенный более, чем когда-либо.

Шомберг занял его место и сказал напыщенным топом:

– Что до меня, то я немец, пусть грубый, тупой, но прямой. Я говорю во весь голос, чтобы все, кто меня слушает, слышали, что я сказал. Но когда мои слова, которые я пытаюсь сделать как можно более понятными, не доходят до того, к кому они обращены, потому что он глух, или не поняты им, потому что он не хочет понимать, в таком случае я...

– Вы? – сказал Бюсси, устремляя на молодого человека, чья нетерпеливая рука уже угрожающе поднималась, один из тех взглядов, которые могут вырваться только из ни с чем не сравнимых зрачков тигра, взглядов, которые словно извергаются из глубины пропасти и так и мечут пламя. – Вы?

Рука Шомберга опустилась.

Бюсси пожал плечами, сделал оборот на каблуках и повернулся к нему спиной.

Теперь он оказался лицом к лицу с д'Эперноном.

Д'Эпернон уже бросился в бой, и пути к отступлению у него не было.

– Поглядите, господа, – сказал он, – каким провинциалом стал господин де Бюсси после его бегства с монсеньером герцогом Анжуйским: он отпустил бороду и не носит на шпаге банта; на нем черные сапоги и серая шляпа.

– Как раз об этом я сейчас и сам размышлял, дорогой господин д'Эпернон. Видя вас таким нарядным, я подумал: «До чего может довести человека несколько дней отсутствия при дворе! Я, Луи де Бюсси, сеньор де Клермон, вынужден равняться на вкус мелкого гасконского дворянчика!» Но разрешите мне пройти, прошу вас. Вы подошли так близко, что наступили мне на ногу, и господин де Келюс тоже. Я это почувствовал, хотя на мне и сапоги, – добавил он с чарующей улыбкой.

И, пройдя между д'Эперноном и Келюсом, Бюсси протянул руку Сен-Люку, который как раз вошел в залу.

Сен-Люк заметил, что рука эта вся в поту.

Он понял: происходит что-то необычное, и, увлекая за собой Бюсси, сначала вывел его из кольца миньонов, а затем и из залы.

Ропот удивления поднялся среди миньонов и распространился на другие группы придворных.

– Невероятно, – говорил Келюс, – я его оскорбил, а он мне не ответил.

– Я, – сказал Можирон, – я бросил ему вызов, и он мне не ответил.

– Я, – подхватил Шомберг, – поднес руку к самому его лицу, и он не ответил мне.

– Я наступил ему на ногу, – кричал д'Эпернон, – наступил на ногу, и он не ответил.

Д'Эпернон словно бы даже вырос на толщину ступни Бюсси.

– Совершенно ясно: он ничего не хотел понимать, – сказал Келюс. – Тут что-то есть.

– Я знаю что, – воскликнул Шомберг.

– А что же?

– А то. Он прекрасно видит: вчетвером мы убьем его, и не хочет быть убитым. В это время к молодым людям подошел король. Шико шептал ему что-то на ухо.

– Ну, – произнес король, – что же вам говорил господин де Бюсси? Мне послышалось, разговор у вас был крупный.

– Вы желаете знать, что говорил господин де Бюсси, государь? – спросил д'Эпернон.

– Да, вам же известно: я любопытен, – ответил с улыбкой Генрих.

– По чести, ничего хорошего, государь, – сказал Келюс, – он больше не парижанин.

– Так кто же он тогда?

– Деревенщина. Он уступает дорогу.

– О! – сказал король. – Что это значит?

– Это значит, я собираюсь обучить свою собаку хватать его за икры, – сказал Келюс, – и, кто знает, может быть, даже и тогда он ничего не заметит из-за своих сапог.

– А я, – сказал Шомберг, – у меня есть чучело для упражнений в ударах шпагой, так вот я назову его Бюсси.

– А я, – заявил д'Эпернон, – я буду действовать более прямо и пойду дальше. Сегодня я ему наступил на ногу, завтра – дам ему пощечину. Храбрость у него напускная, она держится на самолюбии. Он говорит себе:

«Довольно я сражался за свою честь, теперь надо поберечь свою жизнь».

– Как, господа, – воскликнул Генрих, прикидываясь рассерженным, – вы осмелились дурно обращаться у меня в Лувре с дворянином из свиты моего брата?

– Увы, да, – сказал Можирон, отвечая на притворный гнев короля притворным же смирением, – и хотя мы обращались с ним весьма дурно, он ничем нам не ответил.

Король с улыбкой поглядел на Шико, нагнулся к его уху и шепнул:

– Ты все еще считаешь, что они мекают, Шико? Мне кажется, они уже зарычали, а?

– Э! – сказал Шико. – А может, они замыкали. Я знал людей, которым кошащее мяуканье ужасно действовало на нервы. Может быть, господин Бюсси относится к таким людям. Вот почему он и вышел, не ответив.

– Ты так думаешь? – сказал король.

– Поживем – увидим, – ответил наставительно Шико.

– Брось, – сказал Генрих, – каков господин, таков и слуга.

– Не хотите ли вы этим сказать, государь, что Бюсси слуга вашего брата? В таком случае вы изрядно ошибаетесь.

– Господа, – сказал Генрих, – я иду к королеве, с которой я обедаю. Скоро Желози¹⁹ разыграют перед нами фарс; приглашаю вас на представление.

Присутствующие почтительно поклонились, и король удалился через главную дверь. Как раз в эту минуту господин де Сен-Люк входил через боковую.

Он знаком остановил четырех миньонов, собиравшихся уйти.

– Прошу прощения, господин де Келюс, – сказал он, поклонившись, – вы все еще живете на улице Сент-Оноре?

– Да, дорогой друг, а почему вы спрашиваете? – спросил Келюс.

– Я хотел бы сказать вам пару слов.

– О!

– А вы, господин де Шомберг, не будете ли вы так добры дать мне ваш адрес?

– Я живу на улице Бетизи, – сказал удивленный Шомберг.

– Ваш я знаю, д'Эпернон.

– Улица де Гренель.

– Вы мой сосед. А вы, Можирон?

– Я обитаю в казарме Лувра.

¹⁹ Желози – итальянские комедианты, которые давали представления в Бургундском дворце. (Прим. автора.)

– Значит, я начну с вас, если разрешите, нет, пожалуй, с вас, Келюс.
– Великолепно. Мне кажется, я понял. Вы пришли по поручению Бюсси?
– Не стану говорить, по чьему поручению я явился, господа. Мне надо с вами поговорить, вот и все.
– Со всеми четырьмя?
– Да.
– Хорошо, но если вы не хотите говорить с нами в Лувре, потому что, как я предполагаю, считаете это место неподходящим, мы можем отправиться к одному из нас. Мы можем выслушать все вместе то, что вы собирались сказать нам каждому по отдельности.
– Прекрасно.
– Тогда пойдемте к Шомбергу, на улицу Бетизи, это в двух шагах.
– Да, пойдемте ко мне, – сказал молодой человек.
– Пусть будет так, господа, – ответил Сен-Люк и снова поклонился.
– Ведите нас, господин Шомберг.
– С удовольствием.
Пятеро дворян вышли из Лувра и взялись под руки, заняв всю ширину улицы.
За ними шествовали их вооруженные до зубов слуги.
Так они явились на улицу Бетизи, и Шомберг приказал приготовить большую гостиную своего дворца.
Сен-Люк остался ждать в передней.

Глава 37.

О ТОМ, КАК СЕН-ЛЮК ВЫПОЛНИЛ ПОРУЧЕНИЕ, КОТОРОЕ ДАЛ ЕМУ БЮССИ

Оставим ненадолго Сен-Люка в передней Шомберга и посмотрим, что произошло между ним и Бюсси.

Бюсси, как мы знаем, покинул тронный зал вместе со своим другом, раскланявшись с теми, кто не был проникнут духом придворного угодничества до такой степени, что мог не ответить на любезность столь опасного человека, как Бюсси.

Ибо в те времена господства грубой силы, когда личное могущество было всем, человек мог, если он был силен и ловок, выкроить в прекрасном королевстве Франция небольшое королевство для себя, как в географическом, так и в моральном смысле.

Именно так и царствовал Бюсси при дворе короля Генриха III.

Но в тот день, как мы с вами видели, Бюсси встретил в своем королевстве весьма дурной прием.

Лишь только друзья вышли из зала, Сен-Люк остановился и, с беспокойством глядя на Бюсси, спросил:

– Вы плохо себя чувствуете, друг мой? Вы так бледны, что, кажется, вот-вот потеряете сознание.

– Нет, – сказал Бюсси, – я задыхаюсь от злости.

– Ну хорошо, думаете вы что-нибудь предпринять в отношении этих бездельников?

– Еще бы, черт побери, вы сейчас увидите.

– Ну, ну, Бюсси, спокойствие.

– Да вы просто прелестны: «спокойствие»! Если бы вам наговорили половину того, что я сейчас выслушал, то, при вашем нраве, у нас было бы уже смертоубийство.

– Ладно, что же вы хотите делать?

– Вы мой друг, Сен-Люк, и дали мне страшное доказательство этой дружбы.

– Э! Дорогой мой, – сказал Сен-Люк, который считал, что Монсоро мертв и лежит в могиле, – пустяковое дело, не вспоминайте о нем, вы меня обидите. Разумеется, удар был отмененный, и, главное, я его очень искусно выполнил, но это не моя заслуга, меня ему обучил король, пока держал взаперти в Лувре.

– Дорогой друг...

– Оставим же Монсоро там, где он находится, и лучше поговорим о Диане. Была она хоть чуточку рада, бедная малютка? Простила она меня? Когда свадьба? Когда крестины?

– Э, милый друг, подождите, пока этот Монсоро умрет.

– Что вы сказали? – переспросил Сен-Люк и подскочил так, словно наступил на острый гвоздь.

– Ах, милый друг, маки совсем не такое опасное растение, как вы было подумали, и он вовсе не умер от того, что упал на них. Совсем наоборот: он жив и злобствует пуще прежнего.

– Вот так раз! Это правда?

– Господи боже мой, да. Он только о мести и думает и поклялся убить вас при первой возможности. Вот как обстоят дела.

– Он жив?

– Увы, да.

– Кто же тот безмозглый лекарь, который выходил его?

– Мой Реми, милый друг.

– Как! Я просто опомниться не могу! – продолжал Сен-Люк, ошеломленный этим открытием. – А! Да ведь в таком случае я обесчещен, клянусь телом Христовым! Я-то объявил всем, что он мертв. Наследники встретят его в трауре. Нет, меня не смогут уличить во лжи. Я его докопаю при первой же встрече и вместо одного удара нанесу ему четыре, если понадобится.

– А теперь успокойтесь вы, дорогой Сен-Люк, – сказал Бюсси. – По правде говоря, Монсоро относится ко мне гораздо лучше, чем вы можете вообразить. Представьте себе: он думает, что вас на него натравил герцог. Он ревнует к герцогу. Я же считаюсь ангелом, бесценным другом, Баярдом, его дорогим Бюсси, наконец. Да оно и понятно, ведь это скотина Реми вызволил его из беды.

– И с чего только Одуэну взбрела в голову такая дурь!

– Что вы хотите! Понятия честного человека. Он воображает: раз он лекарь, значит, должен лечить людей.

– Да он не от мира сего, этот молодчик.

– Короче, Монсоро считает, что обязан жизнью мне, и доверяет мне свою жену, – Ага! Понимаю. Это обстоятельство и позволяет вам более терпеливо ждать его смерти. Но, как бы то ни было, я просто не могу прийти в себя от удивления.

– Дорогой друг!

– Клянусь честью! Я как с неба свалился.

– Вы видите, что сейчас дело не в господине де Монсоро.

– Нет! Будем наслаждаться жизнью, пока он лежит пластом. Но предупреждаю, что к моменту его выздоровления я закажу себе кольчугу и распоряжусь обить мои ставни железом. А вы разведайте у герцога Анжуйского, не дала ли ему его милая матушка рецепта какого-нибудь противоядия. Пока же будем веселиться, милый друг, будем веселиться.

Бюсси не мог удержаться от улыбки. Он продел свою руку под руку Сен-Люка и сказал:

– Итак, дорогой Сен-Люк, вы видите, что оказали мне услугу лишь наполовину.

Сен-Люк посмотрел на него с недоумением.

– Верно, – сказал он, – и вы хотите, чтобы я довел ее до конца? Это будет нелегко, но для вас, дорогой Бюсси, я готов сделать многое. Особенно если он уставится на меня этими своими желтыми глазами, тьфу!

– Нет, дражайший, нет. Я уже сказал, забудем Монсоро, и если вы считаете себя в долгу передо мной, расплатитесь лучше по-иному.

– Ну, ну, говорите, я вас слушаю.

– Вы в хороших отношениях с господами миньонами?

– Проклятие! Да как кошки и собаки на солнышке. Пока солнца хватает всем – мир и

покой, но стоит хоть одному из нас перехватить частичку тепла и света у других и... О, я уже ни за что не ручаюсь! В ход будут пущены зубы и когти.

– Друг мой, ваши слова приводят меня в восторг, – А! Тем лучше.

– Предположим, что солнечный луч перехвачен.

– Предположим. Пусть будет так.

– Что ж, покажите ваши прекрасные белые зубы, выпустите ваши грозные когти, и начнем игру.

– Я вас не понимаю. Бюсси улыбнулся.

– Вы отправитесь, если будете столь любезны, к господину де Келюсу.

– Ага! – сказал Сен-Люк.

– Начинаете понимать, правда?

– Да.

– Чудесно! Вы спросите его, в какой день ему угодно перерезать мне горло или позволить, чтобы я перерезал горло ему.

– Я спрошу у него, дорогой друг.

– Это вас не затруднит?

– Меня? Ни в коей мере. Я пойду, когда вы захотите, прямо сейчас, если только это доставит вам удовольствие.

– Минуточку. Навестив господина де Келюса, вы окажете мне одолжение – зайдете с той же целью к господину де Шомбергу и зададите ему тот же вопрос, не правда ли?

– Ах! – воскликнул Сен-Люк. – И к господину Шомбергу тоже? Проклятие! Как вы торопитесь, Бюсси! Бюсси сделал протестующий жест.

– Пусть так, – сказал Сен-Люк, – ваше желание будет исполнено.

– В таком случае, дорогой Сен-Люк, – продолжал Бюсси, – раз уж вы столь любезны, вы зайдете в Лувр к господину де Можирону, на котором я заметил стальной нагрудник – знак того, что он сегодня на дежурстве, и предложите ему присоединиться к остальным, не правда ли?

– О! О! – вырвалось у Сен-Люка. – Трое! Вы об этом подумали, Бюсси? Все, по крайней мере?

– Не совсем.

– Как не совсем?

– Оттуда вы отправитесь к господину д'Эпернону, не буду задерживать на нем ваше внимание, фигура, по-моему, довольна жалкая, но, как бы там ни было, он пополнит число.

Сен-Люк опустил руки и уставился на Бюсси.

– Четверо! – прошептал он.

– Правильно, дорогой друг, – сказал Бюсси, утвердительно кивнув головой, – четверо. Само собой разумеется, что мне незачем советовать человеку вашего ума храбрости и галантности действовать по отношению к этим господам со всей предупредительностью и вежливостью, которыми вы отличаетесь в высшей степени...

– О! Мой друг!..

– Я обращаюсь за этой услугой к вам, чтобы все было сделано..., учтиво. Уладим дело по-благородному, не правда ли?

– Вы останетесь довольны, друг мой.

Бюсси с улыбкой протянул молодому человеку руку.

– В добрый час, – сказал он. – А! Господа миньоны, придет время, мы тоже посмеемся.

– А теперь, дорогой друг, условия.

– Какие условия?

– Ваши.

– У меня их нет, я приму условия этих господ.

– Ваше оружие?

– То же, что у этих господ.

- День, место, час?
- День, место и час, угодные этим господам.
- Но, однако...

– Не будем больше говорить об этих пустяках. Действуйте, и действуйте побыстрей, милый друг. Я буду прогуливаться в маленьком саду Лувра. Вы меня там найдете, когда выполните мою просьбу.

- Значит, вы меня ждете?
- Да.
- Ждите. Проклятие! Дело может затянуться.
- У меня есть время.

Мы уже знаем, как Сен-Люк разыскал четверых миньонов в тронном зале и как он положил начало переговорам.

Так вернемся к нему, в переднюю дворца Шомберга, где мы его оставили церемонно ожидающим, согласно всем правилам этикета той эпохи, пока четыре фаворита его величества, подозревая о цели визита Сен-Люка, рассаживались по четырем углам обширной гостиной.

После того как они уселись, дверь в переднюю широко распахнулась, из нее вышел лакей и поклонился Сен-Люку. Тот, опираясь левой рукой на рукоять рапиры и изящно приподнимая рапирой свой плащ, а в правой – держа шляпу, дошел до порога комнаты и остановился ровно на его середине, определив ее с точностью, которой позавидовал бы самый умелый архитектор.

- Господин д'Эпине де Сен-Люк, – провозгласил лакей.

Сен-Люк вошел.

Шомберг, как хозяин дома, легал и направился к гостю, который, вместо того чтобы поклониться, надел на голову шляпу.

Эта формальность придавала визиту особую окраску и определенный смысл.

Шомберг ответил поклоном, а затем повернулся к Келюсу.

– Имею честь представить вам, – сказал он, – господина Жака де Леви, графа де Келюса.

Сен-Люк сделал шаг в сторону Келюса и, в свой черед, отвесил глубокий поклон.

- Я искал с вами встречи, сударь. Келюс поклонился.

Шомберг продолжал, повернувшись к другому углу зала:

- Имею честь представить вам господина Луи де Можирона.

Такой же поклон со стороны Сен-Люка, и такой же ответ со стороны Можирона.

- Я искал с вами встречи, сударь, – сказал Сен-Люк.

С д'Эперноном повторилась та же церемония, выполненная так же неторопливо и спокойно.

Затем очередь дошла до Шомберга. Он представил самого себя и получил в ответ поклон.

После этого четверо друзей уселись.

Сен-Люк остался стоять.

– Господин граф, – сказал он Келюсу, – вы оскорбили господина графа Луи де Клермона д'Амбуаз, сеньора, де Бюсси, он свидетельствует вам свое глубочайшее почтение и вызывает вас на поединок, чтобы сразиться насмерть в тот день и в тот час, которые вы сочтете для вас удобными, и тем оружием, которое выберете вы... Вы принимаете вызов?

– Конечно, принимаю, – спокойно ответил Келюс, – господин граф де Бюсси оказывает мне большую честь.

- Ваш день, господин граф?

– День мне безразличен, но я предпочел бы, чтобы это было скорее завтра, чем послезавтра, и скорее послезавтра, чем в последующие дни, – Ваш час?

- Утро.

- Ваше оружие?

– Рапира и кинжал, если это оружие устроит господина де Бюсси.

Сен-Люк поклонился.

– Любое ваше решение на этот счет будет для господина де Бюсси законом, Затем он обратился к Можирону, ответившему то же самое, потом, последовательно, к двум остальным.

– Но, – сказал Шомберг, который, как хозяин дома, получил поклон последним, – мы не подумали об одном, господин Сен-Люк.

– О чем?

– О том, что если все мы пожелаем, случай иной раз распоряжается очень странно, если все мы пожелаем, повторяю, выбрать один и тот же день и час, господин де Бюсси может оказаться в очень затруднительном положении.

Сен-Люк поклонился с самой своей обходительной улыбкой на устах.

– Разумеется, – сказал он, – господин де Бюсси оказался бы в затруднительном положении, подобно всякому дворянину перед лицом таких четырех храбрецов, как вы. Но он заметил мне, что это для него не внове, с ним такое уже было у Турнельского дворца, возле Бастилии.

– И он будет драться со всеми четырьмя? – спросил д'Эпернон.

– Со всеми четырьмя, – подтвердил Сен-Люк.

– С каждым по отдельности? – спросил Шомберг.

– С каждым по отдельности или со всеми разом. Вызов адресован и каждому из вас, и всем вам вместе.

Четверо молодых людей переглянулись. Келюс первые нарушил молчание.

– Это очень благородно со стороны господина де Бюсси, – сказал он, красный от злости, – но, как бы мало мы ни стоили, все же каждый из нас способен справиться со своим делом самостоятельно. Итак, мы принимаем предложение графа и будем драться один за другим, по очереди..., или же... Да, так, пожалуй, будет лучше...

Келюс посмотрел на друзей, которые, по всей видимости поняв его мысль, кивнули ему в знак согласия.

– Мы не хотим, чтобы поединок превратился в убийство великодушного человека, и, пожалуй, будет лучше, если мы предоставим жребию решить, кому из нас драться с господином де Бюсси.

– Но, – поспешил спросить д'Эпернон, – а трое остальных?

– Трое остальных? У господина де Бюсси, несомненно, достаточно друзей, а у нас – врагов, чтобы трем остальным не пришлось стоять сложа руки, – Вы согласны со мной, господа? – прибавил Келюс, обращаясь к своим товарищам.

– Да, – ответили они в один голос.

– Мне было бы чрезвычайно приятно, – сказал Шомберг, – если бы господин де Бюсси пригласил на эту увеселительную прогулку господина де Ливаро.

– Если бы я смел выразить свое мнение, – сказал Можирон, – я попросил бы, чтобы при нашей встрече присутствовал господин де Бальзак д'Антрагэ.

– И общество было бы в полном сборе, – заключил Келюс, – если бы господин де Рибейрак соблаговолил явиться вместе со своими друзьями.

– Господа, – сказал Сен-Люк, – я передам ваши пожелания господину графу де Бюсси, но, по-моему, я могу сказать вам заранее, что он слишком учтив, чтобы не согласиться с ними. Мне остается только, господа, принести вам искреннюю благодарность от имени господина графа.

Сен-Люк снова поклонился, и головы четырех вызванных на поединок дворян склонились точно до того же уровня, что и его голова.

Молодые люди проводили Сен-Люка до дверей гостиной.

В самой последней из передних он увидел четырех лакеев.

Сен-Люк достал свой набитый золотом кошелек и бросил им со словами:

– Вот, выпейте за здоровье ваших господ.

Глава 38.

О ТОМ, В КАКОЙ ОБЛАСТИ ГОСПОДИН ДЕ СЕН-ЛЮК БЫЛ ПРОСВЕЩЕННЕЕ ГОСПОДИНА ДЕ БЮССИ, КАКИЕ УРОКИ ОН ЕМУ ПРЕПОДАЛ И КАК ИСПОЛЬЗОВАЛ ЭТИ УРОКИ ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ ПРЕКРАСНОЙ ДИАНЫ

Сен-Люк возвратился, весьма гордый столь хорошо выполненным поручением.

Дожидавшийся его Бюсси поблагодарил друга. Сен-Люку он показался очень грустным; подобное состояние было неестественным для исключительно храброго человека, которому сообщили, что ему предстоит блестящий поединок.

– Я что-нибудь не так сделал? – спросил Сен-Люк. – У вас расстроенный вид.

– Даю слово, милый друг, мне жаль, что, вместо того чтобы назначить срок, вы не сказали: «Немедленно».

– А! Терпение. Анжуйцы еще не вернулись. Какого черта! Дайте им время приехать! Зачем вам торопиться устилать землю убитыми и ранеными?

– Дело в том, что я хочу как можно скорее умереть. Сен-Люк уставился на Бюсси с тем удивлением, которое люди с идеально устроенным организмом испытывают на первых порах при малейшем признаке несчастья, пусть даже чужого.

– Умереть! В вашем возрасте, с вашим именем, имея такую возлюбленную!

– Да! Я убью всех четырех, я в этом уверен, но и сам получу хороший удар, который упокоит меня навеки.

– Что за черные мысли, Бюсси!

– Побывали бы вы в моей шкуре! Муж, считавшийся мертвым, – воскресает. Жена не может оторваться ни на минуту от изголовья постели этого, с позволения сказать, умирающего. Ни обменяться улыбками, ни словечком перекинуться, ни руки коснуться. Смерть Христова! С удовольствием изрубил бы кого-нибудь в куски...

Сен-Люк ответил на эту тираду взрывом смеха, который вспугнул целую стаю воробьев, клевавших рябину в малом саду Лувра.

– Ах! – вскричал он. – Какое простодушие! И подумать только, что женщины любят этого Бюсси, этого школяра! Но, мой милый, вы потеряли рассудок: в целом мире не сыщется любовника счастливей вас.

– Вот как? Попробуйте-ка доказать мне это, – вы, человек женатый!

– *Nihil facilius*²⁰, как говаривал иезуит Трике, мой учитель. Вы в дружбе с господином де Монсоро?

– Клянусь, мне стыдно за человеческий разум! Этот болван называет меня своим другом.

– Что ж, и будьте его другом.

– О!.. Злоупотребить этим званием?!

– *Prorsus absurdum*²¹, всегда говорил Трике. Он и в самом деле ваш друг?

– Он так утверждает.

– Нет, он не друг вам, потому что он делает вас несчастным. В чем цель дружбы? В том, чтобы люди приносили друг другу счастье. По крайней мере, так определяет дружбу его величество, а король – человек ученый.

Бюсси рассмеялся.

– Я продолжаю, – сказал Сен-Люк. – Если Монсоро делает вас несчастным, значит, вы не друзья. Следовательно, вы можете относиться к нему либо безразлично и, в этом случае, отобрать у него жену, либо – враждебно, и тогда убить его еще раз, коли ему одного раза не

²⁰ Нет ничего легче (лат.).

²¹ Бессмысленный вопрос (лат.).

достаточно.

– По правде говоря, – сказал Бюсси, – я его ненавижу.

– А он вас боится.

– Вы думаете, он меня не любит?

– Проклятие! Испытайте. Отнимите у него жену, и вы увидите.

– Это тоже логика отца Трике?

– Нет, это, моя.

– Поздравляю вас.

– Она вам подходит?

– Нет. Мне больше нравится быть человеком чести.

– И предоставить госпоже де Монсоро излечить ее супруга духовно и физически?

Ведь в конце-то концов, если вас убьют, нет никакого сомнения, что она прилепится к единственному оставшемуся у нее мужчине...

Бюсси нахмурился.

– Впрочем, – добавил Сен-Люк, – вот идет госпожа де Сен-Люк, это прекрасный советчик. Она нарвала себе букет в цветниках королевы-матери, и настроение у нее должно быть хорошим. Послушайте Жанну, каждое ее слово – золото.

И в самом деле, Жанна приближалась к ним, сияющая, преисполненная радости, искрящаяся лукавством.

Есть такие счастливые натуры, которые, подобно утренней песне жаворонка в полях, несут всему окружающему радость и добрые предзнаменования.

Бюсси дружески поклонился молодой женщине.

Она протянула ему руку, из чего явствует с полной неопровержимостью, что вовсе не полномочный посол Дюбуа завез к нам эту моду из Англии вместе с договором о четырехстороннем союзе.

– Как ваша любовь? – сказала Жанна, перевязывая свой букет золотой тесьмой, – Умирает, – ответил Бюсси.

– Полноте! Она лишь ранена и потеряла сознание, – вмешался Сен-Люк. – Ручаюсь, что вы приведете ее в чувство, Жанна.

– Поглядим, – сказала молодая женщина, – покажите-ка мне рану.

– В двух словах дело вот в чем, – продолжал Сен-Люк, – господина де Бюсси тяготит необходимость улыбаться графу де Монсоро, и он принял решение ретироваться.

– И оставить Диану графу? – в ужасе воскликнула Жанна.

Обеспокоенный этим первым проявлением ее чувств, Бюсси пояснил:

– О! Сударыня, Сен-Люк не сказал вам, что я хочу умереть.

Некоторое время Жанна глядела на него с состраданием, в котором не было ничего евангельского.

– Бедная Диана, – прошептала она. – Вот и любите после этого! Нет, решительно, вы, мужчины, все до одного, себялюбцы.

– Прекрасно! – сказал Сен-Люк. – Вот приговор моей супруги.

– Себялюбец, я?! – вскричал Бюсси. – Не потому ли, что я боюсь унижить мою любовь трусливым лицемерием?

– Ах, сударь, это всего лишь жалкий предлог, – сказала Жанна. – Если бы вы любили по-настоящему, вы боялись бы только одного унижения: быть разлюбленным.

– Ну и ну! – сказал Сен-Люк. – Подставляйте кошелек, мой милый.

– Но, сударыня, – возразил Бюсси голосом, дрожащим от любви, – есть жертвы, которые...

– Ни слова больше. Признайтесь, что вы уже не любите Диану, так будет достойнее для благородного человека.

При одной мысли об этом Бюсси побелел.

– Вы не осмеливаетесь сказать ей. Что ж, тогда я скажу сама.

– Сударыня, сударыня!

– Вы очень забавны, все вы, с вашими жертвами... А мы разве не приносим жертв? Как! Подвергаясь опасности быть зверски убитой этим тигром Монсоро, сохранить все супружеские права для любимого, проявив такие силу и волю, на которые были бы неспособны даже Самсон и Ганнибал; укротить это злобное детище Марса и впрячь его в колесницу господина триумфатора, это ли не геройство? О, клянусь вам, Диана просто великолепна, я бы и четверти того не смогла совершить, что она делает каждый день.

– Спасибо, – сказал Сен-Люк с таким благоговейным поклоном, что Жанна залилась смехом. Бюсси был в нерешительности.

– И он еще думает! – воскликнула Жанна. – Он не падает на колени, не говорит «*теа culpa*»!

– Вы правы, – сказал Бюсси, – я всего лишь мужчина, то есть существо несовершенное, стоящее ниже любой самой обыкновенной женщины.

– Радостно сознавать, – сказала Жанна, – что я вас убедила.

– Что мне делать? Приказывайте.

– Отправляйтесь сейчас же с визитом.. – К господину де Монсоро?

– Да что вы! Разве об этом речь? К Диане.

– Но, мне кажется, они не расстанутся.

– Когда вы навещали, и столь часто, госпожу де Барбезье, разве возле нее не было все время той большой обезьяны, которая кусала вас из чувства ревности.

Бюсси расхохотался, Сен-Люк последовал его примеру. Жанна присоединилась к ним. Жизнерадостный смех этого трио привлек к окнам всех придворных, прогуливавшихся по галереям.

– Сударыня, – сказал наконец Бюсси, – я отправляюсь к господину де Монсоро. Прощайте.

И на этом они расстались. Предварительно Бюсси посоветовал Сен-Люку не говорить никому о том, что он вызвал миньонов сразиться с ним.

Затем он отправился к господину де Монсоро, которого застал в постели.

Граф встретил появление Бюсси радостными восклицаниями.

Реми только что пообещал ему, что не пройдет и трех недель, как его рана затянется.

Диана приложила палец к губам: это было ее условное приветствие.

Бюсси пришлось подробно рассказать графу о поручении, возложенном на него герцогом Анжуйским, о посещении двора, о недовольном виде короля и кислых физиономиях миньонов.

Бюсси так и сказал: «кислые физиономии». Диана только посмеялась его словам.

Монсоро при этих известиях задумался, попросил Бюсси наклониться и шепнул ему на ухо:

– У герцога есть еще и другие замыслы, правда?

– Должно быть, – ответил Бюсси.

– Поверьте мне, – сказал Монсоро, – не компрометируйте себя ради этого подлого человека. Я знаю его. Он вероломен. Ручаюсь вам, что он никогда не остановится перед изменой.

– Я знаю, – ответил Бюсси с улыбкой, напомнившей графу об обстоятельствах, при которых сам Бюсси пострадал от измены герцога.

– Видите ли, – сказал Монсоро, – вы мой друг, поэтому я и хочу вас предостеречь. И еще: всякий раз, когда вы попадете в затруднительное положение, обращайтесь ко мне за советом.

– Сударь, сударь! После перевязки надо спать, – вмешался Реми. – Давайте-ка заснем.

– Сейчас, милый доктор. Друг мой, погуляйте немного с госпожой де Монсоро, – сказал граф. – Говорят, что в нынешнем году сад просто чудесен.

– Повинуюсь, – ответил Бюсси.

Глава 39. ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ГОСПОДИНА ДЕ МОНСОРО

Сен-Люк был прав, Жанна была права. Через восемь дней Бюсси это понял и воздал должное их мудрости.

Уподобиться героям древних времен – значит стать на века идеалом величия и красоты. Но это значит также раньше времени превратить себя в старика. И Бюсси, позабывший о Плутархе, которого он перестал числить среди своих любимых авторов с тех пор, как поддался разлагающему влиянию любви, Бюсси, прекрасный, как Алкивиад, заботился теперь только о настоящем и не проявлял более никакого пристрастия к жизнеописаниям Сципиона или Баярда в дни их воздержания.

Диана была проще, естественней, как теперь говорят. Она жила, повинуюсь двум инстинктивным стремлениям, которые мизантроп Фигаро считал врожденными у рода человеческого: стремлению любить и стремлению обманывать. Ей даже и в голову не приходило возводить до философских умозрений свое мнение о том, что Шаррон и Монтень называют честностью.

Любить Бюсси – в этом была ее логика. Принадлежать только Бюсси – в этом состояла ее мораль. Вздрагивать всем телом при простом легком прикосновении его руки – в этом заключалась ее метафизика.

Господин де Монсоро, – прошло уже пятнадцать дней с тех пор, как с ним случилось несчастье, – господин де Монсоро, говорим мы, чувствовал себя все лучше и лучше. Он уже уберегся от лихорадки благодаря холодным примочкам – новому средству, которое случай или, скорее, Провидение открыли Амбруазу Парэ, но тут внезапно на него обрушилась новая беда: граф узнал, что в Париж только что прибыл монсеньер герцог Анжуйский вместе с вдовствующей королевой и своими анжуйцами.

Монсоро беспокоился не даром, ибо на следующее же утро принц явился к нему домой, на улицу Пти-Пэр, под тем предлогом, что жаждет узнать, как он себя чувствует. Невозможно закрыть двери перед королевским высочеством, которое дает вам доказательство столь нежного внимания. Господин де Монсоро принял герцога Анжуйского, а герцог Анжуйский был весьма мил с главным ловчим и в особенности с его супругой.

Как только принц ушел, господин де Монсоро призвал Диану, оперся на ее руку и, несмотря на вопли Реми, трижды обошел вокруг своего кресла.

После чего он снова уселся в то самое кресло, вокруг которого, как мы уже сказали, он перед тем описал тройную циркумвалляционную линию. Вид у него был весьма довольный, и Диана угадала по его улыбке, что он замышляет какую-то хитрость.

Но все это относится к частной истории семейства Монсоро.

Возвратимся лучше к прибытию герцога Анжуйского в Париж, принадлежащему к эпической части нашей книги.

Само собой разумеется, день возвращения монсеньера Франсуа де Валуа в Лувр не прошел мимо внимания наблюдателей.

Вот что они отметили:

Король держался весьма надменно.

Королева была очень ласкова.

Герцог Анжуйский был исполнен наглого смирения и словно вопрошал всем своим видом: «Какого дьявола вы меня звали, ежели сейчас, когда я тут, вы сидите передо мной с такой надутой миной?»

Аудиенция была приправлена сверкающими, горящими, испепеляющими взглядами господ Ливаро, Рибейрака и Антрагэ, которые, уже предупрежденные Бюсси, были рады показать своим будущим противникам, что если предстоящая дуэль и встретит какие-нибудь помехи, то, уж конечно, не со стороны анжуйцев.

Шико в этот день суетился больше, чем Цезарь перед Фарсальской битвой.

Потом наступило полнейшее затишье.

Через день после возвращения в Лувр принц снова пришел навестить раненого.

Монсоро, посвященный в малейшие подробности встречи короля с братом, осыпал герцога Анжуйского льстивыми похвалами, чтобы поддержать в нем враждебные чувства к Генриху.

Затем, так как состояние графа все улучшалось, он, когда принц отбыл, оперся на руку своей жены и теперь уже обошел не три раза вокруг кресла, а один раз вокруг комнаты.

После чего уселся в кресло с еще более удовлетворенным видом.

В тот же вечер Диана предупредила Бюсси, что господин де Монсоро определенно что-то замышляет.

Спустя несколько минут Монсоро и Бюсси остались наедине.

– Подумать только, – сказал Монсоро, – что этот принц, который так мил со мной, мой смертельный враг и что именно он приказал господину де Сен-Люку убить меня.

– О! Убить! – возразил Бюсси. – Полноте, господин граф! Сен-Люк человек чести. Вы сами признались, что дали ему повод и первым вынули шпагу и что удар был вам нанесен в бою.

– Верно, но верно и то, что Сен-Люк действовал по подстрекательству герцога Анжуйского.

– Послушайте, – сказал Бюсси, – я знаю герцога, а главное, знаю господина де Сен-Люка. Должен сказать вам, что господин де Сен-Люк всецело принадлежит королю, и отнюдь не принцу. А! Если бы вы получили этот удар от Антрагэ, Ливаро или Рибейрака, тогда другое дело... Но что касается Сен-Люка...

– Вы не знаете французской истории, как знаю ее я, любезный господин де Бюсси, – сказал Монсоро, упорствуя в своем мнении.

На это Бюсси мог бы ему ответить, что если он плохо знает историю Франции, то зато отлично знаком с историей Анжу и в особенности той его части, где расположен Меридор.

В конце концов Монсоро встал и спустился в сад.

– С меня достаточно, – сказал он, вернувшись в дом. – Сегодня вечером мы переезжаем.

– Зачем? – сказал Реми. – Разве воздух улицы Пти-Пэр для вас нехорош или же у вас здесь мало развлечений?

– Напротив, – сказал Монсоро, – здесь у меня их слишком много. Монсеньер герцог Анжуйский докучает мне своими посещениями. Он каждый раз приводит с собой около трех десятков дворян, и звон их шпор ужасно раздражает меня.

– Но куда вы отправляетесь?

– Я приказал привести в порядок мой домик, что возле Турнельского дворца.

Бюсси и Диана, ибо Бюсси еще не ушел, обменялись влюбленными взглядами, исполненными воспоминаний.

– Как! Эту лачугу? – воскликнул, не подумав, Реми.

– А! Так вы его знаете, – произнес Монсоро.

– Клянусь богом! – сказал молодой человек. – Как же не знать дома главного ловчего Франции, особенно если живешь на улице Ботрейи?

У Монсоро, по обыкновению, шевельнулись в душе какие-то смутные подозрения.

– Да, да, я перееду в этот дом, – сказал он, – и мне там будет хорошо. Там больше четырех гостей не примешь. Это крепость, и из окна, на расстояние в триста шагов, можно видеть тех, кто идет к тебе с визитом.

– Ну и? – спросил Реми.

– Ну и можно избежать этого визита, коли захочется, – сказал Монсоро, – особенно ежели ты здоров.

Бюсси закусил губу. Он боялся, что наступит время, когда Монсоро начнет избегать и его посещений.

Диана вздохнула.

Она вспомнила, как в этом домике лежал на ее постели потерявший сознание, раненый Бюсси.

Реми размышлял, и поэтому первый из троих нашелся с ответом.

– Вам это не удастся, – заявил он, – Почему же, скажите на милость, господин лекарь?

– Потому что главный ловчий Франции должен давать приемы, держать слуг, иметь хороший выезд. Пусть он отведет дворец для своих собак, это можно понять, но совершенно недопустимо, чтобы он сам поселился в конуре.

– Гм! – протянул Монсоро тоном, который говорил:

«Это верно».

– И кроме того, – продолжал Реми, – я ведь врачую не только тела, но и сердца, и поэтому знаю, что вас волнует не ваше собственное пребывание здесь.

– Тогда чье же?.

– Госпожи.

– Ну и что?

– Распорядитесь, чтобы графиня уехала отсюда.

– Расстаться с ней? – вскричал Монсоро, устремив на Диану взгляд, в котором, вне всякого сомнения, было больше гнева, чем любви.

– В таком случае расстаньтесь с вашей должностью главного ловчего, подайте в отставку. Я полагаю, это было бы мудро, ибо в самом деле: либо вы будете исполнять ваши обязанности, либо вы не будете их исполнять. Если вы их исполнять не будете, вы навлечете на себя недовольство короля, если же вы будете их исполнять...

– Я буду делать то, что нужно, – процедил Монсоро сквозь стиснутые зубы, – но не расстанусь с графиней.

Не успел граф произнести эти слова, как во дворе раздался топот копыт и громкие голоса.

Монсоро содрогнулся.

– Опять герцог! – прошептал он.

– Да, это он, – сказал, подходя к окну, Реми.

Он еще не закончил фразы, а герцог, пользуясь привилегией принцев входить без объявления об их прибытии, уже вошел в комнату.

Монсоро был настороже. Он увидел, что первый взгляд Франсуа был обращен к Диане.

Вскоре неистощимые любезности герцога еще больше открыли глаза главному ловчему. Герцог привез Диане одну из тех редких драгоценностей, какие изготовляли, числом не более трех или четырех за всю жизнь, терпеливые и талантливые художники, прославившие свое время, когда шедевры, несмотря на то что их делали так медленно, появлялись на свет чаще, чем в наши дни.

То был прелестный кинжал с чеканной рукояткой из золота. Рукоятка являлась одновременно и флаконом. На клинке была вырезана с поразительным мастерством целая охота; собаки, лошади, охотники, дичь, деревья, небо были соединены в гармоническом беспорядке, который надолго приковывал взгляд к этому клинку из золота и лазури.

– Можно поглядеть? – сказал Монсоро, опасавшийся, не спрятана ли в рукоятке какая-нибудь записка.

Принц опроверг его опасения, отделив рукоятку от клинка.

– Вам, охотнику, – клинок, – сказал он, – а графине – рукоятка. Здравствуйте, Бюсси, вы, я вижу, стали теперь близким другом графа?

Диана покраснела.

Бюсси, напротив, сумел совладать с собой.

– Монсеньер, – сказал он, – вы забыли, что ваше высочество сами просили меня сегодня утром зайти к господину де Монсоро и узнать, как он себя чувствует. Я, по обыкновению, повиновался приказу вашего высочества.

– Это верно, – сказал герцог.

После чего он сел возле Дианы и вполголоса повел с ней разговор.

Через некоторое время герцог сказал:

– Граф, в этой комнате – комнате больного, ужасно жарко. Я вижу, графиня задыхается, и хочу предложить ей руку, чтобы прогуляться по саду.

Муж и возлюбленный обменялись свирепыми взглядами.

Диана, получив приглашение, поднялась и положила свою руку на руку принца.

– Дайте мне вашу руку, – сказал граф де Монсоро Бюсси.

И главный ловчий спустился в сад вслед за женой.

– А! – сказал герцог. – Вы, как я вижу, совсем поправились?

– Да, монсеньер, и я надеюсь, что скоро буду в состоянии сопровождать госпожу де Монсоро повсюду, куда она отправится.

– Великолепно! Но до тех пор не стоит утомлять себя.

Монсоро и сам чувствовал, насколько справедлив совет принца.

Он уселся в таком месте, откуда мог не терять принца и Диану из виду.

– Послушайте, граф, – сказал он Бюсси, – не окажете ли вы мне любезность отвезти госпожу де Монсоро в мой домик возле Бастилии? По правде говоря, я предпочитаю, чтобы она находилась там. Я вырвал ее из когтей этого ястреба в Меридоре не для того, чтобы он сожрал ее в Париже.

– Пет, сударь, – сказал Реми своему господину, – пет, вы не можете принять это предложение.

– Почему же? – спросил Бюсси.

– Потому, что вы принадлежите к людям монсеньера герцога Анжуйского и монсеньер герцог Анжуйский никогда не простит вам, что вы помогли графу оставить его с носом.

«Что мне до того!» – уже собрался воскликнуть горячий Бюсси, когда взгляд Реми призвал его к молчанию.

Монсоро размышлял.

– Реми прав, – сказал он, – об этом нужно просить не вас. Я сам отвезу ее, ведь завтра или послезавтра я уже смогу поселиться в том доме.

– Безумие, – сказал Бюсси, – вы потеряете вашу должность.

– Возможно, – ответил граф, – но я сохраню жену.

При этих словах он нахмурился, что вызвало вздох у Бюсси.

И действительно, тем же вечером граф отправился со своей женой в дом возле Турнельского дворца, хорошо известный нашим читателям.

Реми помог выздоравливающему обосноваться там.

Затем, так как он был человеком безгранично преданным и понимал, что в этом тесном жилище любовь Бюсси, оказавшаяся под угрозой, будет очень нуждаться в его содействии, он снова сблизился с Гертрудой, которая начала с того, что отколотила его, и кончила тем, что простила ему.

Диана снова поселилась в своей комнате, выходящей окнами на улицу, комнате с портретом и белыми, тканными золотом занавесками у кровати.

От комнаты графа Монсоро ее отделял всего лишь коридор.

Бюсси рвал на себе волосы.

Сен-Люк утверждал, что веревочные лестницы достигли самого высокого совершенства и прекрасно могут заменить лестницы обыкновенные.

Монсоро потирал руки и улыбался, представляя себе досаду монсеньера герцога Анжуйского.

Глава 40.

ВИЗИТ В ДОМИК ВОЗЛЕ ТУРНЕЛЬСКОГО ЗАМКА

У некоторых людей вождение заменяет настоящую страсть, подобно тому как у волка и гиены голод создает видимость смелости.

Во власти такого чувства герцог Анжуйский и вернулся в Париж. Его досада, после того как обнаружилось, что Дианы больше нет в Меридоре, не поддается описанию. Он был почти влюблен в эту женщину и именно потому, что ее у него отняли.

Вследствие этого ненависть принца к Монсоро, ненависть, зародившаяся в тот день, когда принц узнал, что граф ему изменил, вследствие этого, повторяем мы, его ненависть превратилась в своего рода безумие, тем более опасное, что, уже столкнувшись раз с решительным характером графа, он собирался нанести удар из-за угла.

С другой стороны, герцог отнюдь не отказался от своих политических притязаний, и уверенность в своей значительности, приобретенная им в Анжу, возвышала его в собственных глазах. Едва возвратившись в Париж, он возобновил свои темные и тайные происки.

Момент для этого был благоприятный: многие склонные к колебаниям заговорщики, из числа тех, кто предан не делу, а успеху, ободренные подобием победы, одержанной анжуйцами благодаря слабости короля и коварству Екатерины, заискивали в герцоге, связывая невидимыми, но крепкими нитями дело принца с делом Гизов, которые предусмотрительно оставались в тени и хранили молчание, очень беспокоившее Шико.

К этому надо добавить, что принц больше не вел с Бюсси откровенных политических разговоров. Лицемерные заверения в дружбе – вот и все, что он допускал. Принца безотчетно беспокоила встреча с Бюсси в доме Монсоро, и он сердился на молодого человека за доверие, оказываемое ему обычно столь подозрительным графом.

Его также пугало сияющее радостью лицо Дианы, эти нежные краски, делавшее ее такой восхитительной и желанной.

Принц знал, что цветы горят красками и благоухают только от солнца, а женщины – от любви. Диана явно была счастлива, а всегда завистливому и настороженному принцу чужое счастье казалось враждебным, направленным лично против него.

Рожденный принцем, герцог Анжуйский достиг могущества темными и извилистыми путями и привык прибегать к силе, – будь то в делах любви или в делах мести, – после того, как сила обеспечила ему успех. Так и сейчас он, поддерживаемый к тому же советами Орильи, счел, что для него зазорно быть остановленным в удовлетворении своих желаний столь смехотворными препятствиями, как ревность мужа и отвращение жены.

Однажды, после дурно проведенной ночи, истерзанный теми мрачными видениями, которые порождает лихорадочное состояние полусна, он почувствовал, что вождения его дошли до предела, и приказал седлать коней, чтобы отправиться с визитом к Монсоро.

Монсоро, как известно, уже переселился в дом возле Турнельского дворца.

Услышав сие сообщение, принц улыбнулся. То была сцena из меридорской комедии. Еще одна. Для виду он осведомился, где находится этот дом. Ему ответили, что на площади Сент-Антуан, и тогда, обернувшись к Бюсси, который сопровождал его, принц сказал:

– Раз он возле Турнельского дворца, поедem к Турнельскому дворцу.

Кавалькада тронулась в путь, и вскоре эти две дюжины знатных дворян, составлявших обычную свиту принца, за каждым из которых следовали два лакея с тремя лошадьми, наполнили шумом весь квартал.

Принц хорошо знал и дом и дверь. Бюсси знал их не хуже его.

Оба остановились возле двери, вошли в прихожую и поднялись по лестнице. Но принц вошел в комнаты, а Бюсси остался в коридоре. Вследствие такого распределения принц, казалось бы получивший преимущество, увидел только Монсоро, который встретил его, лежа в кресле, в то время как Бюсси встретили руки Дианы, нежно обвившиеся вокруг его шеи, пока Гертруда стояла на страже.

Бледный от природы Монсоро при виде принца просто посинел. Принц был его кошмаром.

– Монсеньер! – воскликнул граф, дрожа от злости – Монсеньер в этом бедном домишке! Нет, в самом деле, слишком уж много чести для такого маленького человека, как я.

Ирония бросалась в глаза, потому что Монсоро почти не дал себе труда замаскировать ее.

Однако принц, словно и не заметив иронии, с улыбкой на лице подошел к выздоравливающему.

– Повсюду, куда едет мой страждущий друг, – сказал он, – еду и я, чтобы узнать о его здоровье.

– Помилуйте, принц, мне показалось, что ваше высочество произнесли слово «друг».

– Я произнес его, любезный граф. Как вы себя чувствуете?

– Гораздо лучше, монсеньер. Я поднимаюсь, хожу и дней через восемь буду совсем здоров.

– Это ваш лекарь прописал вам воздух Бастилии? – спросил принц с самым простодушным видом.

– Да, монсеньер.

– Разве вам было плохо на улице Пти-Пэр?

– Да, монсеньер, там приходилось принимать слишком много гостей, и эти гости поднимали слишком большой шум.

Граф произнес свои слова твердым тоном, что не ускользнуло от принца, и тем не менее Франсуа словно бы не обратил на них никакого внимания.

– Но тут у вас, кажется, нет сада, – сказал он.

– Сад был мне вреден, монсеньер, – ответил Монсоро.

– По где же вы гуляли, дорогой мой?

– Да я вообще не гулял, монсеньер.

Принц закусил губу и откинулся на спинку стула.

– Известно ли вам, граф, – сказал он после короткого молчания, – что очень многие просят короля передать им вашу должность главного ловчего?

– Ба! И под каким предлогом, монсеньер?

– Они уверяют, что вы умерли.

– О! Я уверен, монсеньер отвечает им, что я жив.

– Я ничего не отвечаю. Вы хороните себя, дорогой мой, значит, вы мертвы?

Монсоро, в свою очередь, закусил губу.

– Ну, что же, монсеньер, – сказал он, – пусть я потеряю свою должность.

– Вот как?

– Да, есть вещи, которые для меня важнее.

– А! – произнес принц. – Стало быть, честолубие вам чуждо?

– Таков уж я, монсеньер.

– Ну раз уж вы такой, вы не найдете ничего дурного в том, что об этом узнает король.

– Кто же ему скажет?, – Проклятие! Если он спросит меня, мне, безусловно, придется рассказать о нашем разговоре.

– По чести, монсеньер, коли рассказывать королю все, о чем говорят в Париже, его величеству не хватит двух ушей.

– О чем говорят в Париже, сударь? – спросил принц, обернувшись к Монсоро так резко, словно его змея ужалила.

Монсоро увидел, что разговор постепенно принял слишком серьезный оборот для выздоравливающего человека, который еще лишен полной свободы действия. Он смирил злобу, кипевшую в его душе, и, приняв безразличный вид, сказал:

– Что могу знать я, бедный паралитик? Жизнь идет, а я вижу только тень от нее, да и то не всегда. Ежели король недоволен тем, что я плохо несу свою службу, он не прав.

– То есть как?

– Конечно. Несчастье, случившееся со мной...

– Ну!

– Произошло частично по его вине.

– Что вы этим хотите сказать?

– Проклятие! Разве господин де Сен-Люк, проколовший меня шпагой, не из числа самых близких друзей короля? Ведь секретному удару, которым он продырявил мне грудь, научил его король, и я не вижу ничего невозможного в том, что король сам же его исподтишка и подстрекнул завести ссору со мной.

Герцог Анжуйский слегка кивнул головой.

– Вы правы, – сказал он, – но, как ни кинь, король есть король.

– До тех пор, пока он не перестает быть им, не так ли? – сказал Монсоро. Герцог подскочил.

– Кстати, – сказал он. – Разве госпожа де Монсоро не живет здесь?

– Монсеньер, графиня сейчас больна, иначе бы она уже явилась сюда засвидетельствовать вам свое глубокое почтение.

– Больна? Бедняжка!

– Больна, монсеньер.

– От горя, которое ей причинил вид ваших страданий?

– И от этого, и от утомления, вызванного переездом.

– Будем надеяться, что нездоровье ее продлится недолго, дорогой граф. У вас такой умелый лекарь. И принц поднялся со стула.

– Что и говорить, – сказал Монсоро, – милый Реми прекрасно лечил меня.

– Реми? Но ведь так зовут лекаря Бюсси?

– Да, верно, это граф ссудил его мне, монсеньер.

– Значит, вы очень дружны с Бюсси?

– Он мой лучший и следовало бы даже сказать: мой единственный друг, – холодно ответил Монсоро.

– Прощайте, граф, – сказал принц, приподнимая шелковую портьеру.

В то самое мгновение, когда голова его высунулась за портьеру, принцу показалось, что он увидел край платья, исчезнувший в комнате напротив, и внезапно перед ним вырос, на своем посту посреди коридора, Бюсси.

Подозрения принца усилились.

– Мы уезжаем, – сказал он.

Бюсси не ответил и поспешил спуститься вниз, чтобы отдать распоряжение эскорту подготовиться, но, возможно, и для того, чтобы скрыть от принца румянец на своем лице.

Оставшись один, герцог попытался проникнуть туда, где исчезло шелковое платье.

Но, обернувшись, увидел, что Монсоро пошел вслед за ним и, бледный как смерть, стоит на пороге своей комнаты, держась за наличник.

– Ваше высочество ошиблись дверью, – холодно скапал граф.

– В самом деле, – пробормотал герцог, – благодарствуйте.

И, кипя от ярости, спустился вниз.

В течение всего обратного, довольно долгого пути он в Бюсси не обменялись ни единым словом.

Бюсси распрощался с герцогом у дверей его дворца.

Когда Франсуа вошел в дом и остался в кабинете один, к нему с таинственным видом проскользнул Орильи.

– Ну вот, – сказал, заведя его, герцог, – муж потешается надо мной.

– А возможно, и любовник тоже, монсеньер, – добавил музыкант.

– Что ты сказал?

– Правду, ваше высочество.

– Тогда продолжай.

– Послушайте, монсеньер, я надеюсь, вы простите меня, потому что я сделал все это, движимый одним желанием – услужить вашему высочеству.

– Дальше! Решено, я тебя прощаю заранее.

– Ну так вот, после того как вы вошли в дом, я сторожил под навесом во дворе.

– Ага! И ты увидел?

– Я увидел женское платье, увидел, как женщина наклонилась, увидел, как две руки обвились вокруг ее шеи, и, так как ухо у меня наметанное, я отчетливо услышал звук долгого и нежного поцелуя.

– Но кто был этот мужчина? – спросил герцог. – Его ты узнал?

– Я не мог узнать рук, – возразил Орильи, – у перчаток нет лица, монсеньер.

– Разумеется, но можно узнать перчатки.

– Действительно, и мне показалось... – сказал Орильи.

– Что они тебе знакомы, верно? Ну, ну!

– Но это только лишь предположение.

– Не важно, все равно говори.

– Так вот, монсеньер, мне показалось, что это перчатки господина де Бюсси.

– Кожаные перчатки, расшитые золотом, не так ли? – вскричал герцог, с глаз которого внезапно спала застилавшая правду пелена.

– Да, монсеньер, из буйволовой кожи и расшитые золотом, они самые, – подтвердил Орильи.

– А! Бюсси! Конечно, Бюсси! Это Бюсси! – снова воскликнул герцог. – Как я был слеп! Нет, я не был слеп, я просто не мог бы поверить в такую дерзость.

– Осторожней, – сказал Орильи – мне кажется, ваше высочество говорите слишком громко.

– Бюсси! – еще раз повторил герцог, перебирая в памяти тысячи мелочей, которые в свое время прошли для него незамеченными, а теперь снова возникали перед его мысленным взором во всем их значении.

– Однако, монсеньер, – сказал Орильи, – не надо спешить с выводами: может статься, в комнате госпожи де Монсоро прятался какой-нибудь другой мужчина?

– Да, это возможно, но Бюсси, ведь он оставался в коридоре, должен был увидеть этого мужчину.

– Вы правы, монсеньер.

– А потом, перчатки, перчатки.

– Это тоже верно. И еще: кроме звука поцелуя, я услышал...

– Что?

– Три слова.

– Какие?

– Вот они: «До завтрашнего вечера».

– Боже мой!

– Таким образом, монсеньер, если мы пожелаем возобновить те прогулки, которыми когда-то занимались, мы сможем проверить наши подозрения.

– Орильи, мы возобновим их завтра вечером.

– Ваше высочество знаете, что я всегда к вашим услугам.

– Отлично. А! Бюсси! – повторил герцог сквозь зубы. – Бюсси изменил своему сеньору! Бюсси, повергающий всех в трепет! Безупречный Бюсси! Бюсси, который не хочет, чтобы я стал королем Франции!

И, улыбаясь своей дьявольской улыбкой, герцог отпустил Орильи, чтобы поразмыслить на свободе.

Глава 41. СОГЛЯДАТАИ

Орильи и герцог Анжуйский выполнили свое намерение. Герцог в течение всего дня старался по возможности держать Бюсси возле себя, чтобы следить за всеми его действиями.

Бюсси ничего лучшего и не желал, как провести день в обществе принца и получить таким образом вечер в свое распоряжение.

Так он поступал обычно, даже когда у него не было никаких тайных планов.

В десять часов вечера Бюсси закутался в плащ и, с веревочной лестницей под мышкой, зашагал к Бастилии.

Герцог, который не знал, что Бюсси держит в его передней лестницу, и не думал, что можно осмелиться в этот час выйти одному на улицы Парижа; герцог, который полагал, что Бюсси зайдет в свой дворец за конем и слугою, потерял десять минут на сборы. За эти десять минут легкий на ногу и влюбленный Бюсси успел пройти три четверти пути.

Бюсси повезло, как обычно везет смелым людям. Он никого не встретил на улицах и, подойдя к дому, увидел в окне свет.

Это был условленный между ним и Дианой сигнал.

Молодой человек закинул лестницу на балкон. Она была снабжена шестью крюками, повернутыми в разные стороны, и всегда без промаха цеплялась за что-нибудь.

Услышав шум, Диана погасила светильник и открыла окно, чтобы закрепить лестницу.

Это было делом одной минуты.

Диана окинула взором площадь, внимательно обследовав все углы и закоулки.

Площадь показалась ей безлюдной.

Тогда она сделала знак Бюсси, что он может подниматься. Увидев этот знак, Бюсси стал взбираться по лестнице, шагая через две перекладины. Их было десять, поэтому на подъем потребовалось всего пять шагов, то есть пять секунд.

Момент был выбран очень удачно, потому что в то время, как Бюсси поднимался к окну, господин де Монсоро, более десяти минут терпеливо подслушивавший у дверей жены, с трудом спускался по лестнице, опираясь на руку доверенного слуги, который с успехом заменял Реми всякий раз, когда дело шло не о перевязках и не о лекарствах.

Этот двойной маневр, словно согласованный умелым стратегом, был выполнен так точно, что Монсоро открыл дверь на улицу как раз в то мгновение, когда Бюсси втянул лестницу и Диана закрыла окно.

Монсоро вышел на улицу. Но, как мы уже сказали, она была пустынна, и граф ничего не увидел.

– Может быть, тебе дали неверные сведения? – спросил Монсоро у слуги.

– Нет, монсеньер, – ответил тот. – Я уходил из Анжуйского дворца, и старший конюх, мы с ним приятели, сказал мне совершенно точно, что монсеньер герцог приказал оседлать к вечеру двух коней. Разве только он собирался в какое-нибудь другое место ехать, а не сюда.

– Куда ему еще ехать? – мрачно сказал Монсоро. Подобно всем ревнивцам, граф не представлял себе, что у всего остального человечества могли найтись иные заботы, кроме одной – мучить его. Он снова оглядел улицу.

– Может, лучше мне было остаться в комнате Дианы, – пробурчал он. – Но они, вероятно, переговариваются сигналами. Она могла бы предупредить его, что я там, и тогда я бы ничего не узнал. Лучше сторожить снаружи, как мы договорились. Ну-ка, проводи меня в то укромное место, откуда, по-твоему, все видно.

– Пойдемте, сударь, – сказал слуга.

Монсоро двинулся вперед, одной рукой опираясь о руку слуги, другой – о стену.

И действительно, в двадцати – двадцати пяти шагах от двери дома, в направлении Бастилии, лежала большая груда камней, оставшихся от разрушенных домов. Мальчишки квартала использовали ее как укрепления, когда играли в войну, игру, ставшую популярной со времен войн арманьяков и бургиньонов.

Посреди этой груды камней слуга соорудил что-то вроде укрытия, где без труда могли спрятаться двое.

Он расстелил на камнях свой плащ, и Монсоро присел на него.

Слуга расположился у ног графа.

Возле них на всякий случай лежал заряженный мушкет.

Слуга хотел было поджечь фитиль, но Монсоро остановил его.

– Погоди, – сказал он, – еще успеется. Мы отслеживаем королевскую дичь. Всякий, кто поднимет на нее руку, карается смертной казнью через повешение.

Он переводил свой взгляд, горящий, словно у волка, притаившегося возле овчарни, с окна Дианы в глубину улицы, а оттуда на прилежащие улицы, ибо, желая застигнуть врасплох, боялся, как бы его самого врасплох не застigli.

Диана предусмотрительно задернула плотные гобеленовые занавеси и лишь узенькая полоска света пробивалась между ними, свидетельствуя, что в этом совершенно темном доме теплится жизнь.

Монсоро не просидел в засаде и десяти минут, как из улицы Сент-Антуан выехали два всадника.

Слуга не произнес ни слова и лишь рукой указал в их сторону.

– Да, – шепнул Монсоро, – вижу.

Возле угла Турнельского дворца всадники спешили и привязали лошадей к железному кольцу, вделанному для этой цели в стену.

– Монсеньер, – сказал Орильи, – по-моему, мы приехали слишком поздно. По всей вероятности, он отправился прямо из вашего дворца, опередив вас на десять минут. Он уже там.

– Пусть так, – сказал принц, – но если мы не видели, как он вошел, мы увидим, как он выйдет.

– Да, но когда это будет? – сказал Орильи.

– Когда мы захотим, – сказал принц.

– Не сочтете ли вы за нескромность с моей стороны, если я спрошу, как вы собираетесь этого добиться, монсеньер?

– Нет ничего легче. Один из нас, ты, например, постучит в дверь, под предлогом, что пришел осведомиться о здоровье господина де Монсоро. Все влюбленные боятся шума, и, стоит тебе войти в дом, он тотчас же вылезет в окно, а я, оставаясь здесь, увижу, как он улепетывает.

– А Монсоро?

– Что он, черт побери, может сказать? Он мой друг, я обеспокоен, я прислал узнать о его здоровье, потому что днем мне показалось, что он плохо выглядит. Нет ничего проще.

– Как нельзя более хитроумно, монсеньер, – сказал Орильи.

– Ты слышишь, что они говорят? – спросил Монсоро слугу.

– Нет, монсеньер, но если они будут продолжать разговор, мы обязательно их услышим, потому что они идут в нашу сторону.

– Монсеньер, – сказал Орильи, – вот груда камней, которая словно нарочно тут положена, чтобы вашему высочеству за ней спрятаться.

– Да. Но постой, может, удастся что-нибудь разглядеть в щель между занавесками.

Как мы уже сказали, Диана снова зажгла светильник, и из комнаты пробивался наружу слабый свет. Герцог и Орильи добрые десять минут вертелись так и сяк, пытаясь найти ту точку, откуда их взгляды могли бы проникнуть внутрь комнаты.

Во время этих эволюций Монсоро кипел от негодования, и рука его то и дело хваталась за ствол мушкета, гораздо менее холодный, чем она.

– О! Неужели я вынесу это? – шептал он. – Проглочу еще и это оскорбление? Нет, нет! Терпение мое иссякло. Разрази господь! Не иметь возможности ни спать, ни бодрствовать, ни даже болеть спокойно из-за того, что в праздном мозгу этого ничтожного принца угнездилась позорная прихоть! Нет, я не угодливый слуга, я граф де Монсоро! Пусть он только пойдет в эту сторону, и, клянусь честью, я всажу ему пулю в лоб. Зажигай фитиль, Репе, зажигай!

Именно в это мгновение принц, видя, что проникнуть взглядом за занавески невозможно, вернулся к своему первому плану и собрался уже было спрятаться за камнями, пока Орильи пойдет стучать в дверь, как вдруг Орильи, позабыв о разнице в положении, схватил его за руку.

– В чем дело, сударь? – спросил удивленный принц.

– Идемте, монсеньер, идемте, – сказал Орильи.

– Но почему?

– Разве вы не видите? Там, слева, что-то светится. Идемте, монсеньер, идемте.

– И верно, я вижу какую-то искорку среди тех камней.

– Это фитиль мушкета или аркебузы, монсеньер.

– А! – произнес герцог. – Кто же, черт побери, может там прятаться?

– Кто-нибудь из друзей или слуг Бюсси. Удалимся, сделаем крюк и вернемся с другой стороны. Слуга поднимет тревогу, и мы увидим, как Бюсси вылезет из окна.

– И верно, твоя правда, – сказал герцог. – Пойдем. Они перешли через улицу, направляясь туда, где были привязаны их лошади.

– Уходят, – сказал слуга.

– Да, – сказал Монсоро. – Ты узнал их?

– Я почти уверен, что это принц и Орильи.

– Так оно и есть. Но сейчас я удостоверюсь в этом окончательно.

– Что вы собираетесь делать, монсеньер?

– Пошли!

Тем временем герцог и Орильи свернули в улицу Сент-Катрин с намерением проехать вдоль садов и возвратиться обратно по бульвару Бастилии.

Монсоро вошел в дом и приказал заложить карету.

Случилось то, что и предвидел герцог.

Услышав шум, который произвел Монсоро, Бюсси встревожился: свет снова погас, окно открылось, лестницу опустили, и Бюсси, к своему великому сожалению, был вынужден бежать, как Ромео, но, в отличие от Ромео, он не увидел первого луча занимающегося дня и не услышал пения жаворонка.

В ту минуту, когда он ступил на землю и Диана сбросила ему лестницу, из-за угла Бастилии появились герцог и Орильи.

Они еще успели заметить прямо перед окном Дианы какую-то тень, словно висящую между небом и землей, но почти в то же мгновение тень эта исчезла за углом улицы Сен-Поль.

– Сударь, – уговаривал графа де Монсоро слуга, – мы поднимем на ноги весь дом.

– Что из того? – отвечал взбешенный Монсоро. – Кажется, я тут хозяин и имею полное право делать у себя в доме то, что собирался сделать господин герцог Анжуйский.

Карета была подана. Монсоро послал за двумя слугами, которые жили на улице Турнель, и когда эти люди, со времени его ранения всюду его сопровождавшие, пришли и заняли свои места на подножках, экипаж тронулся в путь. Две крепкие лошади бежали рысью и меньше чем через четверть часа доставили графа к дверям Анжуйского дворца.

Герцог и Орильи возвратились так недавно, что даже кони их не были еще расседланы.

Монсоро, имевший право являться к принцу без приглашения, показался на пороге как раз в тот момент, когда принц, швырнув свою фетровую шляпу на кресло, протягивал ноги в сапогах камердинеру.

Лакей, шедший на несколько шагов впереди Монсоро, объявил о прибытии господина главного ловчего.

Даже если бы молния ударила в окна комнаты, принц не был бы потрясен больше, чем при этом известии.

– Господин де Монсоро! – вскричал он, охваченный беспокойством, о котором свидетельствовали и его бледность, и его взволнованный тон.

– Да, монсеньер, я самый, – сказал граф, успокаивая или, скорее, пытаясь успокоить, бушевавшую в его жилах кровь.

Усилие, которое он над собой делал, было столь жестоким, что граф почувствовал, как ноги под ним подогнулись, и упал в кресло возле дверей.

– Но, – сказал герцог, – вы убьете себя, дорогой друг. Вы уже сейчас такой бледный,

что, сдается, вот-вот лишитесь чувств.

– О нет, монсеньер! Сейчас я должен сообщить вашему высочеству слишком важные известия. Быть может, потом я и впрямь упаду в обморок, это вероятно.

– Так говорите же, дорогой граф, – сказал Франсуа в полном смятении.

– Но не в присутствии слуг, я полагаю? – сказал Монсоро.

Герцог отослал всех, даже Орильи. Они остались наедине.

– Ваше высочество откуда-то возвратились? – спросил Монсоро.

– Как видите, граф.

– Это весьма неосторожно со стороны вашего высочества – ходить среди ночи по улицам.

– Кто вам сказал, что я ходил по улицам?

– Проклятие! Эта пыль на ваших сапогах, монсеньер...

– Господин де Монсоро, – ответил принц тоном, в котором нельзя было ошибиться, – разве у вас есть и другая должность, кроме должности главного ловчего?

– Должность соглядатая? Да, монсеньер. В наши дни все этим занимаются, одни больше, другие меньше, ну и я – как все.

– И что же вам приносит эта должность?

– Знание того, что происходит.

– Любопытно, – произнес принц, подвигаясь поближе к звонку, чтобы иметь возможность вызвать слуг.

– Весьма любопытно, – сказал Монсоро.

– Ну, что ж, сообщите мне то, что хотели.

– Я за тем и пришел.

– Вы позволите мне тоже сесть?

– Не надо иронизировать, монсеньер, над столь смиренным и верным другом, как я, который, невзирая на поздний час и свое болезненное состояние, явился сюда для того, чтобы оказать вам важную услугу. Если я и сел, монсеньер, то, клянусь честью, лишь потому, что ноги меня не держат.

– Услугу? – переспросил герцог. – Услугу?

– Да.

– Так говорите же!

– Монсеньер, я явился к вашему высочеству по поручению одного могущественного лица.

– Короля?

– Нет, монсеньера герцога де Гиза.

– А, – сказал принц, – по поручению герцога де Гиза, это другое дело. Подойдите ко мне и говорите тише.

Глава 42.

О ТОМ, КАК ГЕРЦОГ АНЖУЙСКИЙ ПОСТАВИЛ СВОЮ ПОДПИСЬ, И О ТОМ, ЧТО ОН СКАЗАЛ ПОСЛЕ ЭТОГО

Некоторое время герцог Анжуйский и Монсоро молчали. Затем герцог прервал молчание.

– Ну, господин граф, – спросил он, – что же господа де Гизы поручили вам сообщить мне?

– Очень многое, монсеньер.

– Значит, вы получили от них письмо?

– О! Нет. После странного исчезновения мэтра Николя Давида господа де Гизы больше не посылают писем.

– В таком случае, вы сами побывали в армии?

– Нет, монсеньер, это они приехали в Париж.

– Господа де Гизы в Париже? – воскликнул герцог.
– Да, монсеньер.
– И я их не видел!
– Они слитком осторожны, чтобы подвергать опасности себя, а также и ваше высочество.

– И меня даже не известили!
– Почему же нет, монсеньер? Как раз этим я сейчас и занимаюсь.
– А что они собираются здесь делать?
– Но ведь они, монсеньер, явились на встречу, которую вы им сами назначили.
– Я! Я назначил им встречу?
– Разумеется. В тот самый день, когда ваше высочество были арестованы, вы получили письмо от господ де Гизов и через мое посредство ответили им, слово в слово, что они должны быть в Париже с тридцать первого мая до второго июня. Сегодня тридцать первое мая. Если вы забыли господ де Гизов, то господа де Гизы, как видите, вас не забыли, монсеньер.

Франсуа побелел.

С того дня произошло столько событий, что он упустил из виду это свидание, несмотря на всю его важность.

– Верно, – сказал он, – но между мною и господами де Гизами больше не существует тех отношений, которые существовали тогда.

– Если это так, монсеньер, – сказал граф, – вам лучше предупредить их, ибо мне кажется, что у них на этот счет совсем иное мнение.

– То есть?

– Вы, быть может, полагаете, что развязались с ними, монсеньер, но они продолжают считать себя связанными с вами.

– Это западня, любезный граф, приманка, на которую такой человек, как я, во второй раз не попадется.

– А где же монсеньер попался в первый раз?

– Как где я попался?! Да в Лувре, клянусь смертью Христовой!

– Разве это было по вине господ де Гизов?

– Я не утверждаю, – проворчал герцог, – я не утверждаю, я только говорю, что они ничего не сделали, чтобы помочь мне бежать.

– Это было бы нелегко, так как они сами находились в бегах.

– Верно, – прошептал герцог.

– Но, как только вы очутились в Анжу, разве они не поручили мне сказать вам, что вы можете всегда рассчитывать на них, как они рассчитывают на вас, и что в тот день, когда вы двинетесь на Париж, они тоже выступят против него.

– И это верно, – сказал герцог, – но я не двинулся на Париж.

– Нет, двинулись, монсеньер, раз вы в Париже.

– Да, я в Париже, но как союзник моего брата.

– Разрешите заметить вам, монсеньер, что Гизам вы больше чем союзник.

– Кто же я им?

– Монсеньер – их сообщник. Герцог Анжуйский прикусил губу.

– Так вы говорите, что они поручили вам объявить мне об их прибытии?

– Да, ваше высочество, они оказали мне эту честь, – Но они не сообщили вам причин своего возвращения?

– Зная меня за доверенное лицо вашего высочества, они сообщили мне все: и причины и планы.

– Так у них есть планы? Какие?

– Те же, что и прежде.

– И они считают их осуществимыми?

– Они в них уверены.

– А цель этих планов по-прежнему?.. Герцог остановился, не решаясь выговорить слова, которые должны были последовать за теми, что он произнес, Монсоро закончил его мысль:

– Да, монсеньер, их цель – сделать вас королем Франции.

Герцог почувствовал, как лицо его краснеет от радости.

– Но, – спросил он, – благоприятный ли сейчас момент?

– Это решит ваша мудрость.

– Моя мудрость?

– Да. Вот факты, факты очевидные, неопровержимые, – Я слушаю.

– Провозглашение короля главой Лиги было всего лишь комедией, в ней быстро разобрались, а разобравшись, тут же осудили ее. Теперь начинается противодействие, и все государство поднимается против тирана короля и его ставленников. Проповеди звучат, как призывы к оружию, в церквях, вместо того чтобы молиться богу, проклинают короля. Армия дрожит от нетерпения, буржуа присоединяются к нам, наши эмиссары только и делают, что сообщают о новых вступлениях в Лигу. В общем, царствованию Валуа приходит конец. В этих условиях господам де Гизам необходимо выбрать серьезного претендента на трон, и их выбор, натурально, остановился на вас. Так вот, отказываетесь ли вы от ваших прежних замыслов?

Герцог не ответил.

– О чем вы думаете, монсеньер? – спросил Монсоро.

– Проклятие! – ответил принц. – Я думаю...

– Монсеньер знает, что может говорить со мной вполне откровенно.

– Я думаю о том, – сказал герцог, – что у моего брата пет детей, что после него трон должен перейти ко мне, что король не крепкого здоровья. Зачем же мне в таком случае суетиться вместе со всем этим людом и в бессмысленном соперничестве мараить мое имя, достоинство, мою братскую привязанность и, наконец, зачем мне добиваться с опасностью для себя того, что причитается мне по праву?

– Вот как раз в этом, – сказал Монсоро, – ваше высочество и ошибаетесь: трон вашего брата перейдет к вам только в том случае, если вы им завладеете. Господа де Гизы сами не могут стать королями, но они не допустят, чтобы на троне сидел неугодный им король. Они рассчитывали, что тем королем, который сменит ныне царствующего, будете вы, ваше высочество, но, в случае вашего отказа, они найдут другого, предупреждаю вас.

– Кого же? – вскричал герцог Анжуйский, нахмурившись. – Кто посмеет сесть на трон Карла Великого?

– Бурбон вместо Валуа, вот и все, монсеньер, потомок святого Людовика вместо потомка святого Людовика.

– Король Наваррский? – воскликнул Франсуа.

– А почему бы и нет? Он молод, храбр. Правда, у него нет детей, но все уверены, что он может их иметь.

– Он гугенот.

– Он! Да разве он не обратился во время Варфоломеевской ночи?

– Да. Но позже он отрекся.

– Э! Монсеньер, то, что он сделал ради жизни, он сделает и ради трона.

– Значит, они думают, что я уступлю мои права без борьбы?

– Я полагаю, что они это предусмотрели.

– Я буду отчаянно сражаться.

– Этим вы их не напугаете. Они старые вояки.

– Я встану во главе Лиги.

– Они ее душа.

– Я объединюсь с моим братом.

– Ваш брат будет мертв.

– Я призову на помощь королей Европы.

– Короли Европы охотно вступят в войну с королями, но они дважды подумают,

прежде чем вступить в войну с народом.

– Почему с народом?

– Разумеется. Господа Гизы готовы на все, даже на созыв штатов, даже на провозглашение республики.

Франсуа стиснул руки в невыразимой тоске. Монсоро со своими столь исчерпывающими ответами был страшен.

– Республики? – прошептал принц.

– О! Господи боже мой! Да, как в Швейцарии, как в Генуе, как в Венеции.

– Но я и мои сторонники, мы не потерпим, чтобы из Франции сделали республику.

– Ваши сторонники? – переспросил Монсоро. – Ах! Монсеньер, вы были так ко всему равнодушны, так чужды всего земного, что, даю слово, сегодня у вас остались только два сторонника – господин де Бюсси и я.

Герцог не мог подавить мрачной улыбки.

– Значит, я связан по рукам и ногам, – сказал он.

– Похоже на то, монсеньер.

– Тогда какой им смысл иметь со мной дело, если я, как вы утверждаете, лишен всякого могущества?

– Я имел в виду, монсеньер, что вы бессильны без господ Гизов, но вместе с ними всемогущи.

– Я всемогущ вместе с ними?

– Да. Скажите слово, и вы – король.

Герцог в страшном волнении поднялся и заходил по кабинету, комкая все, что попадалось ему под руку: занавеси, портьеры, скатерти. Наконец он остановился перед Монсоро.

– Ты был прав, граф, когда сказал, что у меня остались только два друга: ты и Бюсси.

Он произнес эти слова с приветливой улыбкой, которой уже успел заменить выражение гнева на своем бледном лице.

– Итак? – спросил Монсоро с глазами, горящими радостью.

– Итак, мой верный слуга, – ответил принц, – говорите, я слушаю.

– Вы мне приказываете, монсеньер?

– Да.

– Так вот, монсеньер, вот, в двух словах, весь план. Герцог побледнел, но остановился, чтобы выслушать. Граф продолжал:

– Через восемь дней праздник святых даров, не правда ли, монсеньер?

– Да.

– Для этого святого дня король уже давно замыслил устроить торжественное шествие к главным монастырям Парижа.

– Да, у него в обычае устраивать каждый год такие шествия ради этого праздника.

– И как ваше высочество помнит, при короле в этот день нет охраны, или, вернее, охрана остается за дверями монастыря. В каждом монастыре король останавливается возле алтаря, опускается на колени и читает по пять раз «Pater» и «Ave», да еще добавляет сверх того семь покаянных псалмов.

– Все это мне известно.

– Среди прочих монастырей он посетит и аббатство святой Женевиевы.

– Бесспорно.

– Но поскольку перед монастырем накануне ночью случится нечто непредвиденное...

– Непредвиденное?

– Да. Лопнет сточная труба.

– И что?

– Алтарь нельзя будет поставить снаружи – под портиком, и его поместят внутри – во дворе.

– Ну и?
– Погодите. Король войдет, с ним вместе войдут четверо или пятеро из свиты. Но за королем и этими четверыми или пятерыми двери закроют.
– И тогда?
– И тогда... – ответил Монсоро. – Ваше высочество уже знакомы с монахами, которые будут принимать его величество в аббатстве.
– Это будут те же самые?
– Вот именно. Те же самые, которые были там при миропомазании вашего высочества.
– И они осмелятся поднять руки на помазанника божьего?
– О! Только для того, чтобы постричь его, вот и все. Вы же знаете это четверостишие:

*Из трех корон ты сдуру
Лишился уже одной.
Час близок – лишишься второй,
Вместо третьей получишь тонзуру.*

– И они посмеют это сделать? – вскричал герцог с алчно горящим взглядом. – Они прикоснутся к голове короля?
– О! К тому времени он уже не будет королем.
– Каким образом?
– Вам не приходилось слышать о некоем брате из монастыря святой Женевиевы, святом человеке, который произносит речи в ожидании той поры, когда он начнет творить чудеса?
– О брате Горанфло?
– О нем самом.
– Это тот, который хотел проповедовать Лигу с аркебузой на плече?
– Тот самый.
– Ну и вот, короля отведут в его келью. Наш монах обещал, что, как только король окажется там, он заставит его подписать отречение. После того как король отречется, войдет госпожа де Монпансье с ножницами в руках. Ножницы уже куплены, и госпожа де Монпансье носит их на поясе. Это прелестные ножницы из чистого золота, с восхитительной резьбой: кесарю – кесарево.
Франсуа молчал. Зрачки его лживых глаз расширились, как у кошки, которая подстерегает в темноте свою добычу.
– Дальнейшее вам попятно, монсеньер, – продолжал граф. – Народу объявят, что король, испытав святое раскаяние в своих заблуждениях, дал обет навсегда остаться в монастыре. На случай, если кто-нибудь усомнится в том, что король действительно дал такой обет, у герцога до Гиза есть армия, у господина кардинала – церковь, а у господина Майеннского – буржуазия; располагая этими тремя силами, можно заставить народ поверить почти во все, что угодно.
– Но меня обвинят в насилии, – сказал герцог после недолгого молчания.
– Вам незачем там находиться.
– Меня будут считать узурпатором.
– Монсеньер забывает про отречение.
– Король не согласится подписать его.
– Кажется, брат Горанфло не только весьма красноречив, но еще и очень силен.
– Значит, план готов.
– Окончательно.
– И они не опасаются, что я их выдам?
– Нет, монсеньер, потому что у них есть другой, не менее верный план, – против вас,

на случай вашей измены.

– А! – произнес принц.

– Да, монсеньер, но я с ним незнаком. Им слишком хорошо известно, что я ваш друг, и они мне не доверяют. Я знаю только о существовании плана, и это – все.

– В таком случае я сдаюсь, граф. Что надо делать?

– Одобрить.

– Что ж, я одобряю.

– Да. Но недостаточно одобрить на словах.

– Как же еще могу я дать свое одобрение?

– В письменном виде.

– Безумие думать, что я соглашусь на это.

– Почему же?

– А если заговор не удастся?

– Как раз на тот случай, если он не удастся, и просят у монсеньера подпись.

– Значит, они хотят укрыться за моим именем?

– Разумеется.

– Тогда я наотрез отказываюсь.

– Вы уже не можете.

– Я уже не могу отказаться?

– Нет.

– Вы что, с ума сошли?

– Отказаться – значит изменить;

– Почему?

– Потому что я с удовольствием бы смолчал, но ваше высочество сами приказали мне говорить.

– Ну что ж, пусть господа де Гизы рассматривают это, как им вздумается, по крайней мере, я сам выберу между двух зол.

– Монсеньер, смотрите, не ошибитесь в выборе.

– Я рискну, – сказал Франсуа, немного взволнованный, но пытающийся тем не менее держаться твердо.

– Не советую, монсеньер, – сказал граф, – в ваших же интересах.

– Но, подписываясь, я себя компрометирую.

– Отказываясь подписаться, вы делаете гораздо хуже; вы себя убиваете.

Франсуа содрогнулся.

– И они осмелятся? – сказал он.

– Они осмелятся на все, монсеньер. Заговорщики слишком далеко зашли. Им надо добиться успеха любой ценой.

Вполне понятно, что герцог заколебался.

– Я подпишу, – сказал он.

– Когда?

– Завтра.

– Нет, монсеньер, подписать надо не завтра, а немедленно, если уж вы решились подписать.

– Но ведь господа де Гизы должны еще составить обязательство, которое я беру по отношению к ним.

– Обязательство уже составлено, монсеньер, оно со мной.

Монсоро вынул из кармана бумагу: это было полное и безоговорочное одобрение известного нам плана. Герцог прочел его все, от первой до последней строчки, и граф видел, что по мере того, как он читал, лицо его покрывалось бледностью. Когда Франсуа кончил, ноги отказались держать его, и он сел, вернее, упал в кресло перед столом.

– Возьмите, монсеньер, – сказал граф, подавая ему перо.

– Значит, мне надо подписать? – спросил принц, подперев лоб рукой – у него

кружилась голова.

– Надо, если вы хотите; никто вас к этому не вынуждает.

– Нет, вынуждают, раз вы угрожаете мне убийством.

– Я вам не угрожаю, монсеньер, боже упаси, я вас предупреждаю, это большая разница.

– Давайте, – сказал герцог.

И, словно сделав над собой усилие, он взял или, скорее, выхватил перо из рук графа и подписал.

Монсоро следил за ним взором, горящим ненавистью и надеждой. Когда он увидел, что перо прикоснулось к бумаге, он вынужден был опереться о стол; зрачки его, казалось, расширялись все больше и больше по мере того, как рука герцога выводила буквы подписи.

– Уф! – вздохнул Монсоро, когда герцог кончил. И, схватив бумагу таким же резким движением, каким герцог схватил перо, он сложил ее и спрятал между рубашкой и куском шелковой ткани, заменявшим в то время жилет, застегнул камзол и поверх него запахнул плащ.

Герцог с удивлением следил за ним, не в силах понять выражение этого бледного лица, по которому молнией промелькнула свирепая радость.

– А теперь, монсеньер, – сказал Монсоро, – будьте осторожны.

– То есть? – спросил герцог.

– Не ходите по улицам в ночное время вместе с Орильи, как вы делали только что.

– Что это значит?

– Это значит, монсеньер, что сегодня ночью вы отправились добиваться любви женщины, которую ее муж боготворит и ревнует так, что способен..., да, клянусь честью, способен убить всякого, кто приблизится к ней без его разрешения.

– Не о себе ли, часом, и не о своей ли жене вы говорите?

– Да, монсеньер. Раз уж вы угадали с первого раза и столь точно, я даже не попытаюсь отрицать. Я женился на Диане де Меридор, она принадлежит мне, и никому другому, даже самому принцу, принадлежать не будет, во всяком случае, пока я жив. И дабы вы твердо это знали, монсеньер, глядите: я клянусь в этом моим именем на своем кинжале.

И он почти коснулся клинком груди принца, который попятился назад.

– Сударь, вы мне угрожаете, – сказал Франсуа, бледный от гнева и ярости.

– Нет, мой принц, я вновь только предупреждаю вас.

– О чем предупреждаете?

– О том, что моя жена не будет принадлежать никому другому!

– А я, господин глупец, – вскричал вне себя герцог Анжуйский, – я отвечаю вам, что вы предупреждаете меня слишком поздно и она уже принадлежит кое-кому.

Монсоро страшно вскрикнул и вцепился руками в свои волосы.

– Не вам ли? – прохрипел он. – Не вам ли, монсеньер?

Ему стоило только протянуть руку, все еще сжимавшую кинжал, и клинок вонзился бы в грудь принца.

Франсуа отступил.

– Вы лишились рассудка, граф, – сказал он, готовясь позвонить в колокольчик.

– Нет, я вижу ясно, говорю разумно и понимаю правильно. Вы сказали, что моя жена принадлежит кому-то другому, вы так сказали.

– И повторяю.

– Назовите этого человека и приведите доказательства.

– Кто прятался сегодня ночью в двадцати шагах от ваших дверей, с мушкетом в руках?

– Я.

– Очень хорошо, граф, а в это время...

– В это время...

– У вас в доме, вернее, у вашей жены был мужчина.

– Вы видели, как он вошел?
– Я видел, как он вышел.
– Из дверей?
– Из окна.
– Вы узнали этого мужчину?
– Да, – сказал герцог.
– Назовите его, – вскричал Монсоро, – назовите его, монсеньер, или я ни за что не отвечаю.

Герцог провел рукою по лбу, и на губах его мелькнуло что-то вроде улыбки.
– Господин граф, – сказал он, – даю честное слово принца крови, клянусь господом моим и моей душой, через восемь дней я укажу вам человека, который обладает вашей женой.
– Вы клянетесь? – воскликнул Монсоро.
– Клянусь.
– Что ж, монсеньер, через восемь дней, – сказал граф и похлопал рукой по тому месту на груди, где лежала подписанная принцем бумага, – через восемь дней, или.., вы понимаете?..

– Приходите через восемь дней, вот все, что я могу вам сказать.
– Хорошо, так даже лучше, – согласился Монсоро. – Через восемь дней ко мне вернутся все мои силы, а когда человек собирается мстить, ему нужны все силы.

Он отвесил герцогу прощальный поклон, в котором нетрудно было прочесть угрозу, и вышел.

Глава 43. ПРОГУЛКА К БАСТИЛИИ

Тем временем анжуйские дворяне, один за другим, возвратились в Париж.

Если бы мы сказали, что они приехали исполненные доверия, вы усомнились бы в этом. Слишком хорошо знали они короля, его брата и мать, чтобы думать, будто все может обойтись родственными объятиями.

У анжуйцев еще свежа была в памяти охота, которую устроили на них друзья короля, и после той мало приятной процедуры они не могли тешить себя надеждой на триумфальную встречу.

Поэтому они возвращались с опаской, пробирались в город незаметно, вооруженные до зубов, готовые стрелять при первом подозрительном движении; и по пути к Анжуйскому дворцу с полсотни раз обнажали шпагу против горожан, единственное преступление которых состояло лишь в том, что те позволяли себе глазеть на проезжающих мимо анжуйцев. Особенно лютовал Антрагэ, он винил во всех своих невзгодах господ королевских миньонов и дал себе клятву сказать им при случае пару теплых слов.

Антрагэ поделился своим планом с Рибейраком, человеком очень разумным, и тот заявил ему, что, прежде чем доставить себе подобное удовольствие, надо иметь поблизости границу, а то и все две.

– Это можно устроить, – ответил Антрагэ.

Герцог принял их очень хорошо.

Они были его людьми так же, как господа де Можирон, де Келюс, де Шомберг и д'Эпернон были людьми короля.

Для начала он сказал им:

– Друзья мои, здесь, кажется, собираются вас прикончить. Все идет к тому. Будьте очень осторожны.

– Мы уже осторожны, монсеньер, – ответил Антрагэ. – Но не подобает ли нам отправиться в Лувр засвидетельствовать его величеству наше нижайшее почтение? Ведь в конце концов, если мы будем прятаться, это не сделает чести Анжу. Как вы полагаете?

– Вы правы, – сказал герцог. – Отправляйтесь, и, если хотите, я составлю вам

компанию.

Молодые люди обменялись вопросительными взглядами. В эту минуту в зал вошел Бюсси и принялся обнимать друзей.

– Э! – сказал он. – Долго же вы добирались! Но что я слышу? Монсеньер хочет отправиться в Лувр, чтобы его там закололи, как Цезаря в римском сенате? Подумайте о том, что каждый из миньонов охотно унес бы кусочек вашего высочества под полой своего плаща.

– Но, дорогой друг, мы хотим слегка приласкать этих господ.

Бюсси расхохотался.

– Э! – сказал он. – Там будет видно, там будет видно.

Герцог пристально посмотрел на него.

– Пойдемте в Лувр, – заявил Бюсси, – но только одни; монсеньер останется у себя в саду срубать головы макам.

Франсуа засмеялся с притворной веселостью. По правде говоря, в глубине души он был рад, что избавился от неприятной обязанности.

Анжуйцы нарядились в великолепные одежды.

Все они были знатными вельможами и охотно проматывали на шелках, бархате и позументах доходы от родовых земель.

Они шли, сверкая золотом, драгоценными камнями, парчой, встречаемые приветственными возгласами простонародья, чей безошибочный нюх угадывал за пышными нарядами сердца, пылающие ненавистью к королевским миньонам.

По Генрих III не пожелал принять господ из Анжу, и они напрасно прождали в галерее.

И не кто иные, как господа де Келюс, де Можирон, де Шомберг и д'Эпернон, с вежливыми поклонами и с изъявлениями глубочайшего сожаления, явились сообщить анжуйцам решение короля.

– Ах, господа, – сказал Антрагэ, потому что Бюсси старался держаться как можно незаметней, – это печальное известие, по в ваших устах оно становится значительно менее неприятным.

– Господа, – отвечивал Шомберг, – вы сама обходительность, сама любезность. Не угодно ли вам, чтобы мы заменили неудавшийся прием небольшой прогулкой?

– О! Господа, мы собирались вас просить об этом, – с живостью ответил Антрагэ, но Бюсси незаметно тронул его за руку и шепнул:

– Помолчи, пусть они сами.

– Куда бы нам пойти? – сказал Келюс в раздумии.

– Я знаю чудесный уголок возле Бастилии, – откликнулся Шомберг.

– Господа, мы следуем за вами, – сказал Рибейрак. – Идите вперед.

И четверо миньонов, в сопровождении четырех анжуйцев, вышли из Лувра и зашагали по набережным к бывшему турнельскому загону для скота, а в те времена – Конскому рынку, подобно ровной площади, где росло несколько чахлах деревьев и там и сям были расставлены загородки, предназначенные для того, чтобы отгораживать лошадей или привязывать их. По пути наши восемь дворян взялись под руки и, обмениваясь бесчисленными любезностями, болтали о веселых и легкомысленных вещах, к величайшему удивлению горожан, которые уже сожалели о своих недавних здравицах анжуйцам и говорили теперь, что те приехали, чтобы заключить сделку с поросятами Ирода.

Когда пришли на место, Келюс взял слово:

– Посмотрите, что за прекрасный, уединенный уголок и как твердо стоит нога на этой пропитанной селитрой земле.

– По чести, так, – откликнулся Антрагэ, отбив ногой несколько вызовов.

– Ну и вот, – продолжал Келюс, – мы и подумали, эти господа и я, что вы охотно изъявите желание прийти сюда с нами в один из ближайших дней, чтобы составить компанию вашему другу, господину де Бюсси, который оказал нам честь вызвать нас всех четверых разом.

– Это верно, – подтвердил Бюсси ошеломленным друзьям.

– Он нам ничего не сказал! – воскликнул Антрагэ.

– О! Господин де Бюсси знает все тонкости дела, – ответил Можирон. – Ну как? Вы согласны, господа анжуйцы?

– Разумеется, согласны, – ответили трое анжуйцев в один голос, – мы польщены столь высокой честью.

– Вот и чудесно, – сказал Шомберг, потирая руки. – А теперь, если вам будет угодно, давайте выберем себе противников.

– Меня это вполне устраивает, – сказал Рибейрак с горящими глазами. – И в таком случае...

– Нет, – прервал его Бюсси, – так было бы несправедливо. Мы все охвачены одним и тем же чувством, значит, нас вдохновляет всевышний. Мыслями человеческими управляет бог, господа, уверяю вас. Предоставим же богу разделить нас на пары. К тому же вам известно, как мало это будет иметь значения, если мы решим, что первый освободившийся приходит на помощь остальным.

– Обязательно, обязательно, – вскричали миньоны.

– Тогда тем более поступим, как братья Горации: бросим жребий.

– Разве они бросали жребий? – спросил задумчиво Келюс.

– Я в этом совершенно уверен, – ответил Бюсси.

– Что ж, последуем их примеру...

– Минутку, – сказал Бюсси. – Прежде чем определить наших противников, договоримся о правилах боя. Не подобает, чтобы об условиях боя договаривались после выбора противников.

– Все очень просто, – сказал Шомберг. – Мы будем сражаться насмерть, как сказал господин де Сен-Люк.

– Разумеется, но каким оружием мы будем сражаться?

– Шпагой и кинжалом, – сказал Бюсси. – Мы все владеем этим оружием.

– Пешие? – спросил Келюс.

– А зачем вам конь? Он только связывает движения.

– Пусть будет так, пешие.

– В какой день?

– Чем скорее, тем лучше.

– Нет, – сказал д'Эпернон. – Мне нужно еще уладить тысячу дел, написать завещание. Простите, но я предпочитаю подождать... Лишние три дня или шесть только обострят наш аппетит.

– Вот речь храбреца, – с нескрываемой иронией сказал Бюсси.

– Договорились?

– Да. Мы по-прежнему прекрасно понимаем друг друга.

– Тогда бросим жребий, – сказал Бюсси.

– Еще минуту, – вступил в разговор Антрагэ. – Я вот что предлагаю: давайте разделим беспристрастно и поло боя. По жребию мы разделимся на пары. Разделим же и землю на четыре участка – по участку для каждой пары.

– Хорошо придумано.

– Для первой пары я предлагаю тот прямоугольник между двумя липами..., там отличное место.

– Принято.

– А солнце?

– Тем хуже для второго номера, он будет стоять лицом на восток.

– Нет, господа, это несправедливо, – сказал Бюсси. – У нас будет честный бой, а не убийство. Давайте опишем полукруг и расположимся на нем. Пусть солнце светит всем нам сбоку.

Бюсси показал эту позицию, и она была принята; затем стали тянуть жребий.

Первый выпал Шомбергу, второй Рибейраку. Они составили первую пару.

Келюс и Антрагэ вошли во вторую.

Ливаро и Можирон – в третью.

Когда прозвучало имя Келюса, Бюсси, рассчитывавший получить его в противники, нахмурился.

Д'Эпернон, видя, что он попал в одну пару с Бюсси, побледнел и был вынужден подергать себя за усы, чтобы вызвать хоть немного краски на щеки.

– Теперь, господа, – сказал Бюсси, – до дня сражения мы принадлежим друг другу. Мы друзья на жизнь и на смерть. Не сообразовали ли вы пожаловать на обед в мой дворец?

Все поклонились в знак согласия и отправились к Бюсси, где пышное празднество объединило их до утра.

Глава 44. В КОТОРОЙ ШИКО ЗАСЫПАЕТ

За объяснением миньонов с анжуйцами наблюдал сначала король – в Лувре, а затем Шико.

Генрих волновался у себя в покоях, с нетерпением ожидая возвращения своих друзей после их прогулки с господами из Анжу.

Шико издали следил за этой прогулкой, подмечая глазом знатока то, что никто не мог бы понять лучше него. Уяснив себе намерения Бюсси и Келюса, он свернул к домику Монсоро.

Монсоро был человеком хитрым, но провести Шико ему, конечно, было не под силу: гасконец принес графу глубочайшие соболезнования короля, как же мог граф не оказать ему прекрасный прием?

Шико застал главного ловчего в постели.

Недавнее посещение Анжуйского дворца подорвало силы еще не окрепшего организма, и Реми, подперев кулаком подбородок, с досадой ждал первых признаков лихорадки, которая угрожала снова завладеть своей жертвой.

Тем не менее Монсоро оказался в состоянии поддерживать разговор и так ловко скрывал свою ненависть к герцогу Анжуйскому, что никто другой, кроме Шико, ничего бы и не заподозрил. Но чем больше скрытничал и осторожничал граф, тем больше сомневался Шико в его искренности.

«Нет, – говорил себе гасконец, – он не стал бы так распинаться в своей любви к герцогу Анжуйскому без какой-то задней мысли».

Шико, разбиравшийся в больных, захотел также убедиться, не является ли лихорадка графа комедией, наподобие той, которую разыграл перед ним в свое время Николя Давид.

Но Реми не обманывал, и, проверив пульс Монсоро, Шико подумал: «Этот болен по-настоящему и не в силах ничего сделать. Остается господин де Бюсси, посмотрим, на что способен он».

Шико поспешил ко дворцу Бюсси и обнаружил, что дворец сияет огнями и весь окутан запахами, которые исторгли бы из груди Горанфло вопли восторга.

– Не женится ли, случаем, господин де Бюсси? – спросил Шико у слуги.

– Нет, сударь, – ответил тот. – Господин де Бюсси помирился с несколькими придворными сеньорами и отмечает примирение обедом, отличным обедом, уж поверьте мне.

«С этой стороны его величеству тоже пока ничего не грозит, – подумал Шико, – разве что Бюсси их отравит, по я считаю его неспособным на такое дело».

Шико возвратился в Лувр и в оружейной палате увидел Генриха, который шагал из угла в угол и сыпал проклятиями.

Король отправил к Келюсу уже трех гонцов. Но все они, не понимая, почему беспокоится его величество, заглянули по пути в заведение, которое содержал господин де

Бираг-сын и где каждый носящий королевскую ливрею всегда мог рассчитывать на полный стакан вина, ломоть ветчины и засахаренные фрукты.

Этим способом Бираги сохраняли милость короля.

При появлении Шико в дверях оружейной Генрих издал громкое восклицание.

– О! Дорогой друг, – сказал он, – ты не знаешь, что с ними?

– С кем? С твоими миньонами?

– Увы! Да, с моими бедными друзьями.

– Должно быть, они в эту минуту лежат пластом, – ответил Шико.

– Убиты?! – вскричал Генрих, и глаза его загорелись угрозой.

– Да нет. Боюсь, что они смертельно...

– Ранены? И, зная это, ты еще смеешься, нехристь!

– погоди, сын мой, смертельно-то смертельно, да но ранены, а пьяны.

– Ах, шут..., как ты меня напугал! Но почему клеветешь ты на этих достойных людей?

– Совсем напротив, я их славлю.

– Все зубоскалишь... Послушай, будь серьезным, молю тебя. Ты знаешь, что они вышли вместе с анжуйцами?

– Разрази господь! Конечно, знаю.

– Ну, и чем же эго кончилось?

– Ну, и кончилось это так, как я сказал: они смертельно пьяны или близки к тому.

– Но, Бюсси, Бюсси?

– Бюсси их спаивает, он очень опасный человек.

– Шико, ради бога!

– Ну, так уж и быть: Бюсси угощает их обедом, твоих друзей. Это тебя устраивает, а?

– Бюсси угощает их обедом! О! Нет, невозможно. Заклятые враги...

– Вот как раз если бы они друзьями были, им незачем было бы напиваться вместе.

Послушай-ка, у тебя крепкие ноги?

– А что?

– Сможешь ты дойти до реки?

– Я смогу дойти до края света, только бы увидеть подобное зрелище.

– Ладно, дойди всего лишь до дворца Бюсси, и ты увидишь это чудо.

– Ты пойдешь со мной?

– Благодарю за приглашение, я только что оттуда.

– Но, Шико...

– О! Нет и нет. Ведь ты понимаешь, раз я уже видел, мне незачем идти туда убеждать. У меня и так от беготни ноги стали на три дюйма короче – в живот вколотились; коли я опять туда потащусь, у меня колени, чего доброго, под самым брюхом окажутся. Иди, сын мой, иди!

Король устремил на шута гневный взгляд.

– Нечего сказать, очень мило с твоей стороны, – заметил Шико, – портить себе кровь из-за таких людей. Они смеются, пируют и поносят твои законы. Ответ на все это, как подобает философу: они смеются – будем и мы смеяться; они обедают – прикажем подать нам что-нибудь повкуснее и погорячее; они поносят паши законы – ляжем-ка после обеда спать.

Король не мог удержаться от улыбки.

– Ты можешь считать себя настоящим мудрецом, – сказал Шико. – Во Франции были волосатые короли, один смелый король, один великий король, были короли ленивые: я уверен, что тебя нарекут Генрихом Терпеливым... Ах! Сын мой, терпение такая прекрасная добродетель..., за неимением других!

– Меня предали! – сказал король. – Предали! Эти люди не имеют понятия о том, как должны поступать настоящие дворяне.

– Вот оно что? Ты тревожишься о своих друзьях, – воскликнул Шико, подталкивая короля к залу, где им уже накрыли на стол, – ты их оплакиваешь, словно мертвых, а когда тебе

говорят, что они не умерли, все равно продолжаешь плакать и жаловаться... Вечно ты ноешь, Генрих.

– Вы меня раздражаете, господин Шико.

– Послушай, неужели ты предпочел бы, чтобы каждый из них получил по семь-восемь хороших ударов рапирой в живот? Будь же последовательным!

– Я предпочел бы иметь друзей, на которых можно положиться, – сказал Генрих мрачно.

– О! Клянусь святым чревом! – ответил Шико. – Полагайся на меня, я здесь, сын мой, но только корми меня. Я хочу фазана и..., трюфелей, – добавил он, протягивая свою тарелку.

Генрих и его единственный друг улеглись спать рано. Король вздыхал, потому что сердце его было опустошено. Шико пыхтел, потому что желудок его был переполнен.

Назавтра к малому утреннему туалету короля явились господа де Келюс, де Шомберг, де Можирон и д'Энернон. Лакей, как обычно, впустил их в опочивальню Генриха.

Шико еще спал, король всю ночь не сомкнул глаз. Вzbешенный, он вскочил с постели и, срывая с себя благоухающие повязки, которыми были покрыты его лицо и руки, закричал:

– Вон отсюда! Вон!

Пораженный лакей пояснил молодым людям, что король отпускает их. Они переглянулись, пораженные на менее его.

– Но, государь, – пролепетал Келюс, – мы хотели сказать вашему величеству...

– Что вы уже протрезвели, – завопил Генрих, – не так ли?

Шико открыл один глаз.

– Простите, государь, – с достоинством возразил Келюс, – ваше величество ошибаетесь...

– С чего бы это? Я же не пил анжуйского вина!

– А! Понятно, попятно!.. – сказал Келюс с улыбкой. – Хорошо. В таком случае...

– Что в таком случае?

– Собогазоволите остаться с нами наедине, ваше величество, и мы объяснимся.

– Ненавижу пьяниц и изменников!

– Государь! – вскричали хором трое остальных.

– Терпение, господа, – остановил их Келюс. – Его величество плохо выспался, ему снились скверные сны.

Одно слово, и настроение нашего высокочтимого государя исправится.

Эта дерзкая попытка подданного оправдать своего короля произвела впечатление на Генриха. Он понял: если у человека хватает смелости произнести подобные слова, значит, он не мог совершить ничего бесчестного.

– Говорите, – сказал он, – да покороче.

– Можно и покороче, государь, но это будет трудно.

– Конечно..., чтобы ответить на некоторые обвинения, приходится крутиться вокруг да около.

– Нет, государь, мы пойдем прямо, – возразил Келюс и бросил взгляд на Шико и лакея, словно повторяя Генриху свою просьбу о частной аудиенции.

Король подал знак: лакей вышел. Шико открыл второй глаз и сказал:

– Не обращайтесь на меня внимания, я сплю, как сурок.

И, снова закрыв глаза, он принялся храпеть во всю силу своих легких.

Глава 45. В КОТОРОЙ ШИКО ПРОСЫПАЕТСЯ

Увидев, что Шико спит столь добросовестно, все перестали обращать на него внимание.

К тому же давно уже вошло в привычку относиться к Шико, как к предмету

меблировки королевской опочивальни.

– Вашему величеству, – сказал Келюс, склоняясь в поклоне, – известна лишь половина того, что произошло, и беру на себя смелость заявить, наименее интересная половина. Совершенно верно, и никто из пас не намерен этого отрицать, совершенно верно, что все мы обедали у господина де Бюсси, и должен заметить, в похвалу его повару, что мы знатно пообедали.

– Там особенно одно вино было, – заметил Шомберг, – австрийское или венгерское, мне оно показалось просто восхитительным.

– О! Мерзкий немец, – прервал король, – он падок на вино, я это всегда подозревал.

– А я в этом был уверен, – подал голос Шико, – я раз двадцать видел его пьяным.

Шомберг оглянулся на шута.

– Не обращай внимания, сын мой, – сказал гасконец, – во сне я всегда разговариваю; можешь спросить у короля.

Шомберг снова повернулся к Генриху.

– По чести, государь, – сказал он, – я не скрываю ни моих привязанностей, ни моих неприязней. Хорошее вино – ото хорошо.

– Не будем называть хорошим то, что заставляет нас забыть о своем господине, – сдержанно заметил король.

Шомберг собирался уже ответить, не желая, очевидно, так быстро оставлять столь прекрасную тему, но Келюс сделал ему знак.

– Ты прав, – спохватился Шомберг, – говори дальше.

– Итак, государь, – продолжал Келюс, – во время обеда, и особенно перед ним, мы вели очень важный и любопытный разговор, затрагивающий, в частности, интересы вашего величества.

– Вступление у вас весьма длинное, – сказал Генрих, – это скверный признак.

– Клянусь святым чревом! Ну и болтлив этот Валуа! – воскликнул Шико.

– О! О! Мэтр гасконец, – сказал высокомерно Генрих, – если вы не спите, ступайте вон.

– Клянусь богом, – сказал Шико, – если я и не сплю, так только потому, что ты мне мешаешь спать: твой язык трещит, как трещотки на святую пятницу.

Келюс, видя, что в этом королевском покое невозможно говорить серьезно ни о чем, даже о самом серьезном, такими легкомысленными все привыкли здесь быть, вздохнул, пожал плечами и, раздосадованный, умолк.

– Государь, – сказал, переминаясь с ноги на ногу, д'Эпернон, – а ведь речь идет об очень важном деле.

– О важном деле? – переспросил Генрих.

– Конечно, если, разумеется, жизнь восьми доблестных дворян кажется вашему величеству достойной того, чтобы заняться ею, – заметил Келюс.

– Что ты хочешь этим сказать? – воскликнул король.

– Что я жду, чтобы король соблаговолил выслушать меня.

– Я слушаю, сын мой, я слушаю, – сказал Генрих, кладя руку на плечо Келюса.

– Я уже говорил вам, государь, что мы вели серьезный разговор, и вот итог нашей беседы: королевская власть ослабла, она под угрозой.

– Кажется, все только и делают, что плетут заговоры против нее, – вскричал Генрих.

– Она похожа, – продолжал Келюс, – на тех странных богов, которые, подобно богам Тиберия и Калигулы, старели, но не умирали, а все шли и шли в свое бессмертие дорогой смертельных немощей. Эти боги могли избавиться от своей непрерывно возрастающей дряхлости, вернуть свою молодость, возродиться лишь в том случае, если какой-нибудь самоотверженный фанатик приносил себя им в жертву. Тогда, обновленные влившейся в них молодой, горячей, здоровой кровью, они начинали жить заново и снова становились сильными и могущественными. Ваша королевская власть, государь, напоминает этих богов, она может сохранить себе жизнеспособность только ценой жертвоприношений.

– Золотые слова, – сказал Шико. – Келюс, сын мой, ступай проповедовать на улицах Парижа, и ставлю тельца против яйца, что ты затмишь Линсефра, Кайе, Коттона и даже эту бочку красноречия, которую именуют Горанфло.

Генрих молчал. Было заметно, что в настроении его происходит глубокая перемена: сначала он бросал на миньонов высокомерные взгляды, потом, постепенно осознав их правоту, он снова стал задумчивым, мрачным, обеспокоенным.

– Продолжайте, – сказал он, – вы же видите, что я вас слушаю, Келюс.

– Государь, – продолжал тот, – вы великий король, во кругозор ваш стал ограниченным. Дворянство воздвигло перед вами преграды, по ту сторону которых ваш взгляд уже ничего не видит, разве что другие, все растущие преграды, которые, в свою очередь, возводит перед вами народ. Государь, вы человек храбрый, скажите, что делают на войне, когда один батальон встает, как грозная стена, в тридцати шагах перед другим батальоном? Трусы оглядываются назад и, видя свободное пространство, бегут, смельчаки нагибают головы и устремляются вперед.

– Что ж, пусть будет так. Вперед! – вскричал король. – Клянусь смертью Спасителя! Разве я не первый дворянин в моем королевстве? Известны ли вам, спрашиваю я, более славные битвы, чем битвы моей юности? И знает ли столетие, которое уже приближается к концу, слова более громкие, чем Жарнак и Монкоптур? Итак, вперед, господа, и я пойду первым, это мой обычай. Бой будет жарким, как я полагаю.

– Да, государь, бесспорно, – воскликнули молодые люди, воодушевленные воинственной речью короля. – Вперед!

Шико принял сидячее положение.

– Тише, вы, там, – сказал он, – предоставьте оратору возможность продолжать. Давай, Келюс, давай, сын мой. Ты уже сказал много верных и хороших слов, но далеко не все, что можешь; продолжай, мой друг, продолжай.

– Да, Шико, ты прав, как это частенько с тобой случается. Я продолжу и скажу его величеству, что для королевской власти наступила минута, когда ей необходимо принять одну из тех жертв, о коих мы только что говорили. Против всех преград, которые невидимой стеной окружают ваше величество, выступят четверо, уверенные, что вы их поддержите, государь, а потомки прославят.

– О чем ты говоришь, Келюс? – спросил король, и глаза его зажглись радостью, умеряемой тревогой. – Кто эти четверо?

– Я и эти господа, – сказал Келюс с чувством гордости, которое возвышает любого человека, рискующего жизнью ради идеи или страсти. – Я и эти господа, мы приносим себя в жертву, государь.

– В жертву чему?

– Вашему спасению.

– От кого?

– От ваших врагов.

– Все это лишь раздоры между молодыми людьми, – воскликнул Генрих.

– О! Это общераспространенное заблуждение, государь. Привязанность вашего величества к нам столь великодушна, что позволяет вам прятать ее под этим изношенным плащом. Но мы ее узнали. Говорите как король, государь, а не как буржуа с улицы Сен-Дени. Не притворяйтесь, будто вы верите, что Можирон ненавидит Антрагэ, что Шомбергу мешает Ливаро, что д'Эпернон завидует Бюсси, а Келюс сердит на Рибейрака. Нет, все они молоды, прекрасны и добры. Друзья и враги, все они могли бы любить друг друга, как братья. Нет, не соперничество людей с людьми вкладывает нам в руки шпаги, а вражда Франции с Анжу, вражда между правом народным и правом божественным. Мы выступаем как поборники королевской власти на то ристалище, куда выходят поборники Лиги, и говорим вам: «Благословите нас, сеньор, одарите улыбкой тех, кто идет за вас на смерть. Ваше благословение, быть может, приведет их к победе, ваша улыбка облегчит им смерть».

Задышавшись от слез, Генрих распахнул объятия Келюсу и его друзьям.

Он прижал их всех к своему сердцу. Эта сцена не была зрелищем, лишенным интереса, картиной, не оставляющей впечатления: мужество вступало здесь в единение, с глубокой нежностью, и все это было освящено самоотречением...

Из глубины алькова глядел, подперев рукой щеку, Шико, Шико серьезный, опечаленный, и его лицо, обычно холодно-безразличное или искаженное саркастическим смехом, сейчас было не менее благородным и не менее красноречивым, чем лица остальных.

– Ах! Мои храбрецы, – сказал наконец король, – это прекрасный, самоотверженный поступок, это благородное дело, и сегодня я горжусь не тем, что царствую во Франции, а тем, что я ваш друг. Но я лучше кого бы то ни было знаю, в чем мои интересы, и поэтому не приму жертвы, которая, суля столь много в случае вашей победы, отдаст меня, если вы потерпите поражение, в руки моих врагов. Чтобы вести войну с Анжу, хватит и Франции, поверьте мне. Я знаю моего брата, Гизов и Лигу, в своей жизни я умирал и не таких норовистых и горячих коней.

– Но, государь, – воскликнул Можирон, – солдаты так не рассуждают. Они не могут считаться с возможностью неудачи в делах такого рода – делах чести, делах совести, когда человек действует, повинаясь внутреннему убеждению и не задумываясь о том, как его действия будут выглядеть перед судом разума.

– Прошу прощения, Можирон, – ответил король, – солдат может действовать вслепую, но полководец – размышляет.

– Так размышляйте, государь, а нам, нам предоставьте действовать, ведь мы всего лишь солдаты, – ответил Шомберг. – К тому же я не знаком с неудачей, мне всегда везет.

– Друг мой, милый друг, – прервал его печально король, – я не могу сказать того же о себе. Правда, тебе всего лишь двадцать лет.

– Государь, – сказал Келюс, – добрые слова вашего величества лишь удвоят наш пыл. В какой день следует нам скрестить шпаги с господами де Бюсси, де Ливаро, д'Антрагэ и де Рибейраком?

– Никогда. Я это вам решительно запрещаю. Никогда, вы слышите?

– Простите нас, государь, простите, пожалуйста, – продолжал Келюс, – вчера перед обедом у нас состоялась встреча, слово дано, и мы не можем взять его обратно.

– Извините, сударь, – ответил Генрих, – король освобождает от клятв и слов, говоря «я хочу» или «я не хочу», ибо король всемогущ. Сообщите этим господам, что я пригрозил обрушить на вас всю силу своего гнева, ежели вы будете с ними драться, и, чтобы у вас не было сомнений в моей решимости, я клянусь отправить вас в изгнание, коли вы...

– Остановитесь, государь... – сказал Келюс, – ибо если вы можете освободить нас от нашего слова, вас от вашего может освободить лишь господь. Поэтому не клянитесь. Если из-за такого дела мы навлекли на себя ваш гнев и этот гнев выразится в нашем изгнании, мы отправимся в изгнание с радостью, ведь, покинув земли вашего величества, мы сможем сдержать свое слово и встретиться с нашими противниками на чужой земле.

– Если эти господа приблизятся к вам даже на расстояние выстрела из аркебузы, – вскричал Генрих, – я прикажу бросить их в Бастилию, всех четверых.

– Государь, – отвечал Келюс, – в тот день, когда ваше величество сделает это, мы отправимся босиком и с веревкой на шее к коменданту Бастилии мэтру Лорапу Тестю, чтобы он заключил нас в темницу вместе с этими дворянами.

– Я прикажу отрубить им головы, клянусь смертью Спасителя! В конце концов я король!

– Если с нашими врагами это случится, государь, мы перережем себе горло у подножия их эшафота.

Генрих долго молчал, потом вскинул свои черные глаза и сказал:

– В добрый час. Вот оно, славное и храброе дворянство!.. Что ж, если господь не благословит дело, которое защищают такие люди!..

– Не безбожничай..., не богохульствуй, – торжественно провозгласил Шико, встав со своей постели и направляясь к королю. – Боже мой! Какие благородные сердца. Ну, сделай же

то, чего они хотят; ты слышишь, мой господин? Давай, назначь этим молодым людям день для поединка: займись своим делом, вместо того чтобы поучать всевышнего, в чем состоит его долг.

– Ах, боже мой! Боже мой! – прошептал Генрих.

– Государь, мы молим вас об этом, – сказали четверо молодых людей, склонив голову и опускаясь на колени.

– Хорошо, будь по-вашему. И верно: бог справедлив, он должен даровать вам победу. Впрочем, мы и сами сумеем подготовить ее, разумно и по-христиански. Дорогие друзья, вспомните, что Жарнак всегда обязательно исповедовался и причащался перед поединком. Ла-Шатеньерэ великолепно владел шпагой, но он перед поединком искал забвения в пирах, празднествах, отправлялся к женщинам, какой омерзительный грех! Короче, он искушал бога, который, быть может, улыбался его молодости, красоте, силе и хотел спасти ему жизнь. И вот Жарнак убил его. Послушайте, мы исповедуемся и причастимся. Если бы у меня было время, я послал бы ваши шпаги в Рим, чтобы их благословил святейший... По у нас есть рака святой Женевьевы, она стоит самых лучших реликвий. Попостимся вместе, умертвим свою плоть, отпразднуем великий день святых даров, а на следующее утро...

– О! Государь, спасибо, спасибо, – вскричали молодые люди. – Значит, через восемь дней.

И они бросились в объятия короля, который еще раз прижал их к сердцу и, проливая слезы, удалился в свою молельню.

– Условия нашего поединка уже составлены, – сказал Келюс, – остается только вписать в них день и час. Пиши, Можирон, на этом столе..., и пером короля, пиши:

«В день после праздника святых даров».

– Готово, – сказал Можирон. – Кто будет герольдом и отнесет это письмо?

– Я, если вы пожелаете, – сказал Шико, подходя. – Только хочу дать вам совет, малыши. Его величество говорит о посте, умерщвлении плоти, раке святой Женевьевы... Все это великолепно во исполнение обета – после победы, но я считаю, что до победы вам будет полезнее хорошая еда, доброе вино, восьмичасовой сон в полном одиночестве, в дневное или ночное время. Ничто не сообщает руке такой гибкости и силы, как трехчасовое пребывание за столом, коли не напиваешься допьяна, разумеется. В том же, что касается любви, я, в общем, поддерживаю короля. Слишком уж она разнеживает, и будет лучше, если вы от нее воздержитесь.

– Браво, Шико! – дружно воскликнули молодые люди.

– Прощайте, мои львята, – ответил гасконец, – я отправляюсь во дворец Бюсси.

Он сделал три шага и вернулся назад.

– Кстати, – сказал он, – не покидайте короля в прекрасный день праздника святых даров. Не уезжайте никто за город; оставайтесь в Лувре, как горстка паладинов. Договорились? Да? Тогда я ухожу выполнять ваше поручение.

И Шико, держа в руке письмо, раздвинул циркуль своих длинных ног и исчез.

Глава 46. ПРАЗДНИК СВЯТЫХ ДАРОВ

В эти восемь дней события назревали, как в безветренную и знойную летнюю пору в небесных глубинах назревает гроза.

Монсоро, снова поднявшийся на ноги после суток лихорадки, стал сам подстерегать похитителя своей чести. Но, не обнаружив никого, он еще крепче, чем прежде, уверовал в лицемерие герцога Анжуйского и его дурные намерения относительно Дианы.

Бюсси не прекратил дневных посещений дома главного ловчего.

Однако предупрежденный Одуэном о постоянных засадах, которые устраивал выздоравливающий граф, он воздерживался от ночных визитов через окно.

Шико делил свое время надвое.

Одну часть он проводил, почти безотлучно, со своим возлюбленным господином, Генрихом Валуа, оберегая его, как мать оберегает ребенка.

Другую часть он уделял своему задушевному другу Горанфло, которого восемь дней назад с большим трудом уговорил возвратиться в келью и сам препроводил в монастырь, где аббат, мессир Жозеф Фулон, оказал королевскому шуту самый теплый прием.

Во время этого первого визита Шико в монастырь было много говорено о благочестии короля, и приор казался выше всякой меры признательным его величеству за честь, которую тот делает аббатству своим посещением.

Честь эта даже превзошла все первоначальные ожидания: Генрих, по просьбе почтенного аббата, согласился провести в уединении в монастыре целые сутки.

Аббат все еще не мог поверить своему счастью, но Шико утвердил Жозефа Фулона в его надеждах. И поскольку было известно, что король прислушивается к словам шута, Шико настоятельно просили снова навестить в гости к монахам, и гасконец обещал это сделать.

Что касается Горанфло, то он вырос в глазах монахов на десять локтей.

Ведь именно ему удалось так ловко втереться в полное доверие к Шико. Даже столь тонкий политик, как Макиавелли, не сделал бы это лучше.

Приглашенный наведываться, Шико наведывался и всегда приносил с собой – в карманах, под плащом, в своих широких сапогах – бутылки с самыми редкими и изысканными винами, поэтому брат Горанфло принимал его еще лучше, чем мессир Жозеф Фулон.

Шико запирался на целые часы в келье монаха, разделяя с ним, если говорить в общих чертах, его ученые труды и молитвенные экстазы.

За два дня до праздника святых даров он даже провел в монастыре всю ночь напролет; на следующий день по аббатству пронесся слух, что Горанфло уговорил Шико надеть сутану.

Что до короля, то он в эти дни давал уроки фехтования своим друзьям, изобретая вместе с ними новые удары и стараясь в особенности упражнять д'Эпернона, которому судьба дала такого опасного противника и который ожидал решительного дня с заметным волнением.

Всякий, кто прошел бы ночью, в определенные часы, по улицам, встретил бы в квартале святой Женеьевы странных монахов, описанных уже нами в первых главах и смахивавших больше на рейтаров, чем на чернецов.

И, наконец, мы могли бы добавить, чтобы дополнить картину, которую стали набрасывать, могли бы добавить, повторяем, что дворец Гизов стал одновременно и самым таинственным и самым беспокойным вертепом, какой только можно себе представить. Снаружи он казался совершенно безлюдным, но внутри был густо населен. Каждый вечер в большом зале, после того как все занавеси на окнах были тщательно задернуты, начинались тайные сборища. Этим сборищам предшествовали обеды, на них приглашались только мужчины, и тем не менее обеды возглавляла госпожа де Монпансье.

Мы вынуждены сообщать нашим читателям все эти подробности, извлеченные нами из мемуаров того времени, ибо читатели не найдут их в архивах полиции.

И в самом деле, полиция того беспечного царствования даже и не подозревала, что затевается, хотя заговор, как это можно видеть, был крупным, а достойные горожане, совершавшие свой ночной обход с каской на голове и алебардой в руке, подозревали об этом не больше полиции, не будучи людьми, способными угадывать иные опасности, чем те, которые проистекают от огня, воров, бешеных собак и буйствующих пьяниц.

Время от времени какой-нибудь дозор все же задерживался возле гостиницы «Путеводная звезда» на улице Арбр-Сек, но мэтр Ла Юрьер слыл добрым католиком, и ни у кого не вызывало сомнений, что громкий шум, доносящийся из его заведения, раздается лишь во имя вящей славы божьей.

Вот в какой обстановке город Париж дожидался наконец, день за днем, до утра того великого, отмененного конституционным правительством торжества, которое называют праздником святых даров.

В этот знаменательный день погода с утра выдалась великолепная, воздух был

напоен ароматом цветов, устилавших улицы.

В этот день, говорим мы, Шико, в течение уже двух недель неизменно укладывавшийся спать в опочивальне короля, разбудил Генриха очень рано. Никто еще не входил в королевские покои.

– Ах, Шико, Шико, – воскликнул Генрих, – будь ты неладен! Я еще не встречал человека, который бы делал все так не вовремя. Ты оторвал меня от самого приятного за всю мою жизнь сна.

– Что же тебе снилось, сын мой? – спросил Шико.

– Мне снилось, что мой дорогой Келюс проткнул Антрагэ насквозь и плавал в крови своего противника. Но вот и утро. Пойдем помолимся господу, чтобы сон мой исполнился. Зови слуг, Шико, зови!

– Да что ты хочешь?

– Мою власяницу и розги.

– А может, ты предпочел бы хороший завтрак? – спросил Шико.

– Язычник, – сказал Генрих, – кто же это слушает мессу праздника святых даров на полный желудок!

– Твоя правда.

– Зови, Шико, зови!

– Терпение, – сказал Шико, – сейчас всего лишь восемь часов, до вечера ты еще успеешь себя нахлестать. Сначала побеседуем. Хочешь побеседовать с твоим другом? Ты не пожалеешь, Валуа, слово Шико.

– Что ж, побеседуем, – сказал Генрих, – но поторапливайся.

– Как мы разделим наш день, сын мой?

– На три части.

– В честь святой троицы, прекрасно. Какие же это части?

– Во-первых, месса в Сен-Кермен-л'Оксеруа.

– Хорошо.

– По возвращении в Лувр легкий завтрак.

– Великолепно!

– Затем шествие кающихся по улицам с остановками в главных монастырях Парижа, начиная с монастыря якобинцев и кончая святой Женеьевой, где я обещал приору прожить в затворничестве до послезавтра в келье у некоего монаха, почти святого, который будет ночью читать молитвы за успех нашего оружия.

– Я его знаю.

– Этого святого?

– Прекрасно знаю.

– Тем лучше. Ты пойдешь со мной, Шико. Мы будем молиться вместе.

– Еще бы! Будь спокоен.

– Тогда одевайся, и пошли.

– Погоди!

– А что?

– Я хочу узнать у тебя еще несколько подробностей.

– А не мог бы ты спросить о них, пока меня будут одевать?

– Я предпочитаю сделать это, пока мы одни.

– Тогда спрашивай, да поскорей: время идет.

– Что будет делать твой двор?

– Он сопровождает меня.

– А твой брат?

– Он пойдет со мной.

– А твоя гвардия?

– Французская, во главе с Крийоном, будет ждать меня в Лувре, а швейцарцы – у ворот аббатства.

– Чудесно! – сказал Шико. – Теперь я все знаю.

– Значит, я могу позвать?

– Зови.

Генрих позвонил в колокольчик.

– Церемония будет замечательной, – продолжал Шико.

– Я надеюсь, бог воздаст мне за нее.

– Это мы увидим завтра. Но ответь мне, Генрих, пока еще никто не пришел, ты больше ничего не хочешь сказать мне?

– Нет. Разве я упустил какую-нибудь подробность церемонии?

– Речь не об этом.

– О чем же тогда?

– Ни о чем.

– Но ты меня спрашиваешь.

– Уже окончательно решено, что ты идешь в аббатство святой Женевиевы?

– Конечно.

– И проведешь там ночь?

– Я это обещал.

– Ну, раз тебе больше нечего сказать мне, сын мой, то я сам тебе скажу, что эта церемония меня не устраивает.

– То есть как?

– Не устраивает. И после того, как мы позавтракаем...

– После того, как мы позавтракаем?

– Я познакомлю тебя с другой диспозицией, которую придумал я.

– Хорошо, согласен.

– Даже если бы ты и не был согласен, это бы не имело никакого значения.

– Что ты хочешь сказать?

– Те! В переднюю уже входит твоя челядь. И в самом деле, лакеи раздвинули портьеры, и появились брадобрей, парфюмер и камердинер его величества. Они завладели королем и стали все вместе совершать над его августейшей особой обряд, описанный в начале этой книги.

Когда туалет его величества был на две трети завершен, объявили о приходе его высочества монсеньера герцога Анжуйского.

Генрих обернулся к брату, приготовив для него свою самую лучшую улыбку.

Герцога сопровождали господа де Монсоро, д'Эпернон и Орильи.

Д'Эпернон и Орильи остались позади.

При виде графа, все еще бледного и с выражением лица еще более устрашающим, чем обычно, Генрих не смог скрыть своего удивления.

Герцог заметил, что король удивлен, главный ловчий – тоже.

– Государь, – сказал герцог, – граф де Монсоро явился засвидетельствовать свое почтение вашему величеству.

– Спасибо, сударь, – сказал Генрих, – тронут вашим визитом, тем более что вы были тяжело ранены, не правда ли?

– Да, государь.

– На охоте, как мне говорили?

– На охоте, государь.

– Но сейчас вы чувствуете себя лучше, не так ли?

– Я поправился.

– Государь, – сказал герцог Анжуйский, – не угодно ли вам, чтобы после того, как мы исповедуемся и причастимся, граф де Монсоро отправился подготовить нам хорошую охоту в лесах Компьени?

– Но, – возразил Генрих, – разве вы не знаете, что завтра...

Он собирался сказать: «...четверо моих друзей дерутся с четырьмя вашими», но

вспомнил, что тайна должна быть сохранена, и остановился.

– Я ничего не знаю, государь, – ответил герцог Анжуйский, – и если ваше величество желает сообщить мне...

– Я хотел сказать, – продолжал Генрих, – что поскольку эту ночь мне предстоит провести в молитвах в аббатстве святой Женевьевы, то к завтраму я, возможно, не буду готов. Но пусть господин граф все же отправляется: если завтра охота не состоится, то она состоится послезавтра.

– Вы слышите? – обратился герцог к графу де Монсоро, который ответил с поклоном:

– Да, монсеньер.

Тут вошли Шомберг и Келюс. Король принял их с распростертыми объятиями.

– Еще один день, – сказал Келюс, кланяясь королю.

– Но, к счастью, всего один, – заметил Шомберг. В это время Монсоро, со своей стороны, говорил герцогу:

– Вы, кажется, добиваетесь моего изгнания, монсеньер?

– Разве долг главного ловчего состоит не в том, чтобы подготавливать охоту для короля? – со смехом спросил герцог.

– Я понимаю, – ответил Монсоро, – я вижу, в чем дело. Сегодня вечером истекает восьмой день отсрочки, которую вы, монсеньер, попросили у меня, и ваше высочество предпочитаете лучше отослать меня в Компьень, чем сдержать свое обещание. Но поостерегитесь, ваше высочество: еще до сегодняшнего вечера я могу одним словом...

Франсуа схватил графа за руку.

– Замолчите, – сказал он, – напротив, я выполняю обещание, которое вы помянули.

– Объяснитесь.

– О вашем отъезде для подготовки охоты станет известно всем. Ведь вы получили официальный приказ.

– Ну и что?

– А вы не уедете и спрячетесь поблизости от вашего дома. И тогда, думая, что вы уехали, появится человек, которого вы желаете знать. Остальное ваше дело. Насколько помню, я ничего больше не обещал.

– А! Если все обстоит так... – сказал Монсоро.

– У вас есть мое слово, – сказал герцог.

– У меня есть больше, чем ваше слово, монсеньер, – у меня есть ваша подпись.

– Да, клянусь смертью Христовой, мне это хорошо известно.

И герцог отошел от Монсоро, чтобы приблизиться к своему брату. Орильи тронул д'Эпернона за руку.

– Все в порядке, – сказал он.

– Как? Что в порядке?

– Господин де Бюсси не будет драться завтра.

– Господин де Бюсси не будет драться завтра?

– Я за это отвечаю.

– Кто же ему помешает?

– Не все ли равно, раз он не будет драться?

– Если это случится, моя милый чародей, вы получите тысячу экю.

– Господа, – сказал Генрих, уже закончивший свой туалет, – в Сен-Жермен-л'Оксеруа.

– А потом в аббатство святой Женевьевы? – спросил герцог.

– Разумеется, – ответил король.

– Рассчитывайте на это, – сказал Шико, застегивая на себе пояс с рапирой.

Генрих вышел в галерею, где его ждал весь двор.

Глава 47.

КОТОРАЯ ДОБАВИТ ЯСНОСТИ ГЛАВЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ

Накануне вечером, когда все было решено и сговорено между Гизами и анжуйцами, господин де Монсоро возвратился в свой дом и встретил там Бюсси.

Тогда, подумав, что этот храбрый дворянин, к которому он по-прежнему относился очень дружески, может, не будучи ни о чем предупрежден, сильно скомпрометировать себя послезавтра, он отвел его в сторону.

– Дорогой граф, – сказал он молодому человеку, – не позволите ли вы мне дать вам один совет?

– Само собой разумеется, – ответил Бюсси. – Прошу вас об этом.

– На вашем месте я уехал бы на завтрашний день из Парижа.

– Мне уехать? А зачем?

– Единственное, что я могу вам сказать: ваше отсутствие, должно быть, спасет вас от крупных неприятностей.

– Крупных неприятностей? – переспросил Бюсси, глядя на графа пронизывающим взглядом. – Каких?

– Разве вы не знаете, что должно произойти завтра?

– Совершенно не знаю.

– По чести?

– Слово дворянина.

– Монсеньер герцог Анжуйский ни во что вас не посвятил?

– Пет. Монсеньер герцог Анжуйский посвящает меня только в те дела, о которых он может говорить во весь голос, и добавлю даже, – говорить почти любому.

– Что ж, я не герцог Анжуйский, я люблю своих друзей не ради себя, а ради них, и я скажу вам, дорогой граф, что на завтра готовятся важные события и что сторонники герцога Анжуйского и Гизов замышляют удар, последствием которого, вполне возможно, будет низложение короля.

Бюсси посмотрел на господина де Монсоро с некоторым недоверием, но лицо графа выражало самую полную искренность, в этом нельзя было усомниться.

– Граф, – ответил Бюсси, – вы знаете, я принадлежу герцогу Анжуйскому, то есть ему принадлежат моя жизнь и моя шпага. Король, непосредственно против которого я никогда не выступал, сердит на меня, он всегда не упускает случая сказать или сделать мне что-нибудь неприятное. И как раз завтра, – Бюсси понизил голос, – я говорю это вам, но вам одному, понимаете? Завтра я буду рисковать своей жизнью, чтобы унижить Генриха Валуа в лице его фаворитов.

– Так, значит, – спросил Монсоро, – вы решили нести все последствия вашей преданности герцогу Анжуйскому?

– Да.

– Вы, должно быть, знаете, к чему это может вас привести?

– Я знаю, где я рассчитываю остановиться. Какие бы ни были у меня основания жаловаться на короля, никогда я не подниму руку на помазанника божьего. Пусть этим занимаются другие, а я, никого не задевая и никому не нанося ударов, буду следовать за господином герцогом Анжуйским, чтобы защитить его в случае опасности.

Монсоро задумался и через некоторое время сказал, положив руку на плечо Бюсси.

– Дорогой граф, герцог Анжуйский лицемер, трус, предатель, человек, способный из ревности или страха пожертвовать самым верным своим слугой, самым преданным другом. Дорогой граф, послушайте дружеского совета, покиньте его, отправляйтесь на завтрашний день в ваш венсенский домик, отправляйтесь куда хотите, но не принимайте участия в шествии во время праздника святых даров.

Бюсси внимательно посмотрел на Монсоро.

– Но почему вы сами остаетесь с герцогом Анжуйским?

– Потому, что из-за дел, касающихся моей чести, – ответил граф, – я буду в нем

нуждаться еще некоторое время.

– Что ж, и я тоже из-за дел, касающихся моей чести, останусь с герцогом.

Граф Монсоро пожал руку Бюсси, и они расстались.

Мы уже рассказали в предыдущей главе о том, что произошло на следующее утро во время туалета короля.

Монсоро отправился домой, объявил жене, что уезжает в Компьень, и тут же распорядился подготовить ему все для отъезда.

Диана с радостью выслушала это сообщение.

Она знала от мужа о предстоящем поединке менаду Бюсси и д'Эперноном, но из всех миньонов короля д'Эпернон был известен как наименее храбрый и ловкий, поэтому, когда Диана думала об их поединке, к ее страху примешивалось чувство гордости.

Бюсси с самого утра явился к герцогу Анжуйскому и сопровождал его в Лувр, там он все время оставался в галерее.

Выйдя от короля, герцог забрал Бюсси с собой, и королевский кортеж направился в Сен-Жермен-л'Оксеруа.

При виде Бюсси, такого прямого, верного, преданного, герцог почувствовал некоторые угрызения совести, но два обстоятельства подавили в нем добрые побуждения: большая власть, которую забрал над ним Бюсси, как всякий сильный человек над человеком слабым, внушала принцу опасение, как бы Бюсси, находясь возле его трона, не стал настоящим королем; и затем – Бюсси любил госпожу де Монсоро, и любовь эта порождала все муки ревности в сердце Франсуа.

Однако Монсоро, со своей стороны, вызывал у него почти такое же беспокойство, как Бюсси, и принц сказал себе:

«Если Бюсси пойдет со мной и, поддержав меня своей храбростью, поможет мне завоевать победу, тогда какое будет иметь значение для меня – победителя, что скажет или сделает этот Монсоро? Если же Бюсси покинет меня, я ему ничем больше не обязан и тоже его покину».

Вследствие этих двойственных мыслей, предметом которых был Бюсси, принц ни на минуту не спускал глаз с молодого человека.

Он видел, как тот со спокойным, улыбающимся лицом вошел в церковь, любезно пропустив перед собой своего противника д'Эпернона, и встал на колени где-то позади.

Тогда принц сделал ему знак приблизиться. В том положении, в котором он находился, принц, чтобы видеть Бюсси, был вынужден поворачивать назад голову, в то время как, поместив Бюсси слева от себя, ему достаточно было скосить глаза.

С начала мессы прошло почти четверть часа, когда в церковь вошел Реми и опустился на колени возле своего господина. При появлении молодого лекаря герцог вздрогнул: ему было известно, что Бюсси поверял Одуэну все свои тайные мысли.

И действительно, через некоторое время, после того, как они шепотом обменялись несколькими словами, Реми потихоньку передал своему господину записку.

Принц почувствовал, как кровь заледенела у него в жилах: адрес на записке был написан мелким, изящным почерком.

«Это от нее, – сказал себе принц, – она сообщает, что муж уезжает из Парижа».

Бюсси опустил бумажку в свою шляпу, развернул и прочел. Принц больше не видел записки, но зато он видел лицо Бюсси, озаренное светом радости и любви.

– А! Если ты не пойдешь со мной, берегись! – прошептал он.

Бюсси поднес записку к губам и спрятал на груди.

Герцог поглядел вокруг. Будь Монсоро тут, кто знает, возможно, у принца и не стало бы терпения дожидаться вечера, чтобы назвать ему имя Бюсси.

Когда месса кончилась, все снова возвратились в Лувр, где их ожидал легкий завтрак – короля в его покоях, а дворян – в галерее.

Швейцарцы уже выстроились возле ворот Лувра, готовые отправиться в путь.

Крийон с французской гвардией стоял во дворе.

Так же, как герцог Анжуйский не терял из виду Бюсси, так и Шико не терял из виду короля.

Когда входили в Лувр, Бюсси подошел к герцогу.

– Простите, монсеньер, – произнес он, отвешивая поклон, – я хотел бы сказать вашему высочеству два слова.

– Это спешно? – спросил герцог.

– Очень, монсеньер.

– А не мог бы ты сказать их мне во время шествия? Мы будем идти рядом.

– Извините, монсеньер, но я остановил ваше высочество как раз, чтобы попросить разрешения не сопровождать вас.

– Почему это? – спросил герцог голосом, в котором звучало плохо скрытое волнение.

– Монсеньер, вашему высочеству известно, что завтра – великий день, ибо он должен покончить с враждой между Анжу и Францией. Я хочу удалиться в мой венсенский домик и весь сегодняшний день провести там в затворничестве.

– Значит, ты не примешь участия в шествии, в котором участвует весь двор, участвует король?

– Нет, монсеньер. Разумеется, с разрешения вашего высочества.

– И ты не присоединишься ко мне даже в монастыре святой Женевиевы?

– Монсеньер, я хочу иметь весь день свободным.

– Но, однако, – сказал герцог, – вдруг в течение дня мне понадобятся мои друзья!..

– Так как они вам понадобятся, монсеньер, лишь для того, чтобы поднять шпагу на своего короля, я с двойным основанием прошу отпустить меня, – ответил Бюсси. – Моя шпага связана моим вызовом д'Эпернону.

Еще накануне Монсоро сказал принцу, что он может рассчитывать на Бюсси. Значит, все переменилось со вчерашнего дня, и перемена эта произошла из-за записки, принесенной Одуэном в церковь.

– Итак, – процедил герцог сквозь зубы, – ты покидаешь своего сеньора и господина, Бюсси?

– Монсеньер, – сказал Бюсси, – у человека, который завтра рискует жизнью в таком жестоком, кровавом, смертельном поединке, каким, ручаюсь вам за это, будет наш поединок, у человека этого нет больше иного господина, чем тот, кому будет предназначена моя последняя исповедь.

– Ты знаешь, что речь идет о троне для меня, и покидаешь меня?

– Монсеньер, я достаточно для вас потрудились и достаточно потружусь еще и завтра, не требуйте от меня большего, чем моя жизнь.

– Хорошо, – сказал глухим голосом герцог, – вы свободны, ступайте, господин де Бюсси.

Бюсси, ничуть не обеспокоенный этой внезапной холодностью, поклонился принцу, спустился по лестнице и, очутившись за стенами Лувра, быстро зашагал к своему дворцу.

Герцог кликнул Орильи.

Орильи появился.

– Ну как, монсеньер? – спросил лютнист.

– Он сам себя приговорил.

– Он не идет с вами?

– Нет.

– Он отправляется на свидание по записке?

– Да.

– Тогда, значит, сегодня вечером?

– Сегодня вечером.

– Господин де Монсоро предупрежден?

– О свидании – да, о том, кого он там увидит, – пока нет.

– Итак, вы решили пожертвовать вашим Бюсси?

– Я решил отомстить, – сказал принц. – Теперь я боюсь только одного.

– Чего же?

– Того, как бы Монсоро не доверился только своей силе и ловкости и как бы Бюсси от него не ускользнул.

– Пусть монсеньер не беспокоится.

– Почему?

– Господин де Бюсси приговорен окончательно?

– Да, клянусь смертью Христовой! Он взялся меня опекать, лишил воли, навязал мне свою, отнял у меня возлюбленную и завладел ею; это не человек, а лев, и я не столько его господин, сколько просто сторож при нем. Да, да, Орильи, он приговорен окончательно, без права на помилование.

– Что ж, в таком случае, как я уже сказал, пусть монсеньер не волнуется: если Бюсси ускользнет от Монсоро, он не спасется от другого.

– А кто этот другой?

– Монсеньер приказывает мне назвать его?

– Да, я тебе приказываю.

– Этот другой – господин д'Эпернон.

– Д'Эпернон! Д'Эпернон, который должен завтра драться с ним?

– Да, монсеньер.

– Расскажи-ка мне все.

Орильи начал было рассказывать, но тут принца позвали. Король уже сидел за столом и удивлялся, что не видит герцога Анжуйского, вернее говоря, Шико обратил его внимание на отсутствие принца, и король потребовал позвать брата.

– Ты расскажешь мне во время шествия, – решил герцог.

И он пошел за лакеем, которого за ним прислали.

А теперь, так как мы, будучи заняты более важным героем, не располагаем временем, чтобы последовать за герцогом и Орильи по улицам Парижа, мы расскажем нашим читателям, что произошло между д'Эперноном и лютнистом.

Ранним утром д'Эпернон явился в Анжуйский дворец и сказал, что хочет поговорить с Орильи.

Он давно уже был знаком с музыкантом.

Последний учил его игре на лютне, и ученик с учителем много раз встречались, чтобы попиликовать на виоле или на скрипке, как это было в моде в те времена, не только в Испании, но и во Франции.

Вследствие этого двух музыкантов связывала нежная, хотя и умеренная этикетом, дружба.

А кроме того, д'Эпернон, хитрый гасконец, использовал способ тихого проникновения, состоявший в том, чтобы подбираться к хозяевам через их слуг, и мало было таких тайн у герцога Анжуйского, о которых миньон не был бы осведомлен своим другом Орильи.

Добавим к этому, что, как ловкий дипломат, он подслуживался одновременно и к королю и к герцогу, переметываясь от одного к другому из страха нажить себе врага в короле будущем и из желания сохранить благоволение короля царствующего.

Целью его последнего визита к Орильи было побеседовать о предстоящем поединке.

Поединок с Бюсси не переставал беспокоить королевского миньона.

В течение всей долгой жизни д'Эпернона храбрость никогда не относилась к главным чертам его характера, а чтобы хладнокровно принять мысль о поединке с Бюсси, надо было обладать более чем храбростью, надо было обладать бесстрашием. Драться с Бюсси означало встать лицом к лицу с верной смертью.

Некоторые осмелились на это, но были повержены в бою на землю, да так с нее и не встали.

Стоило только д'Эпернону заикнуться музыканту о занимавшем его деле, как

Орильи, знавший о чайной ненависти своего господина к Бюсси, Орильи, сказали мы, тут же стал поддакивать своему ученику и усиленно жалеть его. Он сообщил, что уже в течение восьми дней господин де Бюсси упражняется в фехтовании, по два часа каждое утро, с горнистом из гвардии, самым коварным клинком, когда-либо известным в Париже, своего рода артистом в деле фехтования, который, будучи путешественником и философом, заимствовал у итальянцев их осторожность и осмотрительность, у испанцев – ловкие, блестящие финты, у немцев – железную хватку пальцев на рукоятке и искусство кон грударов, и, наконец, у диких поляков, которых тогда называли сарматами, – их вольты, их прыжки, их внезапные расслабления и бой грудь с грудью. Во время этого длинного перечисления преимуществ противника д'Эпернон сгрыз от страха весь кармин со своих крашенных ногтей.

– Вот как!. Ну, тогда мне конец, – сказал он, смеясь и бледнея разом.

– Еще бы! Черт возьми! – ответил Орильи.

– Но это же бессмысленно, – воскликнул д'Эпернон, – выходить на поединок с человеком, который, вне всяких сомнений, должен вас убить. Все равно что бросать кости с игроком, который уверен, что он каждый раз выбросит дубль-шесть.

– Надо было думать об этом, прежде чем принимать вызов, сударь.

– Чума меня побери! – воскликнул д'Эпернон. – Как-нибудь выпутаюсь. Недаром же я гасконец. Безумец тот, кто добровольно уходит из жизни, и особенно в двадцать пять лет. По крайней мере, так думаю я, клянусь смертью Христовой! И это очень разумно. Постой!

– Я слушаю.

– Ты говоришь, господин де Бюсси уверен, что убьет меня?

– Ни минуты не сомневаюсь.

– Тогда это уж не дуэль, если он уверен; это – убийство.

– Ив самом деле!

– А коли это убийство, то какого черта?

– Ну?

– Закон разрешает предупреждать убийство с помощью...

– С помощью?

– С помощью..., другого убийства.

– Разумеется.

– Раз он хочет меня убить, кто мне мешает убить его раньше?

– О! Бог мой! Никто, разумеется, я об этом уже думал.

– Разве мое рассуждение не ясно?

– Ясно, как белый день.

– И естественно?

– Весьма естественно!

– Но только, вместо того, чтобы варварски убить его собственными руками, как он это хочет сделать со мной, я – мне ненавистна кровь – предоставлю позаботиться об этом кому-нибудь другому.

– Значит, вы наймете сбиров?

– Клянусь честью, да! Как герцог да Гиз и герцог Майеннский – для Сен-Мегрена.

– Это вам обойдется недешево.

– Я дам три тысячи экю.

– Когда ваши сбиров узнают, с кем они должны иметь дело за три тысячи экю, вам не нанять будет больше шести человек.

– А разве этого недостаточно?

– Шесть человек! Да господин де Бюсси убьет четверых, прежде чем сам получит хоть одну царапину. Вспомните-ка стычку на улице Сент-Антуан, когда он ранил Шомберга в бедро, вас – в руку и почти доконал Келюса.

– Я дам шесть тысяч экю, если надо, – сказал д'Эпернон. – Клянусь кровью Христовой! Если уж я берусь за дело, я хочу сделать его хорошо, так, чтобы он не ускользнул.

– У вас есть люди на примете? – спросил Орильи.

– Проклятие! – ответил д'Эпернон. – Кое-кто есть, из тех, кому делать нечего: солдаты в отставке, разные удалыцы. В общем-то они стоят венецианских и флорентийских молодцов.

– Прекрасно! Прекрасно! Но будьте осторожны.

– Почему?

– Если они потерпят неудачу, они вас выдадут, – За меня король.

– Это кое-что, но король не может помешать господину де Бюсси убить вас.

– Справедливо, совершенно справедливо, – сказал задумчиво д'Эпернон.

– Я мог бы подсказать вам другой выход.

– Говори, мой друг, говори.

– Но, может быть, вам не захочется действовать совместно с другим лицом?

– Я не откажусь ни от чего, что может удвоить мои надежды на избавление от этой бешеной собаки, – Так вот, один враг вашего врага ревнует.

– О!

– Ив этот самый час!..

– Ну, ну, в этот час.., кончай же!

– Он расставляет вашему врагу западню.

– Дальше.

– Но у него нет денег. С вашими шестью тысячами экю он может обделать одновременно и ваше и свое дело. Вы ведь не настаиваете, чтобы честь нанесения удара осталась за вами, не правда ли?

– Боже мой, конечно, нет! Я ничего другого и не хочу, как остаться в тени.

– Тогда пошлите к нему ваших людей, не, открываясь им, кто вы. Он их использует.

– Но, если мои люди и не будут знать, кто я, мне все же следует знать, кто этот человек.

– Я покажу его вам сегодня утром, – Где?

– В Лувре – Так он дворянин?

– Да.

– Орильи, шесть тысяч экю поступят в твое распоряжение немедленно.

– Значит, мы договорились?

– Окончательно и бесповоротно.

– Тогда в Лувр!

– В Лувр.

В предыдущей главе мы видели, как Орильи сказал д'Эпернону:

– Все в порядке, завтра господин де Бюсси драться не будет.

Глава 48. ШЕСТВИЕ

Как только завтрак кончился, король вместе с Шико удалился в свою комнату переодеться в одежды кающегося и через некоторое время вышел оттуда босой, подпоясанный веревкой, в низко надвинутом на лицо капюшоне.

Придворные за это время успели облачиться в такие же наряды.

Погода стояла прекрасная, мостовая была устлана цветами. Говорили, что переносные алтари будут один богаче другого и особенно тот, который монахи монастыря святой Женеьевы устроили в подземном склепе часовни.

Необъятная толпа народу расположилась по обе стороны дороги, ведущей к четырем монастырям, возле которых король должен был сделать остановки, – к монастырям якобинцев, кармелитов, капуцинов и монахов святой Женеьевы.

Шествие открывал клир церкви Сен-Жермен-л'Оксе-руа. Архиепископ Парижа нес святые дары. Между архиепископом и клиром шли, пятясь задом, юноши, размахивавшие

кадилами, и молодые девушки, разбрасывавшие лепестки роз.

Затем шел король, босой, как мы уже сказали, в сопровождении своих четырех друзей, тоже босых и тоже облаченных в монашеские рясы.

За ними следовал герцог Анжуйский, но в своем обычном костюме, а за герцогом его анжуйцы попеременно с высшими сановниками короля, которые шли в свите принца, в порядке, предусмотренном этикетом.

И, наконец, шествие замыкали буржуа и простолюдины.

Когда вышли из Лувра, было уже более часа пополудни.

Крийон и французская гвардия хотели было последовать за королем, но он сделал им знак, что это ни к чему, и они остались охранять дворец.

Было около шести часов вечера, когда, после остановки у нескольких переносных алтарей, первые ряды шествия увидели портик старого аббатства с его кружевной резьбой и монахов святой Женевиевы во главе с их приором, выстроившихся на трех ступенях порога для встречи его величества.

Во время перехода к аббатству, от места последней остановки в монастыре капуцинов, герцог Анжуйский, с утра находившийся на ногах, почувствовал себя дурно от усталости и спросил разрешения у короля удалиться в свой дворец. Разрешение это было ему королем даровано.

После чего дворяне герцога отделились от процессии и ушли вместе с ним, как бы желая высокомерно подчеркнуть, что они сопровождали герцога, а не короля.

Но в действительности дело было в том, что трое из них собирались на следующий день драться и не хотели утомлять себя сверх меры.

У порога аббатства король, под тем предлогом, что Келюс, Можирон, Шомберг и д'Эпернон нуждаются в отдыхе не меньше Ливаро, Рибейрака и Антрагэ, король, говорим мы, отпустил и их тоже.

Архиепископ с утра совершал богослужение и так же, как и другие священнослужители, еще ничего не ел и падал от усталости. Король пожалел этих святых мучеников и, дойдя, как мы уже говорили, до входа в аббатство, отослал их всех.

Потом, обернувшись к приору Жозефу Фулону, он сказал гнусавым голосом:

– Вот и я, отец мой. Я пришел сюда как грешник, который ищет покоя в вашем уединении.

Приор поклонился.

Затем, обращаясь к тем, кто выдержал этот тяжелый путь и вместе с ним дошел до аббатства, король сказал:

– Благодарю вас, господа, ступайте с миром.

Каждый отвесил ему низкий поклон, и царственный кающийся, бия себя в грудь, медленно взошел по ступеням в аббатство.

Как только Генрих переступил через порог аббатства, двери за ним закрылись.

Король был столь глубоко погружен в свои размышления, что, казалось, не заметил этого обстоятельства, в котором к тому же ничего странного и не было: ведь свою свиту он отпустил.

– Сначала, – сказал приор королю, – мы проводим ваше величество в склеп. Мы украсили его, как могли лучше во славу короля небесного и земного.

Генрих молча склонил голову в знак согласия и последовал за аббатом.

Но как только король прошел под мрачной аркадой, между двумя неподвижными рядами монахов, как только монахи увидели, что он свернул за угол двора, ведущего к часовне, двадцать капюшонов взлетели вверх, и в полутьме засверкали глаза, горящие радостью и гордым торжеством.

Открывшиеся лица не были ленивыми и робкими физиономиями монахов: густые усы, загорелая кожа свидетельствовали о силе и энергии.

Многие из этих лиц были иссечены шрамами, и рядом с самым гордым лицом, отмеченным самым знаменитым, самым прославленным шрамом, виднелось радостное и

возбужденное лицо женщины, облаченной в рясу.

Женщина эта воскликнула, помахивая золотыми ножницами, которые были подвешены на цепочке к ее поясу:

– Ах, братья, наконец-то Валуа у нас в руках!

– По чести, сестра, я думаю так же, как вы, – ответил Меченый.

– Еще нет, еще нет, – прошептал кардинал.

– Почему же?

– Достанет ли у нас городского ополчения, чтобы выдернуть натиск Крийона и его гвардии?

– У нас есть кое-что получше ополчения, – возразил герцог Майеннский, – и поверьте моему слову: ни один мушкет не выстрелит ни с той, ни с другой стороны.

– Погодите, – сказала герцогиня де Монпансье, – что вы хотите этим сказать? По-моему, небольшая потасовка была бы не лишней.

– Ничего не поделаешь, сестра, к сожалению, вы будете лишены этого развлечения. Когда короля схватят, он закричит, но на крики никто не отзовется. А потом мы заставим его, убеждением ли, силой ли, но не открывая ему, кто мы, подписать отречение. Город будет тут же извещен об этом отречении, и оно настроит в нашу пользу горожан и солдат.

– План хорош, теперь он уже не может сорваться, – заметила герцогиня.

– Он немного жесток, – сказал кардинал де Гиз, склоняя голову.

– Король откажется подписать отречение, – добавил Меченый. – Он храбр и предпочтет умереть.

– Тогда пусть умрет! – воскликнули герцог Майеннский и герцогиня.

– Никоим образом, – твердо возразил Меченый, – никоим образом! Я хочу наследовать монарху, который отрекся и которого презирают, но я вовсе не хочу сесть на трон человека, которого убили и поэтому будут жалеть. Кроме того, вы в ваших планах позабыли о монсеньере герцоге Анжуйском: если король будет убит, он потребует корону себе.

– Пусть требует, клянусь смертью Христовой! Пусть требует! – сказал герцог Майеннский. – Наш брат кардинал предусмотрел этот случай. Монсеньер герцог Анжуйский будет замешан в деле низложения своего брата. Монсеньер герцог Анжуйский имел сношения с гугенотами, он недостоин царствовать.

– С гугенотами? Вы в этом уверены?

– Клянусь господом! Ведь ему помог бежать король Наваррский.

– Прекрасно.

– Кроме статьи о потере права на престол, есть еще одна статья в пользу нашего дома, она сделает вас наместником королевства, а от наместничества до королевского трона – один шаг.

– Да, да, – сказал кардинал, – я все это предусмотрел. Но, может случиться, французская гвардия вломится в аббатство, чтобы удостовериться, что отречение действительно произошло и в особенности что оно было добровольным. С Крийоном шутки плохи, он из тех, кто может сказать королю: «Государь, ваша жизнь, конечно, под угрозой, но прежде всего спасем честь».

– Это дело нашего главнокомандующего, – ответил герцог Майеннский, – и он уже принял меры предосторожности. Нас здесь двадцать четыре дворянина, на случай осады. Да я еще приказал раздать оружие сотне монахов. Мы продержимся месяц против целой армии. Не считая того, что, если наших сил будет недостаточно, у нас есть подземный ход, через который мы можем скрыться вместе с нашей добычей.

– А что сейчас делает герцог Анжуйский?

– В минуту опасности он, как обычно, пал духом. Герцог вернулся к себе и ждет там известий от нас, в компании Бюсси и Монсоро.

– Господи боже мой! Ему следовало быть здесь, а не у себя.

– Я думаю, вы ошибаетесь, брат, – сказал кардинал, – народ и дворянство усмотрели бы в этом соединении двух братьев ловушку для всей семьи. Как мы только что говорили, нам

надо прежде всего избежать роли узурпаторов. Мы наследуем, вот и все. Оставив герцога Анжуйского на свободе, сохранив независимость королевы-матери, мы добьемся всеобщего благословения и восхищения наших приверженцев, и никто нам слова худого не скажет. В противном же случае нам придется иметь дело с Бюсси и сотней других весьма опасных шпаг.

– Ба! Бюсси завтра дерется с миньонами.

– Клянусь господом! Он их убьет. Достойное дело! А потом он примкнет к нам, – сказал герцог де Гиз. – Что до меня, то я сделаю его командующим армии в Италии, где, без всякого сомнения, разразилась война. Этот сеньор де Бюсси человек выдающийся, я к нему отношусь с большим уважением.

– А я, в доказательство того, что уважаю его не меньше вашего, брат, я, как только овдовею, выйду за него замуж, – сказала герцогиня де Монпансье.

– Замуж за него? Сестра! – воскликнул Майенн.

– Почему бы нет? – ответила герцогиня. – Дамы поважнее меня пошли на большее ради него, хотя он и не был командующим армии.

– Ну, ладно, ладно, – сказал Майенн, – об этом потом, а сейчас – за дело!

– Кто возле короля? – спросил герцог де Гиз.

– Приор и брат Горанфло, должно быть, – сказал кардинал. – Надо, чтобы он видел только знакомые лица, иначе мы его вспугнем до времени.

– Да, – сказал герцог Майеннский, – мы будем вкушать плоды заговора, а срывают их пускай другие.

– А что, он уже в келье? – спросила госпожа де Монпансье. Ей не терпелось украсить короля третьей короной, которую она уже так давно ему обещала.

– О! Нет еще. Сначала он посмотрит большой алтарь склепа и поклонится святым мощам.

– А потом?

– Потом приор обратится к нему с прочувствованным словом о бренности мирских благ, после чего брат Горанфло, знаете, тот, который произнес такую пылкую речь во время собрания представителей Лиги?..

– Да. И что же дальше?

– Брат Горанфло попытается добиться от него убеждением того, что нам противно вырывать силой.

– В самом деле, такой путь был бы во сто крат лучше, – произнес задумчиво Меченый.

– Да что там! Генрих суеверен и изнежен, – сказал герцог Майеннский, – я ручаюсь: под угрозой ада он сдастся.

– Я не так убежден в этом, как вы, – сказал герцог де Гиз, – но наши корабли сожжены, назад пути нет. А теперь вот что: после попытки приора, после речей Горанфло, если и тот и другой потерпят неудачу, мы испробуем последнее средство, то есть – запугивание.

– И уж тогда-то я постригу голубчика Валуа, – воскликнула герцогиня, возвращаясь снова и снова к своей излюбленной мысли. В эту минуту под сводами монастыря, омраченными первыми тенями ночи, раздался звонок.

– Король спускается в склеп, – сказал герцог де Гиз. – Давайте-ка, Майенн, зовите ваших друзей, и превратимся снова в монахов.

В одно мгновение гордые лбы, горящие глаза и красноречивые шрамы скрылись под капюшонами. Затем около тридцати или сорока монахов, возглавляемых тремя братьями, направились ко входу в склеп.

Глава 49. ШИКО ПЕРВЫЙ

Король был погружен в глубокую задумчивость, которая обещала планам господ

Гизов легкий успех.

Он посетил склеп вместе со всей братией, приложился к раке и, в завершение церемонии, стал усиленно бить себя кулаками в грудь, бормоча самые мрачные псалмы.

Приор приступил к своим увещаниям, которые король выслушал все с тем же глубоко покаянным видом.

Наконец, по сигналу герцога де Гиза, Жозеф Фулон склонился перед королем и сказал ему:

– Государь, а теперь не угодно ли будет вам сложить вашу земную корону к ногам вечного владыки?

– Пойдемте, – просто ответил король.

И тотчас же все монахи, стоявшие шпалерами по пути короля, двинулись к кельям, в видневшийся слепа главный коридор.

Генрих выглядел очень смягченным. Он по-прежнему бил себя кулаками в грудь, крупные четки, которые он торопливо перебирал, со стуком ударялись о черепа из слоновой кости, подвешенные к его поясу.

Наконец подошли к келье; на пороге ее возвышался Горанфло, раскрасневшийся, с глазами, сверкающими, подобно карбункулам.

– Здесь? – спросил король.

– Здесь, – откликнулся толстый монах.

Королю было от чего заколебаться, потому что в конце коридора виднелась довольно таинственного вида дверь или, вернее, решетка, выходящая на крутой скат, за которой глазу представала лишь кромешная тьма.

.Генрих вошел в келью.

– *Hic portus salutis?*²² – прошептал он взволнованным голосом.

– Да, – ответил Фулон, – спасительная гавань здесь!

– Оставьте нас, – сказал Горанфло с величественным жестом.

Дверь тотчас же затворилась. Шаги монахов смолкли вдали.

Король, заметив скамеечку в глубине кельи, сел и сложил руки на коленях.

– А, вот и ты, Ирод, вот и ты, язычник, вот и ты, Навуходоносор! – сказал, без всякого перехода, Горанфло, упершись в бока своими толстыми руками.

Король, казалось, был удивлен.

– Это вы ко мне обращаетесь, брат мой? – спросил он.

– Ну да, к тебе, а к кому же еще? Сыщется ли такое бранное слово, которое бы не сгодилося для тебя?

– Брат мой! – пробормотал король.

– Ба! Да у тебя тут нет братьев. Давно уже я размышляю над одной проповедью.., ты ее услышишь... Как всякий хороший проповедник, я делю ее на три части. Во-первых, ты – тиран, во-вторых – сатир, и, наконец, ты – низложенный монарх. Вот об этом-то я и буду говорить.

– Низложенный монарх! Брат мой... – возмутился почти скрытый темнотой король.

– Вот именно. Тут тебе не Польша, удрать тебе не удастся...

– Это западня!

– Э! Валуа, знай, что король всего лишь человек, пока он еще человек.

– Это насилие, брат мой!

– Клянусь Спасителем, уж не думаешь ли ты, что мы заперли тебя, чтобы с тобой нянчиться?

– Вы злоупотребляете религией, брат мой.

– А разве религия существует? – воскликнул Горанфло.

– О! – произнес король. – Чтобы святой говорил такие слова!

²² Здесь спасительная гавань? (лат.)

– Черт побери, я это сказал.
– Вы погубите свою душу.
– А разве можно погубить душу?
– Вы говорите, как безбожник, брат мой.
– Ладно, без глупостей! Ты готов, Валуа?
– Готов к чему?
– К тому, чтобы отречься от короны. Мне поручили предложить тебе это: я предлагаю.

– Но вы совершаете смертный грех.
– Э, – произнес Горанфло с циничной улыбкой, – я имею право отпустить грехи и заранее даю себе отпущение. Ну ладно, отрекайся, брат Валуа.

– От чего?
– От французского трона.
– Лучше смерть.
– Ну, что ж, тогда ты умрешь... Ага! Вот и приор. Он возвращается..., решайся.
– У меня есть гвардия, друзья. Я буду защищаться.
– Возможно, но сначала тебя убьют.
– Дай мне, по крайней мере, подумать минуту.
– Ни минуты, ни секунды.
– Вы слишком усердствуете, брат мой, – сказал приор. И он сделал королю знак рукой, который говорил:

«Государь, ваша просьба удовлетворена». После чего приор снова вышел за дверь. Генрих глубоко задумался.

– Что ж, – сказал он, – принесем эту жертву. Размышления Генриха длились десять минут. В окошечко в дверях кельи постучали.

– Готово, – сказал Горанфло, – он согласен. Из коридора до короля донесся шепот, выражавший радость и удивление.

– Прочтите ему акт, – сказал голос. Звук его заставил короля вздрогнуть и даже бросить взгляд на решетку, которой было заделано дверное окошечко.

Рука какого-то монаха протянула Горанфло через прутья свернутый трубкой пергамент.

Горанфло с большим трудом прочитал этот акт королю; страдания того были так велики, что он закрыл лицо руками.

– А если я откажусь подписать? – воскликнул король плаксивым тоном.

– В таком случае вы себя погубите дважды, – откликнулся голос герцога де Гиза, приглушенный капюшоном. – Считайте, что вы уже мертвы для мира, и не вынуждайте подданных проливать кровь человека, который был их королем.

– Вам не заставить меня, – сказал Генрих.

– Я предвидел это, – шепнул герцог сестре, лоб ее был нахмурен, а в глазах читался страшный замысел.

– Ступайте, брат, – добавил он, обращаясь к Майенну, – пусть все вооружатся и будут готовы?

– К чему? – спросил жалобно король.

– Ко всему, – ответил Жозеф Фулон. Отчаяние короля удвоилось.

– Проклятие! – воскликнул Горанфло. – Я ненавижу тебя, Валуа, но теперь я тебя презираю. Давай подписывай, иначе я убью тебя своими собственными руками.

– Погодите, – сказал король, – погодите, пока я вверю себя воле всевышнего и он ниспошлет мне смирение.

– Он опять собирается думать! – возмутился Горанфло.

– Оставьте его в покое до полуночи, – сказал кардинал.

– Благодарю, милосердный христианин, – воскликнул исполненный отчаяния король. – Бог воздаст тебе!

– А у него действительно расслабление мозга, – сказал герцог де Гиз. – Мы оказываем Франции услугу, свергая его с трона.

– Все равно, – заметила герцогиня, – какой бы он ни был слабоумный, я буду иметь удовольствие его постричь.

Во время этого диалога Горанфло, скрестив на груди руки, осыпал Генриха самыми грубыми ругательствами и перечислял все его преступления.

Внезапно снаружи монастыря раздался глухой шум.

– Тише! – крикнул голос герцога де Гиза. Воцарилась глубочайшая тишина. Вскоре они поняли, что это гудят двери аббатства под чьими-то сильными и равномерными ударами.

Прибежал обратно Майенн со всей быстротой, какую допускала его толщина.

– Братья, – сказал он, – у главного входа отряд вооруженных людей.

– Это за ним, – сказала герцогиня.

– Тем более ему надо поторопиться с подписью, – заметил кардинал.

– Подписывай, Валуа, подписывай! – закричал громовым голосом Горанфло.

– Вы дали мне срок до полуночи, – умоляюще сказал король.

– А ты уже и обрадовался, рассчитываешь на помощь.

– Конечно, у меня еще есть возможность...

– Умереть, если вы сию же минуту не подпишете, – прозвучал повелительный и резкий голос герцогини.

Горанфло схватил короля за руку и протянул ему перо.

Шум снаружи усилился.

– Еще один отряд, – сказал прибежавший монах. – Они окружают паперть и обходят слева.

– Скорей, – нетерпеливо вскричали Майенн и герцогиня.

Король обмакнул перо в чернила.

– Швейцарцы! – явился с сообщением Жозеф Фулон. – Они занимают кладбище справа. Аббатство полностью окружено.

– Ну что ж, мы будем обороняться, – ответил решительно герцог Майеннский. – Ни одна крепость не сдастся на милость победителя, имея такого заложника.

– Подписал! – взвыл Горанфло, вырывая лист из рук Генриха, который, сраженный всем этим, закрыл лицо капюшоном, а поверх него – руками.

– Значит, мы – король, – сказал кардинал герцогу. – Унеси поскорей этот драгоценный пергамент.

Король, в порыве горя, опрокинул маленькую единственную лампу, освещавшую эту сцену, но пергамент был уже в руках у герцога де Гиза.

– Что делать? Что делать? – спросил прибежавший со всех ног монах, под рясой которого угадывался самый настоящий дворянин в самом полном вооружении. – Явился Крийон с французской гвардией и вот-вот высадит двери. Прислушайтесь!..

– Именем короля! – донесся мощный голос Крийона.

– Чего там! Нет больше короля, – ответил Горанфло через окно кельи.

– Какой разбойник это сказал? – откликнулся Крийон.

– Я! Я! Я! – выкрикнул из темноты Горанфло с самой вызывающей надменностью.

– Попытайтесь разглядеть этого дурня и всадите ему парочку пуль в брюхо, – приказал Крийон.

А Горанфло, видя, что гвардейцы взяли мушкеты наизготовку, немедленно нырнул обратно в келью и плюхнулся на свой мощный зад посреди нее.

– Ломайте двери, господин Крийон, – приказал среди всеобщей тишины голос, от которого встали дыбом волосы у всех настоящих и мнимых монахов, находившихся в коридоре.

Тот, кому принадлежал этот голос, отделившись от остальных, подошел к ступеням аббатства.

– Повинуюсь, государь, – ответил Крийон и со всего размаха ударил по главной

двери топором. От этого удара содрогнулись стены.

– Что вам надо? – спросил дрожащий приор, выглядывая в окно.

– А! Это вы, мессир Фулон, – произнес все тот же высокомерный и спокойный голос. – Верните-ка мне моего шута, он решил заночевать тут у вас в одной из келий. Мне нужен мой Шико. Я скучаю без него в Лувре.

– Зато я очень весело провожу время, сын мой, – ответил Шико, сбрасывая капюшон и расталкивая толпу монахов, отшатнувшихся от него с воплями ужаса.

В это мгновение герцог Гиз, по приказу которого был принесен светильник, прочел с таким трудом добытую и еще не просохшую подпись внизу акта об отречении:

«Шико первый»

– Шико Первый, – воскликнул он, – тысяча проклятий!

– Мы погибли, – сказал кардинал, – бежим!

– Вот тебе, – приговаривал Шико, стегая веревкой, заменявшей ему пояс, полубесчувственного Горанфло. – Вот тебе!

Глава 50. ПРОЦЕНТЫ И КАПИТАЛ

По мере того, как король говорил, и по мере того, как заговорщики узнавали его, изумление их сменялось страхом. Подпись «Шико I» под отречением превратила страх в ярость.

Шико сбросил рясу с плеч, скрестил руки на груди, в, пока Горанфло улепetyивал со всех ног, он, неподвижный и улыбающийся, встретил первый натиск.

Положение его было ужасным.

Разъяренные дворяне надвигались на гасконца, твердо решив отомстить ему за жестокий обман, жертвой которого они стали.

Но вид этого безоружного человека с грудью, прикрытой лишь двумя скрещенными руками, вид этого смеющегося лица, словно подзадоривающего столь грозную силу обрушиться на столь полную слабость, остановил их, быть может, еще более, чем увещания кардинала, который убеждал, что смерть Шико ничего не даст, а, напротив, навлечет на них страшную месть короля, принявшего вместе со своим шутлом участие в этой зловещей буффонаде.

В результате кинжалы и рапиры опустились перед Шико, который, может, в порыве самоотречения, – а Шико на это был способен, – может, потому, что он разгадал мысли своих врагов, продолжал смеяться им в лицо.

Тем временем угрозы короля становились все страшнее, а удары крийоновского топора все чаще.

Было очевидно, что дверь не выдержит долго подобного натиска, которому никто даже и не пытался дать отпор.

Поэтому, после короткого совещания, герцог де Гиз отдал приказ об отступлении.

Услышав этот приказ, Шико усмехнулся.

Во время своих ночных затворничеств с Горанфло он изучил подземный ход, узнал, куда он выходит, и указал это место королю. Король поставил там Токено, лейтенанта швейцарской гвардии.

Было совершенно ясно, что лигисты один за другим попадут прямо в пасть к волку.

Кардинал, вместе с двумя десятками дворян, скрылся первым.

Затем Шико увидел, как в подземном ходе исчез герцог де Гиз, примерно с таким же числом монахов, а потом – Майенн: благодаря своей толщине и огромному животу он был лишен возможности бегать, и на его долю выпало прикрывать отступление.

Когда этот последний, то есть герцог Майеннский, на глазах у Шико волочил свое грузное туловище мимо кельи Горанфло, гасконец уже не улыбался – он покатывался со смеху.

В течение десяти минут Шико тщетно напрягал слух, ожидая услышать, что лигисты бегут по подземному ходу обратно. Но, к его величайшему удивлению, шум их шагов, вместо того чтобы приближаться к нему, все более и более удалялся.

Внезапно Шико осенила мысль, от которой он перестал смеяться и заскрежетал зубами.

Время идет, лигисты не возвращаются. Не заметили ли они, что выход из подземного хода охраняется, и не ушли ли через какой-нибудь другой выход?

Шико уже бросился было вон из кельи, но тут дорогу ему преградила какая-то бесформенная масса. Она ползала в йогах у Шико и рвала на себе волосы.

– Ах, я несчастный! – вопил Горанфло. – О! Мой добрый сеньор Шико, простите меня! Простите меня!

Почему Горанфло возвратился, возвратился один из всех, ведь он убежал первым и должен был бы находиться уже далеко отсюда?

Вот вопрос, который, вполне естественно, пришел в голову Шико.

– О! Мой добрый господин Шико, дорогой мой сеньор! – продолжал стенать Горанфло. – Простите вашего недостойного друга, он сожалеет о случившемся и приносит публичное покаяние у ваших ног.

– Однако, – спросил Шико, – почему ты не удрал с остальными, болван?

– Потому, что я не мог пройти там, где проходят остальные, мой добрый сеньор: господь бог во гневе своем покарал меня тучностью. О, несчастный живот! О, презренное брюхо! – кричал монах, хлопая кулаками по той части тела, к которой он взывал. – Ах, почему я не худой, как вы, господин Шико?! Как это прекрасно – быть худым! Какие они счастливы, худые люди!

Шико ничего решительно не понимал в сетованиях монаха.

– Но, значит, другие где-то проходят? – вскричал он громовым голосом. – Значит, другие убегают?

– Клянусь господом! – ответил монах. – А что же им еще остается делать, петли дожидаться, что ли? О, проклятое брюхо!

– Тише! – крикнул Шико. – Отвечайте мне. Горанфло поднялся на ноги.

– Спрашивайте, господин Шико, – сказал он, – вы имеете на это полное право.

– Как убегают остальные?

– Во всю прыть.

– Понимаю, но каким путем?

– Через отдушину.

– Смерть Христова! Через какую еще отдушину?

– Через отдушину кладбищенского склепа.

– Это тот путь, который ты называешь подземным ходом? Отвечай, скорее!

– Нет, дорогой господин Шико. Выход из подземного хода охраняется снаружи. Когда великий кардинал де Гиз открыл дверь, он услышал, как какой-то швейцарец сказал: «Mich durstet», что значит, как мне кажется:

«Я хочу пить».

– Клянусь святым чревом! – воскликнул Шико. – Я и сам знаю, что это значит. Итак, беглецы отправились другой дорогой?

– Да, дорогой господин Шико, они спасаются через кладбищенский склеп.

– Который выходит?

– С одной стороны в подземный склеп часовни, с другой – под ворота Сен-Жак.

– Ты лжешь.

– Я, дорогой сеньор?

– Если бы они спасались через склеп, ведущий в подземелье часовни, они бы снова прошли перед твоей кельей, и я бы их увидел.

– То-то и оно, дорогой господин Шико, что у них не было времени делать такой большой крюк, и они пролезли через отдушину.

- Какую отдушину?
- Через отдушину, которая выходит в сад и служит для освещения прохода.
- Ну, а ты, значит?..
- Ну, а я, я слишком толст...
- И?

– Я не мог протиснуться, и меня вытянули обратно за ноги, потому что я преграждал путь другим...

– Но, – воскликнул Шико, лицо которого внезапно озарилось непонятным ликованием, – если ты не мог протиснуться...

– Не мог, хотя и очень старался. Посмотрите на мои плечи, на мою грудь.

– Значит, тот, кто еще толще тебя...

– Кто «тот»?

– О господь мой, – сказал Шико, – коли ты пособишь мне в этом деле, я обещаю поставить тебе отличнейшую свечу. Значит, он тоже не сможет протиснуться?

– Господин Шико...

– Поднимайся же, долгополый!

Монах встал так быстро, как только смог.

– Хорошо! Теперь води меня к отдушине.

– Куда вам будет угодно, дорогой мой сеньор.

– Иди вперед, несчастный, иди!

Горанфло побежал рысцей со всей доступной ему скоростью, время от времени вздевая к небу руки и сохраняя взятый им аллюр благодаря ударам веревки, которыми подгонял его Шико.

Они пробежали по коридору и выбежали в сад.

– Сюда, – сказал Горанфло, – сюда.

– Беги и молчи, болван.

Горанфло сделал последнее усилие и добежал до густой чащи, откуда слышалось что-то вроде жалобных стонов.

– Там, – сказал он, – там.

И в полном изнеможении шлепнулся задом на траву.

Шико сделал три шага вперед и увидел нечто шевелившееся возле самой земли.

Рядом с этим «нечто», напоминавшим заднюю часть тела того существа, которое Диоген называл двуногим петухом без перьев, валялись шпага и ряса.

Из всего явствовало, что персона, находившаяся в столь неудобном положении, последовательно освобождалась от всех предметов, которые могли увеличить ее толщину, и в данный момент, разоруженная и не облаченная более в рясу, была приведена к своему простейшему состоянию.

И тем не менее все потуги этой персоны исчезнуть полностью были безрезультатны, как в свое время потуги Горанфло.

– Смерть Христова! Святое чрево! Кровь Христова! – восклицал беглец полузадушенным голосом. – Я предпочел бы прорваться через всю гвардию. Ах! Не тяните так сильно, друзья мои, я проскользну потихонечку. Я чувствую, что продвигаюсь: не быстро, но продвигаюсь.

– Клянусь святым чревом! Это герцог Майеннский! – прошептал Шико в экстазе, – Боже, добрый мой боже, ты заработал спую свечу.

– Недаром же меня прозвали Геркулесом, – продолжал глухой голос, – я приподниму этот камень. Раз!

И герцог сделал такое могучее усилие, что камень действительно дрогнул.

– Погоди, – сказал тихонько Шико, – погоди. И он затопал ногами, изображая бегущего.

– Они подходят, – сказали несколько голосов в подземелье.

– А! – воскликнул Шико, делая вид, что он только что подбежал, весь

запыхавшийся. – А! Это ты, презренный монах?

– Молчите, монсеньер, – зашептали голоса. – Он принимает вас за Горанфло.

– А! Так это ты, толстая туша, *pondus immobile*²³, получай! А! Так это ты, *indigesta moles*²⁴, получай!

И при каждом восклицании Шико, достигнувший наконец столь горячо желанной возможности отомстить за себя, со всего размаху стегал по торчащим перед ним мясистым ягодицам той самой веревкой, которой он незадолго перед тем бичевал Горанфло.

– Тише, – продолжали шептать голоса, – он принимает вас за монаха.

И герцог Майеннский на самом деле издавал только приглушенные стоны, изо всех сил пытаясь приподнять камень.

– А, заговорщик, – продолжал Шико, – недостойный монах, получай! Вот тебе за пьянство! Вот тебе за лень, получай! Вот тебе за гнев, получай! Вот тебе за любострастие, получай! Вот тебе за чревоугодие! Жаль, что смертных грехов всего лишь семь. Вот! Вот! Вот! Это тебе за остальные твои грехи.

– Господин Шико, – молил Горанфло, обливаясь потом, – господин Шико, пожалейте меня.

– А, предатель! – продолжал Шико, не прекращая порки. – На! Вот тебе за измену.

– Пощадите, – лепетал Горанфло, которому казалось, что он чувствует на своем теле все удары, падающие на герцога Майеннского, – пощадите, миленький господин Шико!

Но Шико не останавливался, а лишь учащал удары, все больше опьяняясь местью.

Несмотря на свое самообладание, Майенн не мог сдержать стонов.

– А! – продолжал Шико. – Почему не было угодно богу подставить мне вместо твоего непристойного зада, вместо этого грубого куска мяса, всемогущие и сиятельнейшие ягодицы герцога Майеннского, которому я задолжал тьму палочных ударов. Уже семь лет, как на них нарастают проценты. Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе!

Горанфло испустил вздох и упал наземь.

– Шико! – возопил герцог Майеннский.

– Да, я самый, да, Шико, недостойный слуга его величества, Шико – слабая рука, который хотел бы для такого случая иметь сто рук, как Бриарей.

И Шико, все больше и больше входя в раж, стал отпускать удары с такой яростью, что его подопечный, обезумев от боли, собрал все силы, приподнял камень и с ободранными боками и окровавленным задом свалился на руки своих друзей.

Последний удар Шико пришелся по пустоте.

Тогда Шико оглянулся: настоящий Горанфло лежал в глубоком обмороке, если не от боли, то, во всяком случае, от страха.

Глава 51.

О ТОМ, ЧТО ПРОИСХОДИЛО ВБЛИЗИ БАСТИЛИИ В ТО ВРЕМЯ, КАК ШИКО ПЛАТИЛ СВОИ ДОЛГИ В АББАТСТВЕ СВЯТОЙ ЖЕНЕВЬЕВЫ

Было одиннадцать часов ночи. Герцог Анжуйский в своем кабинете, куда он удалился, почувствовав себя нехорошо на улице Сен-Жак, с нетерпением ждал гонца от герцога де Гиза с известием об отречении короля.

Он шагал взад и вперед, от окна кабинета к двери, а от двери – к окнам передней, и все поглядывал на часы в футляре из позолоченного дерева, которые зловеще отсчитывали секунду за секундой.

Вдруг он услышал, как во дворе лошадь бьет копытом о землю. Герцог решил, что

²³ Недвижимая тяжесть (лат.).

²⁴ Бесформенная масса (лат.).

это, вероятно, прибыл желанный гонец, и подбежал к окну. Но конь – его держал под уздцы слуга – еще только ждал своего хозяина.

Хозяин вышел из дворца принца; это был Бюсси. Выполняя свои обязанности капитана гвардии, он, прежде чем отправиться на свидание, приехал сообщить ночной пароль.

Увидев этого красивого, храброго человека, которого он ни в чем не мог упрекнуть, – герцог почувствовал на мгновение угрызения совести, но тут Бюсси подошел к слуге, державшему в руке факел, свет упал на его лицо, и Франсуа прочел на нем столько радости, надежды и счастья, что ревность его вспыхнула с новой силой.

Тем временем Бюсси, не подозревая, что герцог наблюдает за ним и следит за изменениями его лица, Бюсси, уже уладивший все с паролем, отбросил плащ за плечи, вскочил в седло и, прищипорив коня, с большим шумом проскакал под гулким сводом ворот.

Незадолго до того герцог, обеспокоенный отсутствием гонца, подумывал, не послать ли за Бюсси; он не сомневался, что, прежде чем отправиться к Бастилии, Бюсси завернет в свой дворец. Но теперь Франсуа мысленно нарисовал себе, как Бюсси и Диана смеются над его отвергнутой любовью, ставя его, принца, на одну доску с презираемым мужем, и злобные чувства снова взяли в нем верх над добрыми.

Отправляясь на свидание, Бюсси улыбался от счастья. Эта улыбка была для принца оскорблением, и он позволил Бюсси уехать. Если бы у молодого человека был нахмуренный лоб и печаль в глазах, возможно, Франсуа и остановил бы его.

Между тем Бюсси, выехав за ворота Анжуйского дворца, тут же попридержал коня, чтобы не производить слишком большого шума. Прискакав, как и предвидел принц, в свой дворец, он оставил коня на попечение конюха, почтительно внимавшего лекции по ветеринарному искусству, которую читал ему Реми.

– А! – сказал Бюсси, признав молодого лекаря. – Это ты, Реми?

– Да, монсеньер, собственной персоной.

– Еще не спишь?

– Собираюсь лечь через десять минут. Я шел к себе, вернее, к вам. По правде говоря, с тех пор как я расстался со своим раненым, мне кажется, что в сутках сорок восемь часов.

– Может быть, ты скучаешь? – спросил Бюсси.

– Боюсь, что да!

– А любовь?

– Э! Я вам уже не раз говорил: любви я остерегаюсь, обычно она для меня лишь предмет полезных наблюдений.

– Значит, с Гертрудой покончено?

– Бесповоротно.

– Выходит, тебе надоело?

– Быть битым. Именно в колотушках и выражалась любовь моей амазонки, доброй девушки в остальном.

– И твое сердце не вспоминает о ней сегодня?

– Почему сегодня, монсеньер?

– Потому, что я мог бы взять тебя с собой.

– К Бастилии?

– Да.

– Вы туда отправитесь?

– Непременно.

– А Монсоро?

– В Компьени, мой милый, он готовит там охоту для его величества.

– Вы в этом уверены, монсеньер?

– Распоряжение было ему отдано при всех, сегодня утром.

– А!

Реми задумался.

– И, значит? – сказал он немного погодя.

– И, значит, я провел день, вознося благодарения богу за счастье, которое он посылает мне этой ночью, и жажду провести ночь, наслаждаясь этим счастьем.

– Хорошо, Журдэн, мою шпагу! – приказал Реми. Конюх исчез в доме.

– Так ты изменил свое мнение?

– Почему?

– Потому, что ты берешь шпагу.

– Я провожу вас до места по двум соображениям.

– По каким?

– Во-первых, из опасений, как бы у вас не случилось неприятной встречи по дороге. Бюсси улыбнулся.

– Э! Бог мой! Смейтесь, монсеньер. Я прекрасно знаю, что вы не боитесь неприятных встреч и что лекарь Реми не бог весть какая поддержка, но на двух нападают реже, чем на одного. Во-вторых, мне надо дать вам великое множество полезных советов.

– Пошли, дорогой Реми, пошли. Мы будем разговаривать о ней, а после счастья видеть женщину, которую любишь, я не знаю большей радости, чем говорить о и ей.

– Бывают и такие люди, – ответил Реми, – которые радость говорить о ней ставят на первое место.

– Однако, – заметил Бюсси, – мне кажется, погода нынче весьма переменчивая.

– Еще один повод идти с вами: небо то в облаках, то чистое. Что до меня, то я люблю разнообразие. Спасибо, Журдэн, – добавил Реми, обращаясь к конюху, который принес ему рапиру.

Затем, обернувшись к графу, сказал:

– Я в вашем распоряжении, монсеньер. Пойдемте.

Бюсси взял молодого лекаря под руку, и они зашагали к Бастилии.

Реми сказал графу, что должен дать ему тьму полезных советов, и действительно, едва только они тронулись в путь, как лекарь принялся засыпать Бюсси внушительными латинскими цитатами, стремясь убедить его в том, что он делает ошибку, отправляясь этой ночью к Диане, вместо того чтобы спокойно лежать в своей постели, ибо, как правило, человек дерется плохо, если он плохо спал ночью. Затем от ученых сентенций Одуэн перешел к мифам и басням и искусно ввернул, что обычно именно Венера разоружала Марса.

Бюсси улыбался. Реми стоял на своем.

– Видишь ли, Реми, – сказал граф, – когда моя рука держит шпагу, она так с ней срастается, что каждая частица ее плоти становится крепкой и гибкой, как сталь клинка, а клинок, в свою очередь, словно оживает и согревается, уподобляясь живой плоти. С этого мгновения моя шпага – это рука, а моя рука – шпага. И поэтому – понимаешь? – больше не приходится говорить ни о силе, ни о настроении. Клинок никогда не устает.

– Да, но он притупляется.

– Не бойся ничего.

– Ах, дорогой мой сеньор, – продолжал Реми, – речь идет о том, что завтра вам предстоит поединок, подобный поединку Геркулеса с Антеем, Тезея с Минотавром, нечто вроде битвы Тридцати, или битвы Баярда. Нечто гомерическое, гигантское, невероятное. Речь идет о том, чтобы в будущем поединок Бюсси называли образцом поединка. И я не хочу, знаете ли, не хочу только одного: чтобы вас продырявили.

– – Будь спокоен, мой славный Реми, ты увидишь чудеса. Нынче утром я дал по шпаге четырем лихим драчунам, и в течении восьми минут ни одному из этих четырех не удалось даже задеть меня, а я превратил их камзолы в лохмотья. Я прыгал, как тигр.

– Не сомневаюсь в этом, господин мой, но будут ли ваши колени завтра такими же, какими они были сегодня утром?

Тут между Бюсси и его хирургом завязался разговор по-латыни, который то и дело прерывался взрывами смеха.

Так они дошли до конца большой улицы Сент-Антуан.

– Прощай, – сказал Бюсси, – мы на месте.

– Может, мне подождать вас? – предложил Реми.

– Зачем?

– Затем, чтобы быть уверенным, что вы возвратитесь через два часа и хорошенько поспите перед поединком, пять или шесть часов по меньшей мере.

– А если я дам тебе слово?

– О! Этого будет достаточно. Слово Бюсси, чума меня побери! Хотел бы я знать, как в нем можно усомниться!

– Что ж, ты его имеешь. Через два часа, Реми, я вернусь домой.

– Договорились. Прощайте, монсеньер.

– Прощай, Реми.

Молодые люди расстались, но Реми задержался на улице еще немного.

Он увидел, как Бюсси приблизился к дому и, поскольку отсутствие Монсоро обеспечивало полную безопасность, вошел через дверь, которую открыла Гертруда, а не через окно.

Только после этого Реми, с философским спокойствием, пустился по безлюдным улицам в обратный путь к дворцу Бюсси.

Пройдя через площадь Бодуайе, он заметил, что навстречу ему идут пятеро мужчин, закутанных в плащи и под этими плащами, по всей видимости, хорошо вооруженных.

Пятеро в такой час – это было необычно. Реми отступил за угол дома.

Не дойдя десяти шагов до него, мужчины остановились и, обменявшись сердечным «доброй ночи», разошлись. Четверо отправились в разные стороны, а пятый продолжал стоять, погружившись в размышления.

В этот миг из-за облака выглянула луна и осветила лицо этого ночного гуляки.

– Господин де Сен-Люк? – воскликнул Реми. Услышав свое имя, Сен-Люк поднял голову и увидел направляющееся к нему человека.

– Реми! – вскричал он, в свою очередь.

– Реми собственной персоной, и я счастлив, что могу не добавлять: «к вашим услугам», ибо, как мне кажется, вы чувствуете себя прекрасно. Не будет ли нескромностью с моей стороны, если я поинтересуюсь, что ваша милость делает в этот час столь далеко от Лувра?

– По правде сказать, милейший, я изучаю по приказанию короля настроение города. Король сказал мне:

«Сен-Люк, прогуляйся по улицам Парижа, и если ты случайно услышишь, что кто-нибудь говорит, что я отрекся от престола, смело отвечай, что это неправда».

– А кто-нибудь говорил об этом?

– Никто, ни словечка. И вот, так как скоро полночь, все спокойно и я не встретил никого, кроме господина де Монсоро, я отпустил своих друзей и собирался уже вернуться, тут ты и увидел меня.

– Как вы сказали? Господина де Монсоро?

– Да.

– Вы встретили господина де Монсоро?

– С отрядом вооруженных людей; их было не меньше десяти или двенадцати.

– Господина де Монсоро? Не может быть!

– Почему не может быть?

– Потому, что сейчас он должен находиться в Компьени.

– Он должен, но его там нет.

– Но приказ короля?

– Ба! Кто же повинуется королю?

– Вы встретили господина де Монсоро с десятью или двенадцатью людьми?

– Совершенно точно.

– Он вас узнал?

– Я полагаю, да.

– Вас было только пятеро?
– Четверо моих друзей и я. Никого больше.
– И он на вас не напал?
– Напротив, он уклонился от встречи со мной, это-то пеня и удивляет. Узнав его, я уже приготовился было к страшному сражению.
– А куда он шел?
– В сторону улицы Тиксерандери.
– А! Боже мой! – вырвалось у Реми.
– В чем дело? – спросил Сен-Люк, обеспокоенный тоном молодого лекаря.
– Господин де Сен-Люк, сомнения нет, должно случиться большое несчастье.
– Большое несчастье? С кем?
– С господином де Бюсси.
– С Бюсси! Смерть Христова! Говорите, Реми, вы же знаете, я из его друзей.
– Какой ужас! Господин де Бюсси думал, что граф в Компьени.
– Ну и что?
– Он счел возможным воспользоваться его отсутствием.
– Значит, сейчас он?..
– У госпожи Дианы.
– А, – протянул Сен-Люк, – дело плохо.
– Да. Понимаете, – сказал Реми, – у господина де Монсоро, должно быть, появились подозрения, или ему их внушили, и он сделал вид, что уезжает, для того лишь, чтобы неожиданно нагрянуть.
– Пойдите! – сказал Сен-Люк, хлопнув себя по лбу.
– Вы кого-нибудь подозреваете? – спросил Реми.
– Здесь замешан герцог Анжуйский.
– Но ведь сегодня утром герцог Анжуйский сам устроил господину де Монсоро этот отъезд!
– Тем более! У вас хорошие легкие, мой славный Реми?
– Как кузнечные мехи, клянусь телом Христовым!
– В таком случае бежим, бежим, не теряя ни минуты. Вы знаете дом?
– Да.
– Тогда бегите впереди.
И молодые люди помчались по улицам со скоростью, которая сделала бы честь оленям, преследуемым охотниками.
– Он намного опередил нас? – спросил на бегу Реми.
– Кто? Монсоро?
– Да.
– На четверть часа примерно, – сказал Сен-Люк, перепрыгивая через кучу камней высотой в пять футов.
– Только бы нам не опоздать, – сказал Реми и вынул из ножен шпагу, чтобы быть готовым ко всему.

Глава 52. УБИЙСТВО

Диана, совершенно уверенная в отъезде мужа, без всяких опасений приняла Бюсси, спокойного, далекого от каких-либо подозрений.

Никогда еще эта прекрасная юная женщина не излучала такого сияния, никогда еще Бюсси не был таким счастливым. Есть мгновения, – душа или, вернее, инстинкт самосохранения всегда ощущают их значительность, – есть мгновения, когда духовные силы человека сливаются воедино со всем запасом физических возможностей, пробужденных в нем его чувствами. Он сосредоточен на одном и в то же время успевает охватить все. Всеми

своими порами впитывает он жизнь, и не догадываясь, что может лишиться ее с минуты на минуту, и не ведая о приближении катастрофы, которая отнимет у него эту жизнь.

Диану страшил завтрашний грозный день, и чем больше она старалась скрыть свое волнение, тем больше волновалась. Поэтому молодая женщина казалась особенно нежной, ибо печаль, проникая в недра всякой любви, придает ей недостававший дотоле аромат поэзии. Подлинно глубокому чувству веселье не свойственно, и глаза искренне любящей женщины чаще всего не сверкают, а затуманены слезами.

Диана начала с того, что остановила пылающего страстью молодого человека. Этой ночью она хотела объяснить ему, что его жизнь – одно с ее жизнью; она хотела обсудить с ним самые верные способы бегства.

Ибо одержать победу было еще недостаточно, одержав победу, надо было бежать от гнева короля, ведь, по всей вероятности, Генрих никогда не простил бы победителю поражения или смерти своих фаворитов.

– И потом, – говорила Диана, обвив рукою шею Бюсси и не сводя глаз с лица любимого, – разве ты не самый храбрый человек во Франции? Зачем тебе считать вопросом чести умножение твоей славы? Ты уже и так настолько превосходишь всех остальных мужчин, что с твоей стороны было бы невеликодушно желать еще большего возвышения. У тебя нет стремления понравиться другим женщинам, потому что ты любишь меня и побоялся бы потерять меня навсегда, не правда ли, Луи? Луи, защищай свою жизнь. Я не говорю тебе: «Подумай о смерти», ибо мне кажется, что нет в мире человека достаточно сильного, достаточно могучего, чтобы убить моего Луи иным путем, кроме измены. Но подумай о ранах: тебя могут ранить, ты это хорошо знаешь, ведь именно ране, полученной в сражении с теми же самыми людьми, обязана я знакомством с тобой.

– Будь спокойна, – смеясь, отвечал Бюсси, – я стану оберегать лицо, я не хочу, чтобы меня изуродовали.

– О! Оберегай себя всего. Пусть твое тело будет для тебя таким же священным, как если бы это было мое тело. Подумай, как бы ты горевал, увидев меня израненной, окровавленной. Так вот, те же муки почувствую и я при виде твоей крови. Будь осторожен, мой безрассудный лев, вот все, о чем я тебя прошу. Поступи, как тот римлянин, историю которого ты мне читал прошлый раз, чтобы меня успокоить. О! Сделай в точности, как он. Предоставь своим трем друзьям сражаться с их противниками, приди на помощь тому из них, кто будет больше в ней нуждаться, но если на тебя нападут двое или трое сразу – беги. Ты вернешься потом, как Гораций, и убьешь их каждого по отдельности.

– Хорошо, моя любимая Диана, – сказал Бюсси.

– О! Ты отвечаешь мне, не вникая в мои слова, Луи. Ты смотришь на меня, но ты меня не слушаешь.

– Да, но зато я вижу тебя, и ты прекрасна!

– Бог мой, да о моей ли красоте сейчас речь! Речь идет о тебе, о твоей жизни, о нашей жизни. Послушай, то, что я собираюсь сказать тебе – ужасно, но я хочу, чтобы ты это знал. Сильнее тебя это не сделает, но осторожнее – да. Так вот: я наберусь смелости и буду смотреть на ваш поединок!

– Ты?

– Я буду присутствовать при нем.

– Как так? Это невозможно, Диана.

– Возможно! Слушай, ты ведь знаешь: в соседней комнате одно окно выходит в маленький сад и наискосок от него виден турнельский загон для скота.

– Да, я помню это окно, оно футах в двадцати над землей, под ним еще железная ограда. Прошлый раз я бросал хлеб на ее острия, а птицы прилетали и расклевывали его.

– Из этого окна – понимаешь, Бюсси? – я тебя увижу. Главное, встань так, чтобы я тебя видела. Ты будешь знать, что я тут, ты даже сам сможешь взглянуть на меня. Ах, нет, я просто безумная, не смотри на меня, ведь твой противник может воспользоваться тем, что ты отвлекся.

– Убить меня! Не правда ли? Пока я буду глядеть на тебя? Если бы я был приговорен, Диана, и мне предложили бы самому выбрать себе смерть, я выбрал бы эту.

– Да, но ты не приговорен, и речь идет не о том, как умереть, а напротив, о том, как остаться в живых.

– Я и останусь в живых, будь спокойна. К тому же, уверяю тебя, у меня хорошая поддержка. Ты не знаешь моих друзей, а я их знаю: Антрагэ владеет шпагой не хуже меня; Рибейрак хладнокровен в бою, в нем кажутся живыми только глаза, которыми он пожирает противника, и рука, которой он наносит ему удары; Ливаро отличается тигриной ловкостью. Поверь мне, Диана, у нас замечательная партия, даже чересчур замечательная. Мне хотелось бы больше опасности, чтобы было больше чести.

– Что ж, я тебе верю, друг мой, и улыбаюсь, ибо надеюсь на тебя. Только слушай меня и обещай мне повиноваться.

– Обещаю в том случае, если ты не прикажешь мне уйти отсюда.

– Я как раз хочу обратиться к твоему трезвому уму.

– Тогда не надо было сводить меня с ума.

– Без каламбуров, мой прекрасный дворянин, покоряйтесь. Любовь доказывают покорностью.

– Что ж, повелевай.

– Милый друг, у тебя утомленные глаза, тебе нужно хорошенько выспаться. Уходи!

– Как, уже!

– Я еще обращаюсь с молитвой к богу, а ты меня поцелуешь.

– Это к тебе надо обращаться с молитвой, как обращаются к святым.

– А ты думаешь, святые богу не молятся? – сказала Диана, опускаясь на колени.

Ее устремленный кверху взор, казалось, искал бога, там – за потолком, в синих глубинах небосвода, а слова рвались прямо из сердца.

– Господь мой, – молила она, – если ты желаешь, чтобы раба твоя была счастлива и не умерла от отчаяния, защити того, кого ты поставил на пути моем, дабы я его любила и любила лишь его одного.

Она уже произносила последние из этих слов, и Бюсси наклонился, чтобы обнять ее и привлечь ее лицо к своим губам, когда внезапно со звоном вылетело одно из оконных стекол, а за ним и вся рама, и они увидели, что на балконе стоят трое вооруженных людей, а четвертый перелезает через перила. Лицо его было закрыто маской, в одной руке он держал пистолет, в другой – обнаженную шпагу.

На одно мгновение Бюсси оцепенел, застыл, потрясенный страшным криком, который вырвался у Дианы, бросившейся ему на шею.

Человек в маске подал знак, и три его спутника сделали шаг вперед. Один из этих трех был вооружен аркебузой.

Левой рукой Бюсси отстранил Диану, а правой в то же мгновение выхватил из ножен шпагу.

Потом, собравшись с мыслями, он медленно опустил ее, не теряя из виду своих противников.

– Вперед, вперед, мои удалцы, – произнес мрачный голос из-под бархатной маски. – Он уже наполовину мертв от страха.

– Ты ошибаешься, – ответил Бюсси, – страх мне неведом.

Диана рванулась было к нему.

– Отойдите в сторону, Диана, – сказал он твердо. По она, вместо того, чтобы повиноваться, снова бросилась ему на грудь.

– Так меня убьют, сударыня, – сказал он. Диана отошла, оставив Бюсси лицом к лицу с врагами. Она поняла, что может помочь своему возлюбленному только одним способом: безропотно подчиняясь.

– А-а! – сказал мрачный голос. – Это и в самом деле господин де Бюсси, а я-то, простак, не хотел верить. Вот это друг! Замечательный друг, настоящий.

Бюсси молчал. Кусая губы, он оглядывал комнату, чтобы оценить, какие у него будут возможности для сопротивления, когда дело дойдет до схватки.

– Он узнает, – продолжал голос, насмешливый тон которого делал еще более страшным его низкое, мрачное звучание, – он узнает, что главный ловчий в отъезде, что жопа осталась одна, что ей, быть может, страшно, и является составить ей компанию. И когда же? Накануне поединка. Я повторяю: вот настоящий, замечательный друг!

– А! Это вы, господин де Монсоро, – сказал Бюсси. Прекрасно. Сбросьте вашу маску. Я уже знаю, с кем имею дело.

– Я так и поступлю, – ответил главный ловчий.

И он отшвырнул свою черную бархатную маску далеко в сторону.

Диана слабо вскрикнула.

Бледность графа была бледностью мертвеца, улыбка его – улыбкой демона.

– Вот так. Пора кончать, сударь, – сказал Бюсси. – Мне не по душе лишние разговоры. Произносить речи перед дракой – это годится для героев Гомера, на то они и полубоги, а я человек, но, заметьте, человек, лишенный страха. Нападайте или прочь с дороги!

Монсоро ответил хриплым, пронзительным смехом, который заставил Диану вздрогнуть, а Бюсси привел в ярость.

– Прочь с дороги! – повторил молодой человек, и кровь, прилившая до этого к его сердцу, бросилась ему в голову.

– Ого! Прочь с дороги? – воскликнул Монсоро. – Вы, кажется, так сказали, господин де Бюсси?

– Тогда скрестим наши шпаги и покончим с этим, – сказал молодой человек, – я должен вернуться домой, а живу я далеко.

– Вы пришли, чтобы остаться здесь на ночь, сударь, – сказал главный ловчий, – и вы здесь останетесь.

Тут над перилами балкона показались головы еще двух человек; эти двое перелезли через балюстраду и встали рядом со своими товарищами.

– Четыре плюс два – шесть, – сказал Бюсси. – А где же остальные?

– Они у дверей и ждут, – сказал главный ловчий. Диана упала на колени, и, хотя она делала отчаянные усилия, чтобы совладать с собой, Бюсси услышал ее рыдания.

Он быстро взглянул на нее, затем снова перевел взгляд на графа и, после секундного размышления, сказал:

– Любезный сударь, вам известно, что я человек чести?

– Да, – сказал Монсоро, – вы такой же человек чести, как эта госпожа целомудренная женщина.

– Хорошо, сударь, – ответил Бюсси, слегка кивнув головой, – сказано сильно, но это заслужено, и мы рассчитаемся за все разом. Одно только; завтра у меня поединок с четырьмя известными вам дворянами, и первенство принадлежит им, а не вам, поэтому я прошу оказать мне любезность и позволить мне сегодня удалиться, под залог слова, что мы с вами снова встретимся, тогда и там, где вам будет угодно.

Монсоро пожал плечами.

– Послушайте, – сказал Бюсси, – клянусь богом, сударь, когда я дам удовлетворение господам де Шомбергу, д'Эпернону, де Келюсу и де Можирону, я буду в вашем распоряжении, целиком в вашем и только в вашем. Если они убьют меня, что ж, вы будете отомщены их руками, вот и все. Если же, напротив, я окажусь в состоянии расплатиться с вами сам...

Монсоро обернулся к своим людям.

– Ну, – сказал он. – Ату его, мои храбрецы!

– А, – сказал Бюсси, – я ошибся: это не поединок, это убийство.

– Клянусь дьяволом! – воскликнул Монсоро.

– Да, я вижу, мы ошиблись друг в друге. Но подумайте вот о чем, сударь: все это не придется по душе герцогу Анжуйскому.

– Он-то меня и прислал, – ответил Монсоро. Бюсси вздрогнул, Диана со стоном воздела руки к небу.

– В таком случае, – сказал молодой человек, – я буду рассчитывать только на Бюсси. Держитесь, мои храбрецы!

С молниеносной быстротой он опрокинул скамейку для молитв, подтащил к ней стол и швырнул поверх них стул. Таким образом, в одну секунду он воздвиг между собой и врагами нечто вроде оборонительного вала.

Он действовал так быстро, что пуля, выпущенная из аркебузы, попала лишь в скамейку и застряла в ее досках. Тем временем Бюсси повалил чудесный шкафчик времен Франциска I и добавил его к своему укреплению.

Диана оказалась укрытой этим шкафчиком. Она понимала, что не может помочь Бюсси ничем, кроме своих молитв, и молилась. Бюсси бросил взгляд на нее, потом на противников, затем на свой импровизированный оборонительный вал.

– Теперь пожалуйста, – сказал он, – но будьте осторожны, моя шпага колется.

«Храбрецы», понукаемые Монсоро, двинулись на Бюсси, как на кабана. Бюсси ждал их, пригнувшись, с горящими глазами. Один из нападающих протянул было руку к скамейке, чтобы оттащить ее, но, прежде чем его рука коснулась оборонительного заграждения, шпага Бюсси, высунувшись в амбразуру, разрежала эту руку от локтя до плеча.

Человек вскрикнул и попятился к окну.

Тут Бюсси услышал быстрые шаги в коридоре и решил, что оказался меж двух огней. Он метнулся к двери, чтобы задвинуть засов, но, прежде чем успел это сделать, она открылась.

Молодой человек отступил на шаг, чтобы обороняться сразу и против старых и против новых врагов.

В дверь вбежали двое.

– А, дорогой мой господин, – воскликнул очень знакомый голос, – мы не опоздали?

– Реми! – произнес Бюсси.

– И я! – крикнул второй голос. – Да тут, кажется, убивают?

Бюсси узнал этот голос и зарычал от радости.

– Сен-Люк! – воскликнул он.

– Я самый.

– А! – сказал Бюсси. – Теперь, дражайший господин де Монсоро, я думаю, будет лучше, если вы дадите нам выйти, потому что теперь, коли вы не посторонитесь, мы пройдем по вашим телам.

– Трое ко мне! – крикнул Монсоро. И над балюстрадой показались трое новых нападающих.

– Вот как? Значит, у них целая армия? – сказал Сен-Люк.

– Господи, милостивый, защити его, – молилась Диана.

– Бесстыдная тварь! – крикнул Монсоро. И бросился вперед, чтобы заколоть Диану. Бюсси увидел это движение. Ловкий, словно тигр, он одним прыжком перескочил через свою баррикаду. Шпага его скрестилась со шпагой Монсоро, потом Бюсси сделал выпад и нанес графу удар в горло, но расстояние было слишком велико – Монсоро отделался лишь царапиной. Пять или шесть человек разом бросились на Бюсси. Один из них пал, сраженный шпагой Сен-Люка.

– Вперед! – крикнул Реми.

– Нет, Реми, не вперед, – сказал Бюсси, – подними и унеси Диану.

Монсоро зарычал и выхватил шпагу из рук одного из вновь прибывших. Реми колебался.

– А вы? – спросил он.

– Унеси, унеси ее! – крикнул Бюсси. – Я вверяю ее тебе.

– Господь мой! – шептала Диана. – Господь мой, помоги ему!

– Пойдемте, госпожа, – сказал Реми.

– Ни за что, нет, я его ни за что не покину. Реми схватил ее на руки.

– Бюсси! – кричала Диана. – Ко мне, Бюсси! На помощь!

Бедная женщина обезумела и не различала более, где друзья, где враги. Все, что удаляло ее от Бюсси, было для нее гибелью, смертью.

– Иди, иди, – сказал Бюсси, – я последую за тобой.

– Да, – взвыл Монсоро, – да, ты последуешь за ней, я надеюсь.

Бюсси увидел, что Одуэн зашатался, согнулся и почти в то же мгновение упал, увлекая с собой Диану.

Бюсси вскрикнул и обернулся.

– Ничего, господин, – сказал Реми, – пуля попала в меня. Она невредима.

В тот момент, когда Бюсси оглянулся, на него бросились трое. Сен-Люк заслонил от них друга, и один из троих узнал.

Двое оставшихся отступили.

– Сен-Люк, – сказал Бюсси, – заклинаю тебя именем той, которую ты любишь! Спаси Диану!

– А ты?

– Я? Я – мужчина.

Сен-Люк кинулся к Диане, которая уже поднялась на колени, схватил ее на руки и исчез с ней вместе за дверью.

– Ко мне! – завопил Монсоро. – Ко мне, все, кто на лестнице!

– А! Подлец! – вскричал Бюсси. – А! Трус!

Монсоро скрылся за спины своих людей.

Бюсси ударил наотмашь, потом нанес колющий удар. Первым ударом он рассек чью-то голову, вторым – продырявил чью-то грудь.

– С этими все, – сказал он.

Затем он вернулся в свое укрепление.

– Бегите, господин, бегите! – прошептал Реми.

– Мне бежать..., бежать от убийц! Бюсси склонился к молодому лекарю.

– Надо, чтобы Диана успела спастись. Куда ты ранен?

– Берегитесь! – воскликнул Реми. – Берегитесь! И действительно, с лестницы в дверь ворвались четверо.

Бюсси оказался в окружении. Но он думал лишь об одном.

– А Диана? – крикнул он. – Диана?

И, не теряя ни мгновения, ринулся на четверых. Они были застигнуты врасплох. Двое упали, один был ранен, другой – мертв.

Затем, так как Монсоро двинулся к нему, Бюсси отступил назад и снова оказался за своим укреплением.

– Задвиньте засовы, – крикнул Монсоро, – поверните ключ: он у нас в руках, у пас в руках!

Тем временем Реми, собрав последние силы, пополз до защитного вала и укрепил его своим телом.

Наступил короткий перерыв.

Бюсси, который стоял на полусогнутых ногах, плотно прижавшись спиной к стене, и в согнутой в локте руке держал наготове шпагу, быстро огляделся.

Семь человек лежали на полу, девять – остались на ногах. Бюсси пересчитал их глазами.

И, глядя на эти девять сверкающих шпаг, слыша, как Монсоро подбадривает сбиров, чувствуя, как под ногами хлупает кровь, этот храбрец, никогда не ведавший страха, увидел, что из глубины комнаты перед ним возник словно бы призрак смерти и, хмуро улыбаясь, поманил его к себе.

«Из девяти, – подумал он, – я вполне могу уложить еще пятерых, но оставшиеся четверо убьют меня. У меня хватит сил еще на десять минут боя. Что ж, сделаем за эти десять минут то, что ни один человек никогда еще не делал и не сделает».

Скинув плащ, он обернул им левую руку, соорудив себе нечто вроде щита, и прыгнул на середину комнаты, как будто дальнейшее пребывание в укрытии было недостойно его боевой славы.

Его встретил хаос тел и клинков, в который его шпага проскользнула, словно гадюка в свой выводок. Трижды перед ним открывался просвет в этой плотной массе, и он тут же выбрасывал вперед правую руку и наносил удар. Трижды слышал он, как скрипела, расходясь под его клинком, кожа ремней и курток, и трижды струя теплой крови по бороздке клинка стекала на его пальцы.

За это же время своей левой рукой он отбил двадцать режущих и колющих ударов.

Плащ был весь изрублен.

Увидев, что двое упали, а третий вышел из боя, убийцы изменили свою тактику. Они отказались от шпаг: одни пустили в ход приклады мушкетов, другие стали стрелять в Бюсси из до сих пор бездействовавших пистолетов, от пуль которых он ловко уклонялся, то бросаясь в сторону, то нагибаясь. В этот решительный для него час он поспеивал повсюду; он не только видел, слышал и действовал, он еще и угадывал самые внезапные, самые тайные мысли своих врагов. Для Бюсси настала одна из тех минут, когда человек достигает вершин совершенства: он был меньше, чем бог, ибо он был смертным, но, вне всякого сомнения, он был больше, чем человек.

Ему пришла в голову мысль, что убить Монсоро значит положить конец сражению, и он стал искать его главами среди своих убийц. Но Монсоро, столь же спокойный, сколь Бюсси был возбужден, перезаряжал пистолеты своим людям пли, взяв заряженный пистолет из их рук, стрелял сам, все время прячась за спинами своих наемников.

Однако Бюсси ничего не стоило расчистить себе проход. Он бросился в гущу сбиров, они расступились, и Бюсси оказался лицом к лицу с Монсоро.

В это мгновение главный ловчий, в руках у которого был заряженный пистолет, прицелился и выстрелил.

Пуля ударила в клинок шпаги Бюсси и срезала его на шесть дюймов выше рукоятки. – Обезоружен! – крикнул Монсоро. – Обезоружен!

Бюсси отскочил назад и, отступая, подобрал с полу срезанный клинок.

В одну секунду клинок был плотно прикручен носовым платком к кисти его руки.

И бой возобновился. То было величественное зрелище: один человек, почти безоружный и, однако, почти невредимый, держал в страхе шестерых прекрасно вооруженных людей, возведя гору из десяти трупов.

Завязавшись снова, бой стал еще более ожесточенным. Пока люди Монсоро нападали на Бюсси, главный ловчий, догадавшись, что молодой человек высматривает себе оружие на полу, стал убирать все, до чего тот мог бы добраться.

Бюсси был окружен. Обломок его шпаги, выщербленный, погнутый, притупившийся, шатался в повязке. Рука начала слабеть от усталости. Бюсси оглянулся вокруг, и тут один из трупов вдруг ожил, поднялся на колени и подал ему длинную и целую рапиру.

Этим трупом был Реми, вложивший в это последнее движение всю свою преданность.

Бюсси вскрикнул от радости и отскочил назад, чтобы отвязать от руки платок и выбросить обломок клинка, ставший ненужным.

В эту минуту Монсоро бросился к Реми и в упор выстрелил ему в голову из пистолета.

Реми упал с пробитым лбом, на этот раз чтобы уже не подняться. Из груди Бюсси вырвался крик, даже не крик – рычание.

С новым оружием к нему вернулись силы. Рапира его со свистом описала круг, справа отрубила чью-то кисть, а слева – распорола щеку.

Этим двойным ударом он расчистил себе дорогу к выходу.

Ловкий и стремительный, он бросился к двери и попытался выломать ее ударом, от

которого задрожала стена. Но засовы не поддались.

Истощенный этим усилием, Бюсси опустил правую руку и, стоя лицом к своим врагам, попробовал левой рукой открыть дверь за своей спиной.

В эту короткую секунду пуля пробила ему бедро и две шпаги заделали бона.

Но он отодвинул засовы и повернул ключ.

Рыча, величественный в своей ярости, он сразил ударом наотмашь самого остервенелого из разбойников и, прорвавшись к Монсоро, ранил его в грудь.

У главного ловчего вырвалось проклятие.

– А! – сказал Бюсси, распахивая дверь. – Я начинаю думать, что выберусь.

Четверо убийц побросали свое оружие и навалились на Бюсси. Не справившись с ним шпагами, ибо его чудесная ловкость делала его неуязвимым, они пытались его удушить.

Но Бюсси и рукояткой рапиры, и ее клинком непрерывно наносил им удары, рубил их. Монсоро дважды приближался к молодому человеку и дважды был ранен.

Наконец трое убийц вцепились в рукоятку рапиры и вырвали ее из рук Бюсси.

Тогда Бюсси схватил табурет из резного дерева, нанес три удара и сбил троих, но о плечо четвертого табурет раскололся, и тот остался на ногах.

Этот четвертый вонзил ему в грудь кинжал. Бюсси схватил его за запястье, выдернул кинжал из своей груди и, повернув клинок к противнику, заколол того его же собственной рукой.

Последний из убийц выскочил в окно. Бюсси сделал два шага, чтобы нагнать его, но лежавший среди трупов Монсоро приподнялся и ударил Бюсси ножом под колено.

Молодой человек вскрикнул, огляделся в поисках шпаги, схватил первую попавшуюся и с такой силой вонзил ее в грудь главного ловчего, что пригвоздил его к полу.

– А! – воскликнул Бюсси. – Не знаю, останусь ли жив я, по, по крайней мере, я увижу, как умрешь ты!

Монсоро хотел ответить, но из его полуоткрытого рта вылетел лишь последний вздох.

Тогда Бюсси, едва передвигая ноги, потащился к коридору. Он истекал кровью. Она бежала из раны на бедре и особенно из той, что была под коленом. В последний раз оглянулся он назад. Из-за облака вышла блестящая луна. Свет ее проник в залитую кровью комнату, заиграл на оконных стеклах и озарил изрубленные ударами шпаг, пробитые пулями стены, мимоходом скользнув по бледным лицам мертвецов, в большинстве сохранивших, умирая, жестокий и угрожающий взгляд убийц.

При виде этого поля битвы, которое он покрыл трупами, израненного, почти умирающего Бюсси охватило чувство беспредельной гордости.

Как он и обещал, он совершил то, что не совершил бы ни один человек.

Ему оставалось только бежать, спастись. Теперь уже он мог бежать, потому что бежал он от мертвых.

По испытаниям еще не кончились для несчастного Бюсси.

Выйдя на лестницу, он увидел, что во дворе поблескивает оружие. Раздался выстрел. Пуля пробила ему плечо. Двор охранялся.

Тогда он вспомнил о маленьком окне, через которое Диана собиралась наблюдать завтра за его поединком, и, торопясь из последних сил, волоча раненую ногу, направился в ту сторону.

Окно было открыто, в него глядело прекрасное, усеянное звездами небо.

Бюсси закрыл за собою дверь, задвинул засов. Потом с большим трудом взобрался на окно и измерил глазами расстояние до железной решетки, рассчитывая прыгнуть по ту ее сторону.

– О! Нет, у меня неостанет сил, – прошептал он. Но в это мгновение он услышал на лестнице шаги. То поднималась вторая группа убийц.

Драться Бюсси уже не был способен. Он собрал все свои силы и, помогая себе той рукой и той ногой, которые еще действовали, прыгнул вниз.

Но, прыгая, он поскользнулся на камне подоконника.

Ведь на подошвах его сапог было столько крови!

Он упал на железные копыа решетки: одни вошла в его тело, другие зацепились за одежду, и он повис. Тогда Бюсси вспомнил о единственном друге, который еще оставался у него на земле.

– Сен-Люк! – крикнул он. – Ко мне! Сен-Люк! Ко мне!

– А! Это вы, господин де Бюсси! – раздался вдруг голос из кущи деревьев.

Бюсси содрогнулся. Голос принадлежал не Сен-Люку.

– Сен-Люк! – крикнул он снова. – Ко мне! Ко мне! Не бойся за Диану. Я убил Монсоро!

Он надеялся, что Сен-Люк прячется где-то поблизости и при этом известии явится.

– А! Так Монсоро убит? – сказал другой голос.

– Да.

– Прекрасно.

И Бюсси увидел, как из-за деревьев вышли двое. Лица обоих были закрыты масками.

– Господа, – сказал он, – господа, заклинаю вас небом, помогите дворянину, попавшему в беду, вы еще можете спасти его.

– Что вы об этом думаете, монсеньер? – спросил вполголоса один из двух неизвестных.

– н. – Как ты неосторожен! – сказал другой.

– Монсеньер! – воскликнул Бюсси, который услышал эти слова, до такой степени все его чувства были обострены отчаянным положением. – Монсеньер! Освободите меня, и я прощу вам вашу измену.

– Ты слышишь! – сказал человек в маске.

– Что вы прикажете?

– Что ж, освободи его...

И прибавил, усмехнувшись под своей маской:

– От страданий...

Бюсси повернул голову туда, откуда раздавался голос, дерзавший говорить этим насмешливым тоном в такую минуту.

– О! Я погиб, – прошептал он.

И в тот же ему в грудь его уперлось дуло аркебузы и раздался выстрел. Голова Бюсси упала на грудь, руки повисли.

– Убийца! – сказал он. – Будь проклят! И умер с именем Дианы на устах. Несколько капель его крови упало с решетки на того, кого называли монсеньером.

– Он мертв? – крикнули несколько человек, которые, взломав дверь, появились у окна.

– Да, – крикнул Орильи. – Но не забывайте, что покровителем и другом господина де Бюсси был монсеньер герцог Анжуйский, бегите!

Убийцы ничего другого и не хотели, они тут же скрылись.

Герцог слушал, как звуки их шагов удаляются, становятся все глуше и смолкают вдали.

– А теперь, Орильи, – сказал он, – поднимись в ту комнату и сбрось мне через окно тело Монсоро.

Орильи поднялся, разыскал среди множества трупов тело главного ловчего, взвалил его на спину и, как ему приказал его спутник, бросил это тело в окно. Падая, и оно тоже забрызгало кровью одежды герцога Анжуйского.

Пошарив в камзоле главного ловчего, Франсуа достал акт о союзе, подписанный его королевской рукой.

– Это то, что я искал, – сказал он, – нам больше нечего здесь делать.

– А Диана? – спросил из окна Орильи.

– Черт возьми! Я больше не влюблен и, так как она пас не узнала, развяжи ее.

Сен-Люка тоже развяжи. Пусть отправляются на все четыре стороны.

Орильи исчез.

– Королем Франции я пока не стану, – сказал герцог, разрывая акт на мелкие куски, – но зато и не буду обезглавлен по обвинению в государственной измене.

Глава 53.

О ТОМ, КАК ВРАТ ГОРАНФЛО ОКАЗАЛСЯ БОЛЕЕ ЧЕМ КОГДА-ЛИБО МЕЖДУ ВИСЕЛИЦЕЙ И АББАТСТВОМ

Авантюра с заговором окончательно обернулась комедией. Ни швейцарцы, поставленные караулить устье этой реки интриг, ни сидевшая в засаде французская гвардия не смогли поймать в раскинутые ими сети не только крупных заговорщиков, но даже и мелкой рыбешки. Все участники заговора бежали через подземный ход под кладбищем.

Из аббатства не появился ни один. Поэтому, как только дверь была взломана, Крийон встал во главе тридцати человек и вместе с королем ворвался внутрь.

В просторных, темных помещениях стояла мертвая тишина.

Крийон, опытный вояка, предпочел бы большой шум. Он опасался какой-нибудь ловушки.

Но тщетно посылали разведчиков, тщетно открывали двери и окна, тщетно обыскивали склеп часовни. Всюду было пусто.

Король шел в первых рядах со шпагой в руке и кричал во все горло:

– Шико! Шико! Никто не откликался.

– Неужели они его убили? – говорил король. – Смерть Христова! Они мне заплатят за моего шута как за дворянина.

– Это будет правильно, государь, – заметил Крийон, – ведь он и есть дворянин, да еще из самых храбрых.

Шико не отвечал, ибо он сек герцога Майеннского и так наслаждался этим занятием, что был глух и слеп ко всему остальному.

Но после того, как Майенн исчез, после того, как Горанфло свалился без чувств, ничто больше не отвлекало Шико, и он услышал, что его зовут, и узнал голос короля.

– Сюда, сын мой, сюда, – крикнул он изо всех сил, пытаясь приподнять Горанфло и утвердить его на седалище. Это ему удалось, и он прислонил монаха к дереву. Усилия, которые Шико был вынужден затратить на свой милосердный поступок, лишили голос гасконца некой доли его звучности, так что Генриху в долетевшем до него призыве послышалась даже жалоба. Однако король ошибся, Шико, напротив, был упоен своей победой. Но, увидя плачевное состояние монаха, гасконец задумался: следует ли вывести это вероломное брюхо на чистую воду или же стоит проявить милосердие по отношению к этой необъятной бочке.

Он созерцал Горанфло, как некогда Август, должно быть, созерцал Цинну.

Горанфло постепенно приходил в себя, и хотя он был глуп, но все же не до такой степени, чтобы обманываться относительно ожидавшей его участи. К тому же он был очень схож с теми животными, которым человек постоянно угрожает и которые поэтому инстинктивно чувствуют, что его рука тянется к ним только для того, чтобы ударить, а рот прикасается – только для того, чтобы их съесть.

Именно в таком расположении духа Горанфло и открыл глаза.

– Сеньор Шико! – воскликнул он.

– Вот как? – отозвался Шико. – Значит, ты не умер?

– Мой добрый сеньор Шико, – продолжал монах, пытаясь молитвенно сложить ладони перед своим необъятным животом, – неужели вы отдадите меня в руки моих преследователей, меня, вашего Горанфло?

– Каналья, – сказал Шико с плохо скрытой нежностью.

Монах принялся голосить.

После того как ему удалось сложить ладони, он попытался ломать пальцы.

– Меня, который съел вместе с вами столько вкусные обеды, – выкрикивал он сквозь рыдания, – меня, который, по вашим уверениям, пьет с таким изяществом, что заслуживает звания короля губок; меня, которому так нравились пулярки, зажаренные по вашему заказу в «Роге изобилия», что я всегда оставлял от них только косточки!

Этот последний довод показался Шико самым неотразимым из всех и окончательно склонил его в сторону милосердия.

– Боже правый! Вот они! – воскликнул Горанфло, порываясь встать на ноги, но так и не достигнув своей цели. – Они уже здесь, я погиб! О! Добрый сеньор Шико, спасите меня!

И монах, не сумев подняться, сделал то, что было гораздо легче: упал плашмя на землю, – Вставай! – сказал Шико, – Вы меня прощаете?

– Посмотрим.

– Вы столько меня били, что мы уже квиты. Шико рассмеялся. Рассудок бедного монаха находился в таком смятении, что ему показалось, будто удары, выданные в счет долга герцогу Майеннскому, сыпались на него.

– Вы смеетесь, мой добрый сеньор Шико? – сказал он.

– Э! Конечно, смеюсь, скотина!

– Значит, я буду жить?

– Возможно.

– Вы бы не смеялись, если бы вашему Горанфло предстояло умереть.

– Сие не от меня зависит, – сказал Шико, – сие зависит от короля. Один король имеет власть над жизнью и смертью.

Горанфло поднатужился и поднялся на колени. В это мгновение тьма расступилась перед яркими огнями, и друзья увидели вокруг себя множество вышитых камзолов и поблескивающие при свете факелов шпаги.

– Ах! Шико! Милый Шико! – воскликнул король. – Как я рад снова увидеть тебя!

– Вы слышите, мой добрый господин Шико, – сказал тихонько монах, – этот великий государь счастлив снова увидеть вас.

– Ну и?

– Ну и на радостях он сделает для вас все, что вы попросите. Попросите у него помилования для меня.

– У подлого Ирода?

– О! О! Тише, дорогой господин Шико!

– Ну, государь, – спросил Шико, поворачиваясь к королю, – скольких вы захватили?

– «Confiteor!» – забормотал Горанфло.

– Ни одного, – ответил Крийон. – Изменники! Они, должно быть, нашли какую-нибудь неизвестную нам лазейку.

– Вполне возможно, – сказал Шико.

– Но ты видел их? – спросил король. – Еще бы я их не видел! – Всех?

– От первого до последнего.

– «Confiteor», – все повторял Горанфло, не будучи в силах вспомнить, что идет дальше.

– Ты их, конечно, узнал?

– Нет, государь.

– Как! Ты не узнал их?

– То есть я узнал лишь одного, да и то...

– Да и то?

– Не по лицу, государь.

– А кого ты узнал?

– Герцога Майеннского.

– Герцога Майеннского? Того, кому ты обязан...

– Уже нет, государь, мы поквастились.

– А! Расскажи мне об этом, Шико!

– Попозже, сын мой, попозже. Займемся настоящим.

– «Confiteor», – твердил Горанфло.

– Э! Да вы захватили пленного, – сказал вдруг Крийон, опуская свою длань на плечо монаха, и тот, несмотря на сопротивление, оказываемое массой его тела, согнулся под тяжестью этой руки.

У Горанфло отнялся язык.

Шико медлил с ответом, предоставив всем смертным мукам, которые порождает глубокий ужас, наводнить на миг сердце несчастного монаха.

Тот готов был во второй раз потерять сознание при виде стольких людей, кипящих неутоленным гневом.

Наконец, после недолгого молчания, когда Горанфло уже казалось, что в ушах его гремят трубы Страшного суда, Шико сказал:

– Государь, поглядите хорошенько на этого монаха. Кто-то из присутствовавших поднес факел к лицу Горанфло. Монах закрыл глаза, чтобы одним делом было меньше при переходе из этого мира в мир иной...

– Проповедник Горанфло! – воскликнул Генрих.

– «Confiteor, confiteor, confiteor», – торопливо забубнил монах.

– Он самый, – ответил Шико.

– Тот, который...

– Совершенно верно, – прервал Шико.

– Ага! – сказал король с удовлетворенным видом. Пот со щек Горанфло можно было собирать мисками. Да и было от чего, ибо тут послышался звон шпаг, словно само железо было наделено жизнью и дрожало от нетерпения.

Несколько человек с угрожающим видом приблизились к монаху.

Горанфло скорее почувствовал это, чем увидел, и слабо вскрикнул.

– Погодите, – произнес Шико, – я должен посвятить короля во все.

И, отведя Генриха в сторону, шепнул ему:

– Сын мой, возблаговари всевышнего за то, что лет тридцать пять тому назад он позволил этому святому человеку появиться на свет, ведь он-то нас всех и спас.

– Спас?

– Да. Это он рассказал мне все о заговоре, от альфы до омеги.

– Когда?

– Дней восемь тому назад. Так что, если враги вашего величества разыщут его, можно считать его мертвым.

Горанфло услышал только последние слова: «Можно считать его мертвым».

И повалился вперед, вытянув руки.

– Достойный человек, – сказал король, доброжелательно взирая на эту гору мяса, в которой всякий другой увидел бы всего лишь массу материи, способную поглотить и погасить огонь сознания, – достойный человек, мы возьмем его под свое покровительство.

Горанфло подхватил на лету милосердный королевский взгляд, и лицо его превратилось в подобие маски античного паразита: одна его половина улыбалась до ушей, другая – заливалась плачем.

– И ты поступишь правильно, мой король, – ответил Шико, – потому что это слуга, каких мало.

– Как ты думаешь, что нам с ним делать? – спросил Генрих.

– Я думаю, что пока он в Париже, жизнь его под угрозой.

– А если приставить к нему охрану? – сказал король. Горанфло расслышал это предложение Генриха. «Неплохо! – подумал он. – Я, кажется, отделаюсь только тюрьмой. Это все же лучше, чем дыба, особенно если меня будут хорошо кормить!»

– Бесполезно, – сказал Шико. – Будет лучше, если ты позволишь мне увести его.

– Куда?

– Ко мне.

– Что ж, отведи его и возвращайся в Лувр. Я должен встретиться там со своими друзьями а подготовить их к завтрашнему дню.

– Вставайте, преподобный отец, – обрадовался Шико к монаху, – Он издевается, – прошептал Горанфло, – злое сердце.

– Да вставай же, скотина! – повторил тихонько гасконец, поддав ему коленом под зад.

– А! Я вполне заслужил это! – воскликнул Горанфло.

– Что он там говорит? – спросил король.

– Государь, – ответил Шико, – он вспоминает все свои треволнения, перечисляет все свои муки, и, так как я обещал ему покровительство вашего величества, он говорит, в полном сознании своих заслуг: «Я вполне заслужил это!»

– Бедняга! – сказал король. – Ты уж позаботься о нем как следует, дружок.

– Будьте спокойны, государь. Когда он со мной, он ни в чем не испытывает недостатка.

– Ах, господин Шико, – вскричал Горанфло, – дорогой мой господин Шико, куда меня поведут?!

– Сейчас узнаешь. А пока благодари его величество, неблагодарное чудовище, благодари!

– За что?

– Благодарю, тебе говорят!

– Государь, – залепетал Горанфло, – поелику ваше всемилостивейшее величество...

– Да, – сказал Генрих, – я знаю обо всем, что вы сделали во время вашего путешествия в Лион, во время вечера Лиги и, наконец, сегодня. Не беспокойтесь, я воздам вам по достоинству.

Горанфло вздохнул.

– Где Панург? – спросил Шико.

– В конюшне, бедное животное!

– Отправляйся туда, садись на него и возвращайся сюда ко мне.

– Да, господин Шико.

И монах удалился со всей возможной для него скоростью, удивляясь, что гвардейцы не следуют за ним.

– А теперь, сын мой, – сказал Шико, – оставь двадцать человек себе для эскорта, а десять отправь с господином де Крийоном.

– Куда я должен их отправить?

– В Анжуйский замок, за твоим братом.

– Зачем?

– Затем, чтобы он не сбежал во второй раз.

– Неужели мой брат?..

– Разве тебе пошло во вред, что ты послушался моих советов сегодня?

– Нет, клянусь смертью Христовой!

– Тогда делай, что я говорю.

Генрих отдал приказ полковнику французской гвардии привести к нему в Лувр герцога Анжуйского.

Крийон, отнюдь не испытывавший к принцу любви, немедленно отправился за ним.

– А ты? – спросил Генрих шута.

– Я подожду моего святого.

– А потом придешь в Лувр?

– Через час.

– Тогда я уйду.

– Иди, сын мой.

Генрих удалился вместе с оставшимися солдатами.

Что до Шико, то он направился к конюшням и, войдя во двор, увидел Горанфло, восседающего на Панурге.

Бедняге даже не пришло в голову попытаться убежать от ожидающей его участи.

– Пошли, пошли, – сказал Шико, беря Панурга за повод, – поторопимся, нас ждут.

Горанфло не оказал даже тени сопротивления, он лишь проливал слезы. Их было столько, что можно было заметить, как он худеет прямо на глазах.

– Я ведь говорил, – шептал он, – я ведь говорил! Шико тянул за собой Панурга и пожимал плечами.

Глава 54.

В КОТОРОЙ ШИКО ДОГАДЫВАЕТСЯ, ПОЧЕМУ У Д'ЭПЕРПОПА НА САПОГАХ БЫЛА КРОВЬ, А В ЛИЦЕ НЕ БЫЛО НИ КРОВИНКИ

Возвратившись в Лувр, король застал своих друзей в постелях. Они спали мирным сном.

Исторические события имеют одно странное свойство: озарять отблеском своего величия предшествующие им обстоятельства.

Поэтому для тех, кто отнесется к событиям, которые должны были произойти утром того дня, ибо король возвратился в Лувр уже около двух часов ночи, для тех, кто отнесется, повторяем мы, к этим событиям с уважением, продиктованным предвосхищением их исхода, возможно, небезынтересно будет посмотреть, как король, чуть не лишившийся короны, ищет успокоения у трех своих друзей, которые через несколько часов должны ради него поставить на карту свои жизни.

Мы уверены, что поэта, чьей избранной натуре свойственно не предвидение, а озарение, поразят своей печальной красотой эти освеженные сном лица молодых людей, со спокойной улыбкой спящих на поставленных в ряд кроватях, словно братья в спальне отчего дома.

Генрих тихонько приблизился к ним, сопровождаемый Шико, который, поместив своего подопечного в надежное место, возвратился к королю.

Одна кровать была пуста – кровать д'Эпернона.

– До сих пор его нет, ветреника, – прошептал король. – Несчастный! Безумец! Драться с Бюсси, самым храбрым человеком во Франции, самым опасным – в мире, и даже не думать об этом.

– А и правда его нет, – сказал Шико.

– Разыскать! Привести сюда! – воскликнул король. – И пусть пришлют ко мне Мирона. Я хочу, чтобы этого безрассудного усыпили, пусть даже против его воли. Я хочу, чтобы сон придал ему силы и гибкости, сделал способным защищаться.

– Государь, – сообщил лакей, – господин д'Эпернон только что пришел.

Д'Эпернон действительно явился в Лувр. Узнав о возвращении короля и догадавшись, что тот зайдет в спальню, он пытался было тихонько проскользнуть в другую комнату, рассчитывая остаться незамеченным.

Но его ждали и, как мы видели, доложили о его появлении королю.

Видя, что выговора не избежать, д'Эпернон с весьма смущенным видом перешагнул порог спальни.

– А! Вот и ты наконец, – сказал Генрих. – Поди сюда, несчастный, и посмотри на своих товарищей.

Д'Эпернон обвел взглядом комнату и сделал знак, что он уже посмотрел.

– Посмотри на своих товарищей, – продолжал Генрих, – они благоразумны, они поняли все значение этого дня, а ты, несчастный, вместо того чтобы помолиться, как сделали они, и спать, как они спят, ты – играешь в кости и таскаешься по притонам. Клянусь телом Христовым, да ты белый как мел! Что же ты будешь делать утром? Ведь уже сейчас ты никуда не годишься!

И в самом деле, д'Эпернон был очень бледен, настолько бледен, что замечание короля заставило его покраснеть.

– Ну, – сказал Генрих, – иди ложись, я так хочу! И спи! Только сумеешь ли ты поспать?

– Я?! – ответил д'Эпернон так, словно подобный вопрос оскорбил его до глубины души.

– Я имею в виду, будет ли у тебя время поспать. Разве тебе не известно, что вы деретесь, когда рассветет, и что в это подлое время года в четыре часа утра уже совсем светло! Сейчас два. Тебе остается всего два чага.

– За два часа, если их хорошо употребить, – сказал д'Эпернон, – можно сделать очень многое.

– А ты заснешь?

– Прекрасно засну, государь.

– Не очень-то я в это верю.

– Почему же?

– Потому, что ты взволнован, думаешь о завтрашнем дне. Да и как тебе не волноваться? Ведь, увы, завтра – это уже сегодня. Но, вопреки очевидности, я в глубине души испытываю желание говорить так, словно роковой день еще не наступил.

– Государь, – сказал д'Эпернон, – я засну, обещаю вам, но лишь в том случае, если ваше величество даст мне возможность заснуть.

– Он прав, – сказал Шико.

д'Эпернон и в самом деле разделся и лег. Вид у него был спокойный, даже довольный, что показалось королю и Шико добрым предзнаменованием.

– Он храбр, как Цезарь, – сказал король.

– Так храбр, – заметил Шико, почесывая ухо, – что, даю честное слово, я ничего больше не понимаю.

– Вот он уже и спит.

Шико подошел к постели, ибо усомнился, что безмятежность д'Эпернона может дойти до такой степени.

– О! – воскликнул он вдруг.

– В чем дело? – спросил король.

– Погляди.

И Шико ткнул пальцем на сапоги д'Эпернона.

– Кровь! – прошептал король.

– Он ходил по крови, сын мой. Вот храбрец!

– Может, он ранен? – забеспокоился король.

– Ба! Он бы сказал. Да если и ранен, то разве что в пятку, как Ахиллес.

– Постой! Плащ тоже испачкан. А на рукав погляди! Что с ним стряслось?

– Может быть, он прикончил кого-нибудь? – сказал Шико.

– Зачем?

– Да чтобы руку себе набить.

– Странно, – произнес король. Шико почесался еще энергичнее.

– Гм! Гм! – хмыкнул он.

– Ты ничего не отвечаешь?

– Как же, я отвечаю: «гм! гм!» По-моему это означает очень многое.

– Господи боже мой, – сказал Генрих, – что же происходит вокруг меня и что меня ждет впереди? Хорошо еще, что завтра...

– Сегодня, сын мой. Ты все время путаешь.

– Да, ты прав.

– Ну, и что же сегодня?

– Сегодня я обрету спокойствие.

– Почему?

– Потому, что они убьют этих проклятых анжуйцев.
– Ты так думаешь, Генрих?
– Я в этом уверен. Они храбрецы.
– Мне что-то не приходилось слышать, чтобы анжуйцев называли трусами.
– Разумеется, нет. Но посмотри, какая в них сила, посмотри на руки Шомберга, прекрасные мускулы, прекрасные руки.

– Ба! Если бы ты видел руки д'Антрагэ!
– Посмотри, какой у Келюса решительный рот, а у Можирона, даже во сне, лоб гордый. С такими лицами нельзя не одержать победы. А! Когда эти глаза мечут молнии, противник уже наполовину побежден.

– Милый друг, – сказал Шико, печально покачав головой, – я знаю глаза под такими же гордыми лбами, и они мечут не менее грозные молнии, чем те, на которые ты рассчитываешь. Это и все, чем ты себя успокаиваешь?

– Нет. Иди, я покажу тебе кое-что.

– Куда идти?

– В мой кабинет.

– То, что ты собираешься показать мне, и придает тебе веру в победу?

– Да.

– Тогда пойдем.

– Постой.

И Генрих вернулся к кроватям молодых людей.

– А что? – спросил Шико.

– Послушай, я не хочу завтра, вернее, сегодня ни омрачать их, ни разнеживать. Я попрощаюсь с ними сейчас.

Шико кивнул головой.

– Прощайся, сын мой, – сказал он.

Тон, которым он произнес эти слова, был таким грустным, что у короля мурашки побежали по телу и слезы навернулись на глаза.

– Прощайте, друзья, – прошептал Генрих, – прощайте, добрые мои друзья.

Шико отвернулся, сердце у него было тоже не из камня.

Но взор его невольно снова обратился к молодым людям.

Генрих, склонившись над ними, одного за другим целовал их в лоб.

Свеча из розового воска озаряла бледным, погребальным светом драпировки спальни и лица актеров, участвовавших в этой сцене.

Шико не был суеверен, но когда он увидел, как Генрих касается губами лбов Можирона, Келюса и Шомберга, ему почудилось, что это скорбит живой, паники прощаясь с мертвыми, уже лежащими в гробах.

– Странно, – сказал себе Шико, – я никогда ничего подобного не испытывал. Бедные дети!

Как только король кончил прощаться со своими друзьями, д'Эпернон открыл глаза, чтобы поглядеть, ушел ли он.

Король уже покинул комнату, опершись на руку Шико.

Д'Эпернон вскочил с постели и принялся как можно тщательнее стирать пятна крови со своих сапог и одежды.

Это занятие вернуло его мысли к событиям на площади Бастилии.

– Да у меня и крови бы не хватило для этого человека, ведь столько он ее пролил сегодня ночью, а сражался совсем один.

И д'Эпернон снова улегся в постель.

Что до Генриха, то он привел Шико к себе в кабинет, открыл длинный ящик из черного дерева, обитый внутри белым атласом, и сказал:

– Вот, посмотри!

– Шпаги! – воскликнул Шико. – Вижу. Что же дальше?

– Да, это шпаги, но шпаги освященные, друг мой.

– Кем?

– Самим папой, нашим святейшим отцом. Он оказал мне эту милость. Чтобы доставить ящик в Рим и обратно, потребовалось двадцать лошадей и четыре человека. Но зато у меня есть шпаги.

– Острые? – спросил гасконец.

– Конечно. Но главное их достоинство, Шико, в том, что они освящены.

– Само собой. Однако все же приятно сознавать, что они к тому же еще и острые.

– Нечестивец!

– Ладно, сын мой, теперь поговорим о другом.

– Хорошо, но поспешим.

– Тебе хочется спать?

– Нет, мне хочется помолиться.

– В таком случае поговорим о деле. Приказал ты привести монсеньера герцога Анжуйского?

– Да, он ждет внизу.

– Что ты собираешься с ним делать?

– Я собираюсь отправить его в Бастилию.

– Очень мудро. Только выбери темницу понадежнее, с толстыми стенами и крепкими замками. Ту, например, в которой сидел коннетабль де Сен-Поль или Жак д'Арманьяк.

– О! Будь спокоен.

– Я знаю, где продается прекрасный черный бархат, сын мой.

– Шико! Это же мой брат!

– Ты прав, при дворе, во время траура по членам семьи, одеваются в фиолетовое. Ты будешь с ним говорить?

– Да, разумеется, хотя бы для того, чтобы лишить его всякой надежды, доказав, что заговоры его раскрыты.

– Гм! – сказал Шико.

– У тебя есть какие-нибудь возражения против моей беседы с ним?

– Нет, но на твоей месте я упразднил бы речи и удвоил срок пребывания в тюрьме.

– Пусть приведут герцога Анжуйского, – приказал Генрих.

– Все равно, – сказал Шико, качая головой, – я стою на том, что сказал.

Через минуту вошел герцог. Он был безоружен и очень бледен. Его сопровождал Крийон с обнаженной шпагой в руке.

– Где вы его нашли? – спросил король Крийона, разговаривая с ним так, словно герцога и не было в комнате.

– Государь, его высочество отсутствовал, когда я именем вашего величества занял Анжуйский дворец, но очень скоро его высочество вернулся домой, и мы арестовали его, не встретив сопротивления.

– Вам повезло, – сказал король с презрением. Затем, обернувшись к принцу, он спросил:

– Где вы были, сударь?

– Где бы я ни был, государь, смею вас уверить, – ответил герцог, – что я занимался вашими делами.

– Я так и полагал, – сказал Генрих, – и, глядя на вас, убеждаюсь, что не ошибся, когда ответил вам тем же – занялся вашими.

Франсуа поклонился со спокойным и почтительным видом.

– Ну так где же вы были? – спросил король, шагнув к брату. – Чем занимались вы в то время, как арестовывали ваших соучастников?

– Моих соучастников? – переспросил Франсуа.

– Да, ваших соучастников, – повторил король.

– Государь, я уверен, что ваше величество ввели в заблуждение.
– О! На этот раз, сударь, вы от меня не убежите, ваша преступная карьера окончена. И на этот раз тоже вам не удастся занять мой трон, братец...
– Государь, государь, молю вас, успокойтесь, определенно кто-то настроил вас против меня.
– Презренный! – вскричал преисполненный гнева король. – Ты умрешь от голода в одной из темниц Бастилии.
– Я жду ваших приказаний, государь, и благословляю их, даже если они приведут меня к смерти.
– Но где же вы все-таки были, лицемер?
– Государь, я спасал ваше величество, и трудился во имя славы и мира вашего царствования.
– О! – воскликнул ошеломленный от изумления король. – Клянусь честью, какова дерзость!
– Ба, – сказал Шико, откинувшись назад, – расскажите нам об этом, мой принц. Вот, должно быть, любопытно!
– Государь, я немедленно рассказал бы обо всей вашему величеству, если бы вы обращались со мной, как с братом, но вы обращаетесь со мной, как с преступником, и я подожду, чтобы события подтвердили, что я говорю правду.
С этими словами принц снова отвесил поклон своему брату, королю, еще более глубокий, чем в первый раз, и, повернувшись к Крийону и другим офицерам, сказал:
– Что ж, господа, кто из вас поведет в Бастилию наследного принца Франции?
Шико стоял, задумавшись, и вдруг его, как молния, озарила мысль.
– Ага! – прошептал он. – Я, кажется, уже понял, почему у господина д'Эпернона было столько крови на сапогах и ни кровинки в лице.

Глава 55. УТРО БИТВЫ

Над Парижем занимался ясный день. Горожане ни о чем не подозревали. Но дворяне – сторонники короля и все еще не оправившиеся от испуга приверженцы Гизов – ждали предстоящего поединка и держались начеку, чтобы вовремя принести свои поздравления победителю.

Как мы уже видели в предыдущей главе, король всю ночь не смыкал глаз, молился и плакал. Но поскольку он, несмотря на все, был человеком храбрым и опытным, особенно в том, что касалось поединков, то около трех часов утра он вышел вместе с Шико, чтобы оказать своим друзьям последнюю услугу, которая была в его возможностях.

Генрих отправился осмотреть место боя.

Картина была замечательная и, скажем без всякой иронии, мало кем замеченная.

Король, одетый в темные одежды, закутанный в широкий плащ, со шпагой на боку, в широкополой шляпе, скрывавшей его волосы и глаза, шагал по улице Сент-Антуан. Но, не дойдя шагов трехсот до Бастилии, он увидел большую толпу неподалеку от улицы Сен-Поль и, не желая подвергать себя риску в толчее, свернул в улицу Сент-Катрин и по ней добрался до турнельского загона для скота.

Толпа, как вы догадываетесь, была занята подсчитыванием убитых этой ночью.

Король не подошел к ней и потому ничего не узнал о случившемся.

Шико, присутствовавший при вызове, вернее, при соглашении, заключенном восемь дней тому назад, тут же на поле будущего сражения показал королю, как разместятся противники, и объяснил условия боя.

Получив эти сведения, Генрих тотчас же принялся измерять площадь. Он прикинул расстояние между деревьями, рассчитал, как будет падать солнечный свет, и сказал:

– У Келюса позиция очень опасная. Солнце будет у него справа: как раз со стороны

уцелевшего глаза²⁵, а вот Можирон – весь в тени. Келюсу надо было бы поменяться с Можироном местами, ведь у того зрение прекрасное. Да, пока распределение не очень-то хорошее. Что до Шомберга, у которого слабые колени, то у него здесь дерево, и он может, в случае необходимости, укрыться за ним. Поэтому за него я спокоен. Но Келюс, бедный Келюс!

Он грустно покачал головой.

– Ты огорчаешь меня, мой король, – сказал Шико. – Ну же, ну, не страдай так! Какого черта! Каждый получит не более того, что получит.

Король воздел глаза к небу и вздохнул.

– Вы слышите, господь мой, как он богохульствует? – прошептал он. – Но вы знаете – он безумен. Шико пожал плечами.

– А д'Эпернон? – вспомнил король. – По чести, я несправедлив, я позабыл о нем. Д'Эпернону грозит такая опасность, он будет иметь дело с Бюсси! Посмотри-ка на его участок, мой добрый Шико: слева – загородка, справа – дерево, позади – яма. Д'Эпернону надо будет все время отскакивать назад, потому что Бюсси – это тигр, лев, змея. Бюсси – это живая шпага, которая прыгает, делает выпады, отступает.

– Ба! – сказал Шико. – За д'Эпернона я спокоен.

– Ты не прав, его убьют.

– Его? Он не так глуп и, наверное, принял меры, уж поверь мне!

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что он не будет драться, клянусь смертью Христовой!

– Полно тебе! Разве ты не слышал, как он только что разговаривал?

– Вот именно, что слышал.

– Ну?

– Как раз поэтому я и повторяю: он не будет драться.

– Ты никому не веришь и всех презираешь.

– Я знаю этого гасконца, Генрих. Но, если хочешь меня послушаться, дорогой государь, возвратимся в Лувр, уже рассвело.

– Неужели ты думаешь, что я останусь в Лувре во время поединка?

– Клянусь святым чревом! Ты там останешься. Если тебя увидят здесь, то, стоит твоим друзьям одержать победу, каждый скажет, что это ты ее им наколдовал, а коли они потерпят поражение, все обвинят тебя в сглазе.

– Что мне до сплетен и толков? Я буду любить своих друзей до конца.

– Мне нравится, что ты такой вольнодумец, Генрих; хвалю тебя и за то, что ты так любишь своих друзей, у королей это редкая добродетель, но я не хочу, чтобы ты оставлял герцога Анжуйского одного в Лувре.

– Разве там нет Крийона?

– Э! Крийон всего лишь буйвол, носорог, кабан – любое храброе и неукротимое животное по твоему выбору. А брат твой – это гадюка, гремучая змея – любая тварь, могущество которой не в ее силе, а в ее яде.

– Ты прав, надо было бросить его в Бастилию.

– Я же говорил тебе, что ты делаешь ошибку, встречаясь с ним.

– Да, я был побежден его самоуверенностью, спокойствием, разговорами о какой-то услуге, которую он якобы мне оказал.

– Тем более надо его остерегаться. Вернемся, сын мой, послушайся меня.

Генрих последовал совету Шико и, бросив последний взгляд на поле будущей битвы, отправился в Лувр.

Когда король и Шико вошли во дворец, там все были уже на ногах.

Молодые люди проснулись самыми первыми и оделись с помощью своих слуг.

²⁵ В одном из поединков Келюсу выкололи шпагой левый глаз. (Прим, автора.)

Король спросил, чем они занимаются.

Шомберг делал приседания, Келюс промывал глаза туалетным уксусом, Можирон пил из бокала испанское вино, д'Эпернон острил свою шпагу на камне.

Последнее можно было видеть и не спрашивая, потому что д'Эпернон распорядился принести точильный камень к дверям спальни.

– И, по-твоему, этот человек не Баярд? – воскликнул Генрих, с любовью глядя на д'Эпернона.

– По-моему – это точильщик, вот и все, – ответил Шико.

д'Эпернон заметил их и крикнул:

– Король!

Тогда, вопреки решению, которое он принял и которое он был бы не в силах исполнить, даже не будь этого восклицания, Генрих вошел в комнату фаворитов.

Мы уже говорили, что он умел принимать величественный вид и мог в совершенстве владеть собой. Его спокойное, почти улыбающееся лицо не выдавало ни одного из чувств, таившихся в сердце.

– Здравствуйте, господа, – сказал он, – вы, я вижу, в хорошем настроении.

– Благодарение богу, да, государь, – ответил Келюс.

– А у вас, Можирон, вид невеселый.

– Государь, как известно вашему величеству, я очень суеверен, а мне приснился дурной сон, вот я и стараюсь поднять себе настроение глотком испанского вина.

– Друг мой, – сказал король, – не надо забывать, так утверждает Мирон, а он – великий лекарь, не надо забывать, повторяю, что сны зависят от предшествующих им впечатлений, но не имеют никакого влияния на последующие события, разве что на то будет воля божья.

– Поэтому вы и видите меня готовым к бою, государь, – сказал д'Эпернон. – Мне тоже приснился этой ночью дурной сон, но, несмотря на сон, рука у меня крепкая и глаз зоркий.

И он атаковал стену и сделал на ней зарубку своей только что наточенной шпагой.

– Да, – сказал Шико, – ему приснилось, что у вас сапоги в крови. Это неплохой сон он означает, что в один прекрасный день вы станете победителем, вроде Александра или Цезаря.

– Мои смельчаки, – сказал Генрих, – вы знаете, что речь идет о чести вашего государя, ибо в каком-то смысле вы защищаете именно ее, но – только честь, помните хорошенько, не тревожьтесь о безопасности моей особы. Сегодня ночью я укрепил мой трон так, что, по крайней мере еще некоторое время, никакие удары ему не страшны. Поэтому сражайтесь за мою честь.

– Государь, не беспокойтесь. Быть может, мы расстанемся с жизнью, – сказал Келюс, – но во всех случаях честь будет спасена.

– Господа, – продолжал король, – я вас нежно люблю, по также и ценю. Позвольте мне дать вам совет: не надо ненужной бравады. Не своей смертью докажете вы мою правоту, а смертью ваших противников.

– О, что касается меня, – сказал д'Эпернон, – то я не пощажу своей жизни!

– Я не буду ничего обещать, – сказал Келюс, – сделаю все, что смогу, вот и все.

– А я, – сказал Можирон, – я отвечу его величеству, что если я и умру, то уж обязательно убью и своего противника: око за око.

– Вы деретесь только на шпагах?

– На шпагах и на кинжалах, – сказал Шомберг.

Рука короля была прижата к груди.

Быть может, эта рука и соприкасавшееся с ней сердце дрожью и биением крови поверяли друг другу свои страхи, но внешне король со своим гордым видом, сухими глазами, высокомерным ртом, оставался королем, то есть он посылал солдат на битву, а не друзей на смерть.

– Ты и впрямь прекрасен в этот миг, мой король, – шепнул ему Шико.
 Дворяне были готовы, им оставалось только раскланяться со своим господином.
 – Вы поедете верхом? – спросил Генрих.
 – Нет, государь, – ответил Келюс, – мы пойдем пешком. Это очень здоровое упражнение, оно освежает голову, а ваше величество тысячу раз говорили, что шпагу направляет не столько рука, сколько голова.
 – Вы правы, сын мой. Вашу руку. Келюс поклонился и поцеловал руку короля, остальные последовали его примеру.
 Д'Эпернон опустился на колени и сказал:
 – Государь, благословите мою шпагу.
 – Нет, д'Эпернон, – возразил король, – отдайте вашу шпагу вашему пажу. У меня есть для вас шпаги получше. Шико, принеси их.
 – Ну уж нет, – сказал Шико, – поручи это капитану твоей гвардии, сын мой, я всего лишь шут, более того – всего лишь язычник, и благословения небес могут превратиться в злые чары, коли дьявол – мой друг догадается посмотреть на мои руки и увидит, что я несу.
 – А что это за шпаги, государь? – спросил Шомберг, бросая взгляд на ящик, принесенный офицером.
 – Итальянские шпаги, сын мой, шпаги, выкованные в Милане. Видите, какие у них прекрасные эфесы? У всех у вас, кроме Шомберга, руки нежные, и первый же порез разоружит вас, если не прикрыть их надежно.
 – Спасибо, спасибо, ваше величество, – воскликнули в один голос четверо молодых людей.
 – Идите, уже время, – сказал король, который был не в силах больше сдерживать свое волнение.
 – Государь – спросил Келюс, – а вате величество не будет смотреть на наш поединок, чтобы придать нам бодрости?
 – Нет, это было бы неуместно. Вы деретесь тайно, вы деретесь без моего разрешения. Не будем придавать этому поединку излишней торжественности. И, главное, пусть считают, что он – следствие частной размолвки.
 И король поистине величественным жестом отпустил своих фаворитов.
 Когда они исчезли с его глаз, когда последние из их слуг перешагнули за порог Лувра и смолкло звяканье шпор и кирас, в которые были облачены снаряженные по-военному стремянные, король бросился на ковер и простонал:
 – А-а! Я умираю.
 – А я, – сказал Шико, – я хочу посмотреть на поединок. Не знаю почему, но у меня предчувствие: на поле д'Эпернона должно произойти что-то любопытное.
 – Ты покидаешь меня, Шико? – произнес король жалобно.
 – Да, – ответил Шико. – Если кто-нибудь из них будет плохо выполнять свой долг, я окажусь тут как тут, чтобы заменить его и поддержать честь моего короля.
 – Что ж, ступай, – сказал Генрих. Едва Шико получил разрешение, как тут же умчался с быстротою молнии.
 Король отправился в оружейную, распорядился закрыть ставни, запретил кому бы то ни было в Лувре кричать или разговаривать и сказал Крийону, который знал обо всем, что должно было произойти:
 – Если мы одержим победу, Крийон, ты придешь и скажешь мне об этом, если же, напротив, мы окажемся побежденными, ты трижды стукнешь в мою дверь.
 – Хорошо, государь, – ответил Крийон и грустно покачал головой.

Глава 56. ДРУЗЬЯ БЮССИ

Если друзья короля постарались хорошенько выспаться этой ночью, то и друзья

герцога Анжуйского прибегли к той же предосторожности.

После доброго ужина, на который они собрались по собственному почину и в отсутствие их покровителя, не проявлявшего о своих фаворитах такого беспокойства, какое король проявлял о своих, они улеглись спать в удобные постели в доме Антрагэ. Анжуйцы собрались в этом доме, потому что он был расположен поблизости от поля боя.

Один из стремянных – слуга Рибейрака, прекрасный охотник и искусный оружейник, весь день напролет чистил, полировал и натачивал оружие.

Ему же было приказано разбудить молодых людей на рассвете, то была его всегдашняя обязанность в дни праздников, охот или поединков.

До ужина Антрагэ заглянул на улицу Сен-Дени, повидаться с одной маленькой продавщицей гравюр, которую он боготворил и которую весь квартал называл не иначе, как «прекрасная лавочница». Рибейрак написал письмо матери. Ливаро составил завещание.

В три часа утра, когда друзья короля еще только просыпались, анжуйцы уже были на ногах, свежие, в хорошем настроении и прекрасно вооруженные.

Чулки и узкие, облегающие панталоны у них были красного цвета, чтобы противники не заметили их крови и чтобы эта кровь не пугала их самих. Они надели серые шелковые камзолы, чтобы, в случае если драться будут во всей одежде, ни одна складка не стесняла движения. И, наконец, башмаки на них были без каблуков, а чтобы не утомились прежде времени руки и плечи, шпаги несли за ними пажи.

Погода была прекрасной для любви, для поединков, для прогулок. Солнце золотило коньки крыш, блестящих от испаряющейся ночной росы.

Терпкий, но в то же время чудесный запах поднимался от садов и разносился по улицам, мостовая была суха, воздух свеж.

Прежде чем выйти из дому, молодые люди послали слугу со дворец герцога Анжуйского – справиться о Бюсси.

Ему ответили, что Бюсси ушел из дому накануне вечером, часов в десять, и все еще не возвращался.

Гонец поинтересовался, ушел ли он один и был ли вооружен.

И узнал, что Бюсси ушел вместе с Реми и что оба были при шпагах.

В доме графа никто не испытывал по этому поводу беспокойства. Бюсси часто исчезал подобным образом, к тому же все знали, какой он сильный, храбрый, ловкий, и его исчезновения, даже длительные, никого особенно не волновали.

Трое друзей заставили слугу повторить все подробности.

– Так, так, – сказал Антрагэ, – вы слышали, господа, что король приказал подготовить большую охоту на оленя в лесах Компьени и что господин де Монсоро вынужден был вчера уехать туда?

– Слышали, – ответили молодые люди.

– Ну так вот, я знаю, где Бюсси: пока главный ловчий поднимает оленя, он охотится на лань главного ловчего. Не волнуйтесь, господа, Бюсси сейчас ближе, чем мы, от места поединка и явится туда раньше нас.

– Да, – сказал Ливаро, – но явится усталый, изнуренный, невыспавшийся. Антрагэ пожал плечами.

– Разве Бюсси способен устать? – возразил он. – А теперь пошли, пошли, господа, мы захватим его по дороге.

И они тронулись в путь.

В это самое время Генрих раздавал шпаги и? противникам, анжуйцы минут на десять опередили королевских фаворитов.

Так как Антрагэ жил неподалеку от церкви святого Евстафия, они направились по улице Ломбар, улице Верери и, наконец, по улице Сент-Аатуан.

Все эти улицы были пустынные. Одни лишь крестьяне, которые съезжались с овощами и молоком из Монтрея, Венсена, Сен-Мор-ле-Фоссе, подремывая на своих повозках или мулах, удостоились чести видеть этот гордый отряд из трех храбрецов, сопровождаемых

пажами и стремянными.

Не слышалось больше ни похвалы, ни криков, ни угроз. Когда предстоит поединок, в котором или ты убьешь, или тебя убьют, когда известно, что бой с той и с другой стороны будет ожесточенным, беспощадным, смертельным, тогда не болтают языком, а размышляют. Самый легкомысленный из троих был в это утро самым задумчивым.

Дойдя до улицы Сент-Катрин, все трое с улыбкой, свидетельствовавшей, что им в голову пришла одна и та же мысль, обратили взгляд к домику Монсоро.

– Оттуда будет хорошо видно, – сказал Антрагэ, – и я уверен, что бедняжка Диана не один раз подойдет к окну.

– Постой! – сказал Рибейрак. – Кажется, она уже к нему подходила.

– Почему ты так думаешь?

– Окно открыто.

– И правда. Но зачем тут эта лестница под окном? Ведь у дома есть двери?

– В самом деле. Странно, – сказал Антрагэ. Они свернули к дому, чувствуя, что им предстоит сделать какое-то важное открытие.

– Не одни мы удивляемся, – сказал Ливаро. – Поглядите: крестьяне, которые проезжают мимо, привстают в своих повозках и смотрят.

Молодые люди подошли под балкон.

Там уже стоял один из крестьян-огородников и, казалось, разглядывал что-то на земле.

– Эй! Сеньор де Монсоро, – крикнул Антрагэ, – вы собираетесь отправиться с нами? Если да, то поторопитесь, мы должны прийти первыми.

Они подождали, но напрасно.

– Никто не отвечает, – сказал Рибейрак, – но почему здесь, черт возьми, эта лестница?

– Эй, смерд, – сказал Ливаро огороднику, – что ты там делаешь? Это ты сюда приволок лестницу?

– Боже меня упаси, ваша милость! – ответил тот.

– Почему? – спросил Антрагэ.

– Поглядите-ка наверх.

Все трое подняли головы.

– Кровь! – воскликнул Рибейрак. – То-то и оно, что кровь, – сказал крестьянин, – и уже порядком почерневшая.

– Дверь взломана, – сообщил в эту минуту паж Антрагэ.

Антрагэ бросил взгляд на дверь, на окно и, ухватившись за перекладину лестницы, в одно мгновение взобрался на балкон.

Он заглянул в комнату.

– Да что там такое? – спросили остальные, увидев, что он побледнел и отшатнулся. Страшный крик был им ответом. Ливаро поднялся следом.

– Трупы! Смерть, кругом смерть! – воскликнул молодой человек.

Оба вошли в комнату.

Рибейрак остался внизу, опасаясь неожиданного нападения.

Тем временем огородник своими причитаниями останавливал всех прохожих.

Повсюду в комнате виднелись следы страшной ночной битвы. Пол был покрыт лужами, вернее, целым морем крови. Гобелены на стенах изрублены шпагами и прострелены пулями. Мебель, разбитая и измазанная кровью, валялась на полу вперемежку с изуродованными телами и клочьями одежды.

– О! Реми, бедняга Реми, – сказал вдруг Антрагэ.

– Мертв? – спросил Ливаро.

– Уже остыл.

– Да здесь, должно быть, целый полк рейтаров побывал, в этой комнате! – воскликнул Ливаро.

И тут он увидел распахнутую в коридор дверь; пятна крови свидетельствовали, что и по другую ее сторону тоже шла борьба. Ливаро пошел по этим страшным следам до самой лестницы.

Двор был пуст и безлюден.

Тем временем Антрагэ, вместо того чтобы идти за ним, направился в соседнюю комнату. Везде была кровь. Эта кровь вела к окну.

Он склонился над подоконником, и его полный ужаса взгляд упал на маленький сад внизу.

На железной ограде все еще висел труп несчастного Бюсси, иссиня-бледный, окоченевший.

При виде его из груди Антрагэ вырвался не крик, а рычание.

Прибежал Ливаро.

– Посмотри, – сказал Антрагэ. – Бюсси! Мертвый!

– Предательски убитый, выброшенный из окна! Сюда, Рибейрак, сюда!

Ливаро бросился во двор и, встретив внизу лестницы Рибейрака, увлек его за собой.

Они прошли через калитку, которая вела из двора в садик.

– Да, это он, – воскликнул Ливаро.

– У него отрублена кисть, – сказал Рибейрак.

– У него в груди две пули.

– Он весь исколот кинжалами.

– Ах, бедняга Бюсси, – простонал Антрагэ. – Отмщенья! Отмщенья!

Обернувшись, Ливаро споткнулся о другой труп.

– Монсоро! – вскрикнул он.

– Как! И Монсоро тоже?

– Да, Монсоро, продырявленный, словно решето, и голова у него разбита о булыжники.

– А! Так, значит, этой ночью поубивали всех наших друзей!

– А его жена, его жена? – воскликнул Антрагэ. – Диана, госпожа Диана! – позвал он.

Ни звука, кроме возгласов простонародья, столпившегося вокруг дома.

Именно в это время король и Шико подошли к улице Сент-Катрип и свернули в сторону, чтобы не попасть в толпу.

– Бюсси! Бедный Бюсси! – все повторял в отчаянии Рибейрак.

– Да, – сказал Антрагэ, – кто-то захотел отделаться от самого опасного из нас.

– Какая трусость! Какая подлость! – откликнулись двое остальных.

– Пойдемте с жалобой к герцогу, – предложил кто-то.

– Не надо, – сказал Антрагэ. – Зачем возлагать дело мести на других? Мы будем плохо отомщены, друг. Постой!

В одно мгновение он спустился вниз, к Ливаро и Рибейраку.

– Друзья, – сказал он, – посмотрите на благородное лицо этого самого храброго из людей, поглядите на все еще алые капли его крови. Этот человек подает нам пример: он никому не поручал мстить вместо него... Бюсси! Бюсси! Мы поступим, как ты, и не тревожся – мы отомстим.

Произнеся эти слова, Антрагэ обнажил голову, коснулся губами губ Бюсси и, вытащив из ножен шпагу, смочил ее кровью друга.

– Бюсси, – продолжал он, – клянусь на твоём бездыханном теле, что кровь эта будет смыта кровью твоих врагов!

– Бюсси, – сказали Рибейрак и Ливаро, – клянемся убить или умереть!

– Господа, – заявил Антрагэ, вкладывая шпагу в ножны, – никакого снисхождения, никакой жалости, не так ли?

Двое его друзей протянули руки над телом Бюсси.

– Никакого снисхождения, никакой жалости, – повторили они.

– Но, – сказал Ливаро, – нас теперь всего трое против четырех.

– Твоя правда, но мы, мы никого предательски не убивали, – сказал Антрагэ, – а господь дарует силу невинным. Прощай, Бюсси!

– Прощай, Бюсси! – повторили его спутники.

И они ушли из этого проклятого дома со смертельно бледными лицами и с ужасом в душе.

Они унесли из него, вместе с образом смерти, то глубокое отчаяние, которое удесятерять силы. Они почерпнули в этом доме то благородное негодование, которое возвышает человека над его смертной сущью.

За четверть часа толпа так разрослась, что молодые люди с трудом через нее протолкались.

Подойдя к месту поединка, они увидели своих противников: одни сидели на камнях, другие живописно расположились на деревянных загородках.

Смущенные своим опозданием, анжуйцы пустились бегом.

При четырех миньонах находились их четверо стремянных.

Четыре шпаги, лежавшие на земле, казалось, тоже отдыхали в ожидании, как и их хозяева.

– Милостивые государи, – сказал Келюс, поднимаясь и с несколько презрительным видом отведывая им поклон, – мы имели честь ждать вас.

– Простите нас, господа, – ответил Антрагэ, – но мы пришли бы раньше вас, если бы не опоздание одного из моих товарищей.

– Господина де Бюсси? – спросил д'Эпернон. – А и в самом деле, я его не вижу. Очевидно, сегодня утром его придется тянуть сюда за уши.

– Мы ждали до сих пор, – сказал Шомберг, – мы можем подождать и еще.

– Господин де Бюсси не придет, – ответил Антрагэ. Глубокое удивление отразилось на всех лицах, и только лицо д'Эпернона выражало другое чувство.

– Не придет? – сказал он. – Ага! Значит, храбрейший из храбрых испугался?

– Этого быть не может, – возразил ему Келюс.

– Вы правы, господин де Келюс, – сказал Ливаро.

– А почему же он не придет? – спросил Можирон.

– Потому, что он мертв, – ответил Антрагэ.

– Мертв?! – воскликнули миньоны. Д'Эпернон молчал и даже слегка побледнел.

– Его предательски убили! – продолжал Антрагэ. – Вы разве не знали этого, господа?

– Нет, – сказал Келюс, – как мы могли знать?

– Да и верно ли это? – спросил д'Эпернон. Антрагэ вынул свою шпагу.

– Так же верно, – сказал он, – как верно то, что это его кровь на моей шпаге.

– Убит! – вскричали трое друзей короля. – Господин де Бюсси убит!

Д'Эпернон продолжал с сомнением покачивать головой.

– Эта кровь вопиет о возмездии, – сказал Рибейрак, – разве вы не слышите, господа?

– А, вот оно что! – ответил Шомберг. – Кажется, в ваших скорбных словах скрыт какой-то намек?

– Клянусь господом, да, – сказал Антрагэ.

– Что все это значит? – воскликнул Келюс.

– Ищи того, кому преступление выгодно, говорят законники, – пробормотал Ливаро, – Послушайте, господа, не объяснитесь ли вы громил и ясно? – прогремел Можирон.

– Для этого мы сюда и пришли, господа, – сказал Рибейрак, – и оснований у нас больше, чем надо, чтобы сто раз убить друг друга.

– Тогда скорей за шпаги, – сказал д'Эпернон, извлекая свое оружие из ножен, – и покончим побыстрей.

– О! Как вы торопитесь, господин гасконец! – заметил Ливаро. – Вы не петушились так, когда нас было четверо против четырех!

– Разве это наша вина, что вас только трое? – ответил д'Эпернон.

– Да, ваша, – воскликнул Антрагэ. – Он погиб, потому что кому-то было выгодно,

чтобы он лежал в могиле, а не стоял на поле боя. Ему отрубили кисть руки, чтобы эта рука не смогла больше держать шпагу. Он погиб, потому что кому-то надо было любой ценой погасить эти глаза, молния которых ослепила бы вас четырех разом. Поняли вы? Я достаточно ясен?

Шомберг, Можирон и д'Эпернон взвыли от ярости.

– Полно, господа, полно, – сказал Келюс. – Уйдите, господин д'Эпернон. Мы будем драться трое на трое. Тогда эти господа увидят, способны ли мы, несмотря на то что право на нашей стороне, воспользоваться несчастьем, которое мы оплакиваем так же, как они. Пожалуйста, милостивые государи, пожалуйста, – добавил он, отбрасывая назад шляпу и поднимая левую руку, а правой взмахивая шпагой, – пожалуйста, и, увидев, как мы сражаемся под открытым небом, перед взглядом господа, вы рассудите, являемся ли мы убийцами. По местам, милостивые государи, по местам!

– О! Я вас ненавижу, – сказал Шомберг, – теперь же вы мне омерзительны.

– А я, – сказал Антрагэ, – час тому назад я бы вас просто убил, теперь же я вас изрублю в куски. В позицию, господа, в позицию!

– В камзолах или без камзолов? – спросил Шомберг.

– Без камзолов, без рубашек, – сказал Антрагэ. – Грудь обнажена, сердце открыто.

Молодые люди сняли камзолы и сорвали с себя рубашки.

– Ах ты, черт, – сказал Келюс, раздеваясь, – я потерял кинжал. Он слабо держался в ножнах и, должно быть, выпал по дороге.

– Или же вы оставили его у господина де Монсоро, на площади Бастилии, – сказал Антрагэ, – в таких ножнах, из которых вы не осмелились его вынуть.

Келюс издал яростное рычание и встал в позицию.

– Но у него же нет кинжала, господин д'Антрагэ, у него нет кинжала, – закричал Шико, прибывший в этот момент на поле боя.

– Тем хуже для него, – сказал Антрагэ, – я тут ни при чем.

И, вытащив левой рукой свой кинжал, он тоже занял позицию.

Глава 57. ПОЕДИНОК

Участок земли, на котором должна была произойти эта ужасная схватка, был расположен как мы уже видели, в уединенном, укрытом деревьями месте.

Обычно днем туда заглядывали только дети, приходившие поиграть, а ночью – только пьяницы и воры, в поисках ночлега.

Загородки, поставленные барышниками, как и следовало ожидать, отстраняли от этого уголка толпу, которая подобна речным волнам: они устремляются всегда вдоль берега и останавливаются или поворачивают назад только если наткнутся на какое-нибудь препятствие.

Прохожие шли вдоль загородок, не останавливаясь.

К тому же час был очень ранний, да и все, кто уже вышел на улицу, спешили к залитому кровью дому Монсоро.

Шико, с бьющимся сердцем, хоть по натуре своей он и не был чувствителен, уселся впереди лакеев и пажей на деревянные перила.

Он не любил анжуйцев и ненавидел миньонов, но и те и другие были отважны и молоды, в их жилах текла благородная кровь, которая с минуты на минуту должна была пролиться при ярком свете занявшегося дня.

Д'Эпернон решил рискнуть и похвастаться в последний раз.

– Как! Значит, я внушаю такой страх? – воскликнул он.

– Замолчите, болтун, – сказал ему Антрагэ.

– Я в своем праве, – возразил д'Эпернон, – по условиям, в поединке должно было участвовать восемь человек.

– Ну-ка, прочь отсюда! – сказал выведенный из терпения Рибейрак, загоразивая ему дорогу.

Д'Эпернон утихомирился и с величественным видом вложил шпагу в ножны.

– Идите сюда, – сказал Шико, – идите сюда, храбрый из храбрых, иначе вы загубите еще одну пару сапог, как вчера.

– Что вы такое говорите, господин дурак?

– Я говорю, что сейчас на земле будет кровь и вам придется ходить по ней, как нынче ночью.

Д'Эпернон побледнел, словно мертвец. Вся его напускная храбрость сразу исчезла при этом убийственном обвинении.

Он уселся в десяти шагах от Шико, на которого не мог теперь смотреть без страха.

Рибейрак и Шомберг, обменявшись, как это было принято, поклонами, сблизились.

Келюс и Антрагэ, уже стоявшие в позиции, шагнули вперед и скрестили шпаги.

Можирон и Ливаро, прислонившись спинами к загородкам, делали, стоя на месте, финты, и каждый подстерегал момент, когда можно будет скрестить шпаги в его излюбленной позиции.

Бой начался, когда на колокольне святого Павла пробило пять часов.

Лица сражающихся дышали яростью, но их сжатые губы, грозная бледность, невольная дрожь рук указывали, что они из осторожности сдерживают эту ярость и что, вырвавшись на волю, она, подобно горячему коню, наделает много бед.

В течение нескольких минут, а это – время огромное, шпаги лишь скользили одна по другой, звона стали еще не было слышно.

Не был нанесен ни один удар.

Рибейрак, устав или, скорее, достаточно прощупал своего противника, опустил руку и застыл в ожидании.

Шомберг сделал два быстрых шага и нанес ему удар, который был первой молнией, вылетевшей из тучи.

Рибейрак был ранен.

Кожа его стала иссиня-бледной, из плеча забила кровь. Он отсрочил назад, чтобы рассмотреть рану.

Шомберг хотел было повторить удар, но Рибейрак сделал параду прим и нанес ему удар в бок. Теперь у каждого было по ране.

– Отдохнем несколько секунд, если вы не возражаете, – предложил Рибейрак.

Тем временем схватка между Келюсом и Антрагэ тоже разгорелась. Но Келюс, лишившись кинжала, находился в очень невыгодном положении. Он был вынужден отбивать удары просто левой рукой, а так как она была обнажена, каждое парирование стоило ему раны.

Раны были легкими, но уже через несколько секунд вся его рука покрылась кровью.

Антрагэ, в полном сознании своего преимущества и не менее ловкий, чем Келюс, парировал с удивительной точностью.

Он нанес три контрудара, и кровь потекла из трех ран на груди Келюса, ран, впрочем, не тяжелых.

При каждом из этих ударов Келюс повторял:

– Это пустяк.

Ливаро и Можирон все еще осторожничали.

Что касается Рибейрака, то, разъярившись от боли и чувствуя, что начинает терять вместе с кровью силы, он бросился на Шомберга.

Шомберг не отступил ни на шаг и только вытянул вперед шпагу.

Они нанесли друг другу удары одновременно.

У Рибейрака была пронзена грудь, у Шомберга – задета шея.

Смертельно раненный Рибейрак схватился левой рукой за грудь и – открылся.

Воспользовавшись этим, Шомберг вторично вонзил в него шпагу.

Но Рибейрак захватил правой рукой руку противника, а левой всадил ему в грудь

кинжал до самой рукоятки.

Острый клинок вошел в сердце.

Шомберг глухо вскрикнул и повалился на спину, увлекая за собой Рибейрака, в теле которого еще торчала его шпага.

Ливаро, увидев, что его друг упал, быстро отскочил назад и побежал к нему, преследуемый по пятам Можироном. Опередив Можирона на несколько шагов, он помог Рибейраку, который пытался избавиться от шпаги Шомберга, и выдернул эту шпагу из его груди.

Но затем, когда Можирон настиг его, Ливаро пришлось защищаться в неблагоприятных условиях: на скользкой от крови земле, в скверной позиции, при солнце, бьющем прямо в глаза.

Через секунду колющий удар поразил Ливаро в голову, он выронил шпагу и упал на колени.

Антрагэ сильно теснил Келюса. Можирон поспешил добить Ливаро еще одним колющим ударом. Ливаро рухнул на землю.

Д'Эпернон издал ликующий крик.

Келюс и Можирон оказались против одного Антрагэ. Келюс был весь в крови, но раны у него были легкие.

Можирон остался почти невредимым.

Антрагэ понял всю серьезность положения. Он еще не получил ни одной царапины, но начинал уже чувствовать усталость. Однако момент был неподходящий, чтобы просить о передышке у противников, одного – раненого, другого – разгоряченного кровавой схваткой. Резким ударом Антрагэ отбил шпагу Келюса и, воспользовавшись этим отводом, легко перепрыгнул через загородку.

Келюс ответил рубящим ударом, но разрубил всего лишь деревянный брус.

Можирон тут же напал на Антрагэ с фланга. Антрагэ обернулся.

И в это мгновение Келюс пролез под загородкой.

– Ему конец, – сказал Шико.

– Да здравствует король! – закричал д'Эпернон. – Смелей, мои львы! Смелей!

– Извольте молчать, сударь, – сказал Антрагэ. – Не оскорбляйте человека, который будет драться до последнего дыхания.

– И того, который еще не умер, – вскричал Ливаро. И в ту минуту, когда никто уже о нем не думал, страшный, весь в крови и грязи, он поднялся на колени и вонзил свой кинжал между лопатками Можирона, который рухнул бездыханным, прошептав:

– Иисусе Христе! Я убит.

Ливаро снова свалился без сознания: предпринятое усилие и гнев исчерпали последние его силы.

– Господин де Келюс, – сказал Антрагэ, опуская шпагу, – вы храбрый человек, сдавайтесь, я предлагаю вам жизнь.

– А зачем мне сдаваться? – возразил Келюс. – Разве я лежу на земле?

– Нет. Но на вас места живого нет, а я невредим.

– Да здравствует король! – крикнул Келюс. – У меня еще есть моя шпага, сударь.

И он бросился на Антрагэ, тот отбил удар, несмотря на всю его молниеносность.

– Нет, сударь, ее у вас больше нет, – сказал Антрагэ, схватившись рукой за клинок возле эфеса.

Он вывернул Келюсу руку, тот выпустил шпагу. Антрагэ всего лишь слегка обрезал себе палец на левой руке.

– О! – возопил Келюс. – Шпагу! Шпагу! Как тигр, прыгнул он на Антрагэ и сжал его в железном объятии.

Антрагэ, не пытаясь разомкнуть это кольцо, перехватил шпагу в левую руку, а кинжал – в правую, и принялся, без остановки и куда попало, наносить удары Келюсу. При каждом ударе Антрагэ заливало кровью противника, но ничто не могло вынудить Келюса

разжать руки; на каждую рану он отвечал восклицанием:

– Да здравствует король!

Он ухитрился даже задержать наносившую удары руку, обвить ее вокруг своего неврежденного врага, словно змея, и стиснуть его и руками и ногами.

Антрагэ почувствовал, что ему не хватает дыхания.

Он зашатался и упал.

Но, казалось, все в этот день оборачивалось ему на пользу: упав, он, можно сказать, удушил своей тяжестью несчастного Келюса.

– Да здравствует ко... – прошептал Келюс в агонии. Антрагэ высвободился наконец из его объятий, приподнялся на одной руке и нанес Келюсу последний удар прямо в грудь.

– Получай, – сказал Антрагэ, – теперь ты доволен?

– Да здрав... – выговорил Келюс уже с полужакрытыми глазами.

Все было кончено. Безмолвие и ужас смерти воцарились на поле боя.

Антрагэ поднялся на ноги, весь покрытый кровью, по крови своего противника. У него же самого, как мы уже сказали, был лишь небольшой порез на руке.

Испуганный д'Эпернон осенил себя крестным знаменем и бросился прочь оттуда, словно преследуемый страшным призраком.

Антрагэ обвел взглядом своих друзей и врагов, мертвых и умирающих. Так, должно быть, глядел Гораций на поле битвы, решившей судьбы Рима.

Шико подбежал к Келюсу, у которого кровь текла из девятнадцати ран, и приподнял его.

Движение вернуло Келюса к жизни.

Он открыл глаза.

– Антрагэ, честью клянусь, – сказал он, – я не виновен в смерти Бюсси.

– О! Я верю вам, сударь, – произнес тронутый Антрагэ, – я вам верю.

– Бегите, – прошептал Келюс, – бегите. Король вам не простит.

– Я не оставлю вас так, сударь, – сказал Антрагэ, – даже под угрозой эшафота.

– Бегите, молодой человек, – сказал Шико, – не искушайте бога. Вас спасло чудо, не требуйте двух чудес за один день.

Антрагэ подошел к Рибейраку, тот еще дышал.

– Ну что? – спросил Рибейрак.

– Мы победили, – ответил Антрагэ тихо, чтобы не оскорбить Келюса.

– Благодарю, – сказал Рибейрак. – Уходи.

И он снова потерял сознание.

Антрагэ подобрал свою шпагу, которую выронил во время борьбы, а затем – шпаги Келюса, Шомберга и Можирона.

– Прикончите меня, сударь, – сказал Келюс, – или оставьте мне мою шпагу.

– Вот она, граф, – сказал Антрагэ, с поклоном, исполненным уважения, протянув Келюсу шпагу. На глазах раненого блеснула слеза.

– Мы могли бы стать друзьями, – прошептал он. – Антрагэ протянул ему руку.

– Добро! – сказал Шико. – Это воистину по-рыцарски. Но беги, Антрагэ, ты стоишь того, чтобы жить.

– А мои товарищи? – спросил молодой человек.

– Я о них позабочусь так же, как о друзьях короля. Антрагэ накинул плащ, который подал ему стремянный, закутался, чтобы не было видно покрывшей его крови, и, оставив мертвых и раненых в окружении пажей и лакеев, скрылся через ворота Сент-Антуан.

Глава 58. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Король, бледный от беспокойства и вздрагивающий при малейшем шуме, мерил шагами оружейную палату, прикидывая, как человек, искусный в таких делах, время,

которое должно было понадобиться его друзьям, чтобы встретиться с противниками и сразиться с ними, а также все проистекающие из их характеров, силы и ловкости возможности – хорошие и дурные.

– Сейчас, – сказал он сначала, – они идут по улице Сент-Антуан. А теперь входят в загон. Обнажают шпаги. Теперь они уже дерутся.

И при этих словах несчастный король, весь дрожа, стал молиться.

Но благочестивые молитвы, которые шептали его губы, не затрагивали души, поглощенной иными чувствами.

Через несколько минут король поднялся с колен.

– Хотя бы Келюс вспомнил, – сказал он, – о том контрударе, который я показал ему: парировать шпагой и ударить кинжалом. Шомберг, тот – человек хладнокровный, он должен убить этого Рибейрака. Можирон, если не случится какого-нибудь несчастья, легко одолеет Ливаро. Но д'Эпернон! О! Он погиб. Хорошо еще, что именно его я люблю меньше, чем всех остальных. Но дело не только в его смерти, вот что худо: как бы, когда он умрет, Бюсси, этот страшный Бюсси, не бросился на других. Он всюду поспеет! Ах! Бедный мой Келюс! Бедный Шомберг! Бедный Можирон!

– Государь, – донесся из-за двери голос Крийона.

– Как! Уже?! – воскликнул король.

– Нет, государь, у меня нет никаких известий, кроме того, что герцог Анжуйский просит разрешения побеседовать с вашим величеством.

– А зачем? – спросил король через дверь.

– Он уверяет, что пришло время рассказать вашему величеству, какого рода услугу он вам оказал, и что его сообщение несколько успокоит волнение вашего величества.

– Хорошо, ступайте за ним, – ответил король. В ту минуту, когда Крийон уже повернулся, чтобы выполнить приказ, на лестнице послышались торопливые шаги и раздался голос, сказавший Крийону:

– Я хочу немедленно говорить с королем.

Король узнал этот голос и сам открыл дверь.

– Входи, Сен-Люк, входи, – сказал он. – Что еще случилось? Но что с тобой, господи Иисусе? Что произошло? Они мертвы?

Сен-Люк, бледный, без шляпы, без шпаги, весь в крови, почти вбежал в комнату.

– Государь, – вскричал он, бросаясь перед королем на колени, – отмщенья! Я пришел просить у вас отмщенья!

– Мой бедный Сен-Люк, – сказал король, – в чем же дело? Говори! Кто мог привести тебя в такое отчаяние?

– Государь, один из самых ваших благородных подданных, один из ваших храбрейших солдат... Он не смог продолжать.

– А? – откликнулся Крийон, полагавший, что эти титулы, особенно последний, могут относиться только к нему.

–..убит этой ночью, убит предательски, – закончил Сен-Люк.

Король, мысли которого были заняты только одним, успокоился. Это не мог быть никто из его четырех друзей, потому что он виделся с ними утром.

– Предательски убит этой ночью? – переспросил король. – О ком ты говоришь, Сен-Люк?

– Государь, я прекрасно знаю: вы его не любили, – продолжал Сен-Люк. – Но он был верен королю и, в случае необходимости, клянусь вам в этом, пролил бы за ваше величество свою кровь до последней капли. Иначе он не был бы моим другом.

– А-а! – протянул король, начиная понимать. И мгновенная вспышка, если не радости, то по меньшей мере надежды, озарила его лицо.

– Государь, отомстите за господина де Бюсси, – вскричал Сен-Люк, – отомстите!

– За господина де Бюсси? – переспросил король, делая ударение на каждом слове.

– Да, за господина де Бюсси, которого двадцать убийц закололи этой ночью. И

недаром их собралось двадцать, потому что он убил четырнадцать из них.

– Господин де Бюсси мертв...

– Да, государь.

– Значит, он не дерется сегодня утром? – невольно вырвалось у короля.

Сен-Люк бросил на Генриха взгляд, которого тот не смог выдержать. Отвернувшись, король увидел Крийона, все еще стоявшего у дверей в ожидании новых приказаний.

Он сделал ему знак привести герцога Анжуйского.

– Нет, государь, – продолжал тем временем Сен-Люк суровым голосом, – господин де Бюсси не дрался сегодня утром, поэтому я прошу вас не об отмщении, как я ошибочно сказал вашему величеству, но о правосудии. Ибо мне дорог мой король и в особенности честь моего короля, и я считаю, что, заколов господина де Бюсси, вашему величеству оказали весьма плохую услугу.

В дверях появился герцог Анжуйский. Он стоял на пороге, неподвижный, как бронзовая статуя.

Слова Сен-Люка открыли королю глаза. Они напомнили ему о той услуге, которой похвалялся брат.

Взгляд его встретился со взглядом герцога, и Генрих окончательно утвердился в своей мысли, ибо глаза герцога ответили ему «да», и одновременно он едва заметно кивнул королю головой.

– Знаете ли вы, что теперь скажут? – воскликнув Сен-Люк. – Если ваши друзья победят, скажут, что они победили только потому, что вы приказали убить Бюсси.

– И кто же это скажет, сударь? – спросил король.

– Смерть Христова! Да все, – воскликнул Крийон, по своему обыкновению бесцеремонно вмешиваясь в разговор.

– Нет, сударь, – ответил король, обеспокоенный и подавленный суждением того, кто теперь, когда Бюсси умер, был самым храбрым человеком в его королевстве, – нет, сударь, никто так не скажет, ибо вы назовете мне его убийцу.

Сен-Люк увидел, что на пол возле него упала чья-то тень.

Это вошел в комнату герцог Анжуйский. Молодой человек оглянулся и узнал его.

– Да, государь, я назову убийцу, – сказал он, поднимаясь с колен, – ибо я хочу любой ценой очистить ваше величество от обвинения в столь омерзительном поступке.

– Ну, говорите!

Герцог остановился и спокойно слушал. Крийон стоял за ним, недружелюбно на него поглядывая и укоризненно качая головой.

– Государь, – начал Сен-Люк, – этой ночью Бюсси заманили в западню: когда он пришел на свидание к женщине, которая любила его, муж, оповещенный предателем, явился домой с убийцами. Они были повсюду – на улице, во дворе, даже в саду.

Если бы все ставни в оружейной не были закрыты, о чем мы уже говорили, можно было бы заметить, как побледнел при этих последних словах принц, несмотря на все свое самообладание.

– Бюсси защищался, как лев, государь, но их было слишком много и...

– Он умер, – прервал король, – и смерть его заслужена, ибо я, разумеется, не стану мстить за прелюбодея.

– Государь, я еще не кончил мой рассказ, – возразил Сен-Люк. – После того, как несчастный около получаса дрался в комнате, после того, как он одержал победу над своими врагами, ему, израненному, окровавленному, изувеченному, почти удалось спастись. Надо было лишь протянуть ему руку помощи, я бы и сам сделал это, если бы его убийцы не схватили меня, вместе с женщиной, которую он вверил мне, если бы они не связали меня, не заткнули мне рот. На свою беду, они забыли лишить меня зрения, как лишили голоса, и я увидел, государь, я увидел, как к несчастному Бюсси, зацепившемуся бедром за острия железной решетки, подошли двое. Я слышал, как раненый попросил их о помощи, ибо он имел право считать этих двоих своими друзьями. Так вот, один из них..., государь, мне страшно об

этом говорить, но поверьте, еще страшнее было видеть и слышать..., один из них приказал застрелить его, а другой выполнил приказ.

Крийон стиснул кулаки и нахмурился.

– И вы узнали убийцу? – спросил король, взволнованный вопреки своему желанию.

– Да, – сказал Сен-Люк.

Он повернулся к принцу, показал на него пальцем и, вкладывая в свои слова всю так долго сдерживаемую ненависть, произнес:

– Это монсеньер. Убийца – это принц! Убийца – это Друг!

Король был подготовлен к удару, герцог встретив его не моргнув глазом.

– Да, – сказал он невозмутимо, – да, господин де Сен-Люк хорошо видел и хорошо слышал. Я приказал убить господина де Бюсси, и ваше величество будете мне за это признательны, ибо действительно господин де Бюсси был моим слугой, но этим утром, как я его ни отговаривал, господин де Бюсси собирался поднять оружие против вашего величества.

– Ты лжешь, убийца! Ты лжешь! – крикнул Сен-Люк. – Бюсси, исколотый шпагами, Бюсси, висящий на железных остриях, зацепившись бедром, этот Бюсси был годен только на то, чтобы внушить жалость самым своим злейшим врагам, и злейшие его враги помогли бы ему. Но ты, ты – убийца Ла Моля и Коконнаса, ты убил Бюсси, как убил одного за другим всех своих друзей. Ты убил Бюсси не потому, что он был врагом твоего брата, но потому, что он был поверенным твоих тайн. А! Монсоро – тот хорошо знал, почему ты затеял это преступление.

– Проклятие! – прошептал Крийон. – Зачем я не король!

– Меня оскорбляют в вашем присутствии, брат, – сказал герцог, побелев от ужаса, ибо конвульсивно сжавшаяся рука Крийона и налитые кровью глаза Сен-Люка не сулили ему безопасности.

– Уйдите, Крийон, – сказал король. Крийон вышел.

– Правосудия, государь, правосудия! – снова выкрикнул Сен-Люк.

– Государь, – сказал герцог, – накажите меня за то, что я спас сегодня утром друзей вашего величества и за то, что я обеспечил блестящую победу вашему делу, которое также и мое дело.

– А я, – продолжал, больше не владея собой, Сен-Люк, – я говорю тебе, что дело твое – проклятое дело и что на все, к чему ты ни прикоснешься, ты навлекаешь гнев господний. Государь, государь, ваш брат взял под свое покровительство наших друзей, горе им!

Король почувствовал, как дрожь ужаса прошла по его телу.

В это самое мгновение снаружи донесся глухой шум, поспешные шаги, торопливый разговор.

Потом наступила глубокая, мертвая тишина.

И среди этой тишины, словно само небо выразило свое согласие с Сен-Люком, три медленных, торжественных удара, нанесенных мощной рукой Крийона, сотрясли дверь.

Холодный пот заструился по вискам Генриха, черты его исказились.

– Побеждены! – вскричал он. – Мои бедные друзья побеждены!

– А что я вам говорил, государь? – воскликнул Сен-Люк.

Герцог в ужасе стиснул руки.

– Видишь, трус, – продолжал, вне себя от горя, молодой человек, – вот как убийцы спасают честь государей! Убей и меня тоже, я без шпаги!

И он швырнул свою шелковую перчатку в лицо герцога. – Франсуа издал крик ярости и побелел, как смерть.

Но король ничего не видел, ничего не слышал. Он уронил голову на руки.

– О! – прошептал он. – Бедные мои друзья, они побеждены..., быть может, тяжело ранены! Кто скажет мне правду?

– Я, государь, – раздался голос Шико. Король узнал этот дружеский голос и простер к нему руки.

- Ну? – сказал он.
- Двое уже мертвы, а третий вот-вот испустит дух.
- Кто этот третий?
- Келюс, государь.
- А где он?
- Во дворце Буасси, куда я приказал его перенести.

Король не стал слушать дальше и с горестными криками бросился вон из комнаты. Сен-Люк отводил Диану к ее подруге, Жанне де Бриссак, поэтому он и не сразу явился в Лувр.

Жанна три дня и три ночи ухаживала за несчастной женщиной, находившейся во власти жестокой горячки.

На четвертый день, изнемогая от усталости, Жанна отлучилась, чтобы немного отдохнуть. Но когда, два часа спустя, она вернулась в комнату подруги, Дианы там уже не было.

Известно, что Келюс – единственный из трех защитников дела короля, оставшийся в живых, несмотря на девятнадцать ранений, – умер в том самом дворце Буасси, куда приказал его перенести Шико, умер после тридцати дней борьбы со смертью и на руках у короля.

Генрих был безутешен.

Он заказал для своих друзей великолепные надгробия, на которых они были высечены из мрамора в натуральную величину.

Он учредил в их память особые мессы, велел священникам молиться за их души и добавил к обычным словам своей утренней и вечерней молитвы следующее двустипение, которое произносил до конца жизни:

*Праведный боже, прими в свое лоно
Келюса, Шомберга и Можирона.*

Около трех месяцев Крийон не спускал глаз с герцога Анжуйского, которого король возненавидел смертельной ненавистью и никогда не простил.

А потом наступил сентябрь, и в этом месяце Шико, не покидавший своего господина и, наверное, утешивший бы Генриха, если бы Генрих был способен утешиться, получил нижеследующее письмо, отправленное из Бомского аббатства.

Письмо было написано рукой писца.

«Любезный сеньор Шико!

В нашей стороне чудесный воздух, и в Бургундии в нынешнем году ожидается богатый урожай винограда. Говорят, что государь наш король, которому я, как мне кажется, спас жизнь, все еще очень печалится. Привезите его в аббатство, любезный господин Шико, мы угостим его вином 1550 года, которое я раскопал в моем погребе. С помощью этого вина можно забыть самые великие горести. Не сомневаюсь – оно развеселит короля, потому что я нашел в одной из священных книг такую замечательную фразу: «Доброе вино веселит сердце человека!» По-латыни это звучит великолепно, я дам вам прочесть. Итак, приезжайте, любезный господин Шико, приезжайте с королем, приезжайте с господином д'Эперноном, приезжайте с господином де Сен-Люком. Вот увидите, мы все тут наедемся и напьемся до отвала.

Преподобный приор Горанфло, ваш покорный слуга и друг.

Р. С. Скажите королю, что из-за хлопот, связанных с моим водворением здесь, у меня еще не было времени помолиться за души его друзей, как он просил, но лишь только будет закончен сбор винограда, я обязательно ими займусь».

– Аминь, – сказал Шико, – вход в царство небесное этим беднягам обеспечен.

